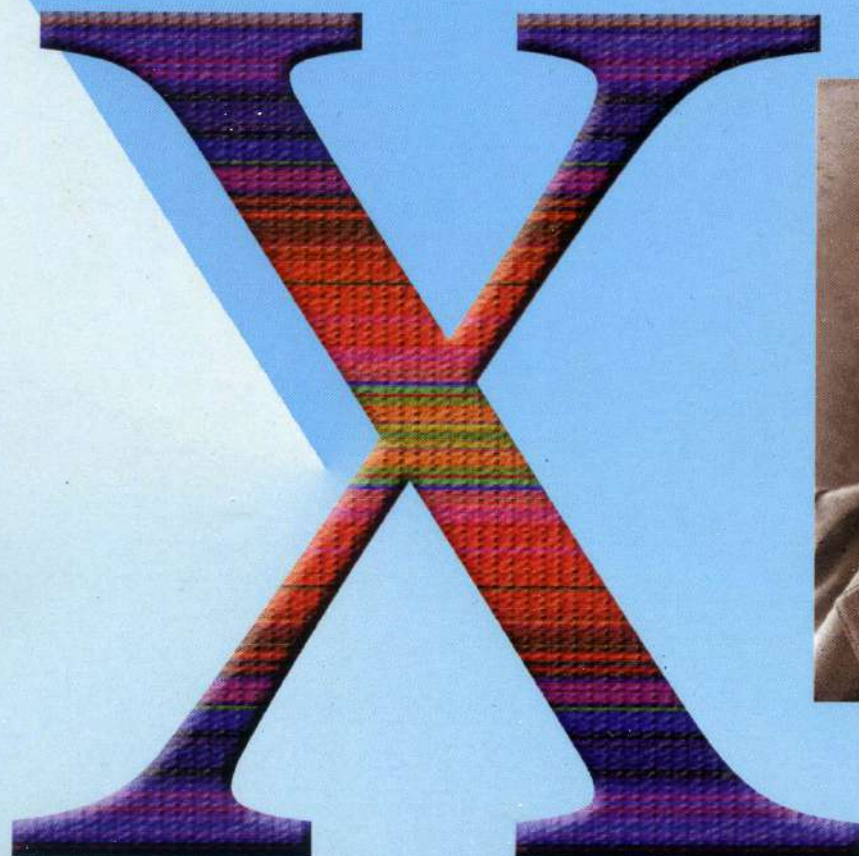

Министерство культуры Ставропольского края
Ставропольский государственный
историко-культурный и природно-ландшафтный
музей-заповедник
имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве

*К 170-летию
Григория
Николаевича
Прозрителева*

ДЕСЯТЫЕ ПРОЗРИТЕЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

материалы
межрегиональной
научно-практической
конференции
14–15 марта 2019 г.

---

*Министерство культуры Ставропольского края
Ставропольский государственный
историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник
имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве*

X

материалы
межрегиональной
научно-практической
конференции
14–15 марта 2019 г.

**ДЕСЯТЫЕ
ПРОЗРИТЕЛЕВСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

---

*К 170-летию
Григория Николаевича
Прозрителева*

Ставрополь, 2019

УДК 908

ББК 63.3 (2Р-4Ст)

Научное издание

Печатается по решению Ученого совета
Ставропольского государственного
историко-культурного и природно-
ландшафтного музея-заповедника
имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе

Прозрителевские чтения: Сборник материалов
межрегиональной научно-практической
конференции.

Выпуск 10 (научное издание). – Ставрополь: Бюро
новостей, 2019. – 302 с.

ISBN 978-5-6042070-6-2

Ответственный редактор – **Н.А. Охонько**

Общая редакция

и составление сборника – **Е.В. Карагодин**

Литературный редактор – **В.Н. Карагодина**

Дизайн, верстка – **С.Е. Майоров**

В сборнике отражены материалы по изучению исторического и
природного наследия региона, музейных коллекций, музееведения и
музейной педагогики.

УДК 908

ББК 63.3 (2Р-4Ст)

© Ставропольский государственный историко-
культурный и природно-ландшафтный
музей-заповедник

имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе, 2019 г.

© Авторы, 2019 г.

© Издательство «Бюро новостей» , 2019 г.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ,
ЭТНОГРАФИИ И МУЗЕЕВЕДЕНИЯ

Андрющенко Т.Н.	Из истории казачьих поселений: станицы Татарской и близлежащих хуторов	7
Ашихмина А.В.	Картотека владельцев личных библиотек губернского Ставрополя XIX-начала XX вв., как один из источников изучения истории и культуры региона	12
Бендюк О.Б.	Лев Николаевич Бюль. Музейщик и художник	18
Бисерова П., Горохова Г.С.	Памятное знакомство с Е.Л. Калининым, ветераном Великой Отечественной войны	22
Гальфингер Н.А., Ольховский В.В.	«Немецкий мост» у немецкого хутора в Ставрополе	35
Гуренко Е.Н.	Левокумчанки–зенитчицы 18 отдельного дивизиона ПВО	47
Гордылёва М.Ю.	Отражение событий Великой Российской революции и Гражданской войны на Ставрополье в собрании Ставропольского государственного музея-заповедника	54
Запорожцева О.А.	Развитие шелководческого дела на Северном Кавказе помещиком Алексеем Федоровичем Ребровым	59
Захаревич А.В.	«Атаман наш знает, кого выбирает ...» (Жизнь и подвиги забытого героя обороны станицы Воровсколесской 27 мая 1807 года, войскового старшины Войска Донского Ф.М. Персиянова 1-го (1753-1811))	65
Карагодин Е.В., Нафгалиева О.М.	«Последний гимназист» (памяти М.С. Коршунова)	74
Колбасников А.К.	Алексей Соколенко. Биографическое эссе	77
Колесникова М.Е.	Сохранение и популяризация историко-культурного наследия Старополя	91

Колоссовская Т.А.	О музейном направлении в деятельности Ивоенно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа	95
Колобова А.А.	«Квартирный вопрос» в Ставропольской губернии в 1917 году	101
Коркмазова З.А.	Становление и развитие массовых физкультурно-спортивных праздников в СССР	105
Масликова И.А.	Роль Картинной галереи пейзажей П.М. Гречишкина в формировании духовных ценностей ставропольской молодежи	114
Назарова И.М.	Памяти учителя, ученого и необыкновенного человека (к 100-летию со дня рождения В.П. Невской)	117
Новрузова Е.Л.	Распространенные промыслы Ставро- польской губернии и села Михайловского в конце XIX-начале XX века	124
Ольховский В.В.	К вопросу о периоде эксплуатации ставропольской «Туапсинки»	130
Охонько Н.А.	К вопросу о дате основания Ставро- польского края	139
Савенко С.Н.	Кавминводская проб-лематика на «Прозрителевских чтениях»	149
Сачук С.С.	Концепция музея-усадьбы художника- академиста В.И. Смирнова с мемориалом К.Л. Хетагурова	160
Состин Д.И.	Обзор периодической печати губернского Ставрополя за 1917 год, по материалам из фондов Государственного архива Ставропольского края	171
Стрелова А.В.	Федор Николаевич Долженко — краевед, архитектор, художник и музейщик	176

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ
И СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И ПРИРОДНОГО
НАСЛЕДИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Бурков С.Б., Брилёва О.А.	Археологические коллекции в частных и ведомственных музеях Чечни и Ингушетии	181
Кравцова С.Л.	Ещё один кинжал в археологической коллекции «Случайные находки»	190
Крыгина М.О.	Терракотовая подвеска – случайная находка из археологической коллекции музея	197
Проконова Т.В.	Значение прикладных исследований Б.П. Уварова в Ставропольской губернии начала XX века для развития представлений о популяционной динамике саранчовых (<i>Orthoptera</i> , <i>Acrididae</i>) (к 130-летию со дня рождения ученого)	200
Прокопенко Ю.А.	Две находки анонимных оболочек чекана боспора типа «голова Диониса — горит» на территории и в окрестностях Ставрополя	206
Швырёва А.К.	Ставрополь — город слонов	210

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ХРАНЕНИЯ, ИЗУЧЕНИЯ И
ПУБЛИКАЦИИ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

Барбанова Е. Г.	Турецкое знамя – трофей Первой Миро- вой войны (история одного исследования)	216
Волошенко Л. В.	Старые имена — новые факты (результаты исследо Коллекции искусства северной Европы в СКМИИ)	223
Бабенко В. Д.	К истории телевидения на Ставрополье (Телевизионная аппаратура в фондах музея-заповедника)	233

Бородина С. Н.	Феномен популярности «цыганского» романса в купеческой среде начала XX в. (по материалам коллекции грампластинок ставропольского купца А.Т. Иванова из фондов СГМЗ)	238
Гальфингер Н. А.	Ятаганы в фондах Ставропольского государственного музея-заповедника	243
Еремеева Н. Н.	Фронтовые письма Первой Мировой войны (из фондов Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе)	253
Ивашуга К. В.	Творческие одиссеи Павла Моисеевича Гречишкина как основа формирования уникальной коллекции живописи на Ставрополье	261
Кочнева Н. Р.	Камни с надписями и изображениями в минералогической коллекции Ставропольского государственного музея-заповедника	267
Лапшова Н. В.	Глиняные курительные трубки в коллекции керамики Ставропольского государственного музея-заповедника	272
Лысанская О. Л.	К истории ставропольской фабрики народно-художественных промыслов «Восход»	277
Макодзеба А. П.	Реликвии дворянского рода Пуциных в собрании Ставропольского государственного музея-заповедника	285
Чесняк М. Г.	Пишущие машинки в истории инклюзии, техники и дизайна (на примере коллекции Ставропольского государственного музея-заповедника)	290
Шипилова Д. Н.	Антикварная мороженица из коллекции Ставропольского государственного музея-заповедника	298

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ

ИСТОРИИ, ЭТНОГРАФИИ И МУЗЕЕВЕДЕНИЯ

Андрющенко Т.Н.,

*с. Татарка,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
заведующий филиалом
«Историко-краеведческий
музей села Татарка»*

Из истории казачьих поселений: станции Татарской и близлежащих хуторов

границах территории муниципального образования Татарский сельсовет Шпаковского района Ставропольского края, площадью 287 кв. км расположено 9 поселений. Численность населения в них на 1 января 2018 года составляла 8 630 человек. В этническом составе преобладают русские 85 % [1].

В прошлом - это казачьи поселения и укрепления в цепи Азово-Моздокской оборонительной линии, а также населенные пункты, появившиеся позднее: село Татарка (в настоящее время административный центр муниципального образования) – жилая станица, хутора Верхнегорлыкский и Новокавказский – казачьи хутора; хутор Извещательный – наблюдательный казачий пост; хутор Рынок – место торговли с горцами; хутор Грушевый – крестьянское поселение в долине с прекрасным мягким климатом и произрастающей там грушей-дичкой; хутор Польский – поселение, основанное ссыльными поляками в середине XIX века; хутор Садовый – место расселения колхозной бригады и хутор Темнореченский – образцовое советское поселение появившееся во времена руководства М.С. Горбачева [2].

В конце XVIII – начале XIX вв. граница Российского государства проходила по Азово-Моздокской оборонительной линии. В целях укрепления и защиты южных рубежей от нападения крымских татар и горских народов Кавказа требовались формы поселений,

представляющие собой полувоенные укрепления. Рядом с крепостями появлялись одноименные казачьи станицы, а через 25 – 30 верст от них воздвигались редуты. Между редутами находились кордоны и пикеты, где дежурило по 10-15 солдат или казаков. Пикет состоял из караульного помещения и сторожевой вышки, там одновременно могли находиться от 2 до 6 человек. В июне 1832 года вышел высочайший указ об объединении отдельных казачьих полков в единое Кавказское линейное казачье войско. Следующий указ от 2 декабря 1832 года значительно усиливал новое войско за счет причисления к нему 31 казенного селения Кавказской области [3]. Эти села получили статус станиц, а жители из крестьян становились линейными казаками. В мае 1833 году в состав 2-го Ставропольского полка вошла станица Николаевская (1055 душ мужского пола) Кубанского полка, расположенная на правом берегу Кубани (в настоящее время относится к Успенскому району Краснодарского края). В состав станицы входили «хутора Верхнегорлыкский и Новокавказский» [4]. В последующем 1834 году в состав полка вошло селение Татарское, имеющее 685 душ мужского пола и поставляющее на службу 60 казаков. Управление осуществлялось из станицы Николаевской, в которой располагался штаб. Общее количество казаков – 6773, удобной земли 169540 десятин и неудобной 48117 десятин [5].

Кубанский редут расположен на Недреманном хребте, вытянувшимся с северо-запада на юго-восток на 12-14 км в форме, напоминающей огромный меч. Высшая точка хребта – гора Недреманная – имеет абсолютную отметку 665 м. Во время Кавказской войны вплоть до 60-х гг. XIX столетия дозоры казаков стояли на плоской вершине хребта, сохранившей в своем названии первоначальную суть – нельзя было казакам на посту дремать. В названии хутора Извещательный отразилась обязанность сторожевых казачьих постов в случае опасности «извещать» (предупреждать) Ставропольскую крепость посредством костровой сигнальной системы о приближении отрядов воинственных горцев, которые вели ожесточенную борьбу с регулярными войсками царской России [6].

Переверзева Мария Ивановна, местная жительница, рассказала историю своего появления на хуторе: «Моя мама Ирина Ивановна Шатова в 1942 году привезла на тачке из Нальчика в хутор двух старших братьев и меня, малышку грудного возраста. Сначала мы поселились в Ставрополе, там работа была, а жилья не было. И вот маме кто-то подсказал, что в хуторе Извещательном в дорожную службу нужен работник, и для него имеется ведомственное жилье. Так мы переселились сюда. У мамы работа была тяжелая, она забивала камни в ямки на дороге. Поселок был красивый, весь утопал в

садах, бывших когда-то собственностью помещиков Дашевского, Нечаева и Ларкина. Еще в 50-е годы прошлого века вокруг было много фруктовых деревьев: яблони, груши, вишни, сливы, черешни... Тянулись сады вплоть до Темного леса. Принадлежал сад колхозу, ну и мы, местная детвора, постоянно наведывались в этот сад. Еще здесь была огородная бригада, молочно-товарная ферма и кошара. Сейчас, конечно, от всего этого здесь ничего не осталось. Молодежи практически нет, живут одни старики. За покупками хожу в местное кафе, которое стоит на трассе». Закусочная «Пирожковая» является своеобразной визитной карточкой Извещательного [2].

В военное время под горой Недреманной, на северо-западном склоне находилась территория переговоров, обмена и торговли между казаками и горца. На этом месте вырос хутор Рынок, где в настоящее время проживают переселенцы из Чечни и Дагестана и одна русская семья [2].

Село Татарка – одно из старейших сел на Ставрополье – расположено на южных склонах Ставропольской возвышенности, в трех километрах от Ставрополя. Свое название село получило, по мнению большинства исследователей края, от первых переселенцев, которые, не вникая в национальные различия местных жителей, всех называли «татарами». В 1794 году крестьяне села Надежда в количестве 400 человек самовольно расселились хуторами по берегам реки Татарки. Они построили хорошие, прочные дома, водяные мельницы, занялись хлебопашеством и разведением скота, посадили тутовые сады. Рядом проходила военная дорога из Георгиевска и Ставрополя к укреплениям, расположенным по реке Кубани [7]. Проезжавших военных местные жители обеспечивали хлебом и другим продовольствием. Прожив таким образом более 20 лет решили они получить свой земельный надел от села Надежды, чтобы не нести двойное отбывание повинностей. Со второй половины 1829 года отделили Татарские хутора, «расположенные в 15 верстах с 437 ревизскими душами» [8]. По хозяйственным спискам жителей Татарских хуторов, представленных в управление Кавказской области можно судить об их благосостоянии. В каждой семье проживало от 4 до 12 человек, держали хозяйство: от 2-х до 35 коров и от 5 до 40 голов овец. А в приусадебных садах росло от 20 до 150 фруктовых и тутовых деревьев [9].

Начальником Татарской станицы 2-го Ставропольского казачьего полка с 1834 по 1845 г. был хорунжий Иван Васильевич Иноземцев. Он «родился в 1821 году в семье хорунжего Хоперского полка. 19 октября 1848 года находился на сборах в станице Николаевской в отряде численностью 1500 казаков. Выступил в первых рядах против

неприятеля около станицы Сенгилеевской и разбил дозор, за что был награжден военным орденом Святого Георгия № 84250 и объявлен в приказе по Кавказскому корпусу. 3 февраля того же года на сборах отряда у станицы Владимирской на ходу въехал в движущуюся лаву неприятеля. 14 мая 1851 года воевал в отряде полковника Волкова. Был женат на казачьей дочери Инне Елистратовой. Дети: сын Кирилл (родился 14 июля 1852 года) и дочь Акулина. Семья православная. Родового поместья не было, а благоприобретенное имущество в станице Татарской: деревянный дом с пристройкой, два фруктовых сада и роща с дикорастущими деревьями» [10].

«14 февраля 1845 года начальником Татарской станицы 2-го Ставропольского казачьего полка был назначен сотник Лисицын Гаврила Семенович. Он родился в 1797 году в Ставропольской губернии, в дворянской семье унтер-офицера, православного вероисповедания, умел читать и писать. Начал службу казаком, 24 августа 1845 года произведен в урядники. 28 января 1838 года награжден военным орденом Святого Георгия № 12278. В мае 1833 года из Хоперского казачьего полка был переведен в Ставропольский полк. Участвовал в походах казаков против воинствующих горцев в 1831, 1835, 1836, 1842 гг. и чеченцев в 1845 году. Был женат на Безмолвной Александре Васильевне, дочери отставного войскового старшины. Их дети: в 1830 году родилась дочь Федосья, а в 1833 году – сын Влас. Родового поместья у Лисицына не было, а благоприобретенное имущество – деревянный дом в станице Татарской» [11]. Указом Александра II от 30 декабря 1869 года станица Татарская 3-й бригады Кубанского казачьего войска передавалась в Ставропольскую губернию и отходила к гражданскому ведомству.

В «Каталоге земель Кавказской губернии» по обозрению за 1819 год в Ставропольском уезде значилось: «гражданское селение Николаевское с 911 душами мужского пола, в распоряжении которой имеется земли удобной в пользовании 13515 десятин и неудобной 5628 десятин. Всего земли удобной и неудобной 19143 десятин. Основано в 1797 году на вершинах реки Большой Егорлык в семи верстах ниже станицы Темнолесской. Жители занимаются хлебопашеством и скотоводством». Хутор в 1833 году входил в состав станицы Николаевской Кубанского полка. После Гражданской войны (1918-1920 гг.) станица была преобразована в хутор Верхний Егорлык, который в 1929 году из Армавирского округа был переведен в Ставропольский район, а в 1956 году вошел в состав Татарского сельсовета [2].

Сердюкова (Шумакова) Лилия Петровна, жительница хутора Верхнеегорлыкский, рассказала свою историю: «Семья Шумаковых была

зажиточной, так как дедушка Егор Тимофеевич, считался одним из лучших портных в округе, шил казачью и военную одежду на заказ. Семья владела большим участком земли, мастерскими, имела большой хозяйский двор. Около дома располагался фруктовый сад. Да и сейчас в окрестностях хутора есть дедушкин Шумаков сад. Семья была многочисленной, обрабатывала земельные наделы, трудилась от рассвета до заката. В 1929 году, когда моему папе, Петру Егоровичу, исполнилось 7 лет, семью раскулачили: деда сослали в Новосибирскую область, а бабушка с детьми оказалась на улице, без крова над головой, без имущества. На Ставрополье в те годы был голод. Поскитавшись по соседям, она решила отправиться с детьми в Грузию в поисках лучшей жизни, потому что там, по рассказам людей, было тепло и сытно. Переход по горам через Крестовый перевал оказался тяжелым для моего отца, 7-летнего мальчика. Он часто при жизни вспоминал, как незнакомый человек, грузин по национальности, увидев его плачущего от голода и усталости, угостил сыром и свежим хлебом. Папа был участником Великой Отечественной войны и был уверен, что победили благодаря сплоченности, интернациональной дружбе советских людей. Через год, в 1930 году, был реабилитирован дедушка, который от односельчан узнал о переезде семьи и тоже отправился в Грузию. Таким образом, через год семья воссоединилась и стала жить и работать в знаменитом грузинском селе Мукузани, затем переехали в село Пшавела. В 1947 году папа женился на своей землячке из Ставропольского края Козликиной Евдокии Михайловне, с которой встретился в Грузии. Тоска по родине, по родному Ставрополью, где прошли детские годы Петра Егоровича, не ослабевала с годами. Неоднократно с семьей он приезжал в родной хутор к родителям жены. Умер он в 1980 году от сердечного приступа, прожив 58 лет вдали от своей родины. В 1993 году в связи с трагическими событиями в Грузии мы переехали на хутор. Дом, в котором когда-то жила семья Шумаковых, находился к тому времени в ведении сельсовета, а во дворе сохранилась хозяйственная постройка. Дом был построен из камня в начале XIX века, состоит из трех комнат, и называется квадратно-круглым. И начались долгие пять лет (1993-1997 гг.) судебных заседаний, здесь и пригодились сохранившиеся документы, подтверждавшие право семьи на собственность» [2]. Хутор Новокавказский расположен неподалеку от Верхнегорлыкского. Здесь одна улица Степная, состоящая из 11 домов, где живут переселенцы из соседних республик Чечни и Дагестана и единственная русская семья. Жители занимаются животноводством [2].

Использованная литература и источники:

1. «Родного края образ многоликий». Карта-путеводитель по Татарскому сельсовету Шпаковского района Ставропольского края. Издана в рамках реализации проекта «Лидерская сеть» – победителя Всероссийского конкурса «Культурная мозаика малых городов и сел» Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко. Историко-краеведческий музей села Татарка – филиал Ставропольского государственного музея-заповедника. 2018 г.
2. Сведения о численности постоянного сельского населения на 1 января 2018 г. по администрации муниципального образования Татарского сельсовета.
3. Край наш Ставрополье. Очерки истории. Ставрополь. – 1999.
4. ГАКК Ф. 574, Д. 4308, л. 1-5.
5. ГАСК Ф.1300, Оп.1, Д. 493.
6. Савенко С.Н., Данидлевич В.Г., Охонько Н.А. Концепция создания Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника. Ставрополь, 2005.
7. ГАСК Ф.87, Оп.1, Д. 720.
8. ГАСК Ф.79, Оп.1, Д.496, л.66.
9. ГАСК Ф.79, Оп.1, Д.496, л. 35-38.
10. ГАКК Ф. 359, Оп.1, Д.2.
11. ГАКК Ф.359, Оп.1, Д.2.
12. Результаты поисковой и научно-исследовательской работы, проведенной в рамках реализации музейного проекта «Лидерская сеть» – победителя Всероссийского конкурса «Культурная мозаика малых городов и сел» Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко 2017-2018 гг.

Ашихмина А.В.

*г.Ставрополь,
СКУНБ им. М.Ю.Лермонтова,
главный библиотекарь
отдела редкой книги*

Картотека владельцев личных библиотек губернского Ставрополя XIX-начала XX веков., как один из источников изучения истории и культуры региона

астоящее сообщение посвящается тому, чего уже нет. В своем комментарии к восьмому выпуску сборника статей «Книжное дело на Северном Кавказе» профессор А. И. Слущкий отмечает: «Большинства этих библиотек и собраний уже не существует. Как всякий социальный организм библиотеки

возникают и умирают» [1, с. 123,127]. И всё же неизменным остается тот факт, что фонды библиотек никогда не исчезают бесследно. Они становятся коллекциями или отдельными экземплярами в других библиотечных собраниях. Благодаря тому, что на печатных изданиях всегда сохраняются следы бытования, мы изучаем судьбы не только книг, но и судьбы их хранителей и читателей.

В отделе редкой книги создана картотека владельцев, в составе которой более 400 имён бывших владельцев частных и общественных библиотек, книжных магазинов и переплётных мастерских. Учитываются в ней любые знаки принадлежности: штампы и печати, экслибрисы, надписи, записи о покупке, просто подписи. А.И. Слуцкий, анализировавший дореволюционные фонды крупных северокавказских собраний, утверждает, что «...практически каждая библиотека обладает богатой коллекцией книг с печатями всего Дона и Северного Кавказа» (библиотеки статистических комитетов, обществ любителей древностей, любителей изучения края, ряда полковых библиотек). Автографы и книжные знаки ставропольчан (Г.Н. Прозрителева, И. В. Бентковского, Г. К. Пправе), кубанцев (Ф. А. Щербины, Е. Д. Фелицына, П. П. Короленко) можно встретить в собраниях Ростовской области, Краснодара, Ставрополя, Владикавказа, Майкопа [2, с. 62]. Списки членов статистических комитетов показывают, что место проживания исследователей не имело особого значения, так как они изучали историю Кавказа в целом. Активно дарили книги друг другу, отправляли по почте в статистические комитеты других городов. Ещё один путь перемещения книг – следование библиотек за владельцами к месту службы. Это относится к библиотекам как священнослужителей, прибывших на Кавказ для распространения христианства, так и военных, стоявших на защите Империи и перевозивших книги своих личных библиотек.

Сегодня все библиотеки Северного Кавказа планомерно ведут в своих фондах работу по регистрации дореволюционных книг с печатями. Что-то уже издано, что-то готовится к изданию, на каких-то материалах мы можем сделать исторический анализ региона. К примеру, уже упомянутый восьмой выпуск сборника «Книжное дело на Северном Кавказе» включает несколько дополняющих друг друга работ. Основную часть его составляют материалы к каталогу «Книжные знаки Дона и Северного Кавказа». Из 139 описанных в нём изображений печатей, книжных знаков и ярлыков более полутора десятков принадлежат ставропольским владельцам. Редчайшей среди них можно считать печать библиотеки под № 100 Ставропольского казачьего юнкерского училища [3, с. 14-15]. К сожалению, это пока единственная обнаруженная книга из знаменитой когда-то

библиотеки. Невольно приходит на память историческая параллель с библиотекой Ивана Грозного.

Картотека является незаменимым помощником сотрудникам и читателям библиотеки в подготовке каталогов, публикаций и статей о фонде.

В описаниях книг библиографического указателя, изданного к 150-летию библиотеки, помимо сведений о печатях, указывалось на пометы, записи о покупке, дарении, других передвижениях экземпляров. Так, например, «Пращица духовная» (1752 г.) находилась поочерёдно у нескольких военных лиц. Отправлена была в г. Майкоп запасному старшему фейерверкеру Терентию Ивановичу Касилову. На последнем листе «Пращицы...» имеется «Каталог книгам, принадлежащим...» этому владельцу [4, с. 48-55].

Последний раздел библиографического указателя называется «Книги с автографами и дарственными надписями» [5]. Записи в нём состоят из трёх частей: краткое описание книги, текст автографа и справки о дарителе или адресате. Здесь мы встречаем множество знакомых фамилий краеведов, историков, обнаруживаем обозначение должностей и званий владельцев на книжных печатях и в надписях: присяжный поверенный Григорий Николаевич Прозрителев; генерал от кавалерии Н.С. Завадовский; предводитель дворянства Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей генерал-лейтенант И.Д. Попко. В помощь читателю – справочный аппарат, содержащий именной указатель.

Для работы над статьями в самых различных областях знаний, неоднократно обращаемся и обращаем внимание специалистов к нашей картотеке. Справки о личностях часто находим в многолетнем продолжающемся труде С.И. Несмачной «История Кавказа в лицах» [6]. Автор, предваряя свой труд, отмечала, что он не претендует на исчерпывающую полноту, поэтому находки, например, дарственных надписей, зачастую помогают глубже раскрыть тему научных или общественных интересов, взаимоотношений владельцев книг. Исследователь Ставрополя А.М.Чернов-Казинский был просто потрясён, узнав, что сборник «Статистика» содержит надпись: «Дорогому учителю Ивану Поликарповичу Кувшинскому от автора и ученика на добрую память. Ф. А. Щербина. Екатеринодар, 28 августа 1919 года». Автор статьи с изумлением констатирует: «Выходит, что выдающийся российский экономист, земский статистик, основатель российской бюджетной статистики, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук (1904) Федор Андреевич Щербина считал себя учеником Кувшинского!» [7, с. 387]. О Кувшинском впоследствии сам Анатолий Михайлович тепло писал в своем труде

[8].

В фонде отдела редкой книги имеется не один десяток книг, в том числе и кирилловской печати, со штампом «Симеон Иаковлевич Никольский». Штампы указывают на духовные чины и звания о. Симеона: священник, иерей, затем – протоиерей кандидат богословия. Географические координаты: «г. Ставрополь, Ставропольский епархиальный миссионер». Ставропольская биография отца Симеона прослеживается, в основном, по изданиям его книг и публикациям статей в газете «Ставропольские епархиальные ведомости». Хранится подшивка единичных экземпляров газеты «Владимирские губернские ведомости» за несколько лет. Предположительно, газеты принадлежали о. Симеону, во многих из них имеются его статьи, да и службу свою он начинал именно во Владимирской губернии. Устанавливать его дату рождения также пришлось по статьям, поскольку в послужном списке [9, с. 229-235] таковой не оказалось, и первое биографическое сообщение, после того что он – сын священника, относится к 1866 году – году окончания им Владимирской духовной семинарии. «Миссионерские известия» от 15 февраля 1915 года сообщают о совершённой им в этот день службе в Спасском соборе Пятигорска (в то время Терской области). Итак, точная дата рождения Семёна Яковлевича Никольского – 25 января (7 февраля) 1845 года [10, с. 384].

Доказан факт, что в некоторых населённых пунктах единственным обладателем книг являлись священнослужители. Благодаря наличию картотеки, мы располагаем многими фамилиями. Это и первый епископ Кавказской (Ставропольской) епархии – Иеремия, и Епископ Агафодор (Преображенский), и уже упомянутый Симеон Никольский. О священниках Иване Орловском и Илие Ертове пока сведений нет. Именно «пока», потому что находки возможны всегда. Так, в картотеке числился штамп священника Павла Ивановича Максименко. В статье Л.С. Финогиной [11, с. 191] находим ссылку на «Ставропольские епархиальные ведомости» 1891 года. Помимо прочих сведений там сообщалось, что были высланы 309 книг и брошюр, в с. Удельное, священнику Павлу Максименко. Дальнейшее – простой поиск. Сегодня это село Томузловское, Будённовского района. Приоткрыта еще одна страница истории «библиотекарей духовного звания».

Согласно картотеке, многочисленными владельцами книг являлись военные, служившие на Кавказе. Помимо полковых библиотек, из которых нам известны «Библиотека военного собрания 83-го Пехотного Самурского полка» и «Библиотека Ширванского 84-го Его Императорского Величества полка», у служивых людей были

отдельные экземпляры и личные библиотеки. Самой необычной из найденных является библиотека И.Д. Попко. Выдающимся трудом в направлении её поисков стала реконструкция каталога И.Д. Попко, проведённая краснодарскими исследователями И. В. Дубининым и И. Г. Иванцовым. Отдел редкой книги Ставропольской краевой библиотеки принял участие в проекте, предоставив для публикации 56 найденных на тот момент изданий из фонда. Выявлены прямые и косвенные поисковые признаки книг библиотеки Ивана Диомидовича [12, с. 39]. После выхода в 2017 году краснодарского издания, в этом же году Ставропольской библиотекой был выпущен каталог, в который вошло 96 названий из библиотеки И.Д. Попко [13, с. 312], о чём было сообщено на XX Фелицынских чтениях. Количество найденных изданий продолжает расти.

Своя история открытия была у книг с загадочной аббревиатурой на титульных листах. Инициалы состояли из церковнославянской «Фиты» и буквы «Г», но графика их походила на немецкий шрифт. И только случайно обнаруженный словарь с суперэкслибрисом «Федора Гоппе» на корешке пролил свет на это собрание. Принадлежало оно полковнику, коменданту Ставропольской крепости Фёдору Ивановичу Гоппе [14, с. 163]. Пока неизвестно, где служили гардемарин Броницкий, казаки Семён Васильевич Гелюх и Иван Шаталов. Находки только подтверждают вывод о разных чинах военных, имевших библиотеки.

Социальный состав владельцев личных библиотек также был неоднородным. Библиотеку имел губернатор Б. М. Янушевич. Обладали своими специальными книгами врачи. Несколько экземпляров принадлежали семье Шульц, имели свою печать врачи М.П. Кемпистый, Е.И. Крист. Существовали библиотеки в семьях предпринимателей, купцов, владельцев магазинов: Алафузовых, Меснянкиных, Траубе, Микеладзе.

Известные общественные деятели, члены научных организаций и союзов имели книжные собрания. Крупнейшая из библиотек, позднее переданная в распоряжение музея, принадлежала Г.К. Праве. Насчитывалось в ней 16 000 томов. Библиотека довольно быстро росла, пополняясь пожертвованиями отдельных лиц и учреждений. Среди них архивы называют брата Г. К. Праве – К. К. Праве – 1200 томов; горожанок О. Н. Горошко и Понятовскую – 1000 томов ценных старинных изданий; Ставропольское общество врачей – 2800 томов медицинской литературы. Менее крупными, но зачастую очень ценными были пожертвования со стороны частных лиц: семьи Евсеевых, П. И. Нагорного, В. Ю. Гроссмана, И. П. и В. И. Кувшинских, Н. Н. Богданова-Катькова, А. А. Эргарта, Н. Я. Яценко,

Б. Филистинского, В. Гниловского.

Владельцами библиотек были юристы, преподаватели гимназий, музейные работники. Словом, интеллигенция Ставрополя. Почти все книги впоследствии оказались в фонде краеведческого музея и краевой библиотеки. Свои библиотеки, о чём свидетельствуют печати, ярлыки, книжные знаки, имели И.В. Бентковский, Н.Я. Динник, К.А. Запасник, И.П. Кувшинский, В.Н. Лучник, Г.К. Праве, Г.Н. Прозрителев, А.С. Собриевский.

Уникальными для исследователей могут стать издания, поднесённые в дар. Так, «Русский календарь» А. Суворина на 1888 г. [15, с. 202,250] содержит сразу две находки. Первая: сделанная каллиграфическим почерком запись: «Дорогому брату Жоре от любящего его брата Константина Праве, на память». Дата 1 января 1888 года предполагает, что новенький календарь был поднесён в праздничный (неприсутственный) день. Вторая находка: запись, сделанная на обороте титульного листа, содержит список адресатов, среди которых шесть человек с фамилией Праве. Сам по себе список может представлять исследовательский интерес, ведь адресаты жили по всей Российской империи, от Бешпагира и Баку до Тифлиса и Санкт-Петербурга.

Такие вот открытия и находки в помощь специалистам изучающим историю и культуру Ставрополя случаются в жизни музейщиков и библиотекарей, кропотливо исследующих свои фонды в процессе ежедневной работы.

Использованная литература и источники:

1. Книжное дело на Северном Кавказе: экслибрисы и штампы в фондах публичных и ведомственных библиотек: Сборник статей. Вып. 8. Краснодар, 2011.
2. Книжные знаки Дона и Северного Кавказа (до 1917 года) в фондах Донской государственной публичной библиотеки: материалы к каталогу / Сост Н. К. Аистова, Н. В. Первунина (Ростов-на-Дону) // Книжное дело на Северном Кавказе. Вып. 8. Краснодар, 2011.
3. Памятники книжной культуры: библиогр. указ. изд., хранящихся в отделе редкой книги / сост. Авдеева и др. Ставрополь, 2002.
4. Там же.
5. Несмачная С. И. История Кавказа в лицах: биограф. сл. Ставрополь, 2005-2017. Т. 1-27.
6. Чернов-Казинский А.М. Иван Кувшинский: историческая личность для Ставрополя // Ставропольская правда, 26.08.2011.
7. Чернов-Казинский А.М. Пройдемся по Барятинской, свернем на Европейскую...

- : (по старым улицам Ставрополя). Ставрополь, 2015.
8. Послужной список Ставропольского Епархиального Миссионера Протоиерея Симеона Никольского // ГАСК. Ф.135. Оп. 65. Д. 548.
  9. Ашихмина А.В. Симеон Никольский—просветитель, миссионер, библиограф (160 лет со дня рождения) // Запад-Россия-Кавказ: науч.- теорет. альманах. Ставрополь-ПГЛУ, 2005.
  10. Финогина Л.С. Роль духовенства в формировании книжной культуры Кавказской (Ставропольской) епархии (XIX –начало XXв.) // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Сб. статей, Вып. 3. Краснодар, 2005.
  11. Материалы к библиографической реконструкции каталога личной библиотеки Ивана Диомидовича Попко / сост. И.В. Дубинин, И.Г. Иванцов; Книги из библиотеки И.Д. Попко в фонде СКУНБ им. М.Ю. Лермонтова / сост. Н.Н. Авдеева, А.В. Ашихмина. Краснодар, 2017.
  12. Издания из личной библиотеки военного историка, генерал-лейтенанта И.Д. Попко в фонде Ставропольской краевой универсальной научной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова: каталог/ ГБУК «СКУНБ им. Лермонтова»; сост. Н.Н. Авдеева, А.В. Ашихмина Т.А. Примакова. Ставрополь, 2017.
  13. Ашихмина А.В. Е.Д. Фелицын и И.Д. Попко: судьбы историков — судьбы библиотек // «Фелицынские чтения XX». Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Краснодар, 2018.
  14. Несмачная С. И. Там же. Т. IV.
  15. Русский календарь А. Суворина на 1888 г. СПб., Тип. А. С. Суворина.

Бисерова Полина

г. Изобильный,

ученица 10 класса МБОУ «СОШ №19»;

Руководитель: Горохова Г.С.

учитель истории МБОУ «СОШ №19»

Памятное знакомство с Е.Л. Калининым, ветераном Великой Отечественной войны

удьбародной земли складывалась и складывается из отдельных судеб. Поэтому в судьбе одного человека, как в зеркале, может найти отражение судьба страны. Жизнь отдельного человека на войне — это страница общей великой истории.

Интересен жизненный и боевой путь каждого солдата, но мне удалось познакомиться с ветераном войны Евгением Леонидовичем

Калининым, которому в этом году исполняется 96 лет. Во время общения с ним и родилась мысль о написании данной статьи.

Евгений Леонидович Калинин родился 20 декабря 1922 года в г. Мураши Кировской области. В сентябре 1940 года, после окончания школы, Евгений Леонидович был призван в Красную Армию. Направили его служить в Латвию. Великая Отечественная война застала Евгения Леонидовича в г. Рига, где он находился на срочной службе. Его полк начал отступать из Риги 29 июня 1941 года и, продвигаясь через Даугавпилс и Псков, дошел до Новгорода. В дальнейшем, находясь уже в 53-й армии, он участвовал в боевых действиях в районе города Старая Русса Северо-Западного фронта. Евгений Леонидович вспоминает: «Многие из полка погибли или попали в плен. С боями мы отступали до Пскова, затем до Новгорода и остановились у Старой Руссы. Действия нашего Северо-Западного фронта были по сравнению с другими фронтами более благоприятными»[1]. В это время Е.Л. Калинин был старшим радистом РСБ (радиостанция скоростного бомбардировщика в наземном варианте), а было ему всего 19 лет.

В конце 1941 года, в составе I-го Гвардейского стрелкового корпуса 53-й армии, Евгений Леонидович участвовал в окружении 16-й немецкой армии генерала Буша. Это были очень тяжелые зимние бои на заснеженной пересеченной местности. По воспоминаниям Калинина: «Наши потери были весьма значительны. Но впервые немецкая армия была окружена. К сожалению, из-за сильной весенней распутицы немцам удалось прорвать кольцо окружения. Это было первое тяжелое испытание на фронте, которое мне пришлось пережить». [1]

В июле 1943 года в Москве стала формироваться 5-я Гвардейская танковая армия. Одним из ее соединений был 29-й танковый корпус, куда направили Е.Л. Калинина для прохождения дальнейшей службы, и с которым он прошел долгий боевой путь вплоть до Победы. Армией командовал генерал-лейтенант танковых войск П.А. Ротмистров. Командиром 29-го танкового корпуса был генерал И.Ф. Кириченко. Пятая танковая армия начала боевые действия 12 июля 1943 года под Прохоровкой на Курской дуге. Курская битва стала решающим событием коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. По замыслу командующего армией, 29-й танковый корпус должен был наносить удар по противнику, наступая в первом эшелоне армии вдоль железной дороги. Евгений Леонидович вспоминает: «Наблюдательный пункт нашего 29-го танкового корпуса располагался с таким расчетом, чтобы иметь возможность видеть поле боя в полосе наступления корпуса. Блиндаж

командира корпуса находился на невысоком холме юго-западнее Прохоровки, в саду. Оттуда открывался широкий вид на юго-запад, туда, где затаились войска противника. Над замаскированным бруствером торчал антенный штырь моей радиостанции». [1]

12 июля 1943 года в 8:30, после пятнадцатиминутного артиллерийского удара, по радио раздался условный сигнал генерала П.А. Ротмистрова с приказом начать атаку. Ветеран вспоминает: «Вышли из укрытий и устремились вперед наши тридцатьчетверки. Они маневрировали между бесчисленных воронок, скрываясь в горящих хлебах, и все больше набирали скорость. Из-за пыли и дыма, поднимавшейся над полем боя, все труднее удавалось разглядеть, что там происходит. Первый эшелон наших танков на полном ходу врезался в боевые порядки немецких танков. Поэтому вскоре управление в его передовых частях и подразделениях было нарушено. Наши танкисты несли большие потери, о чем командиры танковых бригад докладывали по моей радиостанции генералу И.Ф. Кириченко. Над наблюдательным пунктом командира корпуса все чаще стал раздаваться свист пролетающих немецких снарядов. Хваленые немецкие танки «Тигры» и «Пантеры», лишённые в ближнем бою преимущества, успешно расстреливались с коротких дистанций нашими «Т-34». [1]

Невиданное доселе встречное танковое сражение отличалось необыкновенным упорством танкистов с обеих сторон. Евгений Леонидович говорит, что: «Израсходовав боеприпасы, наши танкисты нередко шли на таран. Раненые не покидали поле боя. Экипажи, вынужденные покинуть выведенные из строя машины, продолжали самоотверженно драться с ненавистным врагом в пешем строю. Подчас трудно было разобраться – где свои, где немцы». [2, с. 32] Со всех сторон гремели выстрелы, рвались бомбы и артиллерийские снаряды. Горели подбитые немецкие и советские танки, испуская в небо клубы черного дыма. Наступил мрак. От пыли и дыма, поднявшимся над Прохоровским полем в тот яркий солнечный день солнце казалось бледным медным пяточком. Сражение длилось до позднего вечера.

С рассветом танковый корпус вновь начал активные боевые действия, перейдя в наступление вдоль железной дороги, и продвинулся на 30 км. В ходе ожесточенных танковых боев под Прохоровкой немцы, по некоторым данным потеряли около 400 танков и более 10 тыс. человек убитыми. По мнению многих историков, это было величайшее танковое сражение в истории войны, в котором одновременно участвовало с обеих сторон около 1500 танков и самоходных орудий. [3, С. 57]

23 августа 1943 является Днём воинской славы России - Днём разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Курской битве.

Евгений Леонидович с гордостью говорит, что боевые заслуги 29-го танкового корпуса довольно значительны: с июля 1943 года по май 1945 года корпус прошел свыше 7 000 км., из них более 3 000 км. с боями. Личному составу 29-го танкового корпуса было объявлено 17 благодарностей Верховного главнокомандующего. Москва салютовала советским танкистам 11 раз.[1] Наш ветеран гордится тем, что в рядах этого корпуса довелось сражаться и ему. Годиться тем, что ему и его боевым товарищам удалось добить фашистов в их логове, освободить родную землю и народы Европы от фашистской чумы.

Родина отметила заслуги своих героев. Евгений Леонидович Калинин закончил войну в звании старшины, радистом 1 класса и был награжден: орденом «Отечественной войны II степени», двумя орденами «Красной Звезды», двумя медалями «За боевые заслуги», медалью «За взятие Кенигсберга» и еще восемнадцатью наградами. [4]

Война заставила Евгения Леонидовича рано повзрослеть, закалила, развила в нем жажду жизни. Он, как и миллионы советских людей, отстоявших независимость нашей Родины, прошел невероятные испытания но не ожесточился, не озлобился, а продолжил жить и строить мирную жизнь.

В июле 1946 года Е.Л. Калинин был зачислен слушателем на первый курс Военного института иностранных языков. В течение 5 лет изучал персидский и английский языки. После окончания института был направлен на службу в Тбилиси, в разведывательное управление Закавказского военного округа. В Тбилиси он познакомился со своей будущей женой. У них с Назли Мамедовной родились две дочери, Ирина и Маргарита. [4]

С 1963 по 1974 гг. Евгений Леонидович преподавал на военной кафедре Тбилисского государственного университета персидский язык и спецпредметы.

С 1976 по 1979 гг. полковник Калинин работал в Иране переводчиком с персидского языка на строительстве железной дороги. По возвращению из этой командировки написал книгу «Исламская революция 1979 года в Иране», подготовил «Учебное пособие по военному переводу (английский и персидский языки)».

Евгений Леонидович, начиная с 9 мая 1975 года, ежегодно встречался однополчанами в Москве. [4] Они вспоминали былое и возлагали цветы к Могиле Неизвестного Солдата, преклоняясь перед

памятью боевых товарищей, отдавших свою жизнь за свободу и независимость нашей Родины. После распада СССР ветеран с семьей переехал из Грузии в город Изобильный Ставропольского края, где и проживает в настоящее время.

В мирное время наш ветеран выбрал профессию военного переводчика, чтобы и дальше служить своей Родине и защищать ее. Евгений Леонидович продолжает оставаться «в строю» и сейчас. Принимает участие в воспитании подрастающего поколения, встречается с молодежью нашего города, часто бывает в МБОУ «СОШ № 19».

Время неумолимо. С каждым годом всё дальше от нас события Великой Отечественной войны, а День Победы становится все более грустным праздником. Уходят ветераны, участники исторических событий, а с ними и живая память о них. Все меньше и меньше остается живых свидетелей той великой и трагической эпохи.

Мы, подрастающее юное поколение, должны знать и помнить тех, кто ценой жизни, ценой здоровья совершил подвиг - победил фашистских захватчиков.

Использованная литература и источники

1. Воспоминания Е.Л. Калинин
2. Греджев В.А. Саксонов О. В. Курская битва: хроника, факты, люди. Изд
3. «ОЛМА-ПРЕСС», 2003 г
4. Букейханов П.Е. Курская битва: планирование и подготовка опера
5. «Цитадель».Изд. «Центрполиграф», 2012 г.
6. Фотоархив ветерана Е.Л. Калинина

Бендюк О.Б.,

*г. Ставрополь,
Ставропольский краевой музей
изобразительных искусств,
искусствовед*

**Лев Николаевич Бюль.
Музейщик и художник**

Льве Николаевиче Бюлле (1924–2018), художнике-реставраторе, 61 год (с 1954 по 2015) проработавшим в Ставропольском государственном историко-культурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве вышло немало статей в местной

Лев Николаевич Бюль (1924–2018)

прессе, что неудивительно. Личность Льва Николаевича, его биография, судьба, долгий профессиональный путь, не просто интересны. С одной стороны его история, можно сказать, «типична» для его поколения: происхождение стало причиной репрессий, воспитание позволило выжить; с другой стороны, конечно, каждый такой случай абсолютно индивидуален и уникален: в нем нет мелочей, которые можно забыть, нет прозы, но нет и патетики; просто «такие были времена...», как пелось в детской песенке на стихи Ю. Мориц. Лев Николаевич повторил путь многих наших соотечественников, и, тем более, этнических немцев, проживавших в СССР. И все-таки его случай особенный. Особенный для его семьи, близких, друзей и коллег по работе, вообще для всех тех, кому хотя бы раз в жизни довелось встретиться с этим высоким, до последних дней статным человеком, немного смущающим своим старомодным благородством в облике и поведении, в манере общения и поступках.

Истории его долгой жизни хватило бы на целое исследование. Не говоря уже о тех легендах и версиях, которые бытуют в его семье о том, откуда берет начало обрусевший немецкий род Бюллерей. Отец Льва Николаевича – Николай Федорович (Фридрихович) Бюль (1881–1937) из прибалтийских немцев. Получил техническое (Рижский политехнический институт) и художественное (Императорское Строгановское Центральное художественно-промышленное

училище) образование, что не было редкостью для того времени. Среди его предков, начиная с XVII века, плавно перемещавшихся из Италии во Францию, в Германию и Пруссию (где окончательно получили свою «немецкую» фамилию), были мастеровые люди, имевшие отношение к художественным ремеслам. В конце концов, к началу XIX века кто-то из них осел в Ревеле (название Таллинна до 1919 года; тогда часть Российской империи), откуда представители этого рода перебрались уже в Санкт-Петербург и Москву; породнившись здесь с дворянскими и купеческими династиями. Из рода Бюллер выйдут целая плеяда представителей творческой интеллигенции: художников, музыкантов. По материнской линии (Людмила Федоровна Бюллер (1879–1963), в девичестве Андропова; окончила классическую гимназию) в роду были купцы, техническая интеллигенция, служащие на крупных промышленных предприятиях.

Если к этому прибавить обязательное домашнее образование, классические гимназии, университеты, можно понять, что все предки Льва Николаевича из XIX века были гуманитарно-образованными людьми: чувствовали музыку, владели языками, не чужды были литературным и художественно-изобразительным интересам.

Как правило, семьи в роду были многодетными. Семья Николая и Людмилы Бюллер с тремя детьми (две старшие девочки и родившийся в год смерти Ленина Лёвушка) проживала в Москве. Лев Николаевич, обучавшийся в советской школе (надо полагать, что «советские» преподаватели того времени получили прекрасное дореволюционное образование), несомненно, пропитанной коммунистической и атеистической идеологией, параллельно получал образование и воспитание дома. В силу своей наследственности, он просто не мог, не имел права не проявлять определенных способностей: иметь врожденный такт и художественный вкус, быть мастером на все руки, говорить хорошим слогом и рифмовать слова, превращая их в поэзию, рисовать.

Именно на рисовании, на живописных и графических работах Льва Николаевича, хочется остановиться подробнее. Неизвестно, какие способности были у него в детстве. Несомненно, он видел работы отца. Наверное, как все дети рисовал. Но, если в 1941 году поступил во Всесоюзный Дом народного творчества имени Н.К. Крупской Комитета по делам искусств при Наркомпросе СССР, видимо, представлял себя в творчестве, а может и серьезно задумывался о профессии художника. Но не успел закончить ни десятилетку, ни секцию изобразительного искусства. К 1941 году только-только приступил к карандашным студиям с гипсовых антиков: листы аканта и волюты; орнаменты и растения. В этих

рисунках уже видна точность руки, характерная, как в ботанических атласах, тщательность отрисовок.

Началась война, и юноша был мобилизован в молодежный взвод пожарников по тушению зажигательных бомб. В 1942 году немцы отступили от Москвы, и пожарные взводы были расформированы. Льву Николаевичу исполнилось 18 лет и его призвали в армию. Но прямо с призывного пункта отправили на Лубянку – подвела немецкая фамилия. Далее был суд и приговор – 10 лет лагерей: подмосковное Голицыно, Смоленск, Барнаул, Соликамск, Ныроблаг. «Еще в 37-ом, видя повальные аресты, отец, будучи уже тяжело больным, боясь за судьбу детей, уничтожил документы, уже тогда немецкое происхождение было преступлением. Но это только на год отсрочило мою свободу: с 41-го года меня таскали по кабинетам НКГБ (*образован 3 февраля 1941 – Народный комитет государственной безопасности СССР; с 20 июля 1941 объединен с НКВД – Народный комиссариат внутренних дел СССР; возрожден в 1943; с 1946 – МГБ – Министерство государственной безопасности СССР*), спрашивали: «Отец – немец?» (*из автобиографии*).

В лагерной жизнигодились все его врожденно-домашние умения: рисовать, рифмовать, мастерить руками. «В 1937 году в Москве были повальные аресты. Приходили и к нам, производили обыск, но отца эта участь миновала. В то время он был в больнице с тяжелой формой туберкулеза, где в тот же год он умер. Мы с матерью остались одни. Пенсию нам определили в 42 рубля. Жить было тяжело, мне приходилось подрабатывать: кому починить примус, керосинку, кому сделать кипяtilьник, кому наколоть дров» (*из автобиографии*). Творчество спасало морально и физически: что-то «сочинить», написать красиво, грамотно и душевно, а если еще добавить к написанному тексту рисунок – получались настоящие открытки-послания. Как оказалось, прекрасному не чужды были и надзиратели. На случайных, редких листках огрызком карандаша писал стихи и рисовал: «Несмотря на тяжелые условия лагерной жизни, тяга к творчеству не угасала, я рисовал и писал стихи... Много знаний почерпнул от политических заключенных, среди них были широко образованные, талантливые люди» (*из автобиографии*).

Визобразительном творчестве сложилось два самостоятельных направления. Одно из них, можно сказать, официальное, – поздравительные «открытки», часто со стихами. Они выполнены в духе тех поздравительных открытых писем, что делались до революции, и могли храниться в доме Бюллей (после революции выпуск открыток прекратился, хотя благодаря значительным тиражам и семейным запасам, они еще долгое время имели хождение

уже в СССР; по некоторым данным пасхальные и рождественские открытки начала XX века прошли почти в 1920-е и 1930-е годы, а в одной из частных московских коллекций хранится открытка с пасхальным сюжетом знаменитой в этом жанре художницы Е.М. Бём 1900-х годов, прошедшая почти в 1942 году, хотя на ней текст поздравления с Октябрьской революцией).

От открыток Льва Николаевича веет теплом и домашним уютom, тем патриархальным миром, который был безвозвратно разрушен, но остатки которого бережно сохранялись в семейных фотоальбомах, случайно засушенных цветках среди пожелтевших страниц. Из очередного пункта своего пребывания (датированы 1945, 1947–1949, 1951) он отсылал домой письма с рисунками, и рисованные акварелью и тушью открытки. Среди них есть удивительные поздравления к Пасхе: цыпленок, выбравшийся из яичной скорлупы, удивленно смотрит на склонившегося к нему красавца-петуха; яйцо в лентах, напоминающее работы Фаберже; и поздравительные открытки к Рождеству: летящие дети-ангелы (амуры) и новогодний шар-луна в открытке «Мой тост выше всех!». В этих работах прослеживается влияние не русской открытки, а имевшей широкое распространение в дореволюционной России массовой европейской открытки, где вместо привычных сельских и городских сцен, крестьянских детей, сюжетов из боярского и дворянского быта XVIII века, присутствовали образы не совсем соответствовавшие православному мышлению, но привлекательные в изображении, наделенные человеческими эмоциями: забавные, по-детски милые щенки и котята, сценки, посвященные жизни кроличьих и куриных семей. Как и принято было в классическом открыточном искусстве, изображение сопровождается поздравительной надписью, выполненной затейливой русской вязью: «Христос Воскресе!», «С праздником Пасхи!».

Сохранилось несколько акварельных открыток с изображением анютиных глазок, свободно располагающихся на условном фоне. И здесь манера изображения уже иная: цветы без особой стилизации, очень точно переданы в пропорциях, рисунке форм лепестков, даны в разных ракурсах, словно очень важно рассмотреть строение цветка со всех сторон, как это принято для рисунка учебных пособий и научных изданий.

Есть и самостоятельные станковые акварели: как фантазийная композиция с поэтическим образом «Элегия зимы» (1951) и иллюстрация к детской сказке «Две сестры и гном» (1948), заставляющие вспомнить русскую графику стиля «модерн», в том числе, иллюстрированные издания детской литературы, выпускаемые

Бюль Л.Н. В местах отдаленных Урала.
ОЛП «Березовая старица», Ныроблаг. 1952
мелованная бумага, акварель, белила; 19,5x25,5 НВФ – 911

в типографиях И.Д. Сытина, – «чудесные «детские поэмы» (выражение В.В. Стасова, по поводу художницы Е.М. Бём); карандашные иллюстрации к повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» (1948), точно, по тексту воспроизводят сюжеты – характерная черта дореволюционной русской книжной иллюстрации и книжной графики уже советского довоенного периода, начиная с 1930-х годов.

Лев Николаевич, родившийся после революции и обучавшийся в советский период, жил в мире формировавшейся изобразительной традиции пролеткульта, расцвета (в 1920-е) и полного исчезновения (к середине 1930-х) русского авангарда, который очень ярко проявил себя именно в прикладных графических жанрах, таких, как шрифт, плакат, книжная иллюстрация. Но от его работ веет совершенно иной эстетикой, эстетикой графиков и иллюстраторов книги, работавших в стилистике модерна, чутко относящихся к линии, сохраняющих чистоту графического языка. Знакомые с детства образы, не затерялись, а напротив, в лагерной действительности оказались нужными, и не только ему. Они, словно связывали с домом, создавали иную реальность в страшной действительности, которая была абсолютна противоположна привычному миру.

И эта новая действительность тоже нашла свое отражение. Бог знает, как сохранились несколько рисунков лагерных пейзажей и портретов: «Каким-то чудом сумел сохранить и вывезти из мест заключения самую малость своих рисунков, сделав двойное дно в самодельном этюднике» (из автобиографии).

Это не беглые наброски, а также как и довоенные штудии, тщательно выполненные карандашные, тушевые, слегка расцвеченные акварелью и дополненные белилами, рисунки. В сюжетах нет ужасов,

нет фиксации дикости и абсурдности происходящего, нет осуждения и нарочитой доведенной до гротеска заостренности. Напротив, Лев Николаевич сохраняет классическую ясность и строгость рисунка, что придает композициям академическую законченность, а небольшим форматам, годным для зарисовок, придает самостоятельность станкового произведения.

Среди серии северных пейзажей удивительно спокойный зимний пейзаж «В местах отдаленных Урала» (1952); наделенные каждый своим определенным настроением – символический «На месте елового леса» (1948), таинственный «Дорога в тайгу» (1950), лиричный «Березки» (1951), наполненный драматичной эмоциональностью «Гроза» (1952). Панорамные, с низкой линией горизонта виды с деревянными лагерными строениями: «Сторожка» (1948), «Баракы» и «Баня для заключенных» (обе 1952). В последних пейзажах превалирует четкая линия и почти чертежная манера; прозрачная штриховка тонко передает тональные переходы, удивительно выстраивая свето-воздушное пространство, с реальным ощущением стылого воздуха и легкой морозной дымки. Несколько рисунков тушью пером, такие как «Сокольники. Память детства» (1948) или «Сокольники. Аллея парка» (1952), представляют ностальгические воспоминания из прошлой московской жизни.

Цикл портретов и жанровых сцен выполнен в иных изобразительных интонациях. Формат карандашных портретов – классический вариант «голова» в трехчетвертном развороте, реже погрудные и поясные изображения: «Казиков Саша» и «Портрет мальчика» (оба 1947), «Светлана» (1948); «Литовка», «Стася – медсестра» и «Иван Положей. Поэт из Сибири» (все 1949); «Безымянный З.К.», «Заключенный Незнамов» и «Шурочка» (все 1952). Характерные лица молодых и не очень людей. Лица людей красивых, сильных, несмотря на обстоятельства, сохранивших умение ценить жизнь и радоваться. Художник очень точно прорисовывает форму головы, ракурс, черты лица, прорабатывает их тонально; чуть приглушая, почти прозрачно, намеком определяет линию плеч, фрагменты одежды. Зритель невольно встречается с взглядом умных, не утративших надежду глаз; познав жизнь совершенно с другой стороны, герои портретов Льва Николаевича не ожесточены, их лица не только не искажены болью или страданием, но напротив, светлы и открыты. Их трудно отнести к наброскам или зарисовкам, они слишком индивидуальны и выразительны. В своем стремлении точно передать внешнее сходство и при этом показать их внутреннюю красоту, силу и волевой характер, автор невольно романтизирует своих героев, и в итоге они ничем не отличаются от «правильных» советских людей

Бюль Л.Н. Улица Горького, дом 22. 1953
мелованная бумага, акварель, белила; 19,5x25,5
СГ - 1833

того времени: комсомольцев, передовиков, добровольцев, известных нам по плакатам, живописным и скульптурным произведениям, а также кинематографическим образам. Только это не придуманные собирательные образы, а реальные люди, каждый со своей историей и судьбой.

В отличие от портретов, карандашные жанровые сценки проникнуты домашней повседневностью и действительно дают ощущение беглой зарисовки, определенной незаконченности. В нескольких рисунках, уже виденный на портрете Казаков Саша: «В минуту отдыха. Сапожная мастерская» (1947) и «За чтением книги» (1948); в других – люди, встреченные в разных ситуациях «За починкой рукавиц» (1951), «Письмо на родину. Мулла Джума Кулиев» и «Игроки в шашки. Больница» (оба рисунка 1952). Здесь уже не важны лица: позы, ракурсы, окружающая среда, взаимоотношения фигур и предметов в пространстве, – выстраивают композиционные схемы и создают атмосферу, раскрывают сюжет и действие. Эти наброски вполне профессионально раскрывают «кухню» художника,

если, конечно, опустить момент, при каких обстоятельствах эти зарисовки выполнены.

В тоже время, вышеперечисленные работы показывают не только профессиональный уровень исполнителя, обладают несомненными качествами и достоинством графических произведений, но сегодня являются уникальными художественными документами, раскрывающими одну из страниц отечественной истории. Не безлико и анонимно, но с реальными героями, временными и географическими привязками. Практически все листы выполнены, начиная с 1947 по 1952 год, в местах пребывания Льва Николаевича: Булатово, Березовая старица, Березовский – все это ОЛП Ныроблага (*отдельные лагерные пункты Ныробского исправительно-трудового лагеря, находящегося в районе с. Ныроб Пермского края*).

Замечателен оплечный автопортрет Льва Николаевича (1950) – тонко прорисованный, эмоционально сдержанный, но наполненный глубоким внутренним напряжением; и зарисовка, выполненная, видимо, таким же отбывающим «наказание» П. Свищевым: «Набросок с натуры. Мастерская Ныроблага ОЛП Булатово. Бюль Л.Н. март, 1952», где запечатлен сидящий со спины перед импровизированным мольбертом мужчина. Два скудных свидетельства лагерной жизни Льва Николаевича.

Наконец, «после смерти Сталина (1953), не добыв до 10 лет три месяца, получил освобождение и направление на жительство в город Ставрополь, с «поражением в правах на пять лет». Оказавшись в Ставрополе «целый год не мог устроиться на работу. Но в городе была художественная мастерская при Крайсправке, где освободилось одно место – ушел Павел Моисеевич Гречишкин, меня приняли на его место» (*из автобиографии*). С 1954 по 1970 гг. Лев Николаевич работал художником-оформителем в художественной мастерской парка (тогда ЦПКиО имени Ленинского Комсомола) и проектировщиком экспозиций в Ставропольском краеведческом музее. С 1970 года начинается его сотрудничество с краеведческими музеями Карачаево-Черкесской автономной области, которая на тот момент входила в состав Ставропольского края. Но уже с самого начала приезда в Ставрополь Лев Николаевич начал посещать художественные студии, которых в ту пору было много в краевом центре. В разное время их вели профессиональные художники, члены Союза художников: в 1950-е годы при различного рода учреждениях культуры занятия проводили Владимир Григорьевич Кленов (1896–1986) и Владимир Александрович Шегедин (1924 г.р.); с середины 1960-х при Детской художественной школе работала вечерняя студия для взрослых, где

работали Виктор Муссович Чемсо (1933–1994), Алексей Егорович Соколенко (1938–2011) и др. Были студии, в которых преподавали художники, сами получившие студийное образование. К последним относилась студия Павла Моисеевича Гречишкина (1922–2009), который наладил еще и пленэрные практики студийцев в окрестностях Ставрополя и горах Карачаево-Черкессии.

Карандашные листы, датированные 1957 годом, продолжают линию портретов-голов: студийные учебные рисунки гипсовой головы, натурщика, и некого Балашова Н.; женские портреты коллег, сотрудниц Краеведческого музея: «Людмила Быкова», «Бухгалтер». К этому времени Лев Николаевич уже женился: «С 1956 года мы идем бок о бок с моей женой Бюль Лидией Тимофеевной. Любовь, дружба, взаимоуважение сопутствуют нам...» и к 1957 же году относится карандашный «Портрет жены автора»: оплечное изображение красивой молодой женщины, исполненной внутреннего благородства, достоинства, и какой-то спокойной уверенности.

В 1957 году, наверное, впервые пробует писать маслом. Он словно заново учился постигать азы искусства, пробуя классические материалы и жанры. К этому времени относятся редкие в творчестве Льва Николаевича робкие постановочные натюрморты: «Этюд с чайником» и «Недоеденный завтрак». Чуть позже появятся более свободные в подборе предметов, в композиционном (исчезнет ученическая обязательная плоскость стола) и в живописном решении (условные фоны, едва намеченные цветом интерьеры) натюрморты: это «профессиональный» натюрморт с атрибутами художника «Этюд. Мاستихин, масленка, льняное масло» (1960), живописные «Болгарский перец и виноград» (1965) и «Этюд. Арбуз» (1967).

Замечательны его жанровые живописные этюды: «Отдых» (1960), где в сложном ракурсе дана головы лежащей женщины; особенно выделяется этюд «Самогонщица» (1965) – зарисовка, в которой, несмотря на обилие «подтверждающих» процесс деталей и аксессуаров, нет простой фиксации, литературности, но создан с хорошими живописными качествами, художественный образ.

Видимо, привыкший к экономии материалов в лагерях, Лев Николаевич навсегда сохранит верность камерности размеров, как графических листов, так и живописных картонов. В живописи основным жанром станет камерный пейзажный этюд. К 1969 году относится целая серия этюдов с изображением горных пейзажей Теберды и Домбая. Горизонтальные форматы дают панорамные виды долин на фоне горной гряды. В вертикальных – узкие ущелья с тонкой извивающейся лентой реки, уходящей к горизонту и теряющейся среди елей или заросшие хвойным лесом склоны гор на фоне далеких

заснеженных вершин. Вообще-то, это традиционный вид горного этюда, распространенный, как среди профессиональных художников Ставрополя, так и в среде студийцев. Все с удовольствием и много обращались к величественной природе Кавказа, что не случайно. Художников привлекала возможность показать контраст форм, цветовые контрасты горной природы, так не похожей на степное Ставрополье с его нюансной цветовой гаммой и равнинным ландшафтом. И здесь у Льва Николаевича есть масса очень тонких в цвете, красивейших этюдов, запечатлевших окрестности Ставрополя, села Кугульта и Петровское, хутор Соленое озеро. Это, как правило, узкие в формате, панорамные, с низкой линией горизонта виды. В них вечерние и дневные состояния; облака, отражающиеся в ровной тяжелой воде Соленого озера; сливающаяся с небом линия горизонта; редко разбросанные хатки среди пышных низкорослых деревьев; свечки тополей, нарушающих мерный ритм уходящих к горизонту горизонталей полей, дорог, холмов. Очень точно художник улавливает и передает состояния: знойное марево дня, короткую утреннюю прохладу, жаркий воздух сумерек. Его живопись прозрачна, вибрирующая; несмотря на камерность, создает «втягивающее» пространство, вовлекая зрителя далеко к горизонту, создавая иллюзию бесконечности и необъятности характерного для Ставропольского ландшафта.

Помимо творческих работ, работая в музеях края, создавал историко-краеведческие экспозиции и природные диорамы, что подтверждает профессиональные качества Льва Николаевича, и умение мыслить другими – монументальными и пространственными образами. Отдельное направление в его профессиональных занятиях – графические иллюстрации к краеведческим изданиям, дающие точное этнографическое изображение, будь то костюм и обмундирование разных родов войск и чинов военных (графический цикл «Ставропольская крепость») или история и культура кавказских народов: акварельные отрисовки и рисунки тушью, передающие особенности формы, креплений, фактуры материала – костюма и его деталей (нагрудники, шапочки, златошвейный орнаменты), украшений (пояса), предметов быта (металлическая посуда, плетеные корзины и лари), музыкальных инструментов, оружия и воинских доспехов. Такой же тщательностью отличаются его графические отрисовки предметов археологических коллекций. Точность рисунков Л.Н. Бюлля настолько велика, что практически все его листы годны для полиграфического воспроизведения, и, действительно, многие его рисунки вошли в печатные научные издания каталогов, монографий, сборников.

В 1975 году Л.Н. Бюллю была присвоена первая категория художника-оформителя, а в 1980 году окончив курсы по консервации и реставрации документов и библиотечных фондов, он начал проводить реставрационные работы в Ставропольском краеведческом музее (с 1993 года в должности художника-реставратора) и музеях Карачаево-Черкессии. Л.Н. Бюль выполнял художественные копии, реставрировал карты, плакаты, живопись. В 1996 году для Карачаево-Черкесского музея-заповедника он реставрировал картину, написанную в 1902 году художником салонного направления Ю. Клевером «Зимняя ночь» (холст, масло; 105,5x53). В 2000 году для своего музея – икону «Взыскание погибших Пресвятой Богородицы» (2-я половина XIX века; дерево, левкас, темпера, сусальное золото; 31,2x26,8x3,1). Это не только качественно, профессионально проведенная реставрация живописных памятников, когда художник-реставратор должен вжиться в чужой почерк, манеру анонимного иконописца или известного в свое время академика, не нарушив авторского замысла и не выказывая собственные умения. Поражает тщательность составленных реставрационных паспортов с дотошно проведенным исследованием материала и основы, техники живописи; подробнейшим описанием сохранности и необходимых работ; описанием последовательности проведения работ, в котором подчеркивается, как реставратор стремится максимально сохранить достоверность, не нарушив подлинника.

В 2004 году в Ставропольском краевом музее изобразительных искусств прошла первая в долгой жизни Льва Николаевича выставка его работ, посвященная 80-летию со дня рождения мастера. Называлась она «Семейный этюд», потому что вместе с ним показывала свои работы его дочь Виктория – художник-прикладник, работающая в технике гобелена. Впервые Лев Николаевич демонстрировал свои графические и живописные работы, документы и фотографии. С той выставки он передал в фонд нашего музея три своих работы: графические листы «В местах отдаленных Урала. ОЛП «Березовая старлица», Ныроблаг» (1952; НВФ – 911) и «Улица Горького, дом 22» (1953; СГ – 1833), живописный этюд «Утро. Хутор Соленое озеро» (1968; СЖ – 1597).

Уверенная, тонкая линия, чуть оживленная белилами, чуть подцвеченная акварелью – напоминает архитектурные отмывки, передает точный характер природной среды, делает узнаваемыми дома и улицы. Поэтичный небольшой по формату живописный этюд-картина хорошо передает природу одного из самых удивительных уголков Ставрополья – Соленого озера. И, если в графике манера художника отличается особой тщательностью в передаче

достоверности, приближаясь к подцвеченной фотографии, то в живописи – мягкие плавные цветовых оттенков, легкая, растворяющая очертания предметов дымка, вибрация воздуха.

В 2009 году персональная выставка к 85-летию со дня рождения Льва Николаевича состоялась в его «родном» музее: Ставропольском государственном историко-культурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе. В буклете, сопровождающим экспозицию, сотрудники музея написали: «Л.Н. Бюль, художник-универсал, умело создавал мизансцены, находил средства художественной выразительности – свет, цвет, контрасты, сравнения фактуры, чтобы при их помощи превратить мертвый экспонат в живой и придать музейной экспозиции эмоциональную силу» (буклет «Бюль Лев Николаевич. Автопортрет в музейном интерьере. Юбилей 85 лет»).

Ставрополь стал для Льва Николаевича той светлой обителью, которая подарила ему семью – невероятно красивую спутницу всей жизни Лидию Тимофеевну (1932–2018) и замечательную дочь Викторину, ставшую профессиональным художником. В Ставрополе он обрел любимую творческую работу. Лев Николаевич был отмечен многочисленными наградами: Почётной грамотой и Дипломом I степени Министерства культуры Российской Федерации, Дипломами Всесоюзных смотров за участие в выставках и оформлении экспозиций. Наградами от Правительства края и администрации города (в том числе, в 2005 году – Почетной грамотой Губернатора Ставропольского края за большой и многолетний вклад в развитие культуры края) и Карачаево-Черкесской Республики. Лев Николаевич Бюль был Ветераном труда, в 2006 году он стал членом Творческого Союза художников России. В 2011 году в Государственном музее-заповеднике М.Ю. Лермонтова в Пятигорске прошла выставка «Своя колея», где его работы были показаны вместе с работами Викторины и ее семьи – мужа Михаила и сверка Муаеда Аксировых, известных живописцев из Кабардино-Балкарии.

Сегодня, благодаря Викторине и Михаилу Аксировым, художественное и литературное наследие Льва Николаевича, память о нем бережно сохраняется не только в семье. Выставки его работ, публикации в прессе, многим открывают интересную личность художника и его непростую судьбу.

В творчестве Лев Николаевич, несомненно, был художником большого лирического дарования. Лиризм этот особый – тихий, спокойный. У него нет «беспрюирышных» сюжетов, жизнерадостной цветистости, растворенности форм. Эта созерцательность передается зрителю. Неважно, какие работы смотришь: лагерные пейзажи или

донесенные до нас образы людей; живописные этюды с городскими или природными пейзажами Ставрополя или студийные рисунки. Главное в них тонкое проникновение художника в образ. Он сам очарован красотой людей и природы - это красота которую надо почувствовать, разглядеть в буднях, повседневности, суетности.

Использованные источники:

При подготовке статьи использованы материалы семейного архива дочери Льва Николаевича Бюлля – Виктории Львовны Аксировой (Бюллер) и научного архива ГБУК СК «СКМИИ»: персоналии, ф. 05/2

Гальфингер Н.А.,

*г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
главный хранитель фондов;*

Ольховский В.В.,

*Ставропольский государственный
музей-заповедник,
младший научный сотрудник*

«Немецкий мост» у Немецкого хутора в Ставрополе

дной из достопримечательностей окрестностей города Ставрополя является грандиозное сооружение в Мамайском лесу, которое в народной топонимике известно как «Немецкий мост». Это популярный объект у любителей загородных прогулок, скалодром и площадка для роуп-джампинга. История большого моста через маленький ручей не изучена. В бытательской версии она передается из уст в уста, изложена на различных пабликах и сводится к тому, что эта постройка – часть «Туапсинки», недолго существовавшей железной дороги, соединившей Ставрополь через Армавир с Туапсе, и что название «Немецкий» связано с использованием на строительстве моста труда немецких военнопленных во время Первой мировой войны. Упоминаются также версии об инженерах-немцах, которые

то ли проектировали мост, то ли руководили строительством. Лишь однажды авторы данной статьи слышали утверждение, что рядом находилась усадьба, принадлежавшая здешнему жителю немцу.

Несмотря на то, что в течение нескольких лет мы на местности изучали сохранившиеся следы «Туапсинки» и собирали документальные свидетельства о ней, история топонима «Немецкий мост» не попадала в сферу нашего внимания. Однако при исследовании фонда № 51 «Армавир-Туапсинская железная дорога» армавирского городского архива накапливались доказательства того, что закрепившееся за мостом наименование не связано ни с немецкими военнопленными, ни с инженерами-немцами.

Поздней осенью 1909 года в Кубанской области к строящемуся порту Туапсе начали прокладывать Армавир-Туапсинскую железную дорогу (АТЖД), которая предназначалась, прежде всего, для вывоза сельскохозяйственных грузов [1, с. 47]. Она была частной, возводилась на средства акционеров Общества АТЖД, среди которых были и банки, а также на облигационные займы, гарантированные казной. В путях для транспортировки к морю миллионов пудов зерна нуждалась и Ставропольская губерния. 15 марта 1914 года началось строительство восточной магистрали АТЖД – Благодарненской линии с Дивненской ветвью. Линия включала три части: от Армавира до Ставрополя, от Ставрополя до села Петровского (ныне г. Светлоград) и от Петровского в двух направлениях: на села Благодарное и Дивное. Весь период единственным подрядчиком строительных работ на участке от станции «около Базовой горы» (ныне район пос. Демино) до станции Ставрополь-Туапсинский, куда входил «Немецкий мост», был инженер путей сообщения А.Э. Лащ [2, с. 12].

К строительству Армавир-Туапсинской железной дороги, действительно, привлекались военнопленные, которыми нужно было заменить мобилизованных на фронт работников, в том числе и на Благодарненской линии. 20 мая 1915 года в село Петровское Благодарненского уезда к подрядчикам М.Р. Гаркавенко и Н.Н. Рокотову прибыла партия из 300 пленных, переданная штабом Казанского военного округа. Их использовали в основном как землекопов. 17 человек были мастерами: каменщики, плотники, маляр. Главный инженер Управления по сооружению железнодорожных линий АТЖД Г.Г. Шахбудагов тут же направил ходатайство о присылке еще 200 военнопленных, «по возможности румын или славян», на земляные работы в окрестностях Ставрополя по запросу Лаща. Но больше пленных в этом году не поступало, а на неоднократные просьбы прислать на линию славян пришел отказ из Главного управления Генерального штаба: «Все славяне

получают особое назначение». В декабре 1915 года 103 пленных, больных, слабосильных и уклонявшихся от работ, Рокотов и Гаркавенко возвратили военному ведомству. Национальность их не известна. Трое умерших в 1915 году от брюшного тифа были австроподданными славянами: Симеон Киро, Иван Дзюда и Гавриил Боз. Среди оставшихся 194 человек насчитывалось 139 славян, 54 румына и 1 еврей. Весной 1916 года из-за нехватки рабочей силы на линии возникла угроза срыва строительных работ. В одном из очередных запросов отмечалось: «так как военно-пленные-немцы в большинстве случаев работать не желают, то необходимо для работы иметь военно-пленных-славян или турок». Отсюда можно предположить, что некоторое количество немцев могло быть среди пленных, уклонявшихся от работ и возвращенных Рокотовым и Гаркавенко, но, повторимся, в Благодарненском уезде.

В дальнейшем пленных из австро-венгерской и германской армий, несмотря на заявки, на Благодарненскую линию не направляли. С марта 1916 по сентябрь 1917 года после успешных операций на Кавказском фронте сюда регулярно привозили из Баку пленных «турецких подданных», назначенных штабом Кавказского военного округа. В июле 1916 года 60 из них, наконец, получил Лащ. Эти и новые пленные «турки» трудились на его участке до окончания работ весной 1917 года. Использование труда военнопленных строго регламентировалось. За каждый день проведенный пленным на работе подрядчик отчислял в казну 25 копеек. Финансовые документы, ведомости о числе военнопленных, находящихся у подрядчиков, однозначно свидетельствуют, что ни один пленный немец австрийского или германского происхождения в строительстве «Немецкого моста» не участвовал [2, с.115; 3, с. 11, 14, 44, 60, 71, 79, 115, 120, 124, 133, 140, 161, 189, 222; 4, с.2; 5].

Версия связи топонима с инженерами-немцами также не обоснована. «Немецкий мост» проектировали и строили ведущие российские инженеры-железнодорожники разных национальностей. Изыскательскими работами на местности руководил Александр Иванович Верблюнер - еврей [6, с. 284; 7, с. 6]. Он же во время строительства «Немецкого моста» был начальником технического отдела Управления по сооружению железнодорожных линий АТЖД, находящегося в Армавире. Возглавлял Управление главный инженер Григорий Григорьевич Шахбудагов, происходивший из тифлисских армян. Его заместитель Р. Лоренц носил немецкую фамилию. Непосредственно в Ставрополе начальником изыскательской партии был Алексей Алексеевич Каширский, а руководил строительством моста начальник 5-го участка Александр Васильевич Складаров,

оба русские [7, с.13, 16; 8, с. 49]. Контрагент-подрядчик Александр Эдмундович Лащ – поляк. С началом строительства контора Лаща с улицы Большой Садовой, 98 в Ростове-на-Дону была переведена на ул. Воронцовскую, 24 в Ставрополе. 10 сентября 1914 года Лащ был призван на действительную службу прапорщиком ополчения артиллерии. Обязательства по договору с Правлением Общества АТЖД он продолжал выполнять через доверенное лицо – поляка Карла Владимировича Мрочковского, подрядчика строительных работ на соседнем участке Благодарненской линии [2, с. 3, 88, 95]. Судя по документам, не только среди руководителей, но и среди инженеров и техников среднего звена, рядовых сотрудников служб по строительству и эксплуатации дороги немцев было очень мало. К тому же отношение к немцам, как иностранным так и российским подданным, с началом войны было настороженным. Списки таких лиц, согласно циркулярам, Правление АТЖД направляло в Министерство путей сообщения (МПС) [9, с. 86; 10, с. 167].

Для «Немецкого моста», официальное название которого «арочный мост через р. Мамайку 2-ю на пикете 100+3,46 версты 96¹», а менее официальное – «виадук через реку 2-я Мамайка», не делали особенного проекта. Он, как и другие сооружения АТЖД, строился по типовому и исполнительному чертежам, которые подписывали главный инженер и начальник технического отдела, утверждал инспектор МПС, и принимал к исполнению подрядчик. В документах говорится: «виадук через Мамайку исполняется по типу линии Армавир-Туапсе», т.е. в соответствии с типовым проектом арочных мостов первой очереди АТЖД (их построено семь). На Благодарненской линии по этому же типу строились, помимо «Немецкого», виадуки через балки Державную и Николаевскую, реки Егорлык и Уруп. Для каждого, исходя из местных условий, разрабатывался исполнительный проект [11, с. 207; 12, с. 6].

Часть Благодарненской линии от Армавира до Ставрополя в строительном отношении была самой сложной. Основной проблемой были глинистые оползневые склоны Ставропольских высот. По свидетельству И.Д. Сургучева, министр финансов Российской империи В.Н. Коковцов не давал разрешения на строительство, утверждая, что вести в Ставрополь «Туапсинку» все равно, что вести дорогу «на сахарную голову. Это и дорого и трудно, и пользы никакой...не даст» [13, с. 157]. Документы Правления Общества АТЖД и воспоминания Николая Александровича Филимонова, уроженца Ставрополя, в будущем известного отечественного инженера-гидротехника, а тогда студента-практиканта

1. На 96-й версте, а именно, на расстоянии 101, 6 км. от начала линии, т.е. станции Армавир-Товарная.

Петербургского политехнического института, участвовавшего в строительстве «Туапсинки» в 1914 – 1916 гг., доказывают правоту министра – ремонт насыпи и искусственных сооружений, работы «по перекреплению ползущих косогоров» последовали сразу за началом строительства [11, с. 214; 14, с. 6-8]. Трудностей добавлял большой перепад высот. По данным барометрической комиссии, от реки Кубани близ Армавира с высоты 85,5 саженей над уровнем моря поезд должны были достигнуть уровня 260 саженей в пологой седловине на водоразделе у подножия горы Базовой, после чего спуститься до 218,69 саженей к станции Ставрополь-Туапсинский. Технические возможности паровозов допускали уклон пути, при котором поезд каждый километр поднимался на 8 м, а на прямых участках – до 12 м. Третья сложность – пересеченный рельеф. «Путь от разъезда Озерного (близ озера Вшивого) до г. Ставрополя проходит по пашням, а затем по огородам и садам, расположенным в черте городских владений. Здесь приходится пересечь речки Мамайку и Мутнянку с обильными ключами в их верховьях. Удлинение линии обусловлено неизбежностью огибать высокие водоразделы между глубокими оврагами, в которых текут речки, а также переходить через эти овраги», – говорится в «Пояснительной записке к проекту железнодорожных путей от Армавира в Ставропольскую губернию» [15, с. 25 (4-6)]. Из-за перепада высот и сложностей рельефа от разъезда «Два Брата»² (район нынешнего пос. Тоннельного) до Ставрополя приходилось вести линию по коварным глинистым склонам многочисленными петлями.

Река Мамайка начинается на сегодняшней западной окраине с. Надежда от слияния двух речек, берущих начало в Мамайском лесу: Первой Мамайки, входящей в черту города Ставрополя, и Второй Мамайки. На картах XIX и первой половины XX вв. Вторая Мамайка начиналась от ручьев в южной части Мамайского леса, текла на северо-восток сначала по лесу, затем среди открытых косогоров, где принимала два правых ручья-притока. Позднее, на менее масштабных картах, деление на две Мамайки исчезло, русло Первой Мамайки именовалось просто Мамайкой, а Вторая Мамайка стала безымянной. С появлением спутниковых снимков и карт на их основе произошла метаморфоза: лесная часть речки обозначена на них как Волчий ручей³, а истоком Второй Мамайки стал бывший первый правый ручей-приток. Это противоречит принятому в географии правилу считать истоком реки наиболее удаленный от устья и наиболее многоводный водоток, однако факт остается

2. Разъезды «Озерный» и «Два Брата» не были построены в связи с изменением трассы пути.

3 По-видимому, сыграла роль, народная топонимика.

фактом: судя по нынешним картам, «виадук через Вторую Мамайку» стал виадуком через Волчий ручей.

Первоначально, согласно плану Благодарненской линии, через Вторую Мамайку предполагалось построить лишь водопропускную трубу. Согласно договору с подрядчиком от 8 февраля 1914 года уже в середине марта начались земляные работы по устройству дренажной системы для отвода грунтовых вод и сооружению насыпи. Они продолжались «по декабрь». Грунт «подрядчик в силу своих хозяйственных соображений» (а попросту, из экономии на перевозке земли в сторону, что при расстоянии до 50 сажень не оплачивалось) сложил «бесформенными кучами» в пределах будущей насыпи.

Затем было решено строить здесь каменный с железобетонным перекрытием виадук с четырьмя арочными отверстиями шириной: в 6 сажень у Армавирского пролета (т.е. со стороны Армавира, первого на правом берегу речки), и в 8 сажень у остальных пролетов. Мост с самым малым среди виадуков Благодарненской линии радиусом скругления ложился прямо в центр крутой петли железной дороги. 30 января 1915 года в договор с подрядчиком были внесены изменения. Начались земляные работы – рытье котлованов. Под «Армавирский бычок» понадобился не только котлован, но и снятие 346 куб. сажень прошлогодних «куч». В котлованы, укрепленные бревенчатыми шпунтовыми ограждениями и ростверками, засыпали гравий, заливая его цементным раствором. Сваи забивали с помощью паровой машины. По неопытности рабочие «пускали преждевременно в бабу пар и этим уменьшали силу удара». 66 свай пришлось забивать дополнительно. За сезон были выполнены «фундаменты и стены виадука» [2, с. 72; 11, с. 207-208].

К августу относятся две фотографии из альбома практиканта Филимонова. Это вид на восточную сторону виадука и его северо-западные окрестности. Пять быков возведены до уровня начала их сужения или несколько выше. По мосткам с помощью носилок четверо рабочих поднимают куски ракушечника, «камня местных пород». Подготовленные запасы плоского рваного камня для бутовой кладки и отесанного штучного для облицовки лежат на левом берегу. На правом – груда гравия. На быках стоят бочки, ванны с раствором, ведра, работают каменщики. По ребрам и на плоскостях быков закреплены в качестве направляющих рейки. Три центральных быка облицованы ракушечником с «околкой наружных поверхностей» и «расшивкой швов цементным раствором», крайние, подлежащие засыпке землей, – без облицовки⁴. Строители в подпоясанных

4

Основу быков составляла бутовая кладка [2, с. 74]. Судя по цвету и мягкости связующего материала, использовался известково-цементный раствор.

ремнями рубахах с длинными рукавами или в свободных куртках, на головах картузы, войлочные шляпы. Техники в форменной одежде. К западу от моста, чуть выше его Ставропольского окончания, стоят два строительных барака с двускатными тесовыми крышами, между ними – огороженный склад стройматериалов с белым штабелем, возможно, извести. Один барак – как на ладони: просторный, дощатый, с двумя окнами по бокам от крыльца. Перед бараком на склоне – насыпь песка, огражденная от смыва. Над Армавирским бычком, у склада и на насыпи видны столбы; на первом хорошо различим керосинокалильный фонарь. Место обжитое. Кругом плодовые деревья. Выше по склону, метрах в ста от барака, стоит дом с белеными стенами. Рядом с ним высятся тополя: раскидистый белый и пара пирамидальных. Дальше, на склоне, разбросаны стожки сена [16; 2, с. 74].

В условиях войны выполнить все работы по выданным нарядам не удалось. 7 февраля 1916 года Правление Общества АТЖД постановило продлить Лащу сроки исполнения договорных обязательств: «все работы вчерне» закончить в рабочий сезон 1916, а «в чистоте» – не позднее 1 июня 1917 года. Рабочие руки и материалы подорожали. Чтобы компенсировать убытки, не делая пересчета по сметам, Правление дороги выплатило Лащу, как и другим подрядчикам, за все работы 1915 года общую премию [2, с. 97, 99].

В начале апреля 1916 года Лащ взял в аренду у Управления по строительству линии со Ставропольского материального склада бетоньерку с двигателем (бетономешалку). К середине ноября мост был практически построен, включая железобетонный тротуар по вогнутому краю, опирающийся на 34 консоли. Подрядчику, направившему в адрес главного инженера заявление на приемку работ, указали на недоделки. Необходимо было закончить «настолько существенную часть сооружения, как перила, при высоте моста в 7,81 сажень» (16,6 м), армировать тротуар кровельным железом и покрыть асфальтом толщиной $\frac{3}{4}$ дюйма, очистить поверхность каменной кладки виадука от цементных потеков, спустить и разобрать 4 кружала (опалубку арки) Армавирского пролета [11, с. 207-208]. Таким, без перил и с кружалами в южном пролете, новый мост запечатлен на любительском снимке из семейного альбома ставропольских купцов Г.И. и М.И. Третьяковых [17]. К середине марта 1917 года намеченная приемка моста не состоялась по двум причинам: «затрудненности отлучки из Управления заместителя главного инженера в связи с переживавшимися в то время общеполитическими событиями» и трудностью «получить на рынке уголковое железо» для перил.

Виадук был принят летом 1917 года [11, с. 208], к зиме

уже можно было проехать от Ставрополя до станции Базовой на восточной окраине села Татарка. В Гражданскую войну, 13 июля 1918 года, в Мамайском лесу шел бой, и отсюда бронепоезд огнем поддерживал белых. С января 1919 года на малом-малом ходу по мосту пошли регулярные поезда. Но хлебные времена в разоренной губернии закончились, и Благодарненская линия в связи с полной убыточностью была закрыта. С окончанием зимы 1922 года движение по мосту прекратилось навсегда [18].

Параграф 16 «Общих условий, обязательных для подрядчиков по сооружению железнодорожных линий» Общества АТЖД требовал в случае находки при производстве работ «ценных или имеющих археологический интерес» предметов «немедленно письменно об этом извещать начальника участка или дистанции и принять меры к их сохранению» [2, с. 25 (7)]. Строители насыпи близ виадука, только начав земляные работы, открыли археологический памятник. В книге научно-справочного отдела Ставропольского музея им. М.В. Пправе в 1927 году под №№ 2208 – 2245 были зарегистрированы мечи и другие артефакты скифского времени, найденные «в Ставрополе на Мамайке близ немецкого хутора Августа» и переданные 1 мая 1914 года Е. Р. Хадариным⁵. Сохранились две фотографии раскопок с подписью «Сбор коллекций по археологии для музея имени М.В. Пправе на линии строящейся Армавир-Туапсинской железной дороги на II-й Мамайке. 1914 г.» [19]. На них запечатлено, как с помощью лома, кирки и молотков на земляном склоне вскрывается древнее захоронение. Несколько далее, за купами деревьев, возвышаются заметные кроны белолистного и двух пирамидальных тополей. Ниже уходит влево, вдоль строящейся насыпи, широкая дорога с вереницей подвод, различимы крутые скаты кровли барака. Хотя место это сейчас поросло лесом, оно легко узнаваемо и находится в районе тропы, ведущей от дачных участков садового товарищества «Лесные пруды» вниз, к старой железнодорожной насыпи, переходящей в полотно «Немецкого моста».

И на фотографиях раскопок 1914 года, и на одном из снимков Филимонова 1915 года видны одни и те же тополя, которые, как вешки, обозначают местонахождение немецкой усадьбы. Виадук через Вторую Мамайку строился в 150 метрах от нее. Место, когда-то известное в городе как «немецкий хутор на Мамайке», или «немецкий хутор Августа», дало народное название мосту – «Немецкий».

Топонима, известного горожанам в 1914 году как «немецкий

5 Елисей (Алексей) Романович Хадарин был сотрудником музея, близким другом семьи

6 Беликов А.М., учитель, основатель кружка юных краеведов в школе № 6

г. Ставрополя в конце 1940-х гг.

хутор Августа», на картах не выявлено. Место это в верхнем течении Второй Мамайке, имеющее вид вытянутого многоугольника по обе стороны ручья, на картах 1874 и 1896 гг. обозначено как хутор Бургхардта [20]. Немец Бургхардт был пастором. О его биографии и семье собраны пока лишь отрывочные сведения, и эта тема оставлена за рамками настоящей статьи. Участок в границах Ставрополя, «состоящий на 2-й речке Мамайке, от Георгиевской на Мамайке церкви в 2-х верстах», площадью 47 десятин 600 кв. саженей первоначально был отведен «ставропольскому купцу Плотникову». К 1871 году хутор, на котором были два деревянных дома, хозяйственные постройки, скотный двор, «сады фруктовый и виноградный», огороды, принадлежал наследникам купца. Затем владельцем его стал Бургхардт, чья фамилия дала название не только хутору, но и городской территории – «Бургардтской группе», отмеченной в «Памятных книгах Ставропольской губернии» с 1898 по 1916 гг. Со смертью пастора в 1873 году место унаследовала «Бургкард, вдова пастора».

В «Алфавитном списке владельцам частных земель, назначенных на 10-верстной карте Ставропольской губернии, составленной в 1896 году», она еще числится собственницей этого участка, однако, на самом деле, в 1878 году хутор купил крестьянин немецкой колонии Иоганнесдорф Мартын Иоганович Август. Здесь он прожил до своей смерти в 1896 году, а потом хозяйственные дела повел его сын Карл Мартынович, ставший законным владельцем только в середине 1917 года, после раздела наследства со своими родными [21, с. 134; 22, с. 2; 23; 24 с.8; 25 с. 60]. В 1877-1887 гг. на хуторе часто бывал «пионер в области флористических исследований Ставропольской губернии» ставропольский провизор немец Август Петрович Норман. Здесь собрано более 100 видов растений из 700, зарегистрированных им в 1881 году в книге «Ставропольская флора». Даты сбора на «хуторе Буркарта» ботанических образцов отмечены на этикетках гербария, хранящегося в Ставропольском музее-заповеднике [26, с. 13-72; 27].

Бургхардты и Августы жили на Второй Мамайке более 40 лет. Вот почему к началу железнодорожного строительства в 1914 году жители Ставрополя привыкли называть хутор «немецким».

Последнее из поименованных обозначений хутора Бургхардта выявлено на карте Европейской России 1903 года [28]; на карте Ставропольского уезда 1913 года на городских землях отмечены его границы [29]. На топографической карте 1938 года на месте бывшего хутора указаны: одиночное строение с топографическим знаком «Б.» – железнодорожная будка, родник и два участка по обоим берегам

ручья, в границах повторяющие очертания хутора на картах 1874-1913 гг. и занятые большей частью огородами, меньшей – деревьями и кустарником [30]. Несмотря на нынешнюю заброшенность этих мест, а также наступление леса, данные границы и сейчас различимы на спутниковых снимках.

Почему же не сохранилась столь очевидная история топонима «Немецкий мост»? Наверное, усадьба лишилась владельца и была заброшена. Железная дорога перестала существовать. Депортация немецкого населения в 1941 году не только стерла из народной памяти сам факт проживания немцев в Ставрополе и его окрестностях, но и сделала эту тему «неудобной». Зато послевоенному поколению запомнились военнопленные уже гитлеровской армии, работающие на восстановлении городских объектов. Со временем сведущих людей на «Мамайских выпасах», как до сих пор на кадастровой карте города именуется территория открытого плато в центре Мамайской лесной дачи, почти не осталось. Всех впервые увидевших виадук поражают масштабы сооружения, и у всех возникает вопрос – как же его строили? Ответ как бы напрашивается сам собой: если мост «Немецкий», то строили его немцы.

Мы взяли интервью у нескольких человек старшего поколения, надеясь отыскать в людской памяти сведения о немецком хуторе. Вот что поведали наши респонденты. «Говорили, что там раньше был немецкий «околонок»» (А.К. Швырева, 1937 г.р.). «В 1984 г. я получил дачу на «Лесных прудах» и регулярно ходил к родничку у «Немецкого моста». Ежегодно там ставил ульи пасечник, старый дед. Он мне рассказал, что здесь была усадьба, жил немец Август, был приличный сад, он в детстве с ребятами ходил в сад к немцу. Я видел развалины старой усадьбы – камни, сад вдоль насыпи – яблони, каштаны, сирень» (Г.Г. Жеребятников, 1939 г.р.). «Мой папа⁶ оставил тетрадь о прошлом Ставрополя. Он в этой тетради писал, что там была дача, принадлежавшая немцу Августу. Мамайцы воровали лес. Он боролся с ними. Они его убили. Папа говорил, что там даже скамейки стояли, где можно отдохнуть. Там было ухожено, очищено. Люди из города любили совершать прогулки» (Г.А. Беликов, 1933 г.р.). «Здесь был дом немецкого колониста. И сад. Под засохшими акациями сохранились развалины дома и колодец. В 1990 году дом еще стоял, в нем была сторожка Мамайского лесничества», – рассказал председатель правления садоводческого товарищества «Лесная Сказка»

В.И. Подсвиров, участок которого вплотную прилегает к землям бывшего хутора, и указал на засохшие акации как ориентир.

Место, где была усадьба, горизонтально выровнено на склоне

и отмечено буйными зарослями крапивы двудомной, индикатора заброшенных селищ. Еще различимы следы строений: обломки камня, кирпичей, осколки стекол. От хутора Бургхардта-Августа остались сад из кизилевых деревьев-старожилов, высаженных в строгие ряды 6х8, да колодец глубиной более 5 м, аккуратно выложенный вогнуто отесанным камнем-ракушечником.

В последние годы у населения растет интерес не только к «Немецкому», но и к другим мостам «Туапсинки». Появился соответствующий термин – «немецкие мосты». Блогеры и объяснение ему придумали: все ту же причастность к строительству сооружений «немецких инженеров». И если относительно виадука через Вторую Мамайку топоним «Немецкий» имеет историческое обоснование, то называть «немецкими» другие искусственные сооружения Благодарненской линии совершенно несправедливо. В особенности это относится к так называемому «другому немецкому мосту», а именно «Новокавказскому» или «Верхнегорлыкскому», по наименованию близлежащих хуторов. Пора вернуть ему имя, данное строителями «Туапсинки», – «виадук через реку Егорлык».

Не только искусственные сооружения, но и другие объекты участка Армавир-Ставрополь Благодарненской линии АТЖД, например гигантская выемка на территории заброшенного дачного товарищества «Изыскатель», достойны сохранения. Скалолазы уже срезали под одной из арок «Немецкого моста» выступы двутавровых балок, на которые опирались кружала, в оба виадука вбито множество стальных креплений, а их нижние части покрыты надписями, большинство сооружений замусорены, упомянутая выемка превращена в несанкционированную свалку.

Необходимо придать отдельным сооружениям и одному из участков исчезнувшей железной дороги статус объектов культурного наследия как памятникам истории, железнодорожного строительства начала XX века и трудового мастерства наших земляков.

Использованная литература и источники:

1. Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области за 1912 год. Екатеринодар, 1913.
2. АОАА. Ф. 51. Оп. 2. Д. 59.
3. АОАА. Ф. 51. Оп. 2. Д. 259.
4. АОАА. Ф. 51. Оп. 2. Д. 303.
5. Крючков И.В. Военнопленные Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны / сайт «Научного Общества Кавказоведов»: 2018. - <http://www.kavkazoved.info>.
6. Дудаков С.Ю. Парадоксы и причуды филосемитизма и антисемитизма в

- России. М.: РГГУ, 2000.
7. АОАА. Ф. 51. Оп. 2. Д. 56.
  8. АОАА. Ф. 51. Оп. 2. Д. 101.
  9. Шатский В.М. «Ставропольские разности, или Хроники городской жизни». Ставрополь, 2017.
  10. АОАА. Ф. 51. Оп. 2. Д. 79.
  11. АОАА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 223.
  12. АОАА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 300.
  13. Сургучев И.Д. Парижский дневник. 1940–1945 / сост. А.А. Фокин. Ставрополь, 2016.
  14. Филимонов Н.А. Встречи в пути. М., 1963.
  15. АОАА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 321.
  16. СГМЗ. О.ф. 16765.
  17. СГМЗ. О.ф. 20223.
  18. Ольховский В.В. О Благодарненской линии Армавир-Туапсинской железной дороги в период Гражданской войны 1918-1920 гг. // Сборник документов и материалов: Гражданская война на Ставрополье: взгляд через столетие. Ставрополь, 2018.
  19. СГМЗ. О.ф. 4820/1-2.
  20. СГМЗ. О.ф. 5510/3.
  21. Хутора в предместьях города Ставрополя // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып. 4. Ставрополь, 1871.
  22. Ставропольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1873 года / сост. И. Бентковский. Ставрополь, 1874.
  23. СГМЗ. О.ф. 5517.
  24. Алфавитный список владельцам частных земель, назначенных на 10 верстной карте Ставропольской губернии, составленной в 1896 году. Ставрополь, 1896.
  25. ГАСК, Ф. 96, Оп. 1, Д. 9.
  26. М. Бржезицкий и П. Нагорный. Список собранных А.П. Норманом растений, хранящихся в гербарии Ставропольского городского музея // Труды Ставропольского общества для изучения Северо-Кавказского края в естественно-историческом, географическом и антропологическом отношениях. Вып. II. 1912. СПб., 1913.
  27. СГМЗ. О.ф. 11383-11388, 11390-11392, 11393-11401.
  28. Большой всемирный настольный атлас Маркса / под ред. Э.Ю. Петри и Ю.М. Шокальского. СПб., 1905.
  29. СГМЗ. О.ф. 5558/1.
  30. СГМЗ. О.ф. 29846/49.

Гуренко Е.Н.,

с. Левокумское,

Историко-краеведческий музей

им. В.Р. Ясинова,

главный научный сотрудник

Левокумчанки-зенитчицы 18 отдельного дивизиона ПВО

истории Великой Отечественной войны 1942 год является самым тяжёлым. Об этом свидетельствует, в том числе Приказ № 0058 от 26 марта 1942 года о призыве в войска ПВО девушек-комсомолок, подписанный народным комиссаром обороны СССР И.В. Сталиным.

Согласно этому приказу, к 10 апреля 1942 года должны быть мобилизованы 100 тысяч девушек-комсомолок для замены мужчин-красноармейцев, в частности в зенитной артиллерии, по следующим специальностям: прибористов, телефонистов, дальномерщиков, радистов, разведчиков-наблюдателей за воздухом, всего — 45 000 человек. Также во всех частях войск ПВО на территории страны — санитаров и санинструкторов, писарей, поваров, частично шоферов и кладовщиков. Замена должна была быть произведена не позднее чем через полтора месяца после призыва.

Командующему войсками ПВО было приказано в установленные сроки организовать боевую подготовку призываемых девушек-комсомолок и по окончании учебы произвести замену красноармейцев, которых направили на укомплектование выводимых с фронта стрелковых дивизий.

В Левокумском районе повестки получили более 30 девушек 1920-1923 гг. рождения, большинство со средним образованием. Поскольку средняя школа до войны была только в райцентре, учились в ней в основном жители села Левокумского и близлежащего села Правокумского. Из этих сёл и были призваны большинство девушек. Из других поселений района повестки получили по 1-3 комсомолки, из Левокумского и Правокумского - 8 и 7 человек. Все они попали в одно военное подразделение – 18 отдельный зенитный артиллерийский дивизион ПВО.

Сохранились воспоминания Валентины Терентьевны Сочилиной (в замужестве Тереховой), санинструктора дивизиона, уроженки с. Левокумского. Оригинал письма с ее воспоминаниями находится в Невинномысском краеведческом музее. Вот как она

описывает начало своей военной биографии: «Я из села Левокумского, нас из района первых девчат призвали 35 человек, всё село вышло провожать, да и из других сёл тоже, все провожающие со слезами. Когда провожали нас, никто не знал, куда попадут эти девчата, даже работники военкомата говорили, что «будете где-то в тылах». Приехали в часть ночью – станция Сентяновка Ворошиловградской области, утром смотрим – в 100 метрах батарея – 4 пушки, недалеко четверённые пулемёты – такие «тылы».

Повели в баню, переодели всех – чудо. Бывшее в употреблении мужское бельё, зашитое, латанное, бывшее в употреблении обмундирование: гимнастёрки, брюки – всё латанное, портянки – новые, ботинки 42-44 размеры, хоть две ноги в один ботинок всовывай. Кто приехал в сапогах, разрешили носить сапоги, у кого были тёмные юбки, разрешили носить юбки. Обмотки плохо держались на женских ногах, идёшь в строю – разматываются. Всё нами принималось, как должное. Началась солдатская жизнь. Курс молодого бойца проходили две недели. Гоняли нас наши младшие командиры: «становись», «разойдись», «бегом», «по-пластунски», и всё с песней и так по 10-12 часов в сутки. Ничего, никто не жаловался.

Облезли уши в пилотках, телогрейки были тоже бывшие в употреблении, большие; белые матерчатые пояса перетягивали тоненькие фигуры в телогрейках. Вот так чудесно выглядели наши кавказские «мадонны»...

Первого мая приняли присягу. И уже пошли на батарею, каждый на своё место. Началась учёба по специальности. <...>

Из Сентяновки нас перевели в г. Ворошиловск, ныне Коммунарск, Ворошиловградской области. Вот там, в конце июня наши девушки получили новое обмундирование – юбки, гимнастёрки, ботинки рабочие, меньше размером, и бельё, но только шитое из солдатской бязи ... Стали немного похожи на женщин. <...>

10 июля 1942 года началось отступление наших войск на нашем фронте. В Сентяновке наш дивизион охранял железнодорожную станцию, в Ворошиловске – железнодорожную станцию и металлургический завод.

Из Ворошиловска ехали на Ворошиловград-Звереве, вот в Звереве мы попали под бомбёжку, страшновато было, бросали бомбы и бросали пустые железные бочки с дырками, они (летят) с большой высоты и свистят жутче сирены, а это было впервые, и нервы надо было иметь крепкие. Там у нас одна девушка из Арзгирского района – Гринёва (кажется так фамилия, не помню точно) сошла с ума, после уже в Махачкале мы её отвезли в госпиталь, и она, наверное, умерла, т.к. когда приехали её проводить, так её не было, и больше ничего о

ней не знаем. <...>

Через Дон переправлялись около станицы Мелиховская. Страшная переправа – большое скопление войск, переправа паромная, паромы небольшие, (становятся) 6 машин или 4 танка, в основном переправляли технику. <...> (Сначала) было 4 парома, на третий день осталось 2, потом один, немецкие самолёты всё время над головой и день, и ночь, почти всегда висят светящиеся ракеты. Бомбят, летят трассирующие пули. На этой переправе у нас были и убитые и раненые, там была работа нам - медикам. Переправились, раненых отправили в госпиталь. И вот наш путь пролёт Мечетинская-Невинномысск».

С городом Невинномысском связан самый героический эпизод боевого пути 18-го дивизиона. В 1981 году был установлен памятник в честь обороны города от немецко-фашистских захватчиков бойцами 18-го дивизиона в августе 1942 года. А ещё раньше, в 1980 году, были прикреплены таблички на дома в разных районах города, на которых отмечалось, что в августе 1942 года ст. Невинномысскую обороняли 1-я, 2-я и 3-я батареи 18-го отдельного зенитного дивизиона.

В книге «Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», где отражены события каждого дня войны, под датой 5 августа 1942 года записано: «18ОЗАД (Ростовский дивизионный район ПВО) под командованием майора Г.И. Белана вёл ожесточённый бой с танками и автоматчиками противника в районе железнодорожной ст. Невинномысская. За три дня боёв зенитчики уничтожили четыре танка противника, четыре танка подбили, сбили самолёт ФВ-190, рассеяли и частично уничтожили до роты пехоты» [1, с. 136].

Героическая оборона ст. Невинномысской бойцами 18-го дивизиона позволила выиграть время и дала возможность железнодорожникам отправить в тыл скопившиеся на его станции поезда с ранеными, эвакуированными детдомовскими детьми, демонтированным заводским оборудованием и военными грузами.

Об этом бое вспоминает Мария Васильевна Панина (Гринько), приборист 1-й батареи 18-го дивизиона: «Батарея была разбита, осталось одно орудие, командир батареи старший лейтенант Филипп Иванович Козенюк был тяжело ранен, два орудийных расчёта погибли. Был получен приказ – сняться с позиций. Уцелевшее орудие и раненых погрузили на машины и двинулись на Пятигорск, где сдали раненых в госпиталь. Дальнейшее продвижение пошло на город Махачкала, где охраняли нефтеперерабатывающий завод».

Мария Васильевна, уроженка с. Величаевского, после войны работала в Левокумском райкоме КПСС. В настоящее время проживает в с. Левокумском. Она оказала неоценимую помощь в

сборе материалов о 18 отдельном зенитном дивизионе ПВО. Мария Васильевна не только вспомнила имена и фамилии своих боевых подруг-землячек и то из каких они призывались поселений, но и сообщила их военную специальность, а также номера батарей, в которых они служили. Благодаря ей удалось собрать галерею портретов 18 бойцов дивизиона, уроженок Левокумского района, а имя одного из ветеранов – Анны Павловны Жуковой – просто вернулось из безвестности. В имеющихся данных по селу Правокумскому её фамилия в списках ветеранов войны не числилась, но благодаря информации, предоставленной М.В. Паниной, удалось найти родственников А.П. Жуковой, которые рассказали о её послевоенной биографии и предоставили музею копию семейной фотографии.

**Бойцы 18 отдельного зенитного дивизиона ПВО,
призванные Левокумским РВК
(по воспоминаниям М.В. Паниной)**

№ п/п	Ф.И.О.	Место проживания до и после ВОВ	Должность, батарея
1	Атаманенко (в замужестве Алексенко) Вера Николаевна	с. Левокумское	радист, 2-я батарея
2	Гринько (в зам. Панина) Мария Васильевна	с.Величаевское — с.Левокумское	приборист, 1-я батарея
3	Дорохина (в зам. Чудинова) Александра Анисимовна	с. Левокумское	дальномерщик, командир отделения, 2-я батарея
4	Евдокимова (в зам. Степанова) Вера Антоновна	с. Левокумское – г. Моздок	разведчик, пост ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи), 1-я батарея
5	Жукова (в зам. Шахова) Анна Павловна	с. Правокумское	радист 1 класса, 2-я батарея, работала на ключе, передавала сообщения азбукой Морзе

6	Заворотынская Евгения Васильевна (в семье и на фронте её называли Зиной)	с. Величаевское – г. Москва	приборист, 3-я батарея
7	Звягина (в зам. Козина) Татьяна Николаевна	с. Правокумское - г. Владивосток – г. Куйбышев	связист (радист), 1-я батарея
8	Золотарёва Анна Прокофьевна	с. Левокумское	разведчик, 2-я батарея
9	Иванова Надежда Васильевна	с. Урожайное	пулемётчик, 1-я батарея была 3 месяца, переведена в другой дивизион
10	Качалкина Дарья Гавриловна	с. Левокумское	приборист, 1-я батарея
11	Ковалёва (в зам. Сорокина) Лидия Павловна	с. Бургун -Маджары – п. Кумская Долина	связист, была недолго, после ранения в 1942 г. попала в другой дивизион
12	Колесникова (в зам. Митрофанова) Анна Ивановна	с. Левокумское	связист, 3-я батарея
13	Лисовцова Вера Ивановна	с. Величаевское – г. Майкоп	приборист, потом технический работник обеспечения дивизиона – выдавала горючее, снаряды, продукты
14	Пухова Мария Сергеевна	с. Правокумское – г. Кисловодск	связист, 1-я батарея
15	Румык (в зам. Пачева) Татьяна Игнатьевна	с. Правокумское – с. Левокумское	разведчик, пост ВНОС, оповещала по радиации о вражеских самолётах за несколько км. от батареи

16	Светличная (в зам. Сауткина) Анна Александровна	с. Урожайное	разведчик, пост ВНОС
17	Сочилина (в зам. Терехова) Валентина Терентьевна	с. Левокумское - Константиновка (Украина) – г. Кисловодск	дивизион, медсестра
18	Шлюпка Александра Васильевна	с. Левокумское – г. Будённовск	шофёр, 1-я батарея

Сведения М.В. Паниной были подтверждены найденным на сайте «Подвиг народа» Министерства обороны России актом вручения награждённым медалей «За оборону Кавказа» от 5 мая 1945 года, подписанным командиром 18-го дивизиона капитаном А.Д. Коренным [2].

О махачкалинском периоде в жизни дивизиона вспоминает приборист 1-й батареи Дарья Гавриловна Качалкина: «батарея стояла на 3-й категории, и не хватало питания» [3, с. 14].

После Сталинградской битвы со всеми войсками двинулись вперёд. Боевой путь зенитчиц проходил по Северному Кавказу, через Ростовскую область, Украину, Польшу, Австрию, Югославию...

Бой в г. Батайске (Ростовская обл.) вошёл в историю войск ПВО: «25 марта – четверг (1943 г.). Авиация противника совершила массированный налёт на железнодорожный узел Батайск. В налёте участвовало 116 бомбардировщиков под прикрытием 41 истребителя. <...> Отличились 2-я и 3-я батареи 18 ОЗАД. <...> Зенитчики сбили 8 самолётов противника» [1, с. 200].

М.В. Панина рассказывает: «Во время войны задача зенитчиков была не только сбить самолёт, важно было заставить его сбросить свой смертоносный груз в стороне от охраняемого объекта — города, завода или железнодорожной станции. Часто бомбы сбрасывались прямо над батареями: «После первой бомбёжки неделю ничего не слышала». Это тяжёлое наследие войны – повреждение внутренних слуховых органов – так и осталось с ней на всю жизнь. «Это всем остальным команда: «Воздух», а нам – «К бою»! Все стараются укрыться при авианалёте, а мы сидим и работаем! Бомба приближается к земле со страшным, всёвозрастающим гулом, а «юнкерсы» ещё и сирену включали – страшнейшая нагрузка на психику! А мы только головы пригибаем и работаем! Техника вся в земле – первым делом солдаты закапывали материальную часть, потом рыли ходы сообщения и

в последнюю очередь – землянки. Земли много покидали за время войны – тонны!»

Встретили Победу зенитчики в немецком городе Лабанд. М.В. Панина вспоминает, что началась суматоха, крики, смех и...слёзы. «Я никогда не видела, чтобы мужчины так плакали. У меня мама умерла перед войной, и отец плакал, но не так!».

О вере в победу нашего народа красноречиво говорит фотография бойцов 2-й батареи 18-го дивизиона, сделанная в апреле 1943 года в городе Батайске. На ней сверху размещён шаблон с надписью «Память участнику отечественной войны 1941 – 194...», т.е., советские солдаты верили, что в сорок каком-то году война закончится - конечно, нашей Победой! Выражения «Отечественная война», «Великая Отечественная война» встречаются на каждой второй фотографии зенитчиц, значит, это поистине народное название, таковым было осознание нашими героями сути этой войны.

Последнее место службы девушек – город Бреслау (Германия). Дивизион охранял военный завод, где проводился демонтаж оборудования для отправки в Советский Союз. М.В. Панина до сих пор сокрушается, что сбитых самолётов на счету дивизиона – 99. «Одного нам не хватило, чтобы называться гвардейцами!».

После начала демобилизации командир шуточно объявил девушкам-бойцам, что теперь можно влюбляться. И там же, в Германии поженились Валентина Сочилина и Николай Терехов – шофёр санитарной машины, что возил всю войну главного врача дивизиона.

Послевоенная жизнь девушек-зенитчиц доказывает, что выражения «фронтовая дружба» и «фронтовое братство» - не пустые слова. Ветераны 18-го дивизиона на протяжении всей жизни встречались в с. Левокумском, г. Будённовске, с. Арзгире, г. Черкассах (Украина), г. Рыбнице, г. Невинномысске. Обменивались письмами, открытками и телеграммами. В Левокумском музее хранятся поздравительные открытки, присланные Александре Анисимовне Дорохиной (Чудиновой) её боевыми подругами, в них столько любви и тепла: «Дорогая Саша, передай мои поздравления всем нашим девочкам и пожелай от моего имени им счастья и здоровья», «Саша, милая! Поздравляю тебя со светлым Днём радости – Днём Победы! <...> Через год стукнет 40 лет, как мы расстались, все разлетелись в разные стороны. А кажется, что недавно пережили мы всё это, правда?», «Здравствуй, Сашенька! Поздравляю тебя с праздником весны, днём 1-го мая и днём Победы! Желаю от всей души тебе хорошего здоровья, долгих красивых лет жизни, большого личного

счастья. И в кругу боевых друзей выпить чарочку не грех. И вспомнить товарищей, тех, кого нет в живых, отдавших свою жизнь за счастье нас, живых».

Использованная литература и источники

1. Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне 1941-1945: Краткая хроника. М., 1981.
2. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 44677. Ед. хр. 412.
3. ЛИКМ. КП(6) О.ф. № 2450. Альбом № 62 «Женщины Лугокумья – участницы войны. Лугокумская СОШ № 1, класс 5 «В». 1976 г.

Гордылева М.Ю.,

*г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-
заповедник, заведующий отделом истории,
кандидат философских наук*

Отражение событий Великой российской революции и гражданской войны на Ставрополье в собрании Ставропольского государственного музея-заповедника

тавропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе располагает обширным, хотя и несколько односторонним, что связано с политической конъюнктурой, собранием материалов, отражающих события Великой российской революции и Гражданской войны на Ставрополье.

В современной исторической науке все события, произошедшие в России в 1917 году, называют «Великой Российской революцией». Это и свержение монархии во время Февральской революции, когда власть перешла к Временному правительству; это и события Октябрьской революции большевиков, провозгласивших советскую власть.

Известие о Февральской революции было встречено населением Ставропольской губернии с оптимизмом. В городах и селах

прошли демонстрации, сходы граждан, собрания общественности в поддержку Временного правительства. В Ставрополе 5 марта состоялась демонстрация, участники которой прошли по Николаевскому проспекту. На фронте солдаты устраивали митинги в поддержку смены государственного строя [4, с. 22-23].

Революция создала новые органы власти, среди них - Комитеты общественной безопасности и Гражданские комитеты. Институт губернаторства прекратил свое существование. Уполномоченные 38 предприятий Ставрополя создали Совет, в который вошли и представители городского гарнизона, после чего он стал именоваться Советом рабочих и солдатских депутатов. Губернский крестьянский съезд избрал Совет крестьянских депутатов. В этот период во всех Советах преобладали представители эсеров и меньшевиков.

Реакция жителей Ставропольской губернии на февральские события имела свои особенности, но в целом отражала общероссийские тенденции. Губерния отличалась преобладанием крестьянского населения, малочисленностью пролетариата, незначительным влиянием партии большевиков и высокой популярностью эсеров. Общероссийской чертой можно назвать настроение восторженности, поддержку Временного правительства со стороны интеллигенции и одновременно завышенные требования к нему.

Продолжающийся кризис власти к осени 1917 года достиг своего апогея. На этом фоне большевики оказались единственной политической партией, которая решилась взять власть в свои руки и сумела удержать ее. 28 октября в городе Ставрополе стало известно об Октябрьском перевороте в Петрограде. Местными большевиками была устроена вооруженная военно-рабочая демонстрация, незначительная группа рабочих приветствовала демонстрантов у Тифлиссских ворот.

Советская власть на Ставрополье установилась позже, чем в центре страны. Она была провозглашена в ночь с 31 декабря 1917 на 1 января 1918 года на Губернском народном собрании, проходившем в здании мужской классической гимназии на Александровской площади. У входа стояла охрана, делегатов пропускали только после проверки мандатов. Решался один, но самый важный вопрос – о власти. В результате чего было принято постановление: «Организовать в губернии власть Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и признать в России законной Советскую власть» [1, с. 38-41.].

Народное собрание по установлению в губернии советской власти проходило в бурной атмосфере споров и конфронтации, основными силами которой были эсеры и большевики. Последние

проявляли большую решительность и оказывали давление на участников собрания. Вот как охарактеризовал работу Народного собрания писатель И. Д. Сургучев: «...Я был три года на войне и видел немало страшных вещей, но это народное собрание было самое страшное, что я видел в своей жизни...» [6, с. 6].

Губерния была провозглашена Ставропольской советской республикой. Через несколько дней был избран Совет народных комиссаров, состав которого был коалиционным. В него вошли 4 большевика, 2 эсера, 2 меньшевика и один беспартийный. Председателем Ставропольского совнаркома был избран А.А. Пономарев. Пост комиссара по военным делам занял Н.А. Анисимов.

После октября 1917 года страна пересекла ту черту, за которой надежда на диалог разных политических сил была окончательно потеряна. Россия разделилась на два непримиримых политических лагеря. Гражданская война на Северном Кавказе началась в марте 1918 года и носила здесь обостренный характер. В крае началось формирование частей Красной Армии. Повсеместно создаются партизанские отряды, под командованием П.М. Ипатова, И.Р. Апанасенко, И.А. Кочубея, К.А. Трунова, которые затем вошли в состав I Конной Армии и XI Армии [3, с. 44-47].

Ядром Белого движения на Северном Кавказе стала Добровольческая армия. Ее основателями и командующими стали генералы М.А. Алексеев, Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин, П.Н. Врангель. Главной идеей движения являлся антибольшевизм и сохранение единой неделимой России.

С декабря 1918 по февраль 1920 гг. территория Ставропольской губернии находилась под контролем Добровольческой армии. Была введена должность военного губернатора. На основе Добровольческой армии были созданы Вооруженные Силы Юга России под командованием генерала Деникина.

В начале 1920 года большевиками был образован Кавказский фронт. Войска I Конной Армии, X Армии и воссозданной XI Армии перешли в наступление с целью ликвидации контрреволюционных сил на территории Северного Кавказа. Части XI Армии 18 января 1920 года вошли в город Святой Крест (сейчас Буденновск), заняли села Дивное, Петровское, Благодарное, Константиновское, а 29 февраля - Ставрополь. К началу апреля все антибольшевистские силы покинули территорию Ставропольской губернии и регион Кавказских Минеральных Вод [5, с. 167].

В результате ожесточенного противостояния жертвами Гражданской войны в России стали более 10 миллионов человек, эмигрировали свыше двух миллионов. Многочисленные социальные

группы населения в последующие годы подверглись репрессиям (дворянство, казачество, духовенство, так называемое кулачество). Российское общество на многие десятилетия оказалось расколотым на «красных» и «белых».

Сотрудниками ставропольского музея за десятилетия было собрано множество предметов и документов, отражающих события революции и Гражданской войны на Ставрополье. Документальные фонды делятся на номерные, которые включают в себя тематические и персональные фонды.

Самыми обширными из тематических фондов являются: «Революционные события и Гражданская война на Тереке и Кубани 1917-1920 гг.»; «Участники Гражданской войны на Северном Кавказе 1918-1920 гг.». Большую часть фонда «Участники Гражданской войны на Северном Кавказе 1918-1920 гг.», представляют собой воспоминания участников Гражданской войны. При музее в 1950-е гг. была создана секция ветеранов Революции и Гражданской войны на Ставрополье. К 40-летию Октябрьской революции краевыми партийными органами было принято решение собрать их воспоминания. Фонд включает в себя подлинники и копии документов (воспоминания, письма, справки, сведения, грамоты, приказы, фотографии, печатные издания) [7].

Среди персональных можно выделить фонды организаторов советской власти и участников Гражданской войны (А.А. Пономарева, М.С. Акулова, М.Г. Морозова, Н.А. Анисимова, К.М. Ге, В.И. Книга, К.А. Трунова, И.Р. Апанасенко, В.С. Голубовского, П.М. Ипатова, Ф.Г. Шпака и многих других). В собрании музея-заповедника также представлены отдельные коллекции фотографий, газет, книг, плакатов, печатной продукции.

Вещественные фонды отражены следующими коллекциями:

- награды, в том числе уникальные (орден «Красное Знамя», 1918 г.; знак «Герою Революционного движения»; знак нагрудный кавалерийский Конной Армии; знак красного командира, 1918-1922 гг.; жетон Корниловского полка, 1918 г.); памятные медали на юбилейные даты Октябрьской революции;

- коллекция денежных знаков обеих противоборствующих сторон 1918-1922 гг.;

- образцы обмундирования Российской армии периода Первой мировой войны, представителей Белого движения и Красной Армии. Ценная коллекция была приобретена музеем в 1997 году у московского коллекционера М.Ю. Блинова накануне открытия выставки к 80-летию революции и Гражданской войны (в том числе костюм красного командира с бронепоезда Льва Троцкого);

- коллекция оружия периода Первой мировой и Гражданской войн (шашки, штыки к винтовкам, пистолеты систем «Браунинг» и «Маузер», винтовки Мосина);

- обширный материал к памятным датам революции 1917 года (открытки, плакаты, награды, сувенирная продукция и др.).

В советские годы отечественная история интерпретировалась согласно господствующей идеологии, часть документальных источников показать было невозможно, многие факты замалчивались. В конце XX века у сотрудников музея появилась возможность самостоятельно отбирать материалы для экспонирования, знакомить посетителей с историей, личностями, фактами и событиями ранее не получившими достаточного освещения. Однако следует признать недостаточное количество материалов, посвященных Белому движению, что предстоит восполнить в будущем.

Во время создания экспозиции, приуроченной к 100-летию Великой российской революции, сотрудники музея постарались максимально полно и объективно ознакомить посетителей с информацией, сформировать объемный взгляд на это масштабное историческое событие без политической подоплеки. Великая Российская революция 1917 года и Гражданская война – это единый процесс, они не должны рассматриваться как отдельные явления. У каждой из противоборствующих сторон была своя выстраданная правда, свое понимание счастливого будущего для России.

Выступая с ежегодным посланием Федеральному собранию, Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул, что 2017 год – год столетия Февральской и Октябрьской революций, и российское общество нуждается в объективном, честном, глубоком анализе этих событий. Он дал следующую оценку событиям 1917 г.: «Это наша общая история, и относиться к ней нужно с уважением. Недопустимо тащить расколы, злобу, обиды и ожесточение прошлого в нашу сегодняшнюю жизнь, в собственных политических и других интересах спекулировать на трагедиях, которые коснулись практически каждой семьи в России, по какую бы сторону баррикад ни оказались тогда наши предки. Давайте будем помнить: мы единый народ, мы один народ, и Россия у нас одна» [16].

Использованная литература и источники:

1. Беликов Г., Парфенов О. Безумие во имя утопии или ставропольская Голгофа. Ставрополь, 2015.
2. Головенченко Ф. 1917 год в Ставропольской губернии. Ставрополь, 1927.

3. Головенченко Ф., Емельянов Ф. Гражданская война в Ставропольской губернии (1918-1920 гг.). Исторический очерк. Ставрополь, 1928.
4. Игонин А.В., Оборский Е.Ю., Суханова Н.И. Северокавказское общество на историческом переломе (1917 – конец 1920-х гг.). Ставрополь, 2009.
5. Кругов А.И. Ставропольский край в истории России (конец XVIII-XX век): Региональный учебник для старших классов общеобразовательных учебных заведений. Ставрополь, 2001.
6. Сургучев И. Бесы русской революции. Зверства большевиков в Ставрополе.
7. Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве (Далее СГМЗ). Д.ф. 427, 428, 429.
8. СГМЗ. Д.ф. 14. Е.х. 1.
9. СГМЗ. Д.ф. 15. Е.х. 1.
10. СГМЗ. Д.ф. 16. Е.х. 1, 2.
11. СГМЗ. Д.ф. 432. Е.х. 1.
12. СГМЗ. Д.ф. 434. Е.х. 1.
13. СГМЗ. Д.ф. 454. Е.х. 1.
14. СГМЗ. Д.ф. 442. Е.х. 1.
15. СГМЗ. Д.ф. 243. Е.х. 1, 2.
16. <http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/75199/>

Запорожцева О.А.

г. Ставрополь,

*Северо-Кавказский федеральный университет,
аспирант кафедры истории России*

Развитие шелководческого дела на Северном Кавказе помещиком Алексеем Федоровичем Ребровым

ачало развития шелководства в России следует отнести к попыткам выращивания шелковицы при царе Михаиле Федоровиче Романове (1613-1645 гг.). Интерес к шелководству возрастает при царе Алексее Михайловиче (1645-1676 гг.). По его указу шелковица была высажена не только под Москвой в селе Измайловском, но и в Астрахани, и на Тереке [1, с. 120].

Не оставалось без внимания шелководство на юге России и при Петре I. Как отмечалось в военно-статистическом обозрении

Ставропольской губернии за 1851 год, здесь еще в 1700 году была произведена перепись государственных и частных тутовых садов. «При этом учинен указ крепкий, смертной казнью, чтобы тутового дерева отнюдь никто не сек и ничем не пустошил». Также описывалось, что тутовые деревья разводятся жителями селений и являются собственностью не одного лица, а всех лиц, проживающих на данной территории [2, с. 187].

При Екатерине II развитию шелководства способствовали братья Григорий Александрович и Павел Сергеевич Потемкины. В 1785 году граф П.С. Потемкин был назначен Кавказским наместником. Он много сделал для заселения региона русскими крестьянами и развития сельского хозяйства на Кавказе. Кроме того, им были вызваны на Кавказ немецкие колонисты, чтобы с их помощью устроить несколько заводов для шелководства. Торговые связи региона с Закавказьем способствовали тому, что оттуда еще в X веке вывозилось большое количество шелка [1, с. 120].

С конца 1820-х гг. на Северном Кавказе усердно занимался шелководством помещик А.Ф. Ребров. Более 40 лет своей жизни он посвятил этому промыслу, а свое поместье он превратил в научную лабораторию. Главные интересы Алексея Федоровича в области шелководства были связаны с повышением продуктивности пород тутового шелкопряда; выявлением экологических факторов, способствующих усовершенствованию пород; улучшению технологии размотки коконов и переработки шелкопродуктов. Занимался также пропагандой российского шелководства и выведением местной породы тутового шелкопряда с белыми коконами. Как писал сам А.Ф. Ребров: «... теперь уже дошел до того, что на 160 белых коконов остается только один желтый; в китайских же шелках до сих пор считается на 1 желтый кокон 26 белых». Таким образом, применяя эволюционный принцип отбора и направленного воспитания, он получил породу на 77 % превышающую местную по шелковой продуктивности. [1, с. 122]

Опытным путем А.Ф. Ребровым было выявлено влияние качества корма – листьев шелковицы – на скорость развития гусениц и шелконосность коконов. Им первым был введен в практику способ выкормки гусениц на «камышовых плетнях» в 4 яруса в специальных помещениях — червоводнях. До него обычный способ выкормки червей был на земле. [8, с. 360]

В России в то время своего гренупроизводства не существовало, и он выписывал грену (яйца тутового шелкопряда) из Китая, Италии, Франции, стран Аравийского полуострова. Свои земли он засадил деревьями, виноградниками и шелковичными садами. [1, с. 122]

Помимо прочего, Алексеем Федоровичем было установлено, что высокая плотность червей на выкормке «особливо в первых двух возрастах» вредно отражается на качестве коконов. Им были найдены условия ускоренной выкормки в течение 23 дней; установлена оптимальная температура для завивки коконов, а также пагубность резких перемен температуры во время завивки. А.Ф. Ребров нашел норму для расчета количества корма на партию червей. Алексей Федорович считал, что при определенных климатических условиях лета, опушенный лист шелковицы имел преимущества перед неопушенным листом. При весенних заморозках, повреждающих листья шелковицы, им был испытан способ использования заменителей на ранних стадиях развития шелкопряда. Для этого использовались листья цикория и салата. [1, с. 122-123]

В одном из писем к министру внутренних дел, от 30 августа 1829 года, Ребровым был описан первый шелкомотальном снаряд: «Образцы шелка, выделяемого и вымотанного в нынешнем 1829 г. в количестве до двух с половиной пуд: из них № 1 в 3 кокона или нити на колесо обыкновенным образом; два других мотка ссученных. № 2 для основы и № 3 для утока, на вновь устроенной с ранних, коего шелк прямо с коконов из тазу прядется и навивается на катушки и вместе тростится.... Изделие еще конечно далеко уступает произведениям фабрик, усовершенствованных в России. Но приемлю смелость надеяться, что Ваше Высокопревосходительство изволите принять в начальское внимание новость, так сказать, первый опыт сего производства в области Кавказской, указывающей возможность водворить здесь Мануфактурное заведение» [3, лл.8-10 об.].

В 1829 году крупный российский фабрикант И.М. Кондрашев купил во Владимировке шелк по цене 850 рублей ассигнациями за пуд. Этот шелк оказался пригодным для изготовления самых тонких и изящных тканей, обычно привозимых из-за границы. В 1837 году в «Земледельческом журнале» Алексей Федорович писал: «Шелк мой признан и во Франции лучшим из всех европейских шелков и получил всеобщую известность. Это подтверждается требованием на него и ныне из Лиона коммерческим домом Дюфур д'Арль» [10, с. 103].

За 1831 год в «Земледельческом журнале» А. Ребров помещал статьи «О шелководстве в России» и «О новоизобретенном на Кавказе шелкомотальном снаряде». Почти ежегодно в этом журнале появлялись его статьи и отчеты по шелководству [11, с. 5].

Приехав в 1832 году в Москву, он привез с собой семена и сеянцы шелковицы, которые лично посадил в Александровском саду и в Кремле, раздал членам Московского общества сельского

хозяйства. Предпринял он посадки шелковицы и в Санкт-Петербурге [1, с. 123-124].

А.Ф. Ребров много внимания уделял совершенствованию шелкомотания, и в 1832 году им была продемонстрирована размотка коконов членам Московского общества сельского хозяйства [13, с. 2]. Позже министерством внутренних дел было сообщено помещику об итогах просмотра изобретенной им машины для размотки конов и испытании ее в действии:

«1. Машина была подвергнута испытанию в присутствии членов Общества Сельского Хозяйства и известнейших в Москве фабрикантов шелковых изделий, а равно в Московском Отделении Мануфактурного Совета; и признана могущею доставить большие выгоды для нашего шелководства.

2. Обществу известно, что помощью сего снаряда, и искусства обрабатывать шелк, вы довели оный до такого совершенства, что в Париже и Лионе шелка Ваши признаны одними из превосходнейших в Европе.

3. Что в прошедшем году представив отчет Обществу о своем шелководстве за 1833 г., вы изъявили готовность каждому показать способ производить превосходный белый шелк, подобный китайскому сина, если присланы к Вам будут люди, для обучения шелководству, не требуя за то никакой платы, даже принимая и содержание учеников на свой счет, и что повторение сего вызова, Вы сделали в отчете за 1834 г.

4. Что Общество Сельского Хозяйства, уважив столь благонамеренный вызов, послало уже к Вам одного из участников Земледельческой школы». [5, л.2]

Шелк, выработанный в хозяйстве А. Реброва, был отменного качества. Промышленники за пуд ребровского шелка платили 1400-1800 рублей, а другие шелка продавались по цене 400-500 рублей за пуд. Барон Мейендорф, получивший во Франции образцы шелка для определения качества, писал А.Ф. Реброву: «Посланный мне Вами шелк в образцах возбудил всеобщее удивление всех больших знатоков в Париже. Никогда они не хотели верить, что сей шелк, выделан в России; сей шелк один из прекраснейших и лучше выделанных в свете и особенно употребляем для белого газа и не имеет ни малейшего недостатка, разве только недовольно плотный» [1, с. 123].

За относительно короткий период времени село Владимировка превратилось в настоящий оазис в степном краю. Вот что писал о нем в 1839 году французский ученый-путешественник Гаммер: «Проезжая по Западным степям Каспия, я нашел одно из прекраснейших поместий на реке Куме, с. Владимировку г. Реброва. Тут видна широкая

и разумная мысль во всем расположении этого замечательного имени... Солончаки, топкие и недоступные к возделыванию земли, превращены посредством канав в шелковичные плантации и виноградные сады» [14, с. 37-38].

В 1832 году А.Ф. Ребров становится членом императорского Московского общества сельского хозяйства. Немного позже, в 1834 году, А.Ф. Ребров был избран членом императорского Московского общества испытателей природы, а в 1835 году назначен членом Кавказского областного статистического отделения [6, лл. 21-22].

За успехи, которых добился Алексей Федорович при ведении сельского хозяйства, он был удостоен в 1832 году большой золотой медали, а в 1834 году ему была вручена вторая большая золотая медаль [6, лл. 21-22].

Считая, что только грамотный человек способен разумно вести хозяйство, А.Ф. Ребров создал школы шелководов во Владимирове, Ставрополе, Кизляре, Кисловодске, где обучал крестьян основам выращивания гусениц и переработке коконов [1, с. 123]. Школа шелководов во Владимирове, была организована для крестьянских детей совершенно бесплатно. В зимний период ребятишек учили грамоте, арифметике и начаткам Закона Божьего, а летом обучали приемам выкормки гусениц тутового шелкопряда и размотки коконов [12, с. 5].

Несомненно, стоит сказать несколько слов о людях, которые стремились поддержать А.Ф. Реброва в его деловых начинаниях. Так, серебряной медалью был награжден штабс-капитан Ермакевич, который искусно управлял шелководческим заведением А.Ф. Реброва; ученик земледельческой школы Авксентьев, посланный для изучения шелководства к А.Ф. Реброву и приславший несколько статей о шелководстве, удостоенных публикации в «Земледельческом журнале», был награжден похвальным листом, а крестьянин Михаил Устинов — шелковод в хозяйстве А.Ф. Реброва, получил суконный кафтан с узким золотым галуном по воротнику и обшлагам, в знак поощрения за занятие шелководством [9, с. 3].

Трудами Реброва во Владимирове был сотворен настоящий оазис, вызывавший изумление всех, кто проезжал по безжизненной прикумской степи. С. Маслов, первый председатель комитета шелководства при Московском обществе сельского хозяйства, писал о слободе Владимирове: «Удивлялся догадке и терпению хозяина воспользоваться притоками Кумы и посредством напущения и спуска воды между грядками выщелачивать из почвы соль, чтобы завести виноградники и тутовые сады на солончаках, завоеывая, так сказать, у природы бесплодные земли» [7, с. 43].

Алексей Федорович был активным пропагандистом шелководства и расширения ареала его распространения в России. Бесплатно раздавал заинтересовавшимся крестьянам семена шелковицы и грену (яйца) тутового шелкопряда [1, с. 123]. Усиленно стараясь достигнуть высокого качества шелковицы А.Ф. Ребров писал: «Не признавая за первый шелк, добываемый фабрикантами из Англии, я искал получить из Китая, как страны 40 веков занимавшейся шелководством».

Алексею Федоровичу повезло в том, что ему удалось найти покровительство в лице Министра Финансов Мейендорфа и генерал-губернатора Сибири Вельяминова. При их содействии посчастливилось получить из Китая хорошую породу червей и приспособить их в поместье Реброва [4, л.2-3.об.].

Будучи деятельным патриотом, Ребров в печати настойчиво проводил мысль о том, что Россия в состоянии самостоятельно обеспечить потребности в сырье для отечественной шелкоткацкой промышленности. В своих статьях он доказывал, что только Кавказская область могла бы выделять 4 тыс. пудов шелка в год, и при определенных условиях избавить Россию от «уплаты дани Франции и Италии». Такую же цифру назвал и приглашенный в Россию сардинский мастер-шелковод Б. Герзи [11, с. 5].

К сожалению, в настоящее время российское шелководство находится в таком кризисном положении, какого не было за его более чем трехсотлетнюю историю. Основной причиной является то, что в России отсутствует собственное кокономотальное производство. В советское время коконы из РСФСР перерабатывались на Бендерском шелковом комбинате (Молдова). Распад СССР нарушил устоявшиеся деловые связи. Отсутствие отечественной шелкоперерабатывающей промышленности вызвало свертывание выкормок тутового шелкопряда, а усилия шелководов-энтузиастов так и не нашли государственной поддержки [13, с. 2].

Использованная литература и источники:

1. Богословский В.В., Лейнвебер Е.Ф. А.Ф. Ребров – родоначальник научного шелководства в России // Третьи Ребровские музейно-краеведческие чтения 17 – 18 февраля 2011 года. Материалы для биографии А.Ф. Реброва. Часть I. Вып. 1. Кисловодск, 2012.
2. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.XVI.Ставропольская губерния. Ч. 1. // Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани. М., 2008.
3. ГАСК. Ф.79. О.2. Д. 489 св.38.
4. ГАСК. Ф.79. О.2. Д.878.
5. ГАСК. Ф. 444. О.1. Д. 289.
6. ГАСК. Ф.1305. О.1. Д.28.
7. Запорожцева О.А. Алексей Федорович Ребров — опытник-хозяйственник

- и благоустроитель в селе Владимировка // Студенческая наука XXI века: Материалы IV Международной студенческой научно-практической конференции (Чебоксары, 27 января 2015 г.). Чебоксары, 2015.
8. Запорожцева О.А. Деятельность Алексея Федоровича Реброва по внедрению методов хозяйствования на Ставрополье // Культура и общество: история и современность. Материалы III Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Ставрополь, 2014.
  9. Маслов С.А. О кресте на горе Св. Духа близ Нарзана в Кисловодске /С.А. Маслов// Кавказ. № 34. 21 августа 1848.
  10. Ребров А.Ф. О разведении китайского шелка-сина в Кавказской области. (Донесение) // Земледельческий журнал. № 1. 1837.
  11. Смоляков В.А. Ими гордится Отечество // Кавказская здравница. № 31-32. 24 февраля 2001.
  12. Смоляков В.А. Ими гордится Отечество /В.А. Смоляков// Кавказская здравница. № 35. 2 марта 2001.
  13. Тищенко Г. Основоположник шелководства в России: эхо юбилея А.Ф. Реброва // Кавказская здравница. № 32. 28 февраля 1996.
  14. Юрьев Н. Материалы для биографии Алексея Федоровича Реброва (26 марта 1864 г., село Владимировка на Кавказе) / Кавказские Минеральные воды в описаниях, очерках, исследованиях за 200 лет. Том 3, конец 20 - начало 21 вв. Ставрополь, 2011.

Захаревич А.В.,

*г. Ростов-на-Дону, Президиум Совета
Ростовского регионального отделения
ВООПИК, научный консультант*

**«Атаман наш знает, кого выбирает ...»
(жизнь и подвиги забытого
героя обороны станицы
Воровсколесской 27 мая 1807 года,
войскового старшины Войска Донского
Ф.М. Персиянова 1-го (1753-1811))**

абирая в фондах Государственного архива Ростовской области (ГАРО) материал к освещению проблемы «Участие донского казачества в боях с горцами в оборонительный период Кавказской войны (1801-1816 гг.), я обнаружил послужной список войскового старшины Федора Матвеевича Персиянова 1-го за 1810 год, в котором содержались

следующие данные: «1807-го мая 23-го у защищения Воровсколесской казачьей станицы при нападении на разграбление её многочисленным разным закубанских народов собранием, где находился только с 52-мя чинами полка моего и небольшою частию жителей, отразил их повсюду с неустрашимостью и отличным мужеством, спас часть жителей, полковые знамена (*непонятно чьи – своего полка или и Кубанского линейного, т.к. множественное число – А.З.*) и орудие, положи оных (горцев) на месте до 3-х сот человек» [1, л. 63 об., 66].

Ранее приходилось встречать в литературе различные трактовки этого события. Например, Ф.А. Щербина [2, с. 205] и В.А. Потто [3, с. 631] описывали события так, что они выглядели как безнаказанное разорение станицы и увод ее населения в плен. Однако, с прошествием времени, тот же В.А. Потто в своей «Истории 44-го Нижегородского драгунского полка» описал указанный бой, но главными его героями сделал нижегородцев [4, с. 89-91].

Постсоветские исследователи недалеко ушли от своих предшественников, примером чему может служить «Энциклопедический словарь по истории Кубани», где сообщается: «**Воровсколесская**, ст-ца, основана 100 семействами донских казаков в 1794 г. на месте редута Воровсколесского (1792), расположена в отдалении от р. Кубань и других населенных пунктов, на ручьях Греков и Дунькин. В 1796 вошла в состав Кубанского линейного казачьего полка. Располагалась напротив Верхнекубанского кордонного участка, слабо охраняемого в тот период и легко преодолимого горцами ввиду обилия бродов через Кубань. **В.** несла чувствительные потери: в мае 1807 горцы захватили в плен 179 чел.» [5, с. 94].

Но есть и отрадные явления: ставропольский исследователь В.А. Колесников тоже описывает тот бой, но главными его героями выставляет казаков-линейцев [6, с. 65]. Однако такая трактовка событий нуждается в значительной корректировке, направленной на более четкое выявление в этом бою «донского следа» - подвига совершенного казаками полка войскового старшины Ф.М. Персиянова 1-го. В свое время мною была сделана такая попытка [7, с. 131-133], но замечена она была только на Кубани армавирским историком К.В. Скибой, написавшим после защиты диссертации замечательную монографию, на страницах которой нашел отражение и мой материал в котором отмечена роль Ф.М. Персиянова 1-го как организатора обороны [8, с. 59].

Научный руководитель К.В. Скибы, ныне покойный профессор В.Б. Виноградов, с которым у нас наметился творческий контакт, специально направил ко мне в Ростов своего аспиранта, дабы освежить «донской составляющей» страницы его диссертации.

Получился достаточно хороший результат, а затем между мной и К.В. Скибой завязалось творческое содружество, длящееся до сих пор: появился целый ряд статей в соавторстве, последняя из которых вышла в свет в 2016 году. [9, с. 90-98].

Но настоящей неожиданностью для меня было открытие на просторах Интернета увесистого труда И.А. Соловьева, в электронном виде, посвященного истории станицы Воровсколесской от ее основания до сегодняшних дней. В этом труде известная доля текста, рассказывающая об обороне 23 мая 1807 года, со ссылкой на мои работы, отводилась донцам полка Персиянова 1-го и их славному командиру [10, с. 67-69]. Не скрою, что мне как автору это было очень приятно. Удивительно было другое: на Кубани, где не очень любят вспоминать донцов (так уж исторически сложилось), автор нашел нужным уделить им определенное место, тем более, что в послужном списке Ф.М. Персиянова впервые было указано количество погибших в бою за станицу горцев, чего раньше в трудах исследователей не было.

Окончив историографический знаменитого боя 23 мая 1807 года в трудах отечественных историков, в которых роль донцов до недавнего времени почему-то опускалась, необходимо перейти к описанию жизни и подвигов нашего героя, обозначенных в названии статьи. Может возникнуть вопрос: почему в начале названия приведены слова из казачьей песни «Любо братцы, любо...»? Ответ простой: просто он был «**тумой**».

Е.П. Савельев дает этому слову такое определение: «Слово «тума» черкесское и означает «приблудный», происшедший от смешения крови с другим народом, собственно – «метис» [11, с. 7]. Говоря об общественном положении таких людей, современный историк Н.Н. Лысенко пишет: «Тума», сын казака и, например, карачаевки – не имел никаких ограничений в личных гражданских правах и мог быть свободно избран на любую войсковую должность наравне с сыном казака и казачки...» [12]. Правда, здесь идет речь о XVII веке и о таком легендарном человеке как С.Т. Разин, тоже принадлежавшем к этой категории казаков. К рубежу XVIII-XIX вв. их положение мало изменилось, но состояние в «тумах» всю жизнь больно «икалось» в службе Ф.М. Персиянова, так как в характеристики, данные Е.П. Савельевым и Н.Н. Лысенко, следовало бы добавить, что «тумы» были выбираемы на должности только тогда, когда предприятия, для которых их выбирали, **носили в глазах казаков изначально бесперспективный характер**.

Прослеживая события жизни и службы Ф.М. Персиянова, мы будем периодически сталкиваться с подобным отношением к

нему. В его послужном списке за 1807 году в графе о происхождении значится «из персидских детей» [13, л. 114 об.]. Отсюда фамилия. Эти «дети» появились на Дону в результате участия в Персидском походе Петра Великого (1722-1723 гг.) бригады донских казаков во главе с И.М. Краснощековым. Взятый в плен персидский мальчик, крещенный Матвеем, был привезен в Черкасск и использовался И.М. Краснощekom для услужения. Когда хозяин был избран донцами войсковым атаманом, то Матвей стал своим в его доме, женился и стал отцом Федора Матвеевича. Но войсковая верхушка не считала его своим, ибо он не был казаком, хотя и проживал в Черкасске, в ст. Павловской (город состоял из 11 станиц). Даже современный знаток генеалогии донских родов С.В. Корягин выводит сведения о Ф.М. Персиянове за пределы поколенной росписи генеалогического древа коренного донского казачьего рода Персияновых, определяя его в раздел «Другие Персияновы» [14, с. 69].

Как сын оказался в казаках? Федор «болтался под ногами» у 50-летнего отца, ставшего к этому времени доверенным слугой у наследника И.М. Краснощекова, героя Семилетней войны генерал-майора Ф.И. Краснощекoгo, который пользовался на Дону большим влиянием. Исполняя просьбу своего мажордома он переговорил с войсковым атаманом Степаном Даниловичем Ефремовым, а также с представителями войсковой старшины, чтобы определить сына своего слуги в первый попавшийся казачий полк, отправлявшийся на службу. С 16 мая 1767 года Федор стал казаком полка полковника Туроверова, отправлявшегося в Крым. Было ему в то время 14 лет от роду [15, с. 46]. Такой ранний выход на службу был на Дону в обычае тех времен: даже М.И. Платова его отец определил служить с 13 лет [16, с. 68].

Так началась 25-летняя военная карьера, непрерывная череда служебных заданий и поручений, обрывавшаяся только двумя-тремя месяцами пребывания дома, перед очередным нарядом на службу: 1768-1770 гг. – участие в войне с Турцией, 1771-1772 – служба в Астрахани, 1773-1774 гг. – участие в подавлении восстания Е.И. Пугачева, 1775-1778 гг. – служба на Оренбургской линии, 1778-1782 гг. – на Кавказской, с осени 1782 по 1786 гг. – в Петербурге, с 1786 по 1791 гг. – новая война с Турцией. С 19 мая 1791 года в составе полка Грекова был направлен в Польшу (Речь Посполитую), где участвовал в боях с конфедератами [13, л. 114 об.-115].

За это время он был несколько раз ранен, произведен за отличие 20 апреля 1778 года в сотники, 10 мая 1783 года в есаулы, а 9 апреля 1789 года последовало производство в капитаны, что имело для него судьбоносное значение. Производство в этот армейский офицерский

чин давало ему право на дворянство, что при его «безродности» было подлинной «путевкой в жизнь»! За отличие в боях с поляками, 9 августа 1792 года Персиянов был произведен в войсковые старшины.

На первый взгляд все выглядит хорошо, но отношение к нему как к «туме» начинает отражаться даже в плане получения наград: за отличие в штурме Измаила 11 декабря 1790 года, несмотря на то, что в наградных листах А.В. Суворов «пролил дождь изобилия» на донцов, Ф.М. Персиянов 1-й не был ничем награжден, даже знаменитым Измаильским крестом, хотя первым ворвался на турецкую батарею [17, л. 28 об.]. Очевидно, это было сделано с легкой руки походного атамана донцов под Измаилом В.П. Орлова, посчитавшего, что чина капитана за 1789 год для Федора Матвеевича будет, как для «тумы», вполне довольно! В Речи Посполитой походным атаманом у донцов был менее разборчивый генерал-майор Ф.П. Денисов, который видя лихость атак Персиянова 1-го на поляков, представил его к очередному производству и проследил, чтобы оно было утверждено. И хоть имел Ф.М. Персиянов право получать чины по армейской линии (т.е. майора), слава Богу, что удалось получить хотя бы войскового старшину.

Вернувшись на Дон в начале 1793 года, он очутился в атмосфере волнений, вызванных «Есауловским возмущением» 1792-1794 гг. Как перспективного офицера, находившегося на хорошем счету, войсковой атаман А.И. Иловайский назначает его в 1793 году начальником Усть-Аксайского сыскного начальства. Необходимо заметить, что в Усть-Аксайский стан (с 1797 г. станица Аксайская) с 1792 года было переведено управление Черкасского округа из-за участвовавших масштабных наводнений в городе Черкасске, мешавших функционированию местного сыскного начальства [15, с. 47].

Волею судеб и в силу своего служебного положения, Федор Матвеевич становится вершителем судеб восставших казаков, как глава административной и судебной власти в округе. Правительственная судебная комиссия «обрабатывала» главных виновников в крепости Дмитрия Ростовского (ныне Ростов-на-Дону), а он занимался «мелочью», но ощущал себя уже человеком, занявшим определенное положение. Таким образом, он «купился» на предложение А.И. Иловайского, выбравшего его для руководства Усть-Аксайским начальством как безродного «туму», тем более, что его отец, небезызвестный нам Матвей, уже давно умер. Представители войсковой верхушки, состоящие из «этнических казаков», не желали заниматься грязной работой расправы над восставшими казаками, не желая «запачкать руки», а безродный «тума» как раз сгодился для

этого, вовремя прибыв из Польши.

Здесь мы видим, что слова из песни, стоящие в начале заголовка сообщения, сбылись уже в третий раз за его службу. Три атамана своим выбором вершили его судьбу: первым, по желанию отца и с подачи Ф.И. Краснощекова, выбрал его войсковой атаман С.Д. Ефремов, отправляя служить; второй – походный атаман В.П. Орлов под Измаилом в 1790 году, обошёл его в представлении к награждению; а третий – войсковой атаман А.И. Иловайский в 1793 году выбрал его для производства следствия над участниками Есауловского восстания: и все выборы последовали из-за принадлежности его к категории «тум». Но этим его несчастья не закончились.

Воображая себя человеком, занявшим определенное положение, он решил его закрепить, женившись и пустив корни на Дону. Безродность на «донском Олимпе» вынудила его выбирать даму сердца «по руке»: ею оказалась простая казачка Федосья Игнатъевна. Семейного счастья у них не получилось, ибо Усть-Аксайское начальство оказалось узловым местом в проведении следствия по делу о Есауловском восстании: Ф.М. Персиянов, как руководитель судебной власти, творил суровый суд и расправу. Такая служба и чрезвычайная нервная нагрузка не могли не отразиться на общении с молодой женой.

После выселения участников восстания на Кубань, Ф.М. Персиянов вынужден был по приказу войскового атамана (опять же как «тума») выехать во вновь основанную станицу Воровсколесскую, чтобы возглавить обосновавшиеся там 100 семей наказанных казаков [18, с. 122-126].

Правда, пробыл он там только до весны 1795 года, когда был вызван назад для участия «в производстве разных следственных комиссий» [3, л. 114 об. – 115], так как донцы продолжали убегать с Кубани, а на Дону отказывались покидать родные места: в 1795 году так поступили жители ст. Тишанской [2, с. 125]. Постепенно обстановка на Дону и Кубани стабилизировалась, побег прекратились. Служба Ф.М. Персиянова стала спокойнее (в 1796-1802 гг. он был начальником нескольких сыскных начальств, но это была уже нормальная административная работа, без нервов), но своих детей с Федосьей Игнатъевной у них так и не появилось. Напряжение прошлых лет сыграло свою роль.

20 мая 1804 года Ф.М. Персиянов выступил во главе полка на Кавказскую линию, попав по прибытии туда в отряд генерал-майора А.К. Мейера, действовавший против кабардинцев [19, л. 44 об., 47]. В сражении с ними 19 сентября 1804 года на реке Малке атака его полка стала решающей, за что он удостоился Высочайшего благоволения

[20, с. 173-174]. Это была единственная награда за вышедшую ему в этот раз 6-летнюю службу.

После боя на Малке полк был отведен на отдых, заняв в феврале 1805 года кордон на Линии, прилегающий к ст. Воровсколесской, где находился его штаб [21, л. 2 об.]. Казаки Кубанского полка, бывшие донцы, которыми командовал Ф.М. Персиянов в 1794-1795 гг., восприняли его появление с полком у себя без проблем. Дело дошло до того, что он, обосновавшись прочно на месте, переселяет с Дона в Воровсколесскую свою семью (жену, приемную дочь и двух внуков) [22, с. 82].

Очевидно, эти изменения ввела в состав семьи Федосья Игнатьевна. Отчаявшись родить своих собственных детей, она в ст. Грушевской нашла сироту с двумя детьми, где та имела дом с пристроем [23, л. 238 – 238 об.], причем сама из Черкаска (курень в ст. Павловский, перешедший Ф.М. Персиянову в наследство от отца) переезжает туда жить. Имена приемной дочери и внуков остались неизвестны. Не сообщает их нам и последний послужной список Ф.М. Персиянова за 1810 год, где он заявляет: «детей не имею» [1, л. 66], словно не воспринимая выдумку жены. Но жена «поставила его перед фактом».

Помимо этой внезапной «благоприобретенной» дочери и внуков ему достался, как «туме», и самый трудный в плане обороны участок Линии. По словам И.А. Соловьева, «негативность... положения Воровсколесской обуславливалась еще и тем, что на протяжении от Каменного моста (на территории совр. г. Карачаевска) и до Невинного Мыса по Кубани существовало, по меньшей мере, 10 бродов, весьма удобных для переправы» [10, с. 64], которые в полной мере использовались горцами.

Так и жили они до 27 мая 1807 года, когда закубанцы широкой лавиной прорвали Линию у поста Беломечетного и атаковали Воровсколесскую. Подробности героического боя по обороне станицы, которую возглавил Ф.М. Персиянов как старший штаб-офицер, находящийся на месте, можно узнать из литературы, приведенной в начале данной статьи.

В ходе боя горцы, помимо других пленных, захватили и всю семью Федора Матвеевича. Сюжеты последующего ее выкупа за 1000 рублей из Войсковой суммы, поручительства за возврат этих денег походного атамана полковника В.А. Быхалова 1-го и т.д. уже опубликованы в различных статьях и монографиях [8, с. 59; 24, с. 63].

Данная история имела печальное продолжение: 15 августа 1808 года закончился срок, данный Канцелярией Войска Донского на возвращение Ф.М. Персияновым денег в Войсковую сумму.

Долг погашен не был. Канцелярия потребовала уплатить его В.А. Быхалова, как поручителя. Чтобы не подставлять боевого товарища, Ф.М. Персиянов попросил отсрочить выплату еще на один год, что и было сделано 14 октября 1808 года [23, л. 237- 237 об. – 238- 238 об.].

Однако отсрочка ничего не изменила. Войсковая Канцелярия постоянно беспокоила Персиянова напоминаниями. Выкупленное семейство уехало на Дон, в ст. Грушевскую. Постоянное нервное напряжение привело войскового старшину к резкой утрате здоровья, завершившейся тем, что он ослеп. Став инвалидом, не способным к продолжению службы, он был отпущен на Дон, к семье, где и умер в нищете 30 августа 1811 года в ст. Грушевской. Таков трагический конец забытого героя Дона.

Несчастливый брак и роковое решение перевезти семью на Линию исковеркали жизнь Фёдора Матвеевича. Как будто мало того, что он родился «тумой»! Современный питерский специалист по Кавказской войне В.В. Лапин отмечает: «Донские казаки, даже накопившие боевой опыт, все же уступали своим кубанским и терским братьям. Для последних невыполнение боевой задачи зачастую означало еще и разорение собственных хозяйств, и даже гибель семейств, в то время как семьям и имуществу донских казаков набеги не грозили...» [27, с. 326]. Насколько известно, это единственное за всю Кавказскую войну подобное несчастье, случившееся с донским казаком.

Использованная литература и источники:

1. ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 504
2. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2: История войны казаков с закубанскими горцами. Екатеринодар, 1913.
3. Потто В.А. Кавказская война. Т. 1. Ставрополь, 1994.
4. Потто В.А. История 44-го драгунского Нижегородского Его Императорского Высочества Государя наследника полка. Т. II. Спб., 1893.
5. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 г. Краснодар, 1997.
6. Колесников В.А. Донцы на Кубани. К 200-летию со дня основания Григориполиской, Темнолесской, Воровсколесской станиц. Ставрополь, 1995.
7. Захаревич А.В. Участие донского казачества в обороне станицы Воровсколесской 23 мая 1807 г. // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Материалы Всероссийской научной конференции (Ставрополь, 11-14 сентября 2001). Ч. 1. М.–Ставрополь, 2001.
8. Скиба К.В. Из истории «Малой Кавказской войны» на Кубанской линии. Армавир, 2005.
9. Захаревич А.В., Скиба К.В. О донских казаках, служивших на Кубанской линии в 1790-1830-х гг. // Российская государственность в судьбах народов

- Кавказа – IX. Материалы региональной научно-практической конференции (г. Пятигорск, 24-25 ноября 2016 г.). Пятигорск, 2016.
10. Соловьев И.А. Станица Воровсколеская от форпоста до сельской глубинки. 2-е изд., исправ. и доп. Ставрополь, 2011.
  11. Савельев Е. П. Типы Донских казаков и особенности их говора. Новочеркасск, 1908.
  12. Лысенко Н.Н. Атаман Разин: «вор» или герой? // Русская планета. Пятница, 19 сентября 2014. Режим доступа: Лысенко Н.Н.- Русская планета /www. archive.fo/PV8U
  13. ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 212
  14. Корягин С.В. Генеалогия и семейная история Донского казачества. Вып. 70: Платоновы и другие. М., 2007.
  15. Захаревич А.В. Трагическая судьба войскового старшины Ф.М. Персиянова 1-го. // 2-е Виноградовские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции (7 апреля 2018 г.). Армавир, 2018.
  16. Коршиков Н.С. Платовы, дворяне и графы // Ученые записки Донского юридического института. Т. 12. Ростов-на-Дону, 1999.
  17. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 138
  18. Захаревич А.В. Степень участия войскового старшины Ф.М. Персиянова 1-го в отводе донских казаков на Кубань после подавления Есауловского восстания в 1794 году // Казачество России в бунтах, смутах и революциях. (Материалы Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону, 4-5 октября 2017 г.) Ростов-на-Дону, 2017.
  19. ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 444
  20. Захаревич А.В. Донские казаки в боях с горцами на Северном Кавказе на начальной фазе оборонительного периода Кавказской войны (1801-1804 гг.). Ростов-на-Дону, 2005.
  21. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д.112
  22. Захаревич А.В. Некоторые уточнения, связанные с боем 23 мая 1807 г. по обороне станицы Воровсколеской // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе (8-я Всероссийская конференция). Армавир, 2003.
  23. ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 431
  24. Епифанцев А. Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов. М., 2010.
  25. ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 519
  26. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 316
  27. Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. СПб., 2008

Карагодин Е.В.,

*г. Ставрополь, Ставропольский
государственный музей-заповедник,
заместитель директора по научной работе*

Нафталиева О.М.,

*Ставропольский государственный музей-
заповедник, заместитель главного хранителя
фондов*

**«Поле́дний гимназист»
(памяти М.С. Коршунова)**

2020 году исполнилось бы 90 лет Михаилу Семёновичу Коршунову. Это имя хорошо знают в Ставрополе, особенно те, кто занимается краеведением, изучением истории образования и просветительства на Северном Кавказе. Будучи профессиональным журналистом, серьёзной научной работой он занялся довольно поздно, уже после 40 лет. Но за почти полвека сделал столько, что иному профессиональному исследователю хватило бы на две жизни.

Родился он 1 июля 1930 года в Ростове-на-Дону. Предки его отца, Самуила Михайловича Файнера, были родом из Польши, а родственники матери, Анастасии Гавриловны – переселились на Ставрополье из Тульской губернии. В 1930-е гг. семья несколько лет жила в селе Спицевка (ныне Грачевский район), где мама Михаила Семёновича, дипломированный врач, заведовала районной больницей. В 1940 году семья переехала в Ворошиловск (так тогда назывался Ставрополь).

В годы Великой Отечественной войны семья Коршуновых столкнулась со всеми бедами, которые обрушились на ставропольцев. Тогда же, со слов супруги Михаила Семёновича, детям сменили фамилию, чтобы спасти их от рук нацистов и их приспешников.

Окончив в 1948 году школу, М.С. Коршунов поступил в Ставропольский педагогический институт, который окончил заочно по специальности «История» и одновременно институт иностранных языков, где изучал французский язык. Как исследователь он формировался на основе традиций отечественной исторической науки, что в дальнейшем отразилось в его исследованиях. В них исторические процессы рассматриваются в соответствии с фактическими данными. Факты понимаются и оцениваются с позиции конкретных исто-

рических условий.

Свою трудовую деятельность, Михаил Семенович начал с преподавания французского языка в школе № 9 станицы Новоалександровской. С мая 1954 по 1960 гг. работал корреспондентом в различных районных газетах, после чего вернулся на работу в Ставрополь в газету «Молодой ленинец». В 1960-е гг. был сотрудником нескольких многотиражных краевых газет и Ставропольского научно-исследовательского института сельского хозяйства. С 1974 года Коршунов начал систематически и всё больше заниматься историческими исследованиями, хотел продолжить образование в аспирантуре. С аспирантурой ничего не получилось, но исследовательская работа затянула его, и от неё он уже не мог оторваться до последних дней своей жизни.

Этапы творческого пути достаточно подробно описаны им в автобиографии. В 1974 году получил от краеведческого музея направление в Государственный архив Ставропольского края с намерением изучать историю развития образования в Ставропольской губернии, а затем в течении нескольких десятилетий скупулёзно изучал фонды Ставропольской мужской классической гимназии и Дирекции народных училищ. В 1970-е гг. пересматривал и копировал служебные формуляры педагогов гимназии, табели гимназистов, прошения об их приме и т.п. Когда заинтересовался конкурсными сочинениями гимназистов, нашел их в ветхих подшивках ставропольских газет за 1852-1860 гг.

В процессе работы обратил внимание на биографии педагогов, работавших в гимназии: директора гимназии Я.М. Неверова, инспектора В.Д. Терзиева, латинистов Е.А. Нарбута и Н.И. Воронова, словесников Ф.Д. Илляшенко и Ф.В. Юхотникова, математика Н.П. Захарова. Фигура Я.М. Неверова всегда стояла для него на первом месте. Изучал биографии известных гимназистов. Среди них Александр Трачевский, Петр Диков, Семен Попов, революционер Василий Ивков и ряд других. Занимался исследованием жизни и деятельности многих выдающихся людей, оставивших заметный след в истории Северного Кавказа: А.П. Николаи, Г.К. Властова, Я. Домбровского, Н.И. Гулака, К.А. Рослякова, А.П. Златовратского и многих других.

Постепенно расширяя круг своих исследований, М.С. Коршунов стал выезжать в творческие командировки: для работы в архиве ездил в Краснодар; заинтересовавшись жизнью и деятельностью Н.И. Воронова (1832–1888), педагога, журналиста, этнографа, в 1978 году разыскал и посетил его потомков проживавших в Сухуми, ознакомился с семейным архивом. Трижды бывал в архивах Тбилиси. В 1983 году, находясь на обучении в Москве, нашел в фондах Государ-

ственного исторического музея архив Я.М. Неверова.

Выйдя в 1990 году на пенсию, Михаил Семёнович начал обобщать и публиковать обширный материал, накопившийся в его рабочем архиве. В 1997 году опубликовал первую научную работу о Германе Лопатине и его окружении в гимназические годы. В 1998-2002 гг. подготовил к публикации в двухтомном сборнике «Глагол будущего» ряд материалов, посвященных истории мужской гимназии, сочинениям гимназистов, деятельности и взглядам Я.М. Неверова. Принял участие в подготовке фундаментальной трёхтомной антологии «Опальные: Русские писатели открывают Кавказ». А в 2013 году увидела свет монография «Избранные работы по истории просвещения на Северном Кавказе». Это была его последняя значительная публикация при жизни. «Избранное» он посвятил 200-летию со дня рождения Я.М. Неверова и 175-летию основания Ставропольской мужской гимназии. Презентация монографии прошла, по желанию автора, в Ставропольском государственном музее-заповеднике.

С музеем Михаила Семёновича в последние годы жизни связывали особые отношения. Не только творческие, но и дружеские. Пока у него были силы, он часто приходил и подолгу, обстоятельно и с удовольствием, рассказывал о своей исследовательской работе, о новых находках. Память у него была феноменальная. Мы со вниманием и огромным уважением сотрудничали с этим замечательным человеком.

Незадолго до своего ухода из жизни Михаил Семёнович говорил о том, что пришло время издать новую, полную историю Ставропольской мужской гимназии. Учреждения уникального не только в нашем регионе, но и во всей дореволюционной российской системе образования. Сожалел, что сам уже не успеет принять участие в этой работе. Ведь он как никто знал гимназию, знал её классы и пансион, её директоров и учителей, её замечательных выпускников, внесших огромный вклад в культурное, экономическое и политическое развитие Северного Кавказа. Знал так, как будто сам был гимназистом, последним из них. И спешил поделиться этим знанием.

Еще одной его заветной мечтой было издать все труды Я.М. Неверова и его автобиографию, которая издана пока частично, и ещё ждёт своего исследователя.

После смерти Михаила Семеновича, его вдова передала в музей часть рабочего архива краеведа, которая в настоящее время находится на обработке. Другая часть архива, была передана известному ставропольскому ученому, доктору филологических наук Д.И. Петренко, с которым Михаил Семёнович сотрудничал. Также были переданы некоторые фотографии и личные документы, связанные с

его жизнью и профессиональной деятельностью. Эти предметы стали основой для формирования в фондах музея персонального мемориального дела.

Использованная литература и источники:

1. Штайн К.Э., Петренко Д.И. Михаил Семенович Коршунов: Рыцарь истории / Люди на все времена. Ставрополь, 2014.
2. СГМЗ. М.д. № 1852 «М.С. Коршунов (1930-2016) – краевед, историк просвещения на Северном Кавказе.

Колбасников А.К.,

*г. Ставрополь, Ставропольский краевой музей
изобразительных искусств,
заместитель директора
по научно-методической работе*

Алексей Соколенко.

Биографическое эссе

*Сижу на источенном, облизанном ветрами и
временем камне на горе у Волчьих ворот.
...Далекое пространство с холмами, плоскими
горами, впадинами, извилистыми оврагами,
озерами, смотрящими своим оком в небо,
создают впечатление космоса. А все мы, с
камнями, покрытыми высохшим ковылем,
буграми, – всего лишь частицы, песчинки в
мироздании. Жизнь наша – миг в бесконечном
времени.*

Алексей Соколенко [1, с. 661]

удожник неукротимой пластической силы – его талант раскрылся и стал воплощаться ещё на студенческой скамье, – создал выразительные произведения, работая «откровенно, ярко, как чувствовал». Мощный и кряжистый, как дуб, он явил верность тому, чему сам не был творцом, но чему беспрекословно доверял и подчинялся – традиции, воспринятой с материнским молоком.

Алексей Соколенко [2] родился 3 марта 1938 года. «В селе

Овощи жили переселенцы из разных областей России, Украины – Московской, Воронежской, Полтавской и др. Татарское (туркменское) название села – Учи. В село приехал грек по фамилии Овочи, и название села народ постепенно переделал в знакомое Овощи. Мы жили на улице Крестьянской, здесь обитали москали и называли этот край села – Тургай, окраина рядом – Сахалин, на западе – Полтава, на востоке – Галушина, между ними Кобелевка, центр села – улица Красная» [1, с. 626].

Предки А. Соколенко, крестьяне Воронежской губернии, во второй половине XIX века приехали осваивать земли Юга России – так осуществлялась внутренняя политика правительства в ответ на притязания Османской империи.

Детство проходило среди бескрайних просторов: «Наше село стояло на ровном месте в поле, на выгоне, везде рос курай (верблюжья колючка), осенью эти огромные колючие шары срывал ветер и гнал по полю, забивая ими овраги, лесополосы, огороды. Если выйти в это время на выгон, то кажется, что все поле, весь мир наполнен этими бегущими «стадами» серых шаров [1, с. 665].

Началась война, отец ушел на фронт. Память мальчика сохранила заметы голодного детства в постижении науки выживания: «Зимой мы ловили воробьев: во дворе ставили деревянное корыто, один край был приподнят палочкой, а к палочке привязана веревка и тянулась к нам, в окно. Под корыто сыпали просо и, когда воробьи стайей слетались клевать просо, дергали за веревку, корыто прихлопывало всю стаю. Мы босиком по снегу выбегали к корыту, запускали под корыто руки и ловили воробьев. Ощипывали десятки воробьев и варили с ними лапшу. В Овощах после войны было голодно. Весной, как только начинал таять снег, все дети высыпали на выгон с ведрами. Набрав в лужах талой воды, заливали ее в сусличьи норы, суслики выползали, мы хватали их за загривок, чтоб не укусили, ловко свеживали и жарили на костре на палочках, потом ели это нежное и сладкое мясо» [1, с.637-638].

Вернулся отец, побывавший в немецком плену, ночами делился пережитым с женой: «Мы, дети, спали на печи, и я, затаив дыхание, слушал эти ужасные вещи. Некоторые из них я до сих пор не могу рассказать, настолько они меня поразили и ужаснули», – вспоминал художник [1, с. 631].

Когда читаешь эти записи, трудно отрешиться от впечатления, что читаешь неизвестный героический эпос, – «повествование о прошлом, содержащее целостную картину народной жизни и представляющее в гармоническом единстве некий эпический мир героев-богатырей» [4]. Эпос населён героями, герои совершают

подвиги. Герои – родня художника, чьи имена сохранило семейное предание: первопоселенец прадед Макар, основатель крестьянского хозяйства в засушливых кавказских степях; его сын Андрей, жалея лошадей, сам впрягался в подводу с бочкой воды, вытягивая её из оврага; брат деда по матери – Иван в Гражданскую – один из отчаянных командиров Первой конной армии; дядя Василий – комбриг в Киевском округе, спас жену и сына, отправив самолётом в Овощи, сам же погиб в первые дни войны; отец Егор Андреевич – солдат, переживший ужасы немецкого плена; мать Анна Леонтьевна, вырастившая шестерых детей в голодные и лихие годы; брат Василий, с ним Алексей был в опасной поездке по целинным землям Северного Казахстана; брат Михаил, реставратор и исследователь парсун донских атаманов.

Пришла пора определяться с профессией, Алексей выбирал по душе, которая откликнулась на красоту; сделал, казалось, редкий для крестьянского сына выбор – стать художником. Исполнилась народная мудрость «что заложено в гузне – не перекуёшь в кузне». «У матери был какой-то дар *увидеть красоту в простом* (здесь и далее – *курсив наш*). Я учился в художественном училище, а на каникулах, дома, всегда рисовал детей с улицы, племянников, натюрморты. Мать, глядя на мою работу, шла в огород, срывала цветы, приносила и ставила в кувшин. И натюрморт готов – ни убавить, ни прибавить» [1, с. 659].

В Ростовское художественное училище Алексей поступил со второго раза. Его учителем стал Тимофей Федорович Теряев (1919-2001) протагонист модернистской традиции в 1960-80-е гг. в искусстве Юга России. Алексей стал любимым учеником легендарного художника. Для нас было важно проследить источники и качества восприимчивости молодым художником пластических традиций западноевропейских и русских модернистов, «ключи» от которых были переданы ему Учителем.

Художникам-модернистам неслучайно «прилипли» самоговорящие прозвища: «неистовый голландец» Ван Гог, «отшельник из Экса» Сезанн. О Гогене писали: «В нем есть нечто от *дикаря, первобытного человека...*» [5], позднее когорты художников, лидером которой считался Матисс, получила прозвище «дикие», – их искусство стали именовать фовизмом (от фр. *fauve* – дикий).

Из всей плеяды художников западноевропейского «модернистского взрыва» конца XIX – начала XX века нам особенно интересен Анри Матисс: именно его изобразительные достижения отчётливее других отпечатались в пластической традиции учителя и самого Алексея Соколенко.

Матисс как ученик и учитель

Говоря о становлении художников, будем помнить о синтетическом характере таких влияний. Разнообразие источников особенно рельефно выступает у Матисса – художник как пчела, собирал свой мёд с различных цветов – это не только художники «французской» школы, восточная миниатюра и дивный свет французского Средиземноморья, но и русская икона, влиянием которой он метафизически возвращает нас – русских – к самим себе [6].

В 1903 году Матисс отправился в Мюнхен для ознакомления с первой крупной «Выставкой мусульманского искусства». С этого знакомства в его искусстве начались трансформации. В 1910 году там же открылась вторая и более масштабная «Выставка мусульманского искусства», на которую Матисс поехал вместе с Марке. В статье о выставке, опубликованной в том же году в журнале «Апполон», В. Кандинский писал: «Мне привиделось, что тот сон, та мечта, которую я бессознательно носил в себе, вдруг воплотилась. Не верилось, что это может быть создано рукою человека. Казалось, что стоишь перед тем, что рождается само, что даётся небом, как откровение... *Простота – почти до варварства*» [7]. «Нетрудно заметить, что Матисс... отходит от принципов классической европейской станковой живописи» [8, с. 20-21].

Язык и средства выражения искусства, будь то живопись или графика, имеют универсальный характер. В поисках выразительности («для меня важнее всего – выразительность») Матисс вместе с другими художниками делает «важное открытие: научились выражать чувство цветом, а фовизм и более поздние течения добились выражения чувства и графическими средствами – *контуром, линией и их направленностью*. В общем, – говорит далее художник, – новые приемы выражения продолжили традицию и обогатили её. Было бы ошибкой думать, что цепь преемственности от первых до теперешних художников оборвалась. Отказавшись от традиции, художник добьётся лишь кратковременного успеха, и вскоре его имя будет забыто» [9, с. 50-51].

Матисс делился с Аполлинером: «Я старался развить свою индивидуальность, рассчитывая главным образом на свой *инстинкт*, вновь и вновь возвращаясь к основам; когда во время работы мне встречались трудности, я говорил себе: “У меня есть краски и полотно, и я должен ясно выразить себя, хотя бы *упрощённо, положив, например, три или четыре пятна цвета, проведя три или четыре выразительные линии,*» [9, с. 372]. «Ясно выразить чувства можно, только *упростив видение предмета*» [9, с. 378].

И, наконец, его гимн простоте: «Средства живописи должны быть как можно проще. Я всегда старался стать ещё проще. Но самая большая простота сочетается с самой большой полнотой. Самое простое средство освобождает взгляд и дает более ясное видение. И, в конце концов, такое простое средство убеждает. Но простота всегда требовала мужества. Думаю, на свете нет ничего труднее. Тот, кто работает простыми средствами, не должен бояться показаться банальным» [9, с. 418].

Синтезируя, он как бы подводит итог формулирования метода: «Связь всех элементов картины приводит в процессе работы к единству, которое требует немедленного воплощения. Это есть непосредственная передача чувства не от простой, но от сложной вещи, которая стала *простой* благодаря очищению сюжета и сознания самого художника» [9, с. 422].

Сарьян, учитель Теряева

Творческое становление Мартироса Сарьяна сначала шло под влиянием импрессионизма, позднее – Ван Гога, Гогена, Матисса, в беспощадной борьбе с «навязчивой серой школой» в себе. Период «бури и натиска» молодого русского искусства начала XX века стал стартовым для творческого развития Сарьяна. Волошин о нем писал: «Редкий образец выдержанной и оправданной дерзости... Искусство сильное и в то же время индивидуальное» [10].

Из чего сложились сила и дерзость индивидуальности Сарьяна? Одна линия восприимчивости традиции – «Чистяков – Серов, Корвин – Сарьян» (русская реалистическая школа) – от учителей Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Другая – «Гоген, Матисс – Сарьян» (современное западноевропейское искусство) – в изучении коллекций С.И. Щукина и И.А. Морозова; и, наконец – «искусство древнего Востока – Сарьян», была воспринята в поездках по Турции, Египту и Ирану.

Три ветви, привитые на общий ствол, дали удивительный плод искусства – простого по составляющим элементам, сильного и дерзкого по выразительным средствам изобразительного языка и индивидуального – личного по опыту обретения и поэтике переживания самой реальности: «Сарьяну восточный инстинкт подсказал, как можно уничтожить все детали и как избытком цвета можно восполнить простую линию силуэта» [10, с. 309]. Сарьян говорил о собственном становлении: «Необходимо было побороть в себе школу серую и навязчивую и найти собственную технику, не пользуясь чужим. Я стал искать более прочных, простых форм и красок для передачи живо-

писного существа действительности. В общем, моя цель – простыми средствами, избегая всякой нагромождённости, достигнуть наибольшей выразительности, в частности – избавиться от компромиссных полутонов. Кроме того, моя цель – достигнуть *первооснов* реализма. Я говорю о той силе выражения, которая есть во всех настоящих произведениях искусства, начиная с древних времен и кончая нашими днями. Вернее – о той силе очарования, которой достигали разными путями во все времена» [10, с. 308].

«Принцип упрощения, положенный им в основу его технических исканий, – единственная надежная руководящая нить, которой может довериться художник в современном хаосе устремлений и требований. Чем меньше слов, тем сильнее сила выражения; чем меньше линий, тем выразительнее рисунок. Чем проще сочетание красок, тем больше они могут сказать», – писал о Сарьяне Максимилиан Волошин [10, с. 308].

Теряев, учитель Соколенко

Теряев служил в армии вместе с сыном Сарьяна в Ереване, который привел сослуживца к художнику. По рекомендации М.С. Сарьяна в 1953 году поступил в Ереванский художественно-театральный институт, стал учиться у Мастера, «дикого» трепетностью газели: «Однажды побывав в мастерской Сарьяна, я увидел истинное величие этого мастера и понял, что *кажущаяся простота* доступна немногим» [11, С. 94].

Как педагог Теряев придавал принципиальное значение послушанию ученика, категоричность его требований, напоминает уставы средневековых живописных гильдий: «Первая заповедь для учащегося, внушаемая Т. Теряевым: не ищи учителя – ищи в себе ученика, ни один не поднимется по ступенькам знаний, если не будет следовать советам педагога, воплощая их на листах и холсте каждодневным кропотливым трудом. Требовал точности выполнения работ. Выработывал в ученике стремление к анализу. Добивался решения замысла постановки, требовал от учащихся вдохновения (в очень убедительной форме), несмотря на сухость и однообразие постановок, приговаривал при этом: «Без темперамента нет художника» [11, с. 99].

О живописном методе Т. Теряев говорил: «Многие говорят – основа живописи – цвет, это неверно: основа живописи – тон, я всегда стремился к правдивому тону, часто писал один и тот же мотив и всегда удивлялся богатству живописных впечатлений, испытываемых художником при работе в тональной живописи» [11, с. 95].

Соколенко, ученик Теряева

А. Соколенко вспоминал: «Когда я приехал в Ростов, ему было 43 года. Мужиковатый, с пронзительными тёмным зрачками глаз, хрипловатым голосом, он в училище производил разное впечатление: одни считали его мужиком (их было больше), другие – хорошим художником, понимающим толк в искусстве. Я сразу ему поверил. Глядя на мою *заученность*, он говорил: «Лёшка, ты вот что. Видишь коричневое – мажь коричневым, видишь чёрное – мажь чёрным». Вначале мне сложно было переломить себя, отбросить свою *заученность*. Как-то писал очередную постановку, долго и нудно, слоями – работа становилась всё хуже и хуже. Надоело. И, воспользовавшись отсутствием Теряева, я взял новый лист и быстро написал натюрморт, *как чувствовал*, как учил Теряев. Пришёл Тимофей Фёдорович, стал проверять. Я рядом с длительной постановкой выставил новый этюд. Он сразу заметил: «А это кто сделал?». – Я робко сказал: «Я». – «Молодец! Пять», – прохрипел он. Я как будто освободился от тяжёлого груза, больше не соскальзывал на старый путь, *работал откровенно, ярко, как чувствовал...*» [1, с. 298].

Значимое произведение искусства «представляет собой покоящийся в себе малый мир и одновременно событие, движущую силу и узловую точку исторического художественного процесса» [12, с. 11]. Традиция несёт в себе силу, она жизнестойка и способна к воспроизводству, если восприимчивы смогут, действуя смело и безоглядно, «воскресить» её в личном опыте.

Сравнение произведений М. Сарьяна, Т. Теряева и ранних работ А. Соколенко говорит об общностях пластического языка, производного от праязыка «диких» культур, не утративших своих связей с первобытностью ощущений вещества, форм и действующих в них смыслов. Для всех учителей А. Соколенко, далёких легендарных – Ван Гога, Гогена и Матисса, современного и близкого по рассказам – Сарьяна, учителя и друга – Теряева, было общее: глубинные корни пластического языка были в древних культурах.

Верный традициям европейского и русского модернизма, Тимофей Теряев рассказывал своим студентам о «требовательности Сарьяна», о «свободе пластики, декоративности и мягкости покраски плоскостей» Матисса, о «выразительности рисунка Пикассо» [1, с. 299], ибо «модернизм никогда не означал и не означает разрыва с традицией, скорее – дальнейшую эволюцию традиции. И нет высказывания более ложного, чем высказывание о разрыве протяжённости в искусстве» [13].

Всё было рядом, перед глазами, и самые энергичные и талант-

ливые молодые художники, многие, тогда ещё студенты, ощущали собственную причастность большим процессам в искусстве. Это возбуждало колоссальные творческие энергии: на мощных, по настоящему «диких» произведениях А. Соколенко стоят даты начала 60-х гг., и сделаны они ещё на студенческой скамье пареньком, которому едва за двадцать. Осознание собственной силы и своего участия в общем деле позволяло преодолеть не только свою «серую школу», но и сопротивляться давлению среды. Часть ударов принимал на себя Т. Теряев, другие сыпались на друзей и на Соколенко: «Преподаватели, воспитанные на русской академической школе, вернее поверхностном, заученном восприятии этой школы, Теряева не любили. А после разгрома выставки «30 лет МОСХа» вновь началась борьба с формализмом. Тимофея Фёдоровича стали обвинять в формализме. Искали ведьм, нашли Теряева, а я был его любимым учеником и хорошей палкой в колёсах. Теряева от нашей группы отлучили... С Теряевым я продолжал встречаться, носил ему новые работы, показывал, мы дружили» [1, с. 299]. Теряев высоко ценил талант Соколенко, неоднократно приезжал в Ставрополь к ученику. Однажды Тимофей Фёдорович рассказал, как Минас Аветисян, с которым он учился у Сарьяна, в запальчивости своего темперамента говорил, что только живописцам-армянам под силу сочетать силу цвета и сложность колорита; Теряев подытожил, обращаясь к молодому А. Соколенко: «Надо бы твои работы Минасу показать!»

Мир Алексея Соколенко

Работа «по чувству», следуя «инстинкту» (Матисс), приносила плоды: живописные работы третьего и четвертого курсов (1962-1963 гг.) представляют художника с ясными пластическими принципами и во всеоружии мастерства.

Удивляют эти работы, выполненные в самом начале творческого пути: портрет, пейзаж, натюрморт, интерьер, тематическая картина – представлено все жанровое разнообразие; художник часто сплавляет жанры между собой. Как живописец, Соколенко выступает смело, мощно, убедительно.

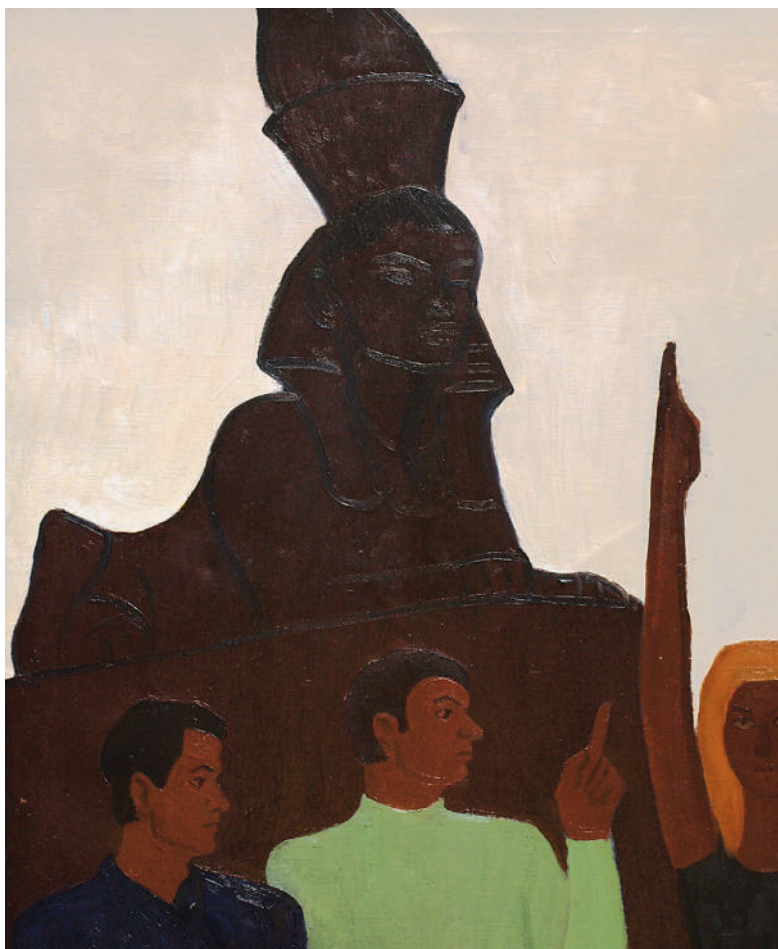
На «Автопортрете» (1962) художник изображён в динамичном ракурсе, с выразительно асимметричным лицом, он уверенно смотрит в глаза зрителю. Это – манифест, заявляющий о напоре жизненных сил и упоении творчеством.

На «двойном» автопортрете «Мы с призывающей нас музой» (1962), написанным в паре с С. Гончаровым, манифестация носит не столько витально-личностный (как в предыдущем автопортрете),

Соколенко А.Е. Автопортрет. 1962
холст, масло; 89х68
Собственность семьи художника

сколько программно «сакрализированный» характер. Двое друзей-художников готовы следовать «ввысь» за призывающей их музой под сенью мощной «архаической» традиции, олицетворенной сфинксом. Художники заключили «завет» верности искусству. Возможно, эта работа запечатлела реальный эпизод – шараду «клятвы на Воробьевых горах», разыгранную в состоянии восторга и озорства в жанре «живых картин» на Академической набережной в Ленинграде под сенью «Сфинкса из древних Фив в Египте». Иероглифическая надпись на основании сфинкса, звучит как слова клятвы: «Да живёт Гор, Могучий телец, воссиявший в правде, установивший законы,

Соколенко А.Е. Мы с призывающей нас музой. 1962
холст, масло; 105x86
В соавторстве с С.К. Гончаровым (1940–2003)
СЖ – 1805

успокоивший обе земли. Золотой Гор, телец царей, покоритель девяти луков. Царь Верхнего и Нижнего Египта, владыка обеих земель Небмаатра, отпрыск Ра. Сын Ра, любимый его Аменхотеп – властитель Фив, образ Ра перед обеими Землями. Гор – добрый владыка вечности, которому даны жизнь, постоянство, счастье, здоровье» [14].

Образую программный цикл, к этим работам подстраивается композиция «Поэты», изображающая, с легкой шутливой интонацией – А. Соколенко и С. Гончарова. В небе – движущаяся путеводная Полярная звезда. Художники, «тянущие бечеву» искусства, напоминают собой репинских бурлаков. Если герой Соколенко

Соколенко А.Е. Поэты. 1964 картон, масло; 66х94
Собственность семьи художника

впереди, в команде «коренников» (вожак Канин у Репина), то Гончаров изображен как Ларька – в той же красной рубашке, с тем же жестом – у Репина герой пытается ослабить давящую бечеву. Мотив постоянного усилия творческой «ватаги» представлен на этом холсте. И в дальнейшем самые важные вехи своей внутренней жизни Соколенко будет отмечать автопортретами. Завершит автопортретный цикл холст, на котором художник изобразит себя в зеленой медицинской шапочке перед операцией.

«Портрет» (1963), «Незнакомка в красном» (1963) и «Поэт Владимир Гнеушев» (1965) – произведения мощной пластической силы, содержащие волнующие вибрации погружения в глубины психологии. Соколенко – один из самых проникновенных портретистов Юга России.

Столь же успешно Соколенко работал в пейзаже; интересно ему было и с натюрмортом. Рисование для него неотъемлемо от живописания – цветовая заливка готова уступить место цветной линии, подчёркивающей силуэт, декоративность или условный характер живописи; абрис предметов индивидуален и выразителен; везде контрасты и подобию; все цветовые поверхности светоносны...

На ставропольской художественной сцене появился самобытный художник: «На выставках меня часто ругали: видно, декоративность моих картин, повышенное чувство цвета не

соответствовало принятой направленности. Но я стал участником двух республиканских молодежных и зональных выставок, в 1967 году был принят кандидатом в Союз художников» [1].

С конца 1960-х гг. изобразительная манера художника, и сам строй жизни, конечно, стали меняться, и взамен «дикой» безоглядности «бури и натиска» пришла пора трезвой «онегинской» обстоятельности: «Мой идеал теперь – хозяйка, Мои желания – покой, Да шей горшок, да сам большой». В жизни Алексея Соколенко происходили изменения: начал работать в Художественном фонде, появилась первая творческая мастерская. Родились дети, и настало время устраивать своё жильё, обеспечивать достаток в семье. Мощный корень крестьянской основательности, крепко державшийся земли (земли-матушки!) не дал покрениться человеческой судьбе: «Меряй такую же мерой, а можешь, — так даже и больше, / Чтобы наверно и впредь получить, коль нужда приключится. / Выгод нечистых беги: нечистая выгода — гибель. / Тех, кто любит, — люби; если кто нападет, — защищайся. / Только дающим давай; ничего не давай не дающим» (Гесиод, Труды и дни). [3, с. 350-355].

Алексей Соколенко вошёл в пору человеческой и творческой зрелости, впереди у него был ещё сорокалетний жизненный путь. Родина «щедро поила» Алексея Егоровича «березовым соком»: работа в детской художественной школе, пятнадцатилетнее преподавание в Ставропольском художественном училище. Соколенко дважды был депутатом Крайсовета, избирался председателем Ставропольского союза художников, совершил много творческих поездок, написал множество произведений, стал Заслуженным художником России, воспитал учеников.

Вокруг дачи у Волчьих ворот множество мотивов для работы с натуры, и, наверное, самое главное – *возделывание* и *плоды* от земли и трудов (овощи, зелень, цветы); *возвращение домой* – к своему роду, корням, к самому себе. И сокровенное – своё пристанище на самом гребне Ставропольской возвышенности – возможность уединения вдали от городской суеты, созерцание звёздного неба тёмной южной ночью. Гесиод – первый и единственный греческий земледelec, мастерски владевший поэтическим ремеслом. Соколенко – художник, живо памятующий свои крестьянские начала; оба – поэты-земледельцы одной крови, метафизические сродники, братья по духу, собеседники в вечности.

Нам не знать его сокровенных сомнений, сожалений, терзаний, какие, бывает, сопутствуют жизни человека. Его душа беседовала о значительно бóльшем: роде, памяти, традиции, искомой вере. Алексей Егорович оставил записки о семье, о друзьях, о прожитом

времени. По-крестьянски основательный, он *заранее* распорядился наследием: часть работ подарил родному селу – теперь в Овощах галерея; другую часть передал в музей Ставропольской епархии; остальные наказал сыну постоянно показывать на выставках. Семь десятков произведений сегодня хранятся в музее – это закупки с выставок и дары самого художника разных лет.

Весной 2010 года Алексей Егорович пригласил меня в мастерскую. Я застал его за приготовлением супчика из куриных потрошков в небольшой кастрюле на электроплитке. Разлив горячее и ароматное густое варево по тарелкам, и достав из холодильника тотчас же запотевшую четвертинку водки, он пригласил меня к столу.

После трапезы Алексей Егорович передал небольшой рисунок, на котором был изображен Сережа Мягих (1962-1981). Моего друга, ушедшего из жизни в неполные девятнадцать лет, он нарисовал тридцать лет назад в электричке, когда стал проводником юного художника к могиле художника «трагичности радостной» Виктора Попкова на кладбище в деревне Черкизово в Подмоскowie. Алексей Егорович рассказывал мне, как Сергей поступал в училище, вместе вспомнили, как он приезжал в нашу мастерскую на Мамайке посмотреть Сережины работы, как помог устроить его первую посмертную выставку в училище, а затем в Ленинграде.

Алексей Егорович задал тон доверительной душевности, стёршей ту дистанцию, которую прежде я ощущал между нами. Он предложил послушать его рассказы, и тут же стал читать по рукописи – листам, исписанным крупным торопящимся почерком. Боясь разрушить что-то неуловимое, я всё же включил с согласия Алексея Егоровича диктофон и записал один из рассказов: «...Когда-то в молодости мы отдыхали дикарями на Черном море. Нас была целая кампания. Я нашел на берегу два белых вымытых морем бревна, и канатом, который валялся тут же, связал их, и таскал этот крест на спине. С нами была чета Чемсо, и Валерия восклицала: «Смотрите, а Лёха сложен как Аполлон!»

Что же я вижу теперь в зеркале?! – Это брненное, изношенное тело! Торс – какой-то чурбан, не имеющий талии, с животом, из него торчат кривоватые ноги. На всём теле следы прошедшей жизни: на груди справа ниже ключицы – шрам пять на семь сантиметров, оставленный золотухой в раннем детстве, от скарлатины стал глух на правое ухо, на животе справа шрам диаметром пять сантиметров от фурункула, который пристал к моему ослабленному детскому телу в войну; тут же рядом еще длинный шрам от неумелой операции аппендицита, когда мне было тридцать; внизу живота слева свежий шрам от операции в Онкологическом центре. Моя левая нога от

ступни до колена вся темно-коричневого цвета – это варикозное расширение вен, которое я лечу уже тридцать лет. Под коленом три черных шрама – незадачливый старый хирург вводил мне препарат для вен, да промахнулся и ввёл его под кожу и от аллергического синдрома я чуть концы не отдал, а на этих местах появились глубокие раны, которые я лечил полгода. Артроз с радикулитом заставили меня взять трость, и так далее, и так далее – долгие лета. Вымыв своё брэнное тело, я облёк его в одежды. Зашел в номер, в небольшом зеркале увидел морщины, исходящие из улыбающихся искрящихся глаз, которые глядели так же молодо... Странное дело! – Когда я не вижу своего тела, то в душе я чувствую себя молодо, как в детстве и юности. А тело? – Интересно, как бы выглядел Аполлон в старости? Но он вечно молод – из белого мрамора» [16].

На исходе лета 2011 года, будучи больным, Алексей Егорович приехал на дачу побыть там еще, походить в одиночестве по холмам, с которых открываются широкие панорамы Кавказских гор, ставропольских, и уже совсем далеко – кубанских просторов. Зашёл на дачу к другу-художнику Саврасову. Посидели в молчании. Сказал: «Вот и всё», – поднялся и ушёл.

«Память: вижу подробно, в деталях, как в кино, и сижу на своем заветном камне у Волчьих ворот. Луч солнца прорвал серую пелену облаков, прожектором упал на середину Сенгилеевского озера, и его отражение ослепило мне глаза. Я прикрыл глаза, увидел оранжево-горячую пелену, и чем плотнее сжимались мои веки, тем чаще менялись в моих глазах картины, показывая более плотный космос с дрожащими кругами» [1, с. 674].

Использованная литература и источники:

1. Ставропольский текст: описания, очерки, исследования. А.Соколенко. Ставрополь, 2006.
2. Штайн К.Э., Петренко Д.И. Люди на все времена. Ставрополь, 2014.
3. Гесиод, «Труды и дни», URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1425407002>
4. Большая советская энциклопедия в 30 т. Москва.1978.
5. Ревалд Д. Постимпрессионизм. От Ван Гога до Гогена. Москва-Ленинград, 1962.
6. Роман Л. Леонова «Пирамида». Проблемы мирооправдания. СПб., 2004. Л.М. Леонов вспоминает рассказ И.С. Остроухова о том, как в 1910-х годах в Россию приезжал Матисс. В квартире Остроухова был устроен праздничный обед. Гутков произносил речь в честь Матисса. В это время сторож Семён внёс только что полученную из реставрации икону, поставил её на окно. Матисс пристально стал смотреть на неё, потом взял её себе на колени (всё это во время произносимой речи). Затем спросил: «Что это такое?» Ему ответили. Спросил, кто же этим занимается, много ли такого в стране. Сказали – что

весь Север. И тогда он воскликнул – в унижение присутствующим: «У вас есть такие вещи, и вы ездите учиться к нам?» Это понял Матисс. Но сейчас этого не понимают. Они не понимают корней. Не понимают того, что большая русская литература может происходить только из этих корней. В этом уравнении должны участвовать и Бог, и нация, и судьба, и вечность. Некоторые из этих величин запретны теперь (с. 20-21).

7. Кандинский В. Точка и линия на плоскости. СПб., 2001.
8. Абдуллаев М. Бехзад и Матисс // Творчество. № 6. 1976.
9. Матисс А. Заметки живописца. СПб., 2001.
10. Сарьян М. М. Волошин. Лики творчества. Ленинград, 1988.
11. Рязанов В. Тимофей Теряев – художник и педагог: Отечественная культура 1960–1970-х гг. Художественная жизнь юга России. Образование, выставки, коллекции музеев. Сборник материалов. Издание краевого музея изобразительных искусств. Ставрополь, 2007.
12. Зедльмайр Г. Искусство и истина: Теория и метод истории искусства. СПб., 2000.
13. Гринберг К. Авангард и китч: Художественный журнал. № 60. 2005. / <http://xz.gif.ru/numbers/60/avangard-i-kitch/>
14. Что написано на петербургских сфинксах./ <http://petersburglike.ru/2013-08-13/chto-napisano-na-peterburgskix-sfinksax/>
15. Гесиод. Происхождение богов. /<http://ancientrome.ru/antlitrt/t.htm?a=1425407001>
16. Соколенко А. «Кто съел яблоко». Аудиозапись. 2010. Архив автора

Колесникова М.Е.,

г. Ставрополь,

Северо-Кавказский федеральный

университет,

заведующий кафедрой истории России,

доктор исторических наук, профессор

Сохранение и популяризация историко-культурного наследия Старополя

Прошлое – неотъемлемая часть нашей жизни. Познание прошлого обогащает наши представления о настоящем, придает им целостность и глубину. Поэтому люди интересуются своей историей, стремятся усвоить ее уроки, извлечь из них максимальную пользу. Есть профессиональные хранители памяти – историки, и места памяти – библиотеки, архивы, музеи. Собранное ими достоверное знание, несомненно, нуждается в популяризации, тем более что известны примеры, когда исторической

памятью манипулируют. В силу этого целенаправленные усилия профессиональных ученых-историков по сохранению исторической памяти и популяризации историко-культурного наследия сегодня очень важны.

Каждое поколение адресует прошлому свои собственные вопросы, и в определенный момент устоявшиеся представления об истории перестают на эти вопросы отвечать. В таком случае необходимо их развивать и дополнять, раскрывать новые грани, чем профессиональные историки и занимаются. Общество нуждается и в целенаправленных усилиях по сохранению историко-культурного наследия народов России, которое исключительно богато. Это материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, памятники и историко-культурные территории и объекты, которые значимы для сохранения и развития самобытности Российской Федерации, всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию.

Историко-культурное наследие г. Ставрополя – это и история его монументов, скульптур и статуй, посвященных писателям, поэтам, политикам и общественным деятелям; это и старый город с историко-культурной заповедной территорией «Крепостная гора», с памятниками градостроительства и архитектуры, с храмами и с территорией Иоанно-Марьинского женского монастыря, в комплексе которого Святой источник Серафима Саровского. Это и памятники археологии, в том числе Татарское городище VIII в. до н. э. - X в. н. э. и Грушевское городище VIII – III в. до н. э., внесенные в Перечень объектов исторического и культурного наследия федерального значения. Сохранение исторического и культурного наследия краевой столицы, ее неповторимого облика - это не просто задача, это долг каждого горожанина перед будущими поколениями ставропольцев.

Вопросами сохранения и популяризации памятников истории и культуры в течение многих десятилетий успешно занимается Ставропольское краевое отделение общественной организации Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве, Комитет культуры и молодежной политики г. Ставрополя. Существует и специализированный орган по охране объектов культурного наследия - это Управление Ставропольского края по сохранению и государственной охране объектов культурного наследия. Несмотря на разные организационные формы, комплекс мероприятий, направленных на обеспечение охраны и использования, осуществление научных и научно-практических

исследований в области археологического наследия Ставрополя, с 1988 г. осуществляет предприятие «Наследие».

Большая работа проводится учеными – историками Северо-Кавказского федерального университета (СКФУ) по популяризации исторического прошлого г. Ставрополя, пишутся книги и учебные пособия, в том числе и для школы, проводятся круглые столы, научные конференции, ведется активная общественная деятельность по популяризации исторического прошлого Северного Кавказа. Работа по сохранению историко-культурного наследия имеет огромное эмоциональное, воспитательное значение, укрепляет национальное самосознание, помогает глубже понять молодым людям, сопричастность со своим народом, его великой культурой. Студенты-историки университета не только слушают лекции по истории Северного Кавказа, теории и методике сохранения исторического наследия, но и принимают активное участие в работе археологических экспедиций, в проведении мониторинга состояния памятников истории и культуры г. Ставрополя и края, разрабатывают карты туристических маршрутов, предлагают проекты по охране и реставрации памятников истории и археологии.

С 2012 г. кафедра истории России СКФУ совместно с краевой универсальной научной библиотекой им. М.Ю. Лермонтова реализует проект «Краеведческие чтения» по популяризации исторического прошлого родного города. Научный руководитель проекта – профессор Т.А. Булыгина. Каждая встреча ученых и молодежи посвящена отдельным страницам из славной истории Ставрополя, истории горожан, выдающихся деятелей и простых обывателей, истории его улиц, архитектурных памятников и храмов.⁶

С 2015 г. на базе Гуманитарного института университета проводятся «Исторические чтения». Это цикл ежемесячных встреч учащейся молодежи г. Ставрополя с историками, ветеранами Великой Отечественной войны, известными деятелями науки и культуры с просмотром документальных научно-исторических фильмов, восстанавливающих события истории России. В 2015 г. «Чтения» они были посвящены 70-летию Победы в Великой Отечественной войне;⁷ подвигу героини Первой мировой войны, нашей землячке Римме Ивановой;⁸ в 2016 – 170-летию со дня открытия Ставропольской

6 Исторические чтения, посвященные 70-летию Победы [Электронный ресурс <http://www.ncfu.ru/universitet/6649-istoricheskie-chteniya-posvyaschennyye-70-letiyu-pobedy-proyudut-v-skfu.html>] (дата обращения: 23.01.2019).

7 Исторические чтения, посвященные подвигу героини Первой мировой войны Риммы Ивановой [Электронный ресурс <http://www.ncfu.ru/universitet/9145-kruglyy-stol-pamyati-rimmy-ivanovoy.html>] (дата обращения: 23.01.2019).

8 Исторические чтения, посвященные подвигу героини Первой мировой войны Риммы

духовной семинарии; 110-летию Ставропольской ученой архивной комиссии под председательством Г.Н. Прозрителева, заложившей основы архивного и музейного дела на Северном Кавказе, в 2017 г. – 100-летию Великой Российской революции,⁹ в 2018 г. – 100-летию окончания Первой мировой,¹⁰ 100-летию со дня образования комсомола,¹¹ 75-летию Битвы за Кавказ, 700-летию подвига святого благоверного князя Михаила Тверского,¹² духовный подвиг которого стал примером любви к Отечеству и православной вере. «Исторические чтения» ориентированы на юбилеи. В этом есть общественный запрос, ведь именно юбилеи пробуждают в людях наиболее сильный интерес к своей истории, порождают дискуссии. И здесь необходимо историческое знание, объективный взгляд на историческое прошлое. Это только небольшая часть научно-просветительских проектов, которые реализует кафедра истории России.

Несмотря на то, что историко-культурное наследие неисчерпаемо, потому что культура воспроизводится ежедневно, пока существует тот или иной народ, оно требует особо бережного отношения, потому что от того, как мы организуем эту работу, в огромной степени будет зависеть и будущее нашей страны, будет зависеть, утратим ли мы нечто такое, что составляет основу нашей духовной жизни, или мы сможем сохранить это для нынешних и будущих поколений. Умелое использование историко-культурного наследия, сохранение его и популяризация исторического прошлого Северного Кавказа является важнейшим фактором развития государства и его укрепления.

Ивановой [Электронный ресурс <http://www.ncfu.ru/universitet/9145-kruglyy-stol-pamyati-rimmy-ivanovoy.html>] (дата обращения: 23.01.2019).

9 Исторические чтения, посвященные 100-летию Великой Российской революции [Электронный ресурс <http://www.ncfu.ru/universitet/10059-v-skfu-proshli-istoricheskie-chteniya-posvyaschennye-sobytiyam-fevralya-1917-goda.html>] (дата обращения: 23.01.2019).

10 Исторические чтения, посвященные 100-летию окончания Первой мировой войны [Электронный ресурс <http://www.ncfu.ru/gi/12789-v-skfu-proshli-istoricheskie-chteniya.html>] (дата обращения: 23.01.2019).

11 Исторические чтения, посвященные 100-летию со дня образования комсомола [Электронный ресурс <http://www.ncfu.ru/gi/12508-v-skfu-proshli-istoricheskie-chteniya.html>] (дата обращения: 23.01.2019).

12 Исторические чтения, посвященные 700-летию подвига святого благоверного князя Михаила Тверского [Электронный ресурс <http://www.ncfu.ru/gi/12825-predstaviteli-skfu-prinyali-uchastie-v-istoricheskikh-cheniyah.html>] (дата обращения: 23.01.2019).

Колосовская Т.А.,

*г. Ставрополь,
Северо-Кавказский университет,
доцент кафедры истории России,
кандидат исторических наук*

**О музейном направлении
в деятельности Военно-исторического
отдела при штабе Кавказского
военного округа**

История становления и развития музейного дела на Кавказе в имперский период представлена обширной библиографией [1, с. 235–251].

При этом тему вряд ли можно назвать полностью закрытой. К ее малоизученным страницам относятся вопросы создания и функционирования музеев военно-исторического профиля. В рамках настоящей статьи остановимся на рассмотрении участия в музейном строительстве в регионе военного ведомства, акцентируя внимание на роли в данном процессе Военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа.

История создания отдела неразрывно связана с научно-просветительскими инициативами кавказской военной администрации. В 1874 году, в год 10-летия со дня завершения Кавказской войны, главнокомандующий Кавказской армией великий князь Михаил Николаевич в рескрипте на имя военного министра Д.А. Милютина обратил внимание на необходимость исследования военно-политических аспектов присоединения Кавказа к России: «... Ныне с каждым днем все более и более выясняется необходимость подробного изучения борьбы, - подчеркивал главнокомандующий, - возникшей вследствие исторической необходимости, требовавшей в течение 60 лет громадных жертв, напряжения нравственных и материальных средств империи и приведшей наконец к установлению нашей границы в южных пределах Кавказского перешейка, с водворением начал новой жизни между многочисленными племенами Кавказского края» [2, л.1-1об.]. Для формирования источниковой базы по данной теме он предлагал немедленно приступить к собиранию записок, воспоминаний и архивных документов, с целью их последующей публикации на страницах специального сборника. Инициатива Кавказского наместника была поддержана императором и в 1876 году первый том такого издания, под названием «Кавказский

сборник», вышел в свет.

С 1880 года, для подготовки очередных томов сборника при окружном штабе стал функционировать Военно-исторический отдел. С 1888 года он получил свой временный (с 1891 г. постоянный) штат в составе начальника, помощника и двух редакторов [3, с. 88].

Первым начальником Военно-исторического отдела стал генерал-лейтенант Иван Селиверстович Чернявский (1835–1904). Он получил элитное военное образование (был выпускником Константиновского кадетского корпуса), принимал участие в военных кампаниях на завершающем этапе Кавказской войны, с 1866 по 1871 гг. занимал должность адъютанта командующего войсками Дагестанской области, а в 1870-е гг. состоял в распоряжении главнокомандующего Кавказской армии, который и поручил ему заняться научно-издательской деятельностью [4, с. 158].

В 1899 году И.С. Чернявский возглавил Военно-историческую комиссию по подготовке к изданию материалов для описания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., работавшую в Санкт-Петербурге. Новым начальником Военно-исторического отдела на Кавказе был назначен Василий Александрович Потто (1836–1911), к тому времени уже зарекомендовавший себя как талантливый военный историк и исследователь Кавказской войны. Благодаря В.А. Потто работа отдела вышла за рамки издания «Кавказского сборника» и приобрела масштабный научный и культурно-просветительский характер. В компетенцию отдела входило: 1) разбор и издание документов военных архивов Кавказа; 2) редактирование военно-исторических трудов и полковых историй кавказских частей; 3) описание и наблюдение за содержанием в исправности братских могил и военных памятников. Наконец, в начале XX в. в ведение отдела был передан Военно-исторический музей Кавказского военного округа [5, л. 8–9].

Известный также под названием «Храм Славы», этот музей был открыт по инициативе администрации Кавказского военного округа в 1888 году и располагался в г. Тифлисе. Экспонаты музея отражали историю присоединения Кавказа к России и увековечивали память о заслугах солдат и офицеров, проявленных на полях сражений в ходе русско-турецких и русско-иранских войн XVIII–XIX вв. Особая роль отводилась музею в деле сохранения исторической памяти об участии российской армии в военных событиях на Северном Кавказе, названных современниками Кавказской войной.

Ведущую роль в музее играла историческая живопись. Созданные для него картины принадлежали кисти таких известных художников как Ф.А. Рубо, Н.С. Самокиш, И.К. Айвазовский. Их сюжеты отражали наиболее знаковые, с точки зрения официальной

идеологии, события российско-кавказских отношений. Наряду с живописными полотнами стены музея были украшены портретами императоров и выдающихся кавказских деятелей. Часть экспонатов занимали боевые трофеи, добытые кавказскими войсками, а также разные вещи, принадлежавшие известным участникам событий военно-политической истории Кавказа.

В целом, по внутреннему своему устройству и содержанию, музей являлся преимущественно портретной галереей кавказских деятелей с серией батальных картин. У посетивших его в конце XIX в. современников он вызывал противоречивые чувства. «Более 20 картин известнейших художников и до сотни портретов выдающихся деятелей в музее. Есть на что посмотреть! – отмечалось в газетной заметке. – Нельзя только позавидовать тому порядку, в котором это находится: пыль покрывает картины и портреты, ею же покрыты персидские и турецкие знамена, некрасивым пучком неумело приткнутые к выступу стены; против этого пучка, с трещиной во всю ширину, также в пыли, стоит рельефная карта Кавказа. В глубоко сделанных ящиках под стеклом лежат ключи от некоторых покоренных персидских городов (Эривани, Тавриза и др.), оружие и некоторые предметы, принадлежавшие Воронцову, Паскевичу и Евдокимову, альбом рисунков Тимма (закрытый) и много еще...» [6, с. 262–292].

С момента своего создания музей находился в ведении инженерного управления Кавказского военного округа, которое не уделяло должного внимания выработке его научной концепции. По внутреннему своему устройству и содержанию, он оставался преимущественно портретной галереей кавказских деятелей с серией батальных картин. Отсутствие «настоящего хозяина» негативно отражалось на музейной экспозиции. Став во главе Военно-исторического отдела В.А. Потто решил исправить ситуацию. Свою программу реорганизации музея он изложил в докладе начальнику окружного штаба от 3 марта 1900 года [7, с. 58–63], в котором настаивал на создании в музее специальных отделов (исторического, этнографического), библиотеки, зала для проведения публичных лекций и бесед.

Старания Потто увенчались успехом в годы Первой русской революции (1905–1907 гг.). В переломный период истории власть обратила внимание на музей как мощное средство идеологического воздействия на общественное мнение и решила вдохнуть в него новую жизнь. По распоряжению наместника на Кавказе и главнокомандующего войсками Кавказского военного округа И.И. Воронцова-Дашкова, в марте 1906 года, он был передан в ведение

Военно-исторического отдела при окружном штабе, как учреждения, имеющего с музеем одну и ту же цель. Начальник Военно-исторического отдела стал одновременно и директором музея. Возглавив музей, В.А. Потто приступил к реализации намеченных в нем преобразований. Главное место среди них составляло пополнение музейных коллекций.

Летом 1906 года И.И. Воронцов-Дашков вышел с представлением о необходимости поддержать пришедший «в совершенный упадок» Кавказский военно-исторический музей и просил разрешения императора на пополнение его «различными предметами и трофеями, относящимися к Кавказской войне и хранящимися в Петербурге и Москве, а также на командирование пожалованных музеем вещей генерал-майора Потто» [8, л. 1-1об.]. 2 сентября 1906 года на докладе по Главному штабу «О передаче военно-историческому музею в г. Тифлисе предметов и трофеев», император собственной рукой написал «Согласен». Под охраной вооруженного конвоя на Кавказ были благополучно доставлены около ста знамен, трон персидского принца Аббас-Мирзы и другие трофеи времен русско-турецких, русско-иранских и Кавказской войн, хранившиеся до этого в военных соборах и музеях Москвы и Петербурга.

Пополнение музейных фондов позволило помимо картинной и портретной галерей открыть новые отделы: исторический, этнографический и библиотечный. Большую часть музейного собрания составили предметы вооружения, униформа, полковые знаки отличия (штандарты, знамена, значки и жетоны), боевые трофеи (персидские и турецкие ятаганы, кремневые ружья, восточного производства, кавказские пистолеты и шашки, клинок «гурда»). В витринах музея были представлены памятные медали, изготовленные в честь побед русского оружия в Персии и Турции. Украшением музея являлись гипсовые фигуры и модели российских императоров, русских и горских воинов, горских башен и казачьих пикетов.

Благодаря В.А. Потто была существенно расширена коллекция трофейных персидских, турецких и горских знамен, взятых в Карсе, Ахалцихе, под Баязетом, в Эривани и под Елисаветполем, а также при штурме горских крепостей и аулов. Большой интерес представляли знамена горских имамов: Кази-муллы, Гамзат-бека, Шамиля и его набов [9].

11 февраля 1907 года состоялось торжественное (ставшее вторым по счету) открытие «Храма Славы». Правила посещения музея предусматривали в качестве его потенциальной аудитории не только военнослужащих (вход бесплатный), но и гражданских лиц

(стоимость входного билета составляла 20 коп.). Приветствовались коллективные посещения музея группами нижних чинов, воспитанников военно-учебных и гражданских заведений [10, с. 925].

Музей стал активным и действенным средством популяризации знаний о военной истории в контексте имперской концепции присоединения Кавказа к России. Для посетителей был разработан Путеводитель, который позволял познакомиться с ходом военных событий на основе подробного описания представленных в музее предметов. В нем каждый портрет имел свою биографию, каждый трофей – свою историю.

Особый отдел музея составляла библиотека. В ней были представлены издания по военной истории Кавказа, собрание рукописей и документов по истории Кавказской войны. К ним обращался Л.Н. Толстой в ходе работы над своей знаменитой повестью «Хаджи-Мурат». Материалы музея публиковались на страницах Кавказского сборника и выходили отдельными изданиями.

После смерти В.А. Потто музеем руководили полковник В.И. Томкеев (в 1912 г.) и подполковник С.С. Эсадзе (с 1913 г.), которые также были знатоками военной истории Кавказа и авторами основательных работ по кавказской тематике.

Развитие музея под управлением Военно-исторического отдела позволило ему стать важным институтом памяти на кавказской окраине империи. Пропагандируя идеи единого Отечества и объединения народов под скипетром российского монарха, он оказывал влияние на массовое историческое сознание российской провинции. Идеологическую направленность повседневной работы музея подчеркивали сами его устроители: «Кавказский военно-исторический музей – это тот величественный памятник победоносной Кавказской армии, на котором все народности Кавказа – русские, грузины, армяне, мусульмане – найдут имена своих героев, совершивших великое дело умиротворения Кавказа для его культурного развития и запечатлевших кровью своей беззаветную верность Царю и Родине» [11, с. III].

В годы Первой мировой войны, в условиях приближения театра военных действий к Тифлису, было принято решение об эвакуации музея. В конце 1914 года музейные коллекции упаковали в ящики и по железной дороге отправили в г. Ставрополь, который был определен конечным пунктом эвакуации. По свидетельству очевидцев в город прибыло более 200 ящиков в 21 вагоне [12, л. 10об.].

После революционных событий 1917 года Военно-исторический отдел прекратил свою деятельность, а размещенное в г. Ставрополе имущество музея оказалось брошенным на произвол

судьбы. В мае 1918 года один из ставропольских музейных деятелей Г.К. Пправе отправился к дому, где временно хранились музейные экспонаты из Тифлиса, и застал там следующую картину: «Верхняя перемычка над входной дверью была сломана для увеличения выходного отверстия. 18 ящиков с имуществом музея были уже вывезены. Все большие ящики с картинами были вскрыты с одной стороны вероятно для проветривания картин, т.к. помещение было очень сырое, несколько ящиков, по-видимому с оружием, было взломано и часть оружия разбросано в нижнем помещении музея» [13, л.77]. Г.К. Пправе немедленно обратился в Ставропольский Совет народных комиссаров и добился передачи экспонатов военно-исторического музея в собственность Ставропольского городского музея.

После завершения Гражданской войны уполномоченный Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе Д.М. Павлов выступил с инициативой создания Северо-Кавказского Центрального музея, в состав которого должны были перейти экспонаты бывшего «Храма Славы» [14, л. 197–198.]. Однако этим планам не суждено было осуществиться. В 1923 году его имущество было реэвакуировано в г. Тифлис и как единое целое Кавказский военно-исторический музей перестал существовать, пополнив «печальный мартиролог разрушенных, уничтоженных, погибших по ряду причин и распылившихся военно-исторических коллекций» [15, с. 114].

В иных политических реалиях, потребность в функционировании такого имперского института памяти, каким был «Храм Славы», отпала. Его коллекции растворились в фондах региональных музеев и были забыты, как, впрочем, и многие события военной истории Кавказа.

Использованная литература и источники:

1. Колесникова М.Е. Историография и источниковедение истории Северного Кавказа (вторая половина XVIII – первая треть XX в.): Библиографический указатель. Предварительный список: В 2 ч. Ч. 2. Ставрополь, 2009.
2. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 392.
3. Парова Л.М. Создание и деятельность Военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа // Военно-исторический журнал. 1988. № 5. с. 87–91.
4. Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е января 1904 года. СПб., 1904.
5. РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 147.
6. Цит. по: Максимчик А.Н. Кавказский военно-исторический музей. История и судьба уникального музейного собрания // Кавказский сборник / Под ред. В.В.

- Дегоева. Т. 9. М., 2015.
7. Колосовская Т.А. «Забывая прошлое, нельзя ничему научиться и в будущем». Доклад генерал-майора В.А. Потто о централизации архивов на Кавказе и устройстве Кавказского военно-исторического музея в 1900 г. // Военно-исторический журнал. № 7. 2016.
  8. РГВИА. Ф. 400. Оп. 2. Д. 8286.
  9. Путеводитель по Кавказскому военно-историческому музею. Тифлис. 1915.
  10. Кавказский календарь на 1909 г. Тифлис, 1908.
  11. Путеводитель по Кавказскому военно-историческому музею. Тифлис, 1915.
  12. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 104. Оп. 1. Д. 73.
  13. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 1018.
  14. ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 1018.
  15. Воробьев Т.И. Гибель «Храма славы» // Вестник музея-панорамы «Бородинская битва». Вып. III. М., 2006.

Колобова А.А.,

г. Ставрополь,

*Северо-Кавказский федеральный университет,
студентка первого курса магистратуры*

**«Квартирный вопрос»
в Ставропольской
губернии в 1917 году**

газете «Северокавказский край» огромное количество объявлений было посвящено продаже недвижимости и её сдаче в аренду, причем в одном номере до 5 таких объявлений. Так, было размещено около 19 объявлений о поиске съемных комнат, 5 о поиске съемных квартир и домов. Под съем сдавались дачи (7 повторов), дома (3 повтора), квартиры (9 повторов), комнаты (3 повтора). Также активно велась продажа домов и квартир – около 22 повторов подобных объявлений. Это можно объяснить миграционными настроениями населения. Первая Мировая война заставляла людей переселяться. Революционные события в России и как следствие экономический кризис, отразились на бытовой жизни людей. Многие люди переселялись в другие регионы в поисках более высокооплачиваемой работы, или же активнее начинали сдавать жильё, чтобы подзаработать.

Вот тут-то и предстает перед нами т.н. «квартирный вопрос», проблема незаконного требования домохозяевами увеличения

платы за съём квартиры [1]. В Ставропольский губернский комитет общественной безопасности приходило много жалоб и прошений на эту тему [2]. Например, хозяин квартиры выгоняет вдову с детьми, так как хочет сдавать квартиру дороже. Вдова просит оставить её в квартире до окончания войны, когда наплыв беженцев уменьшится, квартиры будут свободные [3]. Домохозяйка угрожают, оскорбляют, выгоняют [4], доходило до абсурдных вещей. Например, домохозяин закрыл калитку, чтобы квартирантка не вошла во двор, ей пришлось перелезть через забор. Не разрешил собирать дождевую воду из-под желобов, аргументировав тем, что квартирантке принадлежат только стены, а не крыша [5]. Квартиранты в ответ приводят аргументы, ссылаясь на законы и постановления [6], а кто-то с оружием в руках собирается отстаивать свои интересы [7]. Есть обращения в Совет солдатских депутатов Ставропольского гарнизона, возможно люди видели в этом органе более справедливую власть [8]. Например, Д. Юстус писала, что хозяин квартиры И. Калмыков требует освободить помещение, так как якобы будет делать капитальный ремонт. Юстус же утверждает что он лжет и просит покинуть квартиру, так как, во-первых, увеличивает плату, а во-вторых, Юстус - бывшие немецкие колонисты. Д. Юстус считает, что приговор судьи освободить квартиру несправедлив. И. Калмыкова вызвали в Совет рабочих и солдатских депутатов, где он объявил, что уже нанял рабочих и что квартиру сдавать больше не может [9]. Нелегко пришлось и многодетной матери Матрене Мешковой, муж которой продал их усадьбу в 1913 году и отправился в Сибирь, но перед переселением вел разгульный образ жизни и по дороге умер. Несколько лет одна подавала иски и добивалась выделения ей усадьбы [21].

«Ввиду большого скопления дел о высылке квартирантов из квартир, в уездном съезде назначается, как сообщают, заседание временных мировых судей на 8 июля» [10], возможно, что жильцы не платили за квартиру, т.к. у них не было средств на это. В заметке «Квартирный вопрос» [11] говорится, что на общем собрании комитета общественной безопасности был заслушан доклад об урегулировании квартирного вопроса. Было решено избрать комиссию.

Серьезность ситуации показывает повторное обращение властей губернии к закону от 27.08.1916 г. Из статьи «Воззвание гражданам города Ставрополя и губернии»: «Под влиянием настоятельной необходимостью вызванной тяжелой войной и связанным с ней расстройством народной жизни издан 27 августа 1916 года Закон о запрещении повышать цены на жилые помещения, имеющие главной своей целью борьбу с квартирными спекуляциями»

[12]. Это было не просто напоминание домохозяевам, т. к. к этому закону имелось обязательное постановление, которое гласило, что, во-первых, все граждане города должны неукоснительно следовать закону; во-вторых, запрещается повышать цены на съём жилья; в-третьих, необходимо поставить на учет квартиры, сдаваемые впервые; в-четвертых, после ремонта помещения право занять его принадлежит прежнему жильцу; и в-пятых, за нарушение данного закона мерой наказания является тюремное заключение. Сам факт такой серьезной меры наказания показывает важность «квартирного закона».

Но парадокс ситуации был в том, что довольно часто пользуясь пунктом, по которому после ремонта помещения право занять его принадлежит прежнему жильцу, домовладельцы принимали решение выселить квартирантов [13].

Имеются и обращения домохозяев в Ставропольский губернский комитет общественной безопасности. Часто они жаловались на своих квартирантов. Например, о том квартирант печет пирожки для базара в непригодной для этого печи. Уже был пожар, поэтому домохозяйка просит запретить печь пирожки. В другом случае квартирантка отказывается платить за электричество, завела в коридоре гусей, а из-за сушки белья в комнате в доме сырость. Есть просьба запретить квартиранту сдавать комнаты, как в ночлежном доме, и отдать назад флигель, который он сдает. Запретить квартиранту хранить кожаный и бакалейный товар, который занимает проход и захламляет помещение [14].

Неоднократно в прошениях давалось прямое указание, что в городе вообще нет свободных квартир из-за беженцев, которые бегут от войны [15]. Квартирант К. Иванов даже готов был платить, сколько скажут плюс плата за полгода вперёд, лишь бы продлили договор о съеме квартиры [16].

О переполненности города населением и отсутствии свободных квартир писал и Губернский комиссар Старлычанов. Он просил Петроградского Губернского комиссара и начальника военной охраны Северокавказских путей сообщения Валаева [17] не присылать никого в губернию, т.к. в городе уже находятся различные учреждения, беженцы, полки, батальоны, а также, что канализации нет, и количество питьевой воды крайне ограничено, к тому же усиливается эпидемия тифа.

На страницах газеты «Северокавказский край» появляется новая заметка, гласившая, что при Губернском комитете общественной безопасности была образована примирительная комиссия, одними из членов которой являются представитель от квартирнанимателей

и представитель от домовладельцев [18]. И тут же в Ставропольский губернский комитет общественной безопасности приходит письмо из этой комиссии, в котором говорится, что в ней нет работников, председатель работает один и не справляется, а такая власть не может быть единоличной. Указывалось, что квартирный вопрос в Ставрополе с каждым днем становится все острее, число обращающихся лиц с каждым днем увеличивается. В итоге звучит просьба о реорганизации комитета [19].

Был также отдельный случай, касающийся общежития для учительских детей, которое находилось в аварийном состоянии. Говорилось, что в Дирекции Народных училищ Ставропольской губернии есть сумма в 30 тысяч рублей. Были предложено предать эту сумму обществу взаимопомощи или Губернскому учительскому союзу, и описано, как стоит распорядиться деньгами [20].

Таким образом, можно сделать вывод, что остро стоявший в г. Ставрополе «квартирный вопрос» главным образом появился под влиянием такого фактора, как переселение беженцев. Ставропольские власти пытались решать данную проблему.

Использованная литература и источники:

1. Северокавказский край – 1917 – 29 июня (№141)
2. ГАСК. Ф. Р-1658. Оп.1. Д.38. лл. 46, 100, 103.
3. ГАСК. Ф. Р-1658. Оп.1. Д.38. л. 18.
4. ГАСК. Ф. Р-1658. Оп.1. Д.38. лл. 45, 55.
5. ГАСК. Ф. Р-1658. Оп.1. Д.38. л. 61.
6. ГАСК. Ф. Р-1658. Оп.1. Д.38. л. 37, 61.
7. ГАСК. Ф. Р-1658. Оп.1. Д.38. л. 49.
8. ГАСК. Ф. Р-1658. Оп.1. Д.38. л. 66 оборот, 69 оборот, 86.
9. ГАСК. Ф. Р-1658. Оп.1. Д.38. лл. 14, 15 оборот, 16.
10. Северокавказский край – 1917 – 16 июня (№130)
11. Северокавказский край – 1917 – 18 июня (№132)
12. Северокавказский край – 1917 – 6 июля (№146)
13. ГАСК. Ф. Р-1658. Оп.1. Д.38. лл. 14, 29, 32, 37, 38, 93.
14. ГАСК. Ф. Р-1658. Оп.1. Д.38. лл. 30, 31, 34.
15. ГАСК. Ф. Р-1658. Оп.1. Д.10. л. 94; Ф. Р-1658. Оп.1. Д.38. л.
16. ГАСК. Ф. Р-1658. Оп.1. Д.38. л. 3.
17. ГАСК. Ф. Р-1867. Оп.1. Д.3. лл. 214, 370, 371.
18. Северокавказский край – 1917 – 22 июля (№160)
19. ГАСК. Ф. Р-1658. Оп.1. Д.38. л. 87.
20. ГАСК. Ф. Р-1867. Оп.1. Д.3. л. 421.
21. ГАСК. Ф. Р-1867. Оп.1. Д.6. л. 142.

Коркмазова З.А.,

г. Ставрополь, Ставропольский

государственный

музей-заповедник, научный сотрудник отдела фондов, кандидат философских наук

Становление и развитие массовых физкультурно-спортивных праздников в СССР

Массовое развитие физической культуры и спорта в СССР активно началось с первых лет существования молодого государства и охватывало все регионы. Были организованы физкультурно-спортивные организации. Проводились легкоатлетические кроссы, спортивные массовые соревнования по велосипедным и лыжным гонкам.

Первый парад советских физкультурников отрядов Всеобуча состоялся 25 мая 1919 года на Красной площади. После его завершения многие участники отправлялись на фронты Гражданской войны. Физкультурные парады демонстрировали высокую гражданственность, а также моральную и физическую силу рядовых советских граждан, готовых к вооруженной защите завоеваний Октябрьской революции.

В 1930-е гг. в СССР шло бурное развитие физической культуры и спорта, строительство новых стадионов, спортивных сооружений, создание добровольных спортивных обществ. Это отразилось и на содержании физкультурных праздников. В параде 1931 года на Красной площади участвовали 40 000 человек, в 1932 году - 70 000 человек, в 1933 году - 80 000 человек [1].

На Ставрополье с энтузиазмом включились в общесоюзное физкультурное движение. Центральный стадион «Динамо» в Ставрополе был заложен в 1907 году, а открыт 1 мая 1920 года. Трижды был реконструирован: в 1948, 1966, 2009 гг. Вмещает 15 817 зрителей [2]. В фондах Ставропольского государственного музея-заповедника имеются фотографии строительства стадиона, его реконструкции и проведения спортивных праздников [3].

Первые после парада 1933 года прошли массовые гимнастические выступления. Рекордными по количеству гимнастов были парады 1934 и 1935 гг., по 12 000 участников в каждом.

Для участия в спортивно-гимнастических выступлениях и параде физкультурников 1937 года, посвященном 20-летию

Октябрьской революции и принятию Конституции СССР, в столицу были приглашены делегации спортсменов союзных республик. К режиссуре и оформлению выступлений были привлечены квалифицированные тренеры по спортивной гимнастике, режиссеры, балетмейстеры, лучшие театральные художники и композиторы страны.

Всесоюзные парады физкультурников предвоенных лет проводились по определенной схеме: церемония приема парада, митинг, торжественный марш участников парада, спортивно-гимнастические выступления. Они были яркими. Участники выступали в красочных костюмах. В гимнастических выступлениях использовались красивые построения и сложные перестроения, синхронность гимнастических движений во время исполнения номеров. Демонстрировались упражнения из различных видов спорта и отличная строевая подготовка. Гимнасты выполняли упражнения на разнообразных гимнастических снарядах, что требовало тщательной подготовки и большого мастерства. В 1939 году постановлением Совета Народных Комиссаров СССР было установлено ежегодное проведение Дня физкультурника во вторую субботу августа. В Москве всесоюзные парады физкультурников стали проводиться именно в этот день[4].

Дальнейшему развитию советского спорта способствовало массовое вступление молодых людей в различные добровольные спортивные общества. Известные советские гимнасты и футболисты были узнаваемы и любимы во всех уголках нашей страны. Спортсмены обязательно принимали участие в праздничных демонстрациях. В высших учебных заведениях стали открываться факультеты физической культуры и спорта, где готовили будущих профессиональных спортсменов. Учебные заведения и спортивные организации систематически проводили мероприятия, нацеленные на всестороннее физическое воспитание молодых людей, и широкий охват физкультурной подготовкой населения различных возрастных групп.

В Ворошиловском педагогическом институте кафедра физической культуры была открыта 28 февраля 1939 года. В 1941 году ее объединили с военной кафедрой, а в 1944 году преобразовали в военно-физкультурную кафедру. В 1946 году военно-физкультурная кафедра Ставропольского пединститута вновь была разделена на военную кафедру и кафедру физической культуры. С 1948 года кафедра носила наименование «физического воспитания и спорта»[5].

С 1934 года, вслед за летними парадами, в практику вошло проведение зимних праздников-парадов. В них участвовало до

100 000 лыжников, конькобежцев и хоккеистов. Вслед за Москвой физкультурные праздники в форме парадов стали проводиться во всех крупнейших городах СССР. Проводились они и в Ставрополе.

Прерванные началом Великой Отечественной войны, массовые физкультурные праздники и зрелища возобновились за год до ее окончания. В Москве 16 июля 1944 года на стадионе «Динамо» состоялся большой спортивно-гимнастический праздник, посвященный Дню физкультурника. Всесоюзный парад физкультурников, посвященный Победе советского народа в Великой Отечественной войне, состоялся в августе 1945 года на Красной площади. Этот праздник проходил в духе всеобщего ликования и радости.

С 1946 года Всесоюзные парады физкультурников стали проходить на Центральном стадионе «Динамо». Массовые выступления гимнастов и спортивные соревнования приобрели особую праздничность и торжественность. Появилась возможность проводить массовые гимнастические выступления в сопровождении не только духового, но и симфонического оркестра, оркестра народных инструментов и даже вокалистов. Применялись и новые элементы оформления мероприятий: шарфы, ленты, веера, гирлянды. Физкультурные парады оказывали хорошее эмоциональное воздействие на население.

В 1947 году 19-летний гимнаст М.В. Страхов принимал участие во Всероссийском параде физкультурников на стадионе «Динамо» в Москве в роте солистов, делал сальто с высокой перекладины. Михаил Владимирович Страхов (1928-1999) стал первым на Ставрополье чемпионом России (1952 г.), первым мастером спорта СССР по акробатике (1952 г.), четырехкратным чемпионом России, первым Заслуженным тренером СССР по акробатике (1976 г.). Он считается основателем всемирно знаменитой ставропольской школы акробатических прыжков. За 42 года тренерской деятельности он подготовил более 60 мастеров спорта по акробатике. Из акробатической школы вышло более 150 мастеров, среди них такие мастера спорта международного класса как Юрий Страхов и Василий Скаун[6, с. 16-17; с. 18-19]. Долгие годы он работал тренером по подготовке гимнастов со сборными командами РСФСР и СССР[7, с. 21-22].

Талантливый тренер воспитал своего младшего брата Юрия Страхова, как спортсмена высокого класса, ставшего пятикратным чемпионом СССР (1959-1964 гг.). Он первым получил звание Заслуженного мастера спорта СССР по акробатике (1963 г.), ему не было равных на акробатической дорожке в течение 10-12 лет. В 1955

году Юрий Страхов на первенстве РСФСР завоевал второе место, уступив звание чемпиона своему старшему брату и тренеру Михаилу. С 1955 года Юрий - мастер спорта СССР. Он первый исполнитель целого ряда сложных элементов, в т. ч. сальто назад прогнувшись с поворотом на 180°.

В послевоенный период на Всесоюзных парадах физкультурников (1946, 1947 и 1954 гг.) резко сократилось число участников торжественных маршей и увеличилось число участников массовых гимнастических выступлений и спортивных соревнований. В программы парадов было введено большое количество спортивных соревнований: по легкой атлетике, борьбе, боксу, волейболу, футболу, тяжелой атлетике.

Последний Всесоюзный физкультурный парад прошел на стадионе «Динамо» в Москве в июне 1954 года. В нем приняли участие около 40 тысяч человек. В массовых гимнастических выступлениях участвовали около 30 тысяч человек. В составе делегации от РСФСР среди 2800 спортсменов выступали и два ставропольских гимнаста - братья Страховы: 26-летний Михаил делал сальто с высокой перекладины в роте солистов, а младший брат - 16-летний Юрий - сальто назад с горизонтальной лестницы.

В 1954 году история Всесоюзных физкультурных парадов закончилась. С 1956 года в Москве, один раз в четыре года, стали проводить Спартакиады народов СССР. По размаху открытия, по количеству видов спорта и числу участников они намного превосходили Олимпийские игры. Юрий Страхов участвовал в I Спартакиаде народов СССР, а в 1966 году стал ее победителем.

Изображения колонн участников физкультурных парадов печатались на почтовых марках[8], отрывных календарях, агитационных плакатах. В фондах Ставропольского государственного музея-заповедника хранятся значки «Спартакиада 1947», «Спартакиада IV 1967», «Спартакиада здоровья 1963», «Спартакиада 1960», «Спартакиада 1961», медаль памятная настольная «СССР. Артек.1966»[9], кубок-приз, вымпел, фотографии ставропольских спортивных спартакиад[10].

Физическая культура и спорт стали в СССР самостоятельной сферой культурного строительства. В целях пропаганды здорового образа жизни в школах СССР особое внимание уделялось занятиям массовой физической культурой и спортом среди подрастающего поколения. В фондах Ставропольского государственного музея-заповедника хранятся деревянные и металлические спортивные эстафеты, переданные от разных организаций физкультуры и спорта, в подарок ставропольскому Крайкому комсомола[11].

В 1931 году был принят первый набор нормативов «Готов к труду и обороне» (ГТО), включающий 21 вид соревнований. Этот Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс просуществовал 60 лет, с 1931 по 1991 г. Сдача нормативов ГТО была обязательна для граждан в возрасте от 10 до 60 лет в соответствии с возрастной группой по пяти ступеням: «Смелые и ловкие» (10-13 лет), «Спортивная смена» (14-15 лет), «Сила и мужество» (16-18 лет), «Физическое совершенство» (мужчины 19-39 лет, женщины 19-34 лет), «Бодрость и здоровье» (мужчины до 60 лет и женщины до 55 лет).

Лица, принимающие участие в соревнованиях и успешно сдавшие нормативные комплексы (бег, прыжки в высоту и в длину, плавание, лыжные гонки, велокросс и другие), представлялись к награждению золотыми и серебряными почетными значками ГТО.

В 2014 году по инициативе Президента России В.В. Путина комплекс «Готов к труду и обороне» был возрожден с новым перечнем испытаний и нормативов, обновленным дизайном значка ГТО (золотой, серебряный, бронзовый). Настоящие нормативные стандарты ГТО подразделяются на 11 ступеней. Они охватывают все слои населения в возрасте от 6 лет до 70 лет, их сдача является добровольной. В состав нормативов не включены: метание учебной гранаты, кросс на велосипедах, конькобежные дисциплины и лазание по канату. Вместе с тем добавлен ряд новых физкультурных комплексов с навыками туристической активности (установить палатку, разжечь костер и т.п.)[12].

Современный нормативный комплекс ГТО не является прямым продолжением старых советских стандартов, однако существенное сходство с ним имеется. Благодаря обязательной физкультурной подготовке выросло не одно поколение здоровых людей в нашей стране. Во многих семьях хранятся значки с фигурками спортсменов и аббревиатурой ГТО. В фондах СГМЗ имеются значки ГТО разных ступеней 1960-80-х гг., переданные спортсменами[13]; а также разнообразные агитационные плакаты[14].

Основными участниками праздничных колонн с обручами, флажками в показательных выступлениях на 1 и 9 мая на стадионе «Динамо» были учащиеся школы №15. Тренировались они в школе, а генеральная репетиция проходила на стадионе «Динамо». Половину полного стадиона составляли ученики этой школы, вторую половину – студенты спортивного факультета Педагогического института и школьники других школ[15].

Примером организации массовости физической культуры и спорта среди учащихся может служить многолетний опыт

педагогического коллектива ставропольской СШ № 15, построенной в 1971 году по типовому проекту на 964 места с учебно-спортивной базой.

Педагогически спланированная организация внеклассной физкультурно-спортивной работы ее первого директора В.А. Волынченко, отличника народного просвещения, участника Великой Отечественной войны, а также Р.Т. Магомедова, учителя физкультуры, впоследствии директора школы, отражалась на высоких спортивных достижениях учащихся. Многие годы школа занимала призовые места в районных, городских спортивных соревнованиях.

Опыт работы Р.Т. Магомедова был известен не только в Ставропольском крае, но и за его пределами. Расул Тихаевич неоднократно выступал с сообщениями на Всероссийских педагогических чтениях, проводил открытые уроки для слушателей курсов повышения квалификации учителей и директоров школ города и края, заведующих районных и городских отделов народного образования Юга России, и оценка их была самой высокой.

В 1974 году он был награжден значком «Отличник народного просвещения», в 1977 году - значком «Отличник просвещения СССР», в 1984 г. - медалью «Ветеран труда». В 1998 году ему было присвоено почетное звание «Заслуженный учитель Российской Федерации». В настоящее время Р.Т. Магомедов продолжает свой педагогический путь социальным педагогом в муниципальном образовательном учреждении - лицее № 15 г. Ставрополя.

Передовой опыт этой школы интересен также и в организации совместной работы учителей физкультуры и руководителя по военно-патриотическому воспитанию учащихся к службе в Вооружённых силах нашей страны.

В соответствии с законом СССР «О всеобщей воинской обязанности» (1967 г.) в общеобразовательных школах была введена начальная военная подготовка старшекласников (НВП). Перед школами стояла ответственная задача – подготовить юношей к выполнению почетной патриотической обязанности – несению службы в Вооруженных Силах СССР. На уроках НВП в 9-10 классах юноши допризывного и призывного возраста получали необходимые знания и навыки в объеме начальной подготовки рядового солдата и соответствующее военно-патриотическое воспитание.

Неразрывно с этим была связана и физическая подготовка старшекласников, являвшаяся одним из видов боевой подготовки. Темы по военной подготовке были связаны с курсом физической культуры 4-10 классов (строевая стойка, выполнение команд, повороты на месте и др.). Одним из важнейших мероприятий

взаимодействия физической подготовки и военного обучения являлась организация и сдача нормативов комплекса ГТО. Такие нормативы, как стрельба, метание гранат, нормативы по гражданской обороне готовились и принимались военным руководителем в 9 и 10 классах, включая стрельбу юношей 10-х классов из боевого оружия на полевых занятиях в конце обучения по НВП.

В начале учебного года проводился традиционный туристический слет школы в живописном месте ставропольского леса. На слете проводилась массовая сдача нормативов ГТО всеми категориями учащихся, военно-спортивные соревнования (движение по азимутам, ориентирование на местности). Одновременно слет был хорошим коллективным отдыхом. Проверялась строевая выучка, слаженность классного коллектива, форма одежды для уроков физкультуры, умение ребят помогать друг другу, болеть за коллектив. Такой смотр, как правило, превращался в своеобразный спортивный праздник для всех учащихся школы.

Настоящим смотром силы и ловкости призывников являлись проводимые ежегодно соревнования по многоборью юношей 9-10 классов: стрельба из мелкокалиберной винтовки, метание гранат, бег на 100 м., подтягивание на перекладине, надевание противогаза, разборка и сборка автомата Калашникова. Соревнования завершались кроссом на 1000 м.

После отборочных соревнований в школе выделялась команда лучших для участия в районных соревнованиях, организуемых РВК, РК ДОСААФ и спорткомитетом района, среди школ Промышленного района.

Особое место занимала организация, подготовка и проведение военно-спортивных игр «Зарница» и «Орленок», в подготовке и проведении которых практически участвовали все учителя физкультуры, военрук и наиболее подготовленные старшеклассники (инструкторы юнармейских отрядов «Зарницы»). Организационную часть этих игр вел комитет комсомола, пионерская дружина, а подготовительная часть и соревнования по юнармейским специальностям проводились командирами отрядов, инструкторами и учителями физкультуры. Лучший отряд игры «Зарница» или игры «Орленок» участвовал в районных соревнованиях, проводимых райкомом комсомола, ДОСААФ и спорткомитетом.

Не оставались без внимания и октябрята. Ежегодно ко Дню Победы проводился «Смотр октябрятских войск». Организатором этого красочного мероприятия являлась пионерская дружина школы.

В Промышленном районе нашего города традиционными были соревнования по стрельбе из мелкокалиберной винтовки, по

военно-прикладным видам спорта, в которых всегда участвовали старшие учащиеся школ. Эти соревнования, как правило, посвящались знаменательным датам в истории нашего государства и его Вооруженных Сил.

Особое место в военно-патриотическом воспитании и спортивной работе занимал ежегодно проводимый месячник оборонно-массовой работы, посвященный годовщинам основания Советской Армии и Военно-морского флота. В этом большом мероприятии участвовал практически весь коллектив учителей и учащиеся. Месячник (с 21 января по 23 февраля) планировался совместно с партийной, комсомольской организациями и пионерской дружиной. Мероприятия определялись отдельным планом, который доводился до всего состава школы. Наибольший интерес вызывал организованный подготовительным комитетом на завершающем этапе месячника военно-спортивный вечер, где участвовали команды юношей и девушек 9-10-х классов.

В соответствии с требованиями программы НВП, при ее завершении, в соответствии с приказом директора школы готовился и проводился итоговый «Военно-спортивный праздник», с участием педагогического состава, комсомольских активистов и учащиеся 9-10 классов. Программа праздника предусматривала торжественное открытие и подъем флага, соревнования по военно-спортивным видам и практическим навыкам НВП, по результатам лучшим командам вручались грамоты, поощрения, призы.

Ответственным этапом при организации физкультурно-оздоровительных мероприятий являлась подготовка инструкторов и физоргов, для которых проводился цикл семинарских занятий, на которых ребята знакомились с теоретическими знаниями и необходимыми практическими навыками по этому вопросу.

Со дня своего основания школа №15 вырастила таких известных спортсменов, как Жанна Подшивалина – мастер спорта международного класса по художественной гимнастике, член сборной СССР; Ирина Комарова – мастер спорта СССР по легкой атлетике; Елена Гусянникова – мастер спорта международного класса, член сборной СССР по прыжкам в воду и многие другие. В школе обучались мастера спорта, кандидаты в мастера спорта, более 500 человек массовых разрядников, более 500 значкистов ГТО, более 100 инструкторов и спортивных судей.

В СССР одной из основных целей проведения массовых физкультурно-спортивных парадов и праздников являлась, прежде всего, пропаганда здорового образа жизни. Физкультурные парады были демонстрацией силы рядовых советских граждан. Подтянутые,

стройные фигуры физкультурников и спортсменов, участвующих в шествиях и соревнованиях, сила и ловкость их движений должны были приводить зрителей в восторг и, конечно, рождать стремление стать такими же.

Использованная литература и источники:

1. Здоровье, воля и мужество. Культ спорта в СССР // <http://www.22-91.ru>. Информационно-исторический портал – ваш 1922-1991 год рождения: Здоровье, воля и мужество. Культ спорта в СССР.
2. <http://www.dynamostav.ru>
3. СГМЗ. О.ф. 23210/1-2, 27872/13, 15; 27948/237, 245, 280, 317, 319, 320, 360, 556, 569, 644, 647, 673; 27949/360; 29838/35; 29698/7.
4. Костенко А.А. Спортивные парады в СССР (фото с комментариями). 2014 г. // <http://www.garnin.ru>
5. <http://nfcu.ru/kafedra-fizicheskoy-kultury>
6. СГМЗ. О.ф. 26898. Волшебник // Спортивная жизнь России. № 6. М., 1973. СГМЗ. Нв.ф. 5770. Город акробатов // Смена. № 16. М., 1968.
7. Семья Страховых // Спортивный вестник Ставрополя. № 11. 2013.
8. СГМЗ. О.ф. 37326/4 – Почтовая марка «Летняя спартакиада профсоюзов СССР». СССР, 1969 г.
9. СГМЗ. О.ф. 36461 – значок «Спартакиада 1947», СССР, 1947 г., принадлежал заслуженному тренеру РСФСР Гилебу Е.И.; О.ф. 37097/282 – значок «Спартакиада IV», СССР, 1967 г.; О.ф. 37097/283 – значок «Спартакиада здоровья 1963», СССР, 1963 г.; О.ф. 31135/1-2 – значки «Спартакиада 1960», «Спартакиада 1961», СССР, 1960-1961 гг.; О.ф. 30944/1,3 – медаль памятная настольная «СССР Артек 1966», с надписью «Международные игры пионеров по легкоатлетическому четырехборью «Дружба».
10. СГМЗ. О.ф. 21889 – кубок-приз ставропольского крайкома ВЛКСМ и газеты «Молодой ленинец» за I место в весеннем краевом легкоатлетическом кроссе 1958 г.; О.ф. 21357 – вымпел памятный «Старты надежд» с надписью «Краевые детские спортивные игры. Финал. Ставрополь. 1982»; О.ф. 36489/47 – фотографии М.П.Колесникова «Спартакиада народов Северного Кавказа. Легкая атлетика», фотопленка: 16 фрагментов, 43 негатива; Нв.ф. 6694/5 – значок. «XI спартакиада Ставрополя».
11. СГМЗ. О.ф. 13359.
12. <http://www.gto.ru>
13. СГМЗ. О.ф. 13560, 36464, 37097/244, 245, 246; Нв.ф. 6694/1, 2.
14. СГМЗ. О.ф. 18413 – Плакат «Готов к труду и обороне СССР». СССР, 1974 г.; О.ф.39348/17 – Плакат «Физкультурница (Работать, строить и не ныть!)». С изображением девушки – метательницы диска в белой спортивной майке и трусах, позади нее – лежащий юноша-стрелок. Художник А. Дейнека. 1933 г. Репринтное издание. СССР, 1970-е гг.
15. СГМЗ. О.ф. 5461/25, 29698; Нв.ф. 3628 – Праздник 1 мая в г.Ставрополе, 1950-е гг.

Масликова И.А.,

*г. Ставрополь,
Картинная галерея пейзажей П.М. Гречишкина,
младший научный сотрудник*

Роль картинной галереи пейзажей П. М. Гречишкина в формировании духовных ценностей ставропольской молодежи

Павел Моисеевич Гречишкин – автор картин тонко прочувствованных и мастерски написанных в духе лучших реалистических традиций русской и советской пейзажной живописи. Как художника-пейзажиста его интересовала природа самых разных уголков мира: от Ставрополья и Кавказа, средней полосы России и Русского Севера до Италии, Франции, Греции, Египта, Турции, Индии, Непала, Мексики и Японии.

Родился П.М. Гречишкин 16 января 1923 года в крестьянской семье, в селе Татарка — одном из красивейших мест на Ставрополье. Дом отца, столяра Моисея Федосеевича Гречишкина, стоял на горе, на северной стороне села, и прямо из окна в хорошую погоду маленький Павлик мог любоваться горными пейзажами и двуглавым Эльбрусом.

В голодном и тревожном 1933 году Гречишкины сорвались с насиженного места. На радость Павлику некогда манящие, таинственные, сливающиеся с небом горы стали их соседями, поскольку они перебрались в поселок Осетиновка, в Кубанском ущелье под Карачаевском. Национальные республики в то время не облагались налогами. После нелегких скитаний, в 1936 году семья Гречишкиных вновь оказалась в родной Татарке.

В годы Великой Отечественной войны Павел находился в действующей армии, служил в составе 31-ого отдельного автомобильного полка, и даже в этот тяжелый период не расставался с так полюбившимися ему еще с детства горными пейзажами. С 1942 по 1948 гг. он проехал по Кавказу много раз, совершая рейсы по Военно-Грузинской дороге, и мог любоваться, потрясающими душу горными массивами [1, с. 14-21].

В его творчестве прослеживаются три большие темы. Одна из самых ярких и запоминающихся - горы Северного Кавказа, манящие своей непокорностью, могучестью, суровой красотой. В эти горы художник был влюблен до конца жизни. Ему необыкновенно точно

и достоверно удалось показать горные ландшафты. В его пейзажах чувствуется прозрачность и свежесть горного воздуха. Надо отдать должное мастерству Павла Моисеевича, ведь Кавказ, влекущий к себе живописцев буйством красок и нагромождением экзотических чудес, далеко не всякой кисти подвластен. По пальцам можно перечислить тех, кто сумел уловить взглядом его суть и остановить неповторимое мгновение бытия в горах. Обращаясь к художникам, прославивших Кавказ, следует начать с гениального поэта М. Лермонтов, «портретистом гор» совершенно справедливо называли художника-демократа Н. Ярошенко. Разумеется, в этот ряд может быть поставлен К. Хетагуров, который создал немало волнующих полотен. П.М. Гречишкин стал достойным продолжателем дела известных предшественников, но несомненно, создал свой неповторимый стиль [2, с. 4-9].

Художник неоднократно совершал поездки по Кавказу. При написании полотна «Гора София» [3], находился в единении с горячо любимой природой: «С высоты 2700 метров я писал гору Софию. Спал среди цветущих рододендронов прямо под открытым небом, звезды были крупные, сияющие. А за хребтом вспыхивало небо от молний. Рядом сидела большая собака, дежурная, ночью охраняла овец и всех нас. Так я прожил несколько дней среди гостеприимных пастухов Кавказа» [4].

Одним из важнейших качеств мастера была настойчивость в решении задач и достижении цели. По признанию самого Павла Моисеевича, чтобы раскрыть тему одного только Клухорского перевала, ему понадобилось 15 лет; за это время он побывал там 25 раз [5]. Художник вспоминал: «Написал множество вариантов картины... при закате солнца, в ясный летний день. В дымке тумана, в бурю. И в каждом – совершенно непохожие... оттенки цветов неба, гор, ущелий. И это все ради одной будущей картины» [6].

В коллекции картин, посвященных горному циклу, находятся поистине уникальные по технике исполнения работы. Одно из таких полотен «Озеро в облаках», было создано в 1981 году [7]. При его написании художник использовал тыльную сторону своих ладоней для передачи завораживающего тумана, покрывающего горы дымчатой вуалью. Несмотря на простоту самой композиции, картина завораживает взор передавая свежесть горного воздуха.

Около года художник был гостем Тебердинского заповедника. В 1957 году директор заповедника А.А. Барабанщиков пригласил художника написать картины для музея природы. Прожив там около года, Гречишкин дал согласие на выполнение заказа. За это время он написал около 138 этюдов. Два больших полотна оставил в своей

коллекции, а позднее передал в картинную галерею [8. с. 30, 208].

Настоящее искусство поистине способно объединять людей. Так ежегодно 11 декабря проходит Праздник гор и Чайхана, где ребята из разных стран демонстрируют культуру и традиции своих народов. Мероприятия проходящие в стенах галереи, собирают разных людей, которые чувствуют себя единым целым в процессе общения и приятного времяпрепровождения. Музыкальные и поэтические вечера, праздники, фестивали, встречи ученых и художников делают галерею центром культурной и интеллектуальной жизни нашего города.

На протяжении тридцати лет Картинная галерея пейзажей П.М. Гречишкина формирует духовные ценности ставропольской молодежи, воспитывая в юных сердцах неугасающее чувство любви к прекрасному. Имя художника известно не только в Ставропольском крае и на Юге России. Полотна мастера хранятся в частных коллекциях сорока стран мира, но сердце его коллекции хранится в родном Ставрополе.

Использованная литература и источники:

1. Авдеева Т.Д., Данилевич В.Г., Драчева О.Н., Ермеева Н.Н, Исаичева В.Г. Штрихи к портрету. Жизнь и творчество Павла Моисеевича Гречишкина. Ставрополь, 2015.
2. Селунская И. , Авдеева Т.Д. П. Гречишкин Жизнь и творчество. Ростов-на-Дону, 2008.
3. Гречишкин П.М. «Архыз. у Софийского ледника». Собрание картинной галереи пейзажей художника П. М. Гречишкина. О.ф. 37270. ИЖ 457. 1995.
4. Гречишкин П.М. Путевые дневники по Кавказу. 1965, 1987.
5. Гречишкин П. М. «Клухорское озеро». Собрание картинной галереи пейзажей художника П. М. Гречишкина. О.ф. 25783. ИЖ 67. 1985.
6. Гречишкин П.М. Путевые дневники по Кавказу. 1965, 1987.
7. Гречишкин П. М. «Озеро в облаках». Собрание картинной галереи пейзажей художника П. М. Гречишкина. О.ф. 25737. ИЖ 41. 1981.
8. Штайн К.Э., Петренко Д.И. Люди на все времена. Ставрополь, 2015.

Назарова И.М.,

*г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-
заповедник, старший научный сотрудник
отдела этнографии, кандидат
исторических наук*

**Памяти учителя, ученого
и необыкновенного человека
(к 100-летию
со дня рождения В.П. Невской)**

фондах Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им.Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе есть мемориальный фонд № 1814, в котором хранятся предметы, принадлежавшие известному ставропольскому ученому-кавказоведу, доктору исторических наук, профессору Валентине Павловне Невской. Это фотографии и грамоты разных лет, врученные Валентине Павловне «за педагогическую деятельность», «за активное участие в развитии науки и культуры народов Карачаево-Черкесии», «за самоотверженный труд», «за плодотворную научную работу», «за успешное руководство научно-исследовательской работой студентов исторического факультета» [5].

На фотографиях мы видим рабочий стол Валентины Павловны, заваленный книгами (фото 1), ее портреты в разные годы жизни (фото 2,3), а также, на одном из снимков, хранящихся в фондах музея-заповедника, запечатлен момент сбора информации во время историко-этнографической экспедиции, которая проходила в горных районах Карачая [6]. Валентина Павловна практически ежегодно выезжала в экспедиции, собирая материалы для докторской диссертации, которую она посвятила истории и культуре карачаевского народа. В фондах музея-заповедника хранятся ее экспедиционные тетради с рабочими записями, это так называемые «Полевые сборы 1958-1970 гг.» [7].

По воспоминаниям В.П. Невской, в одном из горных аулов, на ее вопрос о прошлом Карачая один из стариков посоветовал ей почитать книги о его народе, написанные Валентиной Невской! «Вы знаете о моих книгах?», - с удивлением спросила Валентина Павловна и услышала ответ: «Твои книги мне неизвестны, а я тебе советую почитать саму Невскую, она мудрый старый человек и знает всё!».

Рабочий стол в квартире В.П. Невской, 1990-е гг.

Такую оценку своего труда Валентина Павловна считала наивысшей похвалой.

Дочь Валентины Павловны – Татьяна Александровна Невская в ноябре 2018 года передала на хранение в музей государственные награды своей мамы, а также целый ряд памятных знаков и краевых наград. Кроме того, мемориальный фонд пополнили личные вещи Валентины Павловны: кожаный плащ, шелковый платок, любимая пудреница и шкатулка для хранения библиотечных карточек, а также несколько блокнотов и алфавитных книжек с записями, сделанными рукой знаменитого профессора-кавказоведа.

Педагоги-историки, сотрудники музея и архивные работники, некогда получившие образование в стенах Ставропольского педагогического института (позже СГУ; с 2012 г. – СКФУ) помнят этого удивительного человека, обладавшего пытливым умом, широким кругозором, необыкновенным обаянием и добрым

сердцем. Валентина Павловна долгие годы преподавала курс истории древнего мира на историческом факультете, отдавая все свои знания студентам. Автору этих строк посчастливилось быть не только студенткой-дипломницей профессора Невской, но и ее аспиранткой, а позже и коллегой.

Всем краеведам и историкам-кавказоведам хорошо известны многочисленные публикации В.П. Невской (их – более 200). Ее главные научные труды были посвящены истории Карачая; это глава «Карачаевцы» в историко-этнографическом очерке «Народы Карачаево-Черкесии», «Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. (дореформенный период); «Земельные отношения в Карачаево в 2-й половине XIX в.», «Карачай в пореформенный период». Она приняла участие в написании «Очерков истории Ставропольского края», «Истории Ставропольского края с древнейших времен до 1917 г.», «Истории народов Северного Кавказа», «Истории городов и сел Ставропольского края».

Валентина Павловна была научным редактором «Очерков истории Карачаево-Черкесии», «Истории горских и кочевых народов Северного Кавказа», сборников: «Проблемы аграрной истории народов Северного Кавказа», «Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа», «Проблемы общественной жизни и быта народов Северного Кавказа».

В 2019 году исполнится 100 лет со дня рождения Валентины Павловны Невской, которая по версии Кембриджского международного биографического центра дважды была объявлена Женщиной года (1993 и 1995 гг.) за выдающиеся успехи в науке; ее имя внесли на страницы ежегодника «Кто есть кто?», издаваемого этим центром и наградили «Медалью века».

В 1972 году с Валентиной Павловной встретился и побеседовал директор Ставропольского краеведческого музея Вениамин Вениаминович Госданкер, написавший о ней чудесную статью, опубликованную в «Ставропольской правде» [3, с. 2]. Основные вехи ее жизни были частично обнародованы в биографическом очерке, опубликованном в Ставрополе в 1992 г. [2, с. 3-10].

Валентина Павловна Невская (в девичестве Скворцова) родилась 1 августа 1919 года в г. Самара. Детство Вали прошло в постоянных переездах из города в город, из страны в страну, так как ее отец был служащим Внешторга. Семья жила в Персии (Иране), на Дальнем Востоке, в Германии, в Москве. Именно в Москве Валенька Скворцова с отличием окончила среднюю школу и поступила в Авиационный институт. В это время умная и симпатичная девушка встретила свою первую любовь, вышла замуж и родила сына, но

*В.П. Невская, зав.сектором истории КЧ НИИ,
1960-е гг.*

безоблачная жизнь продлилась недолго. По обвинению в шпионаже в 1938 году арестовали отца. семье сообщили приговор – 10 лет без права переписки. Позже родные узнали – отец был расстрелян в том же 1938. Реабилитирован он был, как и многие другие безвинно пострадавшие, лишь в 1953 году.

Отличницу Валентину отчислили из института, как дочь «врага народа», а ее мать выслали из столицы. Но, по неизвестной причине, сама Валентина осталась на свободе, стала работать в библиотеке. Началась война, семья переехала в Куйбышев, где муж стал работать на заводе, а юная мать – на промкомбинате шила и латала солдатскую одежду. Жили в сыром бараке, муж и ребенок заболели туберкулезом и, чтобы спасти малыша Валентина Павловна с сыном переехали в Ташкент. Малыш выздоровел, а супруг скончался.

В Ташкенте Валентина Павловна трудилась на хлопковом заводе, была передовиком производства, а в 1944 г. вернулась в Москву. Желая получить образование, она поступила в Институт иностранных языков, отделение германской филологии (за годы жизни в Германии Валентина в совершенстве овладела немецким языком). Во время первой сессии на экзамене по истории Валентина настолько удивила экзаменатора глубиной своего ответа, что он стал уговаривать студентку посвятить жизнь изучению истории.

В.П. Невская, профессор СГУ, 2004 г.

Валентина не сразу поняла, в чем заключается ее призвание. Но, окончив первый курс, забрала документы и поступила на исторический факультет МГПИ им. Ленина. После получения диплома поступила в аспирантуру к профессору В.Н. Дьяконову. В аспирантские годы принимала участие в археологической экспедиции в Ольвийском заповеднике под руководством профессора

Л.М. Славина. Тема ее кандидатской диссертации: «Византий в классическую и эллинистическую эпохи». После защиты диссертации в 1950 году Валентину Павловну направили на работу в Учительский институт г. Муром. Попутно с преподавательской деятельностью она продолжала писать научные статьи, выступала на конференциях.

Коллеги по ВУЗу испытывали зависть к молодой талантливой женщине, поговаривали: «слишком уж много она занимается научной деятельностью, ей не место среди нас!». Ее мама к тому времени вернулась из ссылки и стала жить вместе с дочерью, это тоже вызвало волну слухов и догадок. Шла последняя волна сталинских репрессий, Валентину Павловну пригласили в отдел кадров, показали анкету, где красным карандашом было подчеркнуто: «родители репрессированы», и предупредили, что «над ней сгущаются тучи».

Валентина Павловна в очередной раз круто изменила свою жизнь. В 1951 году она переехала в Черкесск и стала работать в Учительском институте. Основную часть ее нехитрого багажа составляли книги и папки с выписками из архивов. Она продолжила научную работу и в 1953 году опубликовала монографию по теме своей диссертации «Византий в классическую и эллинистическую эпохи». Книга оказалась настолько интересной с научной точки зрения, что в 1955 году ее переиздали в Лейпциге на немецком языке. В японском, французском и австрийском исторических журналах были опубликованы восторженные рецензии на ее монографию.

Но, живя вдали от научных центров, архивов и библиотек, продолжать занятия античной историей было сложно. Тем не менее, представить себе жизнь без научных исследований Валентина Павловна тоже не могла. Она заинтересовалась историей и культурой карачаевцев. Серьезных научных исследований истории этого народа не было, и она стала основателем нового научного направления в отечественном кавказоведении. Проработав несколько лет в Учительском институте, она перешла на работу в Черкесский НИИ экономики, истории, языка и культуры, где возглавила сектор истории.

Загоды напряженной работы она издала несколько монографий о Карачае. Свой отпуск и собственные средства тратила на поездки в архивы Ставрополя, Краснодара, Ростова-на-Дону, Тбилиси, Москвы, Ленинграда. Собирая полевой материал, В.П. Невская объездила весь Карачай, беседовала с аксакалами в отдаленных горных аулах, по крупницам собирая информацию о фольклоре, быте и традициях карачаевского народа.

Годы работы в Карачае были очень продуктивными: несколько монографий, участие в крупных общесоюзных научно-

исследовательских проектах, подготовка хрестоматий и сборников документов. В 1966 году последовала защита докторской диссертации «Карачай в XIX в. Эволюция аграрного строя и сельской общины» в Ростове-на-Дону.

В 1971 г. профессора В.П. Невскую пригласили на работу в Ставропольский педагогический институт. В 1976-1982 гг. она возглавляла кафедру всеобщей истории. Вернувшись к преподаванию любимой античности, она практически до конца жизни продолжала свои исследования истории Карачая [4, с. 3-7].

Валентина Павловна была любимицей студентов, о ее занятиях говорили только в превосходной степени. На кружок по истории культуры древнего мира приходили даже студенты с других факультетов. Валентина Павловна руководила написанием курсовых и дипломных проектов, поощряла участие своих студентов в научных конференциях. Как научный руководитель В.П. Невская подготовила целый ряд кандидатов и докторов исторических наук.

Кембриджский международный биографический центр за выдающиеся заслуги в развитии мирового кавказоведения дважды присваивал В.П. Невской почетное звание «Женщина года» в 1993 и 1995 гг. и наградил ее «Медалью века».

Эта замечательная женщина-ученый была также прекрасной хозяйкой и матерью троих детей. В свободное от работы и научных исследований время Валентина Павловна любила рукодельничать: с удовольствием вышивала крестиком и вязала крючком. Сыновья Владимир и Николай с детства увлекались точными науками и техникой; старший стал кандидатом технических наук, младший – кандидатом химических наук, специализировался в области кристаллографии. Дочь Татьяна пошла по стопам матери, она стала историком. Защитила кандидатскую диссертацию по истории ставропольского крестьянства, а темой её докторского исследования стала Столыпинская аграрная реформа на Ставрополье.

Валентина Павловна всю жизнь собирала домашнюю библиотеку, в которой художественная литература занимала лишь десятую часть, основной ее массив составляли книги научно-исторической тематики, ими она всегда бескорыстно делилась со всеми желающими. Ученики и коллеги Валентины Павловны всегда вспоминают её как очень душевную и гостеприимную женщину. Если им приходилось по делу посетить ее на дому, никто не мог уйти, не отведав прекрасно приготовленного борща или пирога.

В.П.Невская - автор более 200 научных трудов. Валентина Павловна была заслуженным профессором Ставропольского государственного университета, заслуженным деятелем науки

Карачаево-Черкесии, она - кавалер ордена Трудового Красного Знамени, была награждена медалями «За трудовую доблесть», «За доблестный труд», «За долголетний добросовестный труд», «Ветеран труда», нагрудным знаком «Отличник просвещения СССР».

Умерла Валентина Павловна 29 января 2009 года, оставив о себе память не только в книгах и научных статьях, но и в сердцах своих коллег и многочисленных учеников [1, с. 121-127].

В 1994 году профессор В.Б. Виноградов, лично знакомый с профессором Невской, к её 75-летию опубликовал о Валентине Павловне биографо-библиографический очерк в серии «Российские исследователи Кавказа». Характеризуя героиню своего очерка, он написал: «В.П. Невская – умный и душевный человек, истинный российский интеллигент, отдающий себя другим, щедро сеющий вокруг доброжелательность, вдохновляющий доверием, словом и делом!» [4, с. 8].

Использованные литература и источники:

1. Беликов А. П. // Ставропольский хронограф на 2009 год. Ставрополь, 2009.
2. Валентина Павловна Невская. Биобиблиографический очерк. Ставрополь, 1992.
3. Госданкер В.В. Негасимый пламень // Ставропольская правда, от 8 марта 1972.
4. Невская Валентина Павловна. Российские исследователи Кавказа. Вып. 5. Биобиблиографический очерк / Сост. Б.И. Нарожный. Армавир, 1994.
5. СГМЗ. М.д. 1814. В.П. Невская. о.ф. 32211, 32214, 32217, 32219, 32221, 32223.
6. СГМЗ. М.д. 1814. о.ф. 32263, 32261.
7. СГМЗ. М.д. 1814. о.ф. 32237, 32238, 32244, 32245, 32259.

Новрузова Е. Л.,

г. Михайловск

*Михайловский историко-краеведческий музей
им. Н.Г. Завгороднего, экскурсовод*

**Распространенные промыслы
Ставропольской губернии
и села Михайловского
в конце XIX – начале XX веков**

конце XIX - начале XX века крестьяне Ставропольской губернии занимались различными ремёслами и промыслами. Некоторые из них были тесно связаны с сельским хозяйством (мельники, маслобойщики, огородники, пасечники, садовники). Потребность в строительстве превращала крестьян в каменщиков, кровельщиков, маляров, кирпичников. Были среди крестьян Ставропольской губернии

бондари, ведерники, гармонщики, колесники, колодезники. Требовали умельцев промысла и ремесла, связанные с изготовлением одежды и обуви. Популярностью пользовались ремёсла, связанные с обработкой металла: кузнечное, медное, слесарное.

Часть ремесел, распространенных ранее в Ставропольской губернии, сейчас исчезла из нашей жизни: одни угасли в силу времени, другие современная техника сделала маловостребованными. О некоторых ремеслах распространённых у предыдущих поколений ставропольцев пойдет речь в данной статье.

В крестьянском быту, будь то семья богатая или бедная, не могли обойтись без продукции гончаров. Это был, наверное, самый выгодный на Ставрополье промысел. Поскольку успех этого промысла напрямую зависел от сырья — пригодной глины, а она была далеко не везде, то развитие гончарного дела в том или ином населенном пункте диктовалось именно этим обстоятельством. На привозной глине гончары почти не работали.

В Ставропольской губернии наибольшее число гончаров было в селе Воронцово-Александровском на реке Куме, в сёлах Московском и Донском Ставропольского уезда, в селении Белая Глина Медвеженского уезда. В последнем добывалась исключительно белая глина, собственно и давшая название этому селению. Из этого сырья, вероятно, можно было бы выделять и фаянсовую посуду, но технологию её изготовления в XIX веке местные мастера не освоили.

Летом гончары развозили по селениям посуду простую и поливную и меняли крестьянкам на озимую пшеницу, чаще на кубанку и редко на рожь. Обмен происходил так: любую посуду, горшок, кувшин и тому подобное хозяйка наполняла пшеницей или рожью (последнею 1,5 или 2 раза) и высыпала ее гончару, а посуду забирала себе. Оживлённо шёл меновой торг горшками [1].

Недостаток лесов в Ставропольской губернии отчасти вознаграждался изобилием, преимущественно в южной её части камня, известкового ракушечника. Камень этот был очень хорошим строительным материалом, пригодным и для выделки корыт, молотильных катков, дымовых труб, надмогильных крестов и вообще памятников. Добыча и обработка этого камня была особым промыслом.

В конце XIX века стало популярно крыть крыши домов черепицей. В селе Козинка предприимчивая семья Гончаровых открыла завод по изготовлению черепицы. Также кирпично-черепичный завод в этот период появился на хуторе Горьком (ныне Кожевников). Производство велось из местной глины. Такой черепицей была покрыта большая часть крыш и нашего села, ныне

города Михайловска [2]. В историко-краеведческом музее им. Н.Г.Завгороднего хранится несколько образцов черепицы этого производства.

Развитое овцеводство и вообще скотоводство привлекало в Ставропольскую губернию значительное число кустарей по выделке овчин, кож и обработке шерсти. Овчинников насчитывалось 313 человек, полстовалов и шерстобитов, иначе шаповалов 107 человек и кожевников 76: всего 496 человек, или 20% всех кустарей. После стрижки овец, шерсть, как правило, попадала в руки шерстобита, который особым смычком пушил, взбивал шерсть перед валянием или прядением, а также изготовлял некоторые изделия из этой шерсти. Пришлые шерстобиты на толстой и длинной ремённой струне били шерсть. Полстовалы или шаповалы занимались изготовлением войлока из шерсти. Полстью называлась разновидность грубого войлока, которая шла на изготовление крестьянской теплой одежды, обуви, всевозможных пологов; её стлали в сани, готовясь к долгой зимней дороге. На хуторе Горьком в конце позапрошлого века построили три заводика по выделке кож. Люди стали селиться рядом с ними и со временем хутор переименовали в Кожевников.

Знаменитый статистик и краевед XIX века И.В. Бентковский писал: «Можно сказать, что в губернии нет бедняка, который не имел бы шубы или полсти, а богатые имеют их по нескольку. Овцеводство поэтому, простирающееся до более 2000000 голов, составляет одну из капитальнейших статей сельского хозяйства в губернии».

В селе Михайловском женщины носили белые шубы из невыдубленной овчины с большим овчинным воротником. Шили их длинными и широкими с распашной правой полрой, чтобы завертывать ребенка. Мужчины же часто в сильные морозы ходили в дубленных овчинных тулупах и овчинных штанах сшитых шерстью внутрь [4].

В село Михайловское во второй половине XIX века часто приезжали крестьяне из глубины России на заработки, да так и оставались на постоянное жительство. Рост населения в селе уменьшал земельный надел основного общества. Поэтому волостное правительством иногородних к основному обществу не приписывало и земли им не выделяло даже под стройку жилья, но мирские сборы у них брало. Жили они в чужих домах, батрачили у богатых крестьян-землевладельцев и занимались ремёслами. Например, Ипатовы – печным делом, Кононовы – жестяными работами, Аннековы, Колобердовы, Доронины, Смоленские были кузнецами, о мастерстве которых знала вся округа. Особенно большим уважением среди кузнецов пользовался потомок михайловских казаков «мастер на

все руки» Филипп Руффович (в народе Рухманович) Слащёв. К сожалению, ажурные кованые ворота Кредитного товарищества на улице Красной (теперь Гагарина) и многие кованые крылечки на крестьянских домах были уничтожены в период сталинской коллективизации. Кузнецы в своих закопченных дымных кузницах ковали всё - от простой кочерги до высокохудожественных изделий.

Были среди иногородних портные, сапожники, бондари, плотники и другие мастера. Женщины занимались прять и ткать для хозяйского, а летом трудились на подённых работах в поле [2].

Сапожников насчитывалось 278 человек, или 11,2 % от всех занимавшихся ремеслами. Из них больше половины (по 114 человек) были уроженцами Ставропольской и Воронежской губерний.

Исследователь Ставропольской губернии А. Твалчелидзе отмечал: «Занятия хлебопашеством и скотоводством, благодаря хорошему качеству земли, настолько здесь выгодно, что все нужды и потребности населения удовлетворяются только заработками от них; поэтому промыслы в нашем селе не нашли здесь особого развития. В селе Михайловском женщины ткут грубые холсты из пеньки и шерстяные ковры, так называемые ложники, и вяжут чулки; все для домашнего употребления» [3].

Большим событием в жизни михайловцев стало строительство железнодорожной линии Ставрополь-Кавказская, проходившей в полутора верстах от села. Многие строители железной дороги остались работать до конца своей жизни. В фондах музея сохранились документы некоторых из них – это удостоверения личности №22788 на имя Григория Тимофеевича Иванникова и удостоверение №22789 его жены Анны Варфоломеевны. Они были сторожами будки 125 версты.

10 мая 1895 года по Ставропольской железнодорожной ветке от станции Кавказской до станции Михайловской (Пелагиада) было открыто товаро-пассажирское движение (до Ставрополя дорогу проложили в 1897 году). Тут же в волостное правление хлынул поток заявлений от купцов, дворян, мещан, отставных солдат и унтеров с просьбой выделить им в аренду земельные участки у железнодорожной станции под постройку помещений для торговли зерном, сеном, скотом и другими товарами.

В селе Михайловском было немало предприимчивых купцов. Среди них Василий Саввич Бойченко, купец I гильдии имевший в центре села дом, лавку и бакалейный магазин, вёл крупную торговлю хлебом и зерном. Антон Назарович Муратов имел трактирное заведение, лавку, вёл торговлю зерном. Василий Егорович Жуков, дворянин, торговал зерном и сеном. Григорий Силантьевич Маршалкин владел

мясной лавкой и торговал скотом. К 1909 году в селе было: пять мануфактурных лавок, три бакалейных, двадцать одна мелочная, одна мясная, пять хлебных ссыпок, одна винная лавка, девять трактиров и один буфет на железнодорожной станции, а также две паровые мукомольные мельницы.

К началу XX века в Михайловском на речке Чла из двенадцати водяных мукомольных мельниц осталось пять. И те работали нестабильно, с перебоями из-за недостатка водного потока, особенно в засушливые годы. Предприимчивые братья Аким и Пётр Переселенкины нашли выход: построили на окраине села паровую вальцовую мукомольную мельницу. Михайловские крестьяне с восторгом приняли Переселенкину мельницу, которая и сейчас так называется. Только в наши дни она работает на электрической тяге [2].

Исключительное географическое положение Ставропольской губернии, удаленной от водных магистралей, при почти полном отсутствии лесов, при засушливости обширных степей, ставило крестьян перед необходимостью запастись лишней деревянной посудой, нужной во время полевых работ, особенно во время сенокоса и жатвы. Если зажиточному крестьянину, приходилось косить или убирать хлеб там, где на пространстве 80-100 верст нет воды пригодной не только для собственного потребления, но и для водопоя рабочего скота (а таких случаев и мест встречалось много), то у него, в зависимости от числа рабочих и скота, бывало от 8 до 10 сороковых бочек. В них он постоянно возил воду на табор, не говоря о бочонках меньшей величины, в которых вода привозилась рабочим на ряды и загоны. Местные условия, усилившие таким образом потребность населения в деревянной посуде, в свою очередь открывали широкий рынок продукции бондарей.

В селениях Ставропольской губернии трудились 211 бондарей. Бондарные изделия в маловодной, а также винокурной и винодельной, Ставропольской губернии требовались в большем количестве и стоили недёшево. Бондарный материал губерния получала из-за Кубани и из-за Терека. С каждым годом он стоил всё дороже и доставлялся из все более отдаленных мест, так как хорошие леса быстро истреблялись.

Пожалуй, самой распространенной и ходовой продукцией у бондарей была посуда для квашения и соления. В конце сентября или начале октября в каждой крестьянской избе назначался день, который назывался «капустницей». В этот день заготавливали капусту на зиму: часть капусты квасили, а часть солили. Основное условие, предъявляемое к кадушке для солений, чтобы она была дубовой.

Дубильные вещества, содержащиеся в этом дереве, придавали солению своеобразный пряный аромат. Капуста и огурцы в таких кадках оставались до самого жаркого времени крепкими, хрустящими. Когда кадушка была старой и дубильных веществ от времени в ней становилось меньше, её перед солением запаривали дубовым веником. Для этого её заливали кипятком, затем туда клали раскаленный камень, дубовый веник и плотно закрывали. Затем воду сливали, и кадка как бы восстанавливала свои качества.

Наряду с дубовыми кадушками бондари делали и другие, поменьше размером, беленькие с чуть розоватым оттенком - липовые кадушечки. Их покупали для хранения меда. Более подходящей посуды не было, в них мёд сохранял свой летний аромат и свежесть. Липовые кадушечки использовались также для хранения и перевозки сливочного масла. Хороший бондарь тут же подсказывал заказчику и небольшой секрет хранения в такой таре топленого масла. Для этого надо было только предварительно налить в кадку горячую соленую воду и подождать, пока она не остынет.

Аристократами среди деревянных дел мастеров были столяры. Они могли и ткацкий станок сделать, и вещи попроще. Без их изделий не обходилась ни одна хата. Были ещё берденники – так назывались мастера, которые изготавливали только бёрда, то есть гребни ткацких станков. У мастера можно было заказать и легкое, крепкое коромысло, а как можно было обойтись без лохани, в которой стирали.

Поздней осенью большим спросом пользовались сундуки. Если в доме подрастала будущая невеста, заводили сундук, в котором хранилось приданое. В зависимости от достатка сундуки бывали большие и малые. Были окрашенные и инкрустированные, с наборной крышкой. Можно было купить обитые жестью, золотой и серебряной, с отделкой в луженую полоску.

Деревянной квашне был особый почет. Так же, как и хлеб, квашня в народном представлении символизировала достаток, урожай, богатство, счастье. В каждом доме самая опытная хозяйка пекла хлеб, у одних он получался лучше, у других хуже. Замешивали или, как говорили в старину, затворяли тесто для хлеба в бондарной квашне или «деже». Опытные хозяйки знали, что тесто, затворенное в дубовой квашне, более подвижное, легкое и поднимается чуть ли не на глазах. Было очевидно, что дубовая древесина содержит какие-то вещества, которые ускоряют процесс брожения теста.

От бондарей перейдем к колесникам. Этого рода специальностью занимались 74 человека, которые вырабатывали ходовой товар, как то: ободья, ступы и спицы. Древесину они тоже приобретали за Кубанью и Терекком. Большая часть колесников (64)

были жителями Ставропольской губернии, а также Воронежской - 5, Калужской - 2, Тамбовской, Полтавской и Харьковской - по 1. Все вместе они зарабатывали в год 6525 руб., в среднем каждый по 88 руб. 18 коп. На деле же, в зависимости от оборотного капитала каждого, и заработки их различались. Но даже все вместе они не в состоянии были бы удовлетворить потребности губернии в этом товаре, если бы огромное количество колес и ободьев из северных лесных губерний по Дону и Волге, не шло в Ростов и Царицын, а оттуда гужом на ставропольские базары и ярмарки.

Преобладающее большинство кустарей, а именно 63,7%, работали в одиночку, 21,4% с сыновьями или с работниками и только 14,9% работали небольшими артелями от 2 до 4 человек. Артели встречались у овчинников, постовалов, шубников и плотников. Все изделия кустарных промыслов находили спрос в местах производства, а частично продавались на ярмарках [1].

Использованная литература и источники:

1. И. В. Бентковский «Кустарные промыслы в Ставропольской губернии»/ Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология. Т. 2. Ставрополь, 2011.
2. Н.Г. Завгородний «Неиссякаемая живучесть».
3. А.Твалчрелидзе Ставропольская губерния в статистическом, географическом и сельскохозяйственном отношениях. Ставрополь «Кавказская библиотека». 1991.
4. История сел и станиц Шпаковского района,- Шпаковский районный методический кабинет, с. Шпаковское, 1997 г.

Ольховский В.В.,

*г. Ставрополь, Ставропольский
государственный музей-заповедник,
младший научный сотрудник
отдела истории*

К вопросу о периоде эксплуатации Ставропольской «Туапсинки»

ведения о начале движения на второй очереди Армавир-Туапсинской железной дороги (АТЖД) противоречивы и неточны. Этот железнодорожный путь от Армавира через Ставрополь до села Петровского соответствиями на Благодарное и Дивное был высочайше утверждён 28 мая 1912 года в «Первом

дополнении к Уставу Общества Армавир-Туапсинской железной дороги». Этот путь получил официальное название «Благодарненская линия с Дивненской ветвью Армавир-Туапсинской железной дороги» [1, с. 546]. В Ставрополе дорогу до Армавира, начинающуюся в Туапсе, назвали «Туапсинка». Изучение первоисточников фонда АТЖД, хранящихся в архивном отделе администрации Армавира (АОАА), и других документов того времени позволило уточнить датировку строительства и эксплуатации Благодарненской линии.

Окончательные изыскания линии были произведены тремя изыскательскими партиями летом и осенью 1912 года под руководством начальника технического отдела Управления по сооружению железнодорожных линий АТЖД опытного инженера А.И. Верблюнера [2]. Зимой были составлены «Проект железнодорожных путей из Армавира в Ставропольскую губернию» [3] и расценочная ведомость, а весной 1913 года эти документы были вынесены на утверждение Министерства путей сообщения (МПС). Инженерный совет МПС расценил «новые линии как звенья будущих магистралей и ввел требования, улучшающие Благодарненскую линию и Дивненскую ветвь в техническом отношении, но удорожающую их постройку против стоимости, определенной в Комиссии о новых железных дорогах при рассмотрении концессии». Изменения Технических условий повлекло за собой переработку проекта линии, что выразилось в частичном изменении трассы, сокращении протяженности линии на 4 версты и принятии предельного коэффициента уклона трассы 0,012 вместо стандартного 0,008 на двух участках [4, с. 63-64]. Признание линий магистральными исходило из планов Общества АТЖД продлить Дивненскую ветвь до Астрахани и в перспективе до Омска, а Благодарненскую линию – через г. Святой Крест (ныне г. Будённовск) до станции Гудермес Владикавказской железной дороги [3].

12 января 1914 года министр путей сообщения утвердил новую расценочную ведомость, тем самым весь необходимый пакет документов был сформирован. Согласно Уставу, Общество обязано было приступить к постройке дороги не позднее 3-х месяцев со дня утверждения последнего документа и открыть правильное движение не позднее 3-х лет со дня начала постройки, то есть с 15 марта 1917 года.

Строительство Благодарненской линии началось 15 марта 1914 года. Но ещё в октябре 1913 года «Правление Общества организовало конкуренцию на работы по сооружению Благодарненской линии и Дивненской ветви и сдало эти работы надежным подрядчикам...» [4, с. 64-65]. Тогда же было принято решение открыть временное

коммерческое движение на всем протяжении дороги раньше уставного срока – с 1 июля 1916 года, а постоянную эксплуатацию – с 1 ноября 1916 года. [5]. В популярной литературе о «Туапсинке» довольно часто 1 июля, 1 октября и 1 ноября 1916 года указываются как даты начала движения на «Ставропольской линии». Возможно, так бы и произошло, но осуществлению планов помешала Первая мировая война.

«Объявление всеобщей мобилизации в середине июля 1914 года не могло не отразиться на успешности хода работ по постройке линии. Влияние это сказалось двояким образом: с одной стороны, в ослаблении состава лиц технического и иного административного персонала, как Управления работ, так и линейного, с другой стороны, в мобилизации значительного числа рабочих, реквизиции лошадей и ослаблении служебного персонала подрядчиков. Все отделы Управления работ более или менее были ослаблены, при том в момент наиболее интенсивного напряжения сил, когда работы были в полном разгаре. Технический отдел Управления, занятый разработкой проектов наиболее серьезных сооружений на линии, в течение более двух месяцев, когда удалось отчасти его пополнить, мог исполнять только текущую работу, и окончание начатых составлением проектов сильно затянулось. Благодаря этому, исполнение некоторых сооружений, которые предполагалось начать в этом году, пришлось отложить до будущего строительного сезона», – говорилось в отчете Начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области за 1914 год [6, с. 71-74].

Расчёты на строительный сезон 1915 года также не оправдались. Весна показала «крайнюю неустойчивость откосов многих выемок и некоторых насыпей», особенно на протяженном оползневом участке между верстами 68-106 от станции Недреманная (западнее современного х. Верхнеегорлыкский) до станции Ставрополь-Туапсинский, где в 1914 году проводились обширные дренажные работы. На «восстановление и исправление пути» было отвлечено значительное количество рабочих. Военное ведомство забирало прямо с заводов все заказанные изделия из металлов. Мобилизационные мероприятия, стремительный рост цен, отсутствие железных и железобетонных пролётов мостов, рельсов и креплений к ним привели к полному срыву всех сроков строительных работ. Плохо обстояли дела и с подвижным составом: из 10 необходимых паровозов не поступил ни один [5].

И всё же строительство продолжалось. Летом 1917 года было открыто движение от Армавира до станции Державной на 43 версте. Торжество было запечатлено на киноплёнку, а в

армавирской газете «Отклики Кавказа» под заголовком «Народное богатство» помещён репортаж с места события: «Сегодня, 18 июня, состоялось официальное открытие линии Благодарненской ветки до ст. Державная, что у станицы Николаевской (ныне Успенский р-н Краснодарского края – авт.). На станции Армавир в 9 часов по петроградскому времени поезд (первый пассажирский поезд!) с полным составом и со служебным вагоном для лиц приглашенных. Паровоз – убран красными флагами. Без звонков, точно на ст. Женева или Лозанна, под свист отправляющего поезд, мы катим через реки Уруп, шумливую Кубань, по красавцу железному мосту (через Уруп)¹, который можно бы назвать «последним криком строительной моды», и по деревянному, упруго выдерживающему и стихию – воду, и культуру – машину с насевшими на нее «видимо и невидимо» людьми. Пассажиров тьма... И становится очевидным, что кубанское казачество превозможет все препятствия и «дойдет» до Ставрополя... Катя по новой ветке со скоростью 40 верст в час, мы достигаем – Убеженской. На вокзале тысячи народа... Папахи казаков смешаны с разноцветной пестротой женских платков и платьев... Хоругви, священники... Хлеб, соль на блюде в руках атамана станицы. И старые традиции, и веянье нового... Красные флаги... С поезда выходят, между прочим, атаман Лабинского отдела Г.Е. Лиманский, директор Армавир-Туапсинской ж. д. инженер И.А. Маймулин, главный инженер по постройке Благодарненской ветки Г.Г. Шах-Будагов, инженеры: Д.Ф. Волков, И.А. Гаврилов, А.В. Складаров, директор Северо-Кавказского банка Г.Р. Вильде и др. Далее в станицу Николаевскую. Ст. Державная. Те же флаги, арка, цветы, тысячи народа... Со станции Державной была отправлена телеграмма: «Петроград. Министру путей сообщения. Собравшись по случаю открытия временного движения на Благодарненской линии общества Арм.-Туапс. ж. д., мы, граждане станиц Убеженской и Николаевской и окрестностей в количестве нескольких тысяч человек, выражаем искреннюю признательность министерству путей сообщения за поддержку строительства этой весьма важной для края и государства дороги и ходатайствуем об отпуске обществу недостающих рельсов для смычки линии и образования таким образом сквозного пути от Петровского через Ставрополь и Армавир до Туапсе, могущего вывозить для снабжения Кавказской армии миллионы пудов хлеба старого и нового урожая» [8].

«Рельсов для смычки линии» Общество АТЖД так и не дождалось. Более того, для нужд фронта едва не сняли уже уложенные. С 1 сентября 1917 года удалось открыть временное коммерческое движение от Армавира до станции Недреманной на 68 версте, хотя

полностью путь еще не забалластировали из-за нехватки паровозов для перевозки гравийной смеси. К концу 1917 года на участке Армавир-Ставрополь не хватало 20 вёрст рельсов [5].

На участке от Ставрополя до Петровского весной 1916 года к укладке пути приступить не было возможности: на выезде из города полотно было повреждено оползнями. Несмотря на разветвлённую сеть дренажей, произошли значительные геологические смещения между 109 и 116 верстами (ныне район между Старомарьевским шоссе и ул. Чапаева г. Ставрополя), о чем вспоминал Н.А. Филимонов, уроженец Ставрополя, в ту пору студент, проходивший практику на этом участке, ставший впоследствии известным инженером-строителем, Героем Социалистического Труда [9, с. 4-8]. Пришлось заняться ремонтом полотна и делать обходы. Укладка пути была начата в июне и доведена до Петровского в октябре 1916 года «без опытных рабочих, лишь одними военнопленными». Сельские общины, ставропольский губернатор, представители Кавказского фронта настоятельно требовали от Общества АТЖД обеспечить вывоз из района села Петровского небывалого урожая 1916 года. И с весны 1917 года по незабалластированному пути с большими трудностями начали вывозить «хлеб армии и населению», всего около миллиона пудов. Балластировка проводилась весь 1917 год и к концу его еще была не закончена из-за острой нехватки подвижного состава: четыре мощных паровоза были сняты военным ведомством, остались лишь четыре слабосильных, неисправных, постройки 1870-1880-х гг. [5].

Благодарненская линия была признана стратегической, поэтому, несмотря на трудности военного времени, её строительство не прекращалось. Приходилось экономить, и с лета 1917 года проводились лишь самые неотложные работы, необходимые для открытия временного движения. Остановилось строительство зданий, запасных путей, других второстепенных объектов. На участках Петровское-Благодарное и Петровское-Дивное велись только те работы, которые были необходимы для поддержания полотна и сооружений в исправном состоянии [10]. В то же время, особое внимание уделяли балластировке, от которой зависели устойчивость и срок службы пути, безопасность и скорость движения поездов.

К 1 января 1918 года временное коммерческое движение на Благодарненской линии с Дивненской ветвью было открыто на следующих участках:

- от Армавира до станции Недреманной на 68-й версте;
- от разъезда Татарского на 76-й версте (северо-восточнее

перекрёстка улиц Гагарина и Черешневой в с. Татарка) до станции Ставрополь-Туапсинский на 106-й версте;

- от станции Ставрополь-Туапсинский до станции Петровское на 193-й версте.

Движение на них осуществлялось несмотря на начавшуюся Гражданскую войну. В своем письме Правлению АТЖД главный инженер Г.Г. Шахбудагов сообщает, что «пока военные операции производились непосредственно в районе дороги, и станции Армавир, Ставрополь, Петровское несколько раз переходили из рук в руки, естественно, не могло вестись никакого правильного учета воинских поездов, хотя и тогда, как и впоследствии, в движении были исключительно поезда, назначаемые военными властями для перевозки воинских эшелонов и военных грузов» [11]. Особая страница в истории Благодарненской линии, применение в боевых действиях бронепоездов, освещена в статье «О Благодарненской линии Армавир-Туапсинской железной дороги в период Гражданской войны 1918-1920 гг.» [12, с. 98-109].

В конце 1918 года, когда АТЖД полностью перешла под контроль Добровольческой Армии, оставаясь в таком положении до начала 1920 года, во все инстанции, ведающие строительством железных дорог, были направлены сведения о нанесённых Обществу АТЖД убытках в размере 21 миллион рублей [13]. Эта сумма сопоставима со стоимостью постройки всей Благодарненской линии в ценах 1913 года – 23 миллиона рублей [4, с. 64]. Управление путей сообщения при Главнокомандующем Вооружёнными силами Юга России, Управление Главного начальника военных сообщений Вооружённых сил Юга России, Ведомство путей сообщения Кубанского краевого правительства, Особое совещание при Главнокомандующем Вооружёнными силами Юга России были заинтересованы в скорейшем восстановлении и увеличении пропускной способности железнодорожной сети. Особое внимание уделялось вводу в эксплуатацию строящихся линий, и на эти цели названные ведомства выделяли финансовые средства. Само Общество АТЖД в январе 1919 года «для нужд постройки Благодарненской линии» из Петрограда по сложной схеме через киевские и московские банки получило 3,46 миллиона рублей. С конца мая, когда Маньчжский фронт отодвинулся к Царицыну, возобновилось строительство линии Ставрополь-Петровское, к станции Ставрополь-Туапсинский был подведен водопровод и электрическое освещение [14].

В апреле 1919 года Особое совещание при Главнокомандующем Вооружёнными силами Юга России решило выдать ссуду Правлению АТЖД на окончание строительства ветвей Петровское-

Дивное и Петровское-Благодарное с тем, чтобы открыть движение на облегчённых условиях к 1 августа 1919 года и вывезти до 20 миллионов пудов хлеба для «освобождаемых областей России». Бремя погашения ссуды легло на грузовладельцев. Дополнительный сбор с пуда составил на этих участках, а также на участке Петровское-станция Базовая (к востоку от с. Татарка), от 1,5 до 2,5 рублей, за исключением воинских и служебных грузов. В результате на линии Петровское-Дивное в октябре был открыт участок от Петровского до станции Эген (северо-восточнее современного с. Октябрьского) протяженностью около 30 вёрст. А вот на линии Петровское-Благодарное приступить к работам не успели [13].

Благодаря документам, хранящимся в архиве г. Армавира, удалось установить, что самое главное событие на «Туапсинке» произошло 7 января 1919 года. В этот день состоялось официальное открытие временного коммерческого движения с перевозкой пассажиров и грузов на самом сложном участке от станции Армавир до станции Ставрополь протяжением 106 вёрст. Причем, в письме Правления ОАТЖД начальнику Управления путей сообщения при Главнокомандующем Вооружёнными силами Юга России от 5 августа 1919 года отмечается, что на этом участке «вообще никаких кредитов не имеется, и дефицит ложится на строительный капитал. Общество не обязано по своему Уставу производить такое движение, но идёт навстречу ввиду важного государственного значения такового» [15].

Сохранились следующие сведения о движении поездов от Армавира до Петровского. 16-18 ноября 1919 года и обратно по этому пути проследовал служебный поезд Председателя Правления ОАТЖД [17]. В конце ноября 1919 года приказом Войскового атамана Кубанского войска железные дороги Кубанского края были объявлены «находящимися на военном положении». Вновь возросла доля военных перевозок, в связи с чем Общество АТЖД несло все большие и большие убытки. Телеграммой от 30 ноября 1919 года Управление по постройке Благодарненской линии АТЖД проинформировало службы движения и сборов «от Армавира до Петровского села» и аналогичные службы Ставропольской ветви Владикавказской железной дороги о том, что с 1 декабря «ввиду недостаточности топлива между Армавиром и Петровским селом вместо трёх пар поездов устанавливается движение двух пар товарно-пассажирских поездов в неделю по расписанию, объявленному 1-го сентября сего года. Отправление от Армавира по субботам и средам и из Петровского по понедельникам и четвергам» [18]. В ноябре-декабре 1919 года в Петровское по железной дороге приезжал с инспекцией Главнокомандующий Вооружёнными силами Юга России генерал

А.И. Деникин в сопровождении союзников – английского генерала Пулля и французского капитана Фуккэ [19, с. 47].

В середине марта 1920 года вся Благодарненская линия перешла к РСФСР. Началась национализация частных предприятий. 17 мая 1920 года начальник и комиссар только что созданного в Екатеринодаре Управления по ликвидации Обществ Армавир-Туапсинской и Черноморско-Кубанской железных дорог телеграммой оповестили Екатеринодарский народный банк, Рабоче-Крестьянскую инспекцию, Финотдел и Правления обеих дорог о приостановлении денежных операций этих Обществ. Помимо этого, проект их ликвидации от 6 июня 1920 года предусматривал опись и порядок передачи документации и материальных ценностей, а также трудоустройство персонала. Здесь же указывалось, что Управление по постройке линии Армавир-Ставрополь-Петровское с разветвлением на Дивное и Благодарное «в полном составе переходит в ведение Управления Владикавказской железной дороги и в кратчайший срок обязано пересмотреть штат сего Управления, определить потребные кредиты для продолжения деятельности сего Управления и дать дальнейшие руководящие указания» [20]. С 3 июля 1920 года, в результате проведенных реорганизаций, ставропольская ветвь АТЖД ненадолго стала относительно самостоятельной «вследствие выделения временного движения Благодарненских линий от эксплуатации Армавир-Туапсинского Управления». Об этом событии было сообщено по телеграфу всем «начальствующим от Туапсе до Армавира, Петровского и Эгена» [18].

Для скорейшего восстановления разрушенного войной хозяйства, в частности, железных дорог, повсеместное распространение получили работы в неурочное время. Воскресный номер губернской газеты «Власть Советов» от 13 июня 1920 года вышел под лозунгом: «Сегодня седьмой день недели трудового фронта. Больше энергии! Больше единодушия! Больше вдохновения!». Здесь приводилась сводка выполненных работ на 1-й дистанции АТЖД силами красноармейцев и служащих Советских учреждений по очистке выемок, кюветов и канав, погрузке и разгрузке вагонов, подготовке «к сборке поворотного круга (для разворачивания локомотивов) и подъёмке паровоза № 110». В другой заметке говорилось о «воскреснике накануне недели трудового фронта», состоявшемся 6 июня, в ходе которого «от ст. Базаровой (речь идёт о станции Базовой) до ст. Ставрополь поднято и погружено на вагоны 5 платформ в продолжении 7 часов» [21]. Возобновилось прерванное сменой власти строительство линии от станции Эген до с. Винодельного (ныне г. Ипатово), которая была открыта в

1921 году, «разветвление же на Дивное и Благодарное оставалось неосуществленным» [22, с.6-7].

Движение по Благодарненской линии выполнялось по той же схеме в две пары поездов в неделю, и по тому же расписанию, которые были установлены в конце 1919 года. 19 февраля 1922 года газета «Власть Советов» информировала население: «...в сторону Армавир (по Арм. ж. д.) поезда отправляются ночью по понедельникам и четвергам в 3 часа. Прибывают по воскресеньям и средам в 16 ч. 30 мин. В сторону Петровское и Винодельное поезда отправляются ночью с нечетных на четные числа в 0 ч. 30 мин. Прибывают же по нечетным числам в 7 час. утра». Здесь же приводилось распоряжение Кавказских окружных путей о повышении в 4 раза железнодорожных тарифов на проезд пассажиров и провоз грузов [23]. Через неделю, 26 февраля, в той же газете было опубликовано объявление: «С 20 февраля, впредь до особого распоряжения, расписания поездов изменяются... На участке Ставрополь – Армавир на Туапсинской железной дороге курсирование пассажирско-товарного поезда прекращено. Поезда здесь будут в обращении только по мере надобности» [24, с. 111]. Надобности такой не возникло, и «ввиду недостатка средств для борьбы с обвалами на линии Армавир-Ставрополь-село Петровское-Винодельное, участок её – Армавир-Ставрополь, был закрыт для движения» [22, с. 6-7]. Средства возможно бы и нашлись, но «хлебная» Благодарненская линия ввиду резкого сокращения производства зерновых стала никому не нужной.

«В целях обхода сползающего полотна на линии Ставрополь-Винодельное» на участке от 109 до 116 версты в 1924 году была построена и в 1925 году пущена в эксплуатацию обходная ветвь от станции Пелагиада до разъезда 124 версты², «значительно сократившая... выход грузов на магистраль», то есть от Винодельного, минуя Ставрополь, на линию Ставрополь – Кавказская. [22, с. 28].

Краевед В. Пузиков пишет о торжественном открытии 7 ноября 1927 года железнодорожного движения между селами Петровское и Благодарное [19, с. 56]. В этот день формально завершилась постройка Благодарненской линии, но это была уже не «Туапсинка».

Автор выражает благодарность сотрудникам Архивного отдела Администрации муниципального образования город Армавир и начальнику отдела С.Ю. Яковлеву.

Использованная литература и источники:

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXXII. Петроград, 1915.
2. АООА. Ф. 51. Оп. 2. Д. 56.

3. АООА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 321.
4. Отчёт Начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области за 1913 год. Екатеринодар, 1914.
5. АООА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 300.
6. Отчёт Начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области за 1914 год. Екатеринодар, 1915.
7. АООА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 223.
8. «Отклики Кавказа». № 134. 20 июня 1917 г.
9. Н. А. Филимонов. Встречи в пути: воспоминания. Москва, 1963.
10. АООА. Ф. 51. Оп. 2. Д. 176.
11. АООА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 275.
12. Ольховский В.В. О Благодарненской линии Армавир-Туапсинской железной дороги в период Гражданской войны 1918-1920 гг. // Патриотизм и уроки 1917 года. Материалы Научно-практической конференции (22 ноября 2018 г.). Ставрополь, 2018.
13. АООА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 168.
14. АООА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 277.
15. АООА. Ф. 51. Оп. 2. Д. 365.
16. АООА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 257.
17. АООА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 291.
18. Пузиков В. И. Благодарненская железная дорога. Благодарный, 2014.
19. АООА. Ф. 51. Оп. 2. Д. 358.
20. «Власть Советов». № 77. 13 июня 1920 г.
21. Физико-географическое и экономическое описание района Сев.-Кав. жел. дор. Ростов-Дон, 1925.
22. Власть Советов». № 563. 19 февраля 1922 г.
23. Шатский В.М. «Ставропольские разности, или Хроники городской жизни». Ставрополь, 2017.

Охонько Н.А.

*г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник, директор,
Заслуженный работник культуры РФ*

К вопросу о дате основания Ставропольского края

дате образования Ставропольской губернии, а значит и Ставропольского края, не сформирована общепринятая точка зрения. Как следствие, в научной литературе по этому вопросу накопилось много неточностей и противоречий, которые продолжают тиражироваться.

В настоящее время имеются следующие точки зрения по дате основания Ставропольского края. Начало истории Ставрополья «как территориально-административного образования восходит ко времени...когда с 1777 года на территории будущего края начали возводиться главные опорные пункты Азово-Моздокской укрепленной линии» [1, с. 5].

В отчете ставропольского губернатора Н.Е. Никифораки за 1884 год, подготовленного, как я полагаю, не без участия секретаря Ставропольского статистического комитета И. В. Бентковского, основание губернии относится к 1785 году, когда была создана Кавказская область в составе Кавказского наместничества [2, с. 309]. Веденный в 1999 году праздник Дня Ставропольского края за начальную точку отсчета истории брал 1847 год [3, с. 113]. Принятая некритично, эта дата стала входить в краеведческую литературу, как дата основания Ставропольской губернии [3, с. 7;4]. Здесь же признается и преемственность между Кавказской губернией 1802 года, Кавказской областью 1822 года и Ставропольской губернией 1847 года [3, с.11].

В 1960-1970-х годах отсчет истории Ставропольского края стал вестись от образования его в составе РСФСР в 1924 году. Это нашло закрепление в Большой Советской Энциклопедии в статье «Ставропольский край», где устанавливается дата его образования в составе РСФСР с 13 февраля 1924 года, когда была создана Юго-Восточная область, ставшая затем Северо-Кавказским краем [5, с. 1167].

В недавно вышедшем томе Большой Российской энциклопедии основание Ставропольской губернии относится к 1822 году. [6, с. 137].

Имеют хождение и другие версии о дате основания Ставропольского края. К примеру, приводится такая «дата образования», как 15 декабря 1936 года [7]. Отсутствие твердо установленных дат образования Ставропольской губернии и Ставропольского края привело к появлению двойных дат. Так в публикации «Административно-территориальное деление РСФСР», размещенной в электронных сетях, в графе об образовании Ставропольской губернии, приводятся две даты – 1785 и 1847 годы, а образование Орджоникидзевого (Ставропольского) края датируется 1924 и 1934 годами [8, с.2, 5, 11]. Кроме того, в одном и том же издании могут приводиться противоречащие друг другу даты. Так в Энциклопедическом словаре Ставропольского края в одном и том же вступительном тексте история края начинается с 1847 года [3, с. 7], а спустя несколько страниц отсчет ведется от создания в 1802 году Кавказской губернии [3, с. 11]. В Большой Российской энциклопедии, у одного и того же автора, в статье «Ставропольская

губерния», ее «создание» относится к 1822 году, а в следующей статье «Ставропольский край», идет последовательно перечисление Кавказской губернии (1802-1822), Кавказской области (1822-1847) и Ставропольской губернии (1847-1924), в состав которых входила территория Ставропольского края, чем, по сути, признается их преемственность. При этом 1822 год, определенный в предыдущей статье как год «создания» губернии, здесь никак не выделяется [6, с. 141].

Неясность и запутанность в данном вопросе заставляют разобраться в нем и прийти к какому-то общепризнанному решению.

Начать следует с того, что для истории Ставропольского края на самом раннем этапе его истории важное значение имеют два факта. Первый – учреждение 24 апреля 1777 года Азово-Моздокской линии [9]. На основании этого государственно-правового акта было заложено 9 крепостей с казачьими станицами, 8 из которых находятся на территории современного Ставрополя, и на основе которых возникли первые города, в том числе Ставрополь. В контексте строительства Азово-Моздокской линии в 1780 году была заложена еще одна русская крепость – Константиногорская, давшая начало городу Пятигорску и включению в состав России региона Кавказских Минеральных Вод. В целом линия представляла собой не просто цепь укреплений. Это было своеобразное военно-административное образование, к которому в начале XIX века относилась половина всего населения Кавказской губернии [10, с. 960]. Центр этой военно-административной единицы с 1777 по 1822 год располагался в городе Георгиевске. Со временем Азово-Моздокская линия стала частью Кавказской военной линии, которая до 1856 года также являлась военно-административным образованием в составе такого административно-территориального образования, как Кавказская губерния – Кавказская область – Ставропольская губерния.

Второй важный факт – создание в 1785 году из части Астраханской губернии Кавказской области, которая вместе с Астраханской образовывали Кавказское наместничество с центром в городе Екатеринограде (ныне станица Екатериноградская в Кабардино-Балкарии, она же – левофланговая крепость Азово-Моздокской линии). Эта область являлась первой на Северном Кавказе административно-территориальной единицей в составе Российской империи [11]. Однако в силу ряда причин она не смогла в тот период закрепиться в качестве самостоятельной единицы и де-факто просуществовала до 1790 г., когда управление наместничеством вернулось в Астрахань [12], а де-юре до 1796 г., когда Павел I вместо Кавказского наместничества восстановил Астраханскую губернию,

включавшую в себя территорию Нижнего Поволжья и той части Северного Кавказа, которая к тому времени была присоединена к России [13].

Указанные события имеют важное отношение к ранней истории Ставрополя, но не могут являться датами его основания, так как между ними и последующей административно-территориальной историей нет прямой правопреемственности. Они могут рассматриваться как предыстория основания края. Отправной точкой истории Ставрополя как самостоятельного региона в составе российского государства может считаться 15 ноября (старого стиля) 1802 года. Тогда по указу императора Александра I от Астраханской губернии была отделена Кавказская губерния с центром в городе Георгиевске [14].

Губерния простиралась от Каспийского моря до среднего течения р. Кубани и от Манычской впадины до предгорий Северного Кавказа. Фактически она повторяла территорию Кавказской области 1785 года. Только вместо шести уездов губерния состояла из пяти: Кизлярского, Моздокского, Георгиевского, Александровского и Ставропольского. Центры этих уездов еще в 1785 году получили статус городов, и на них было распространено действие Городового Положения [15, с. 198].

Официальное открытие губернии состоялось 12 марта 1803 года в городе Георгиевске, после того как был набран штат присутственных мест. Это открытие происходило на съезде с приглашением духовенства, чиновников, дворянства, генералитета и офицеров, купцов, мещан, кабардинских князей и армянской делегации. По протоколу перед собравшимися был зачитан «Высочайший рескрипт о создании губернии» и все чиновники губернских присутственных были приведены к присяге. Таким образом, состоялось практическое оформление новой административно-территориальной единицы Российской империи.

Следует сказать, что при этом некоторое время продолжала сохраняться память о Кавказской губернии 1785 года, и вновь созданная Кавказская губерния рассматривалась как восстановленная. Именно так понимает Кавказскую губернию ее первый гражданский губернатор Иван Каспаров, который в своем первом отчете описывает «открытие сей вновь восстанавливаемой губернии» [16, с. 53]. В своем слове, сказанном на открытии присутственных мест Кавказской губернии, ректор Астраханской семинарии Иоанн Скопин говорил о «восстановлении губернии на месте сем» [16, с. 55]. В своем отношении к главноуправляющему на Кавказе князю Цицианову от 20 июля 1805 года министр внутренних дел граф В. П. Кочубей также

говорит о Кавказской губернии «яко вновь восстановленной» [17, с. 947].

К моменту создания Кавказской губернии здесь даже продолжали храниться документы «оставшиеся от упраздненных прежде Присутственных мест» [15, с. 267]. К этому следует добавить, что администрация Астраханской губернии по инерции продолжала вмешиваться в дела Кавказской губернии, что вызвало недовольство ее администрации, и в это дело был вынужден вмешаться министр внутренних дел. 27 октября 1803 года он объявил свой Указ астраханскому гражданскому губернатору «О наблюдении, дабы Астраханское Губернское Начальство ни в какие по Кавказской губернии распоряжения не входило» [15, с. 268-269].

Кавказская губерния по своему статусу была приравнена к внутренним губерниям России, но на деле она не соответствовала этому. По инициативе главноначальствующего на Кавказе А. П. Ермолова 24 июля 1822 года она была **переименована** в область, центром которого вместо Георгиевска назначался город Ставрополь. Это было закреплено в высочайшем именном указе «О переименовании Кавказской Губернии Областью и о назначении уездного города Ставрополя Областным городом» [18]. Под областями в Российской империи принято было понимать «вновь присоединяемые окраины», где население было малочисленным, экономика переживала период становления и существовала военная опасность.

Указанное переименование не сопровождалось территориальными изменениями, за исключением упразднения Александровского уезда, земли которого отошли к соседним Ставропольскому и Георгиевскому уездам. В 1827 году было утверждено специальное Учреждение для управления Кавказской области, в котором подчеркивалось, что она «...учреждается в пределах бывшей Кавказской губернии» [15, с. 340]. Этот факт лишний раз подчеркивает прямую правопреемственность между Кавказской губернией 1802 года и Кавказской областью 1822 года.

К середине 19 столетия население Кавказской области выросло, здесь укрепились гражданские начала в управлении, область начала приближаться к статусу внутренних губерний России. В целях унификации государственно-территориального устройства Российской империи 2 мая 1847 года Кавказская губерния была **переименована** в Ставропольскую губернию. При этом ее территория также не претерпела изменений, оставаясь в прежних границах [19].

Выделение слова «переименование» сделано потому, что

в научной литературе и энциклопедических изданиях, включая Большую Российскую энциклопедию, вместо переименований 1822 г. и 1847 г. применяется термин «преобразование» [6, с. 137]. Это неправильно. В словарях русского языка **переименовать** означает изменить что-то без изменения статуса, а **преобразовать** – означает коренным образом изменять, переделывать что-либо. Таких изменений в устройстве Кавказской губернии и Кавказской области в 1822 и в 1847 годах не происходило.

Таким образом, следует признать, что образованная в 1802 году Кавказская губерния в дальнейшем не упразднялась и даже не преобразовывалась, а лишь дважды была **переименована**, оставаясь при этом одной и той же административно-территориальной единицей Российского государства, именуемой с 1847 по 1924 год Ставропольской губернией. Преемственность между указанными административно-территориальными образованиями нашла закрепление в государственно-правовых актах высшего порядка – Указах, которые вошли в Полное Собрание Законов Российской империи и закрепились в Своде Законов. После переименования 1847 года в некоторых государственно-правовых актах, касающихся Ставропольской губернии, при ее названии делалась ссылка, что это бывшая Кавказская область, что лишний раз подчеркивает их прямую преемственность.

Во второй половине XIX века территория Ставропольской губернии претерпела некоторые изменения в сторону уменьшения. В 1860 году часть ее земель отошла к вновь образованным Кубанской и Терской областям. С 1867 по 1888 год из состава Ставропольской губернии в пользу соседней Терской области были отчислены Моздок, Кизляр с частью уезда, Пятигорск с Пятигорским уездом и Караногайское приставство. Однако территориальное ядро губернии оставалось устойчивым. Ее площадь по размеру и основным границам соотносилась с современной территорией Ставропольского края.

Под полученным в 1847 году названием Ставропольская губерния непрерывно просуществовала 77 лет. С 1924 по 1937 год эта территория была включена в систему целой серии административно-территориальных преобразований и экспериментов, проводимых советской властью на всей территории СССР.

13 февраля 1924 года по постановлению ВЦИК в составе РСФСР был создан обширный Юго-Восточный регион, включавший в себя территорию Северного Кавказа и Ростовскую область. В продолжение этого 2 июня 1924 года вышло Постановление Президиума ВЦИК, согласно которому Ставропольская губерния

была преобразована в округ. Это решение было подтверждено и на местном уровне [20]. Но окончательное оформление округа из губернии произошло 26 января 1925 года, когда вышел декрет ВЦИК «Об введении в действие Положения о Северо-Кавказском крае». В нем в частности говорилось: «Образовать из Донской области, Кубано-Черноморской, Терской и **Ставропольской губерний** (выделено мной), города Грозного и автономных областей Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской, Адыгейской (Черкесской) и Чеченской - Северо-Кавказский край с центром в городе Ростове-на-Дону». Таким образом, можно констатировать, что юридически на государственном уровне Ставропольская губерния существовала до 26 января 1925 года, после чего на ее территории был создан одноименный округ. Округ состоял из 10 районов и входил в состав обширного Северо-Кавказского края с центром в Ростове-на-Дону. Его площадь по сравнению со Ставропольской губернией уменьшилась с 55 до 30 тысяч квадратных километров.

Ставропольский округ существовал до 30 июля 1930 года, когда вышли постановления Политбюро ЦК ВКП (б) и ВЦИК «О ликвидации округов» [21, с. 676-678]. На основании этих постановлений Ставропольский округ ликвидируется, а его районы и города переходят в прямое подчинение центру Северо-Кавказского края городу Ростову-на-Дону. С этого времени и до 1937 года территория Ставрополя лишается своей субъектности и растворяется в составе Северо-Кавказского края, но при этом продолжают сохранять свой статус районы.

В 1934 году от излишне укрупненного Северо-Кавказского края была отделена территория, названная Азово-Черноморским краем. Центр Северо-Кавказского края сначала был размещен в г. Пятигорске (10.01.1934 – 10.01.1936), а затем в Орджоникидзе (10.01.1936 – 26.05.1937). В состав Северо-Кавказского края помимо Ставрополя входили Дагестан, Чечня, Ингушетия, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Карачаевская и Черкесская автономные области. В 1936 году эти национальные образования, кроме Карачаевской и Черкесской автономных областей, вышли из состава Северо-Кавказского края и его территория стала напоминать ту, которую занимала Ставропольская губерния в середине XIX века. [22, с. 16].

Постановлением ЦИК СССР от 13 марта 1937 года Северо-Кавказский край **переименовывается** в Орджоникидзевский край. 26 мая 1937 года его центр переводится из Орджоникидзе (Владикавказа) в Ставрополь, именуемый тогда Ворошиловском [23, с. 74].

12 января 1943 года в период освобождения Ставрополья от немецко-фашистских захватчиков Орджоникидзевский край был **переименован** в Ставропольский край, а городу Ставрополю было возвращено его историческое название [24, с.61]. Можно констатировать, что последнее событие, имеющее важное значение в истории административно-территориального оформления современного Ставропольского края связано с созданием Орджоникидзевского края, который в 1943 году переименовывается в Ставропольский край.

Таким образом, если при установлении даты образования Ставропольского края исходить из принципов правопреемственности и исторической непрерывности, то следует признать две даты, имеющие принципиальное значение в данном вопросе.

Первая – 15 ноября 1802 года – основание Ставропольской губернии, просуществовавшей до 1924 года.

Вторая дата определяется труднее. Но в любом случае она связана с историей Северо-Кавказского края, который создается в 1924 году, претерпевает целый ряд преобразований и в 1937 году переименовывается в Орджоникидзевский край, а затем, в 1943 году, из Орджоникидзевского в Ставропольский край. При этом Северо-Кавказский край, а затем Орджоникидзевский край, как субъекты страны закреплялись внесением в Конституцию РСФСР, что позволяет говорить об их правопреемственности. Оба эти образования последовательно были переименованы в Ставропольский край, что делает его легитимным правопреемником Северо-Кавказского края. Именно так рассматривается место Ставропольского края в истории РСФСР Большой Советской энциклопедией [5, с. 1167].

К этому следует добавить, что роль правопреемственности с Северо – Кавказским краем не оспаривается другими регионами, входившими в его состав. Все они определились со своими собственными датами. Ростовская область и Краснодарский край ведут отсчет от 13 сентября 1937 года когда Азово – Черноморский край был разделен на Краснодарский край и Ростовскую область. Национальные республики считают датами своего основания 1920-е годы.

При этом следует также признать, что современный Ставропольский край выступает и историческим преемником Ставропольской губернии, основанной в 1802 году. Однако между ней и Ставропольским краем лежит период коренных административно-территориальных реформ 1924 – 1937 годов. Но как уже отмечалось выше, исследователи этой темы приходят к заключению, что после

всех попыток по новому выстроить территорию страны, власть фактически вернулась к той модели ее деления, которая напоминала уничтоженные в 1920-е годы российские губернии и области [25].

После 1943 года в истории Ставропольского края имели место территориальные изменения, которые закончились в 1992 году выходом из его состава Карачаево-Черкессии. После этого карта края удивительным образом стала совпадать с картой Ставропольской губернии на начало XX века.

Преимственность истории Ставропольской губернии и Ставропольского края глубоко вошла как в историческое сознание его населения, так и в историческую науку. Даже в годы расцвета советской власти, когда точкой отсчета создания государства считалась Октябрьская революция, и прошлое царской России противопоставлялось новому государству, история Ставрополя излагалась как единый процесс вместе с историей Ставропольской губернии [26, 27, 28, 29, 30]. В постсоветский период это нашло закрепление в других фундаментальных и обобщающих трудах по истории Ставрополя [31, 32, 33, 34].

Своеобразным цементом, который скрепляет историю Ставропольской губернии и Ставропольского края, является также история их населенных пунктов, которая имеет сквозной непрерывный характер на протяжении всего существования. Именно она в своей совокупности является главной связующей нитью между всеми периодами истории края. Ведь какие бы изменения не происходили на краевом и районном уровне, история конкретных населенных пунктов будет оставаться непрерывной, уходящей своими корнями в начало истории края в целом.

То же относится к учреждениям и организациям, которые создавались на территории Ставропольской губернии и действуют сегодня. Их историю нельзя искусственно разделить с учетом тех преобразований, которые происходили с 1924 по 1937 годы. Она едина и она напрямую связывает современной Ставрополье со Ставропольской губернией, основанной в 1802 году. Еще более важным представляется и то, что эта история соединяется через судьбу целого поколения, которое прошло через Великую Отечественную войну. Практически все оно было рождено в Ставропольской губернии и через нее мы соотносим участников этой войны с современным Ставрополем. То же можно отнести и к выдающимся людям, которые по рождению или своей деятельности связаны со Ставропольской губернией, а сегодня считаются ставропольцами. Это в прямом смысле живая связь между Ставропольской губернией и Ставропольским краем, которую

нельзя разорвать никакими административными реформами.

Вывод заключается в том, что основание Ставропольской губернии следует относить к 15 (27) ноября 1802 года, а Ставропольский край следует считать историческим правопродолжателем этой административно-территориальной единицы России. Указанная дата является временем основания Ставропольского края.

Использованная литература и источники:

1. Край наш Ставрополье. Очерки истории. Ставрополь, 1999.
2. История Ставрополья в отчетах губернаторов (1804-1914 годы): сборник документов / сост. В.В. Белоконь, О.И. Винокурова; Комитет Ставропольского края по делам архивов. Ставрополь, 2013.
3. Энциклопедический словарь Ставропольского края. Ставрополь, 2006.
4. Методическое пособие для подготовки Дня Ставропольского края: к 235-летию г. Ставрополя, Азово-Моздокской линии, 165-летию Ставропольской губернии. Издание Ставропольского краевого отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Ставрополь, 2012.
5. Большая Советская Энциклопедия. В 30 томах. М., 1976. Т. 24, кн. 1, М., 1976.
6. Большая Российская энциклопедия.: в 35 томах. М., 2016. Т. 31.
7. <http://tocha-na-karte.ru/Goroda-i-Gosudarstva/288-Stavropolskij-kraj.html>.
8. <https://www.ru/sssр/administrativno-territorialnoe-delenie-rsfsr.html>.
9. ПСЗ РИ, собр. 1, т. XX, № 14.607.
10. АКАК, т. II, Тифлис, 1868, № 1954.
11. ПСЗ РИ, собр. 1, т. XXII, № 16.194.
12. ПСЗ РИ, собр. 1, т. XXIII, № 16.858.
13. ПСЗ РИ, собр. 1, т. XXIV, № 17.634.
14. ПС ЗРИ, собр. 1, т. XXVI, № 20.511.
15. Сборник государственно-правовых актов Российской империи по управлению Северным Кавказом в XVII-XIX вв. [Из Полного Собрания Законов Российской империи]. Раздел 2. Книга 1. Предкавказье и Северный Кавказ в составе Российской империи (1661-1846 гг.). Авторы-составители Е. Ф. Некрасов и Я. Н. Охонько. Пятигорск, 2013.
16. История Ставрополья в отчетах губернаторов (1804-1914 годы): сборник документов / сост. В. В. Белоконь, О. И. Винокурова; Комитет Ставропольского края по делам архивов. Ставрополь, 2013.
17. АКАК, Т. II. Тифлис, 1868, № 1930.
18. ПСЗ РИ, собр. 1, т. XXXVIII, № 29.138.
19. ПСЗ РИ, собр. 2, т. XXIII, № 22836.
20. ГАСК, Фр-611, Оп. 1, Д. 14, л. 90.
21. Свод Законов СССР 1930 г. № 37.
22. Этнический атлас Ставропольского края / В. С. Белозеров, А. Н. Панин, В. В. Чихичин. Ставрополь, 2008.
23. Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). М.: «Европа», 2006.

24. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР 1938-1961 гг. М., 1961.
25. Ширяев Е.А. Реформирование административно-территориального устройства РСФСР в 1930-е годы. Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 26. Март 2011 г.
26. Ставропольский край. Справочник. Ставропольское книжное издательство, 1961.
27. Ставропольский край в истории СССР. Пособие по историческому краеведению. Под общей редакцией П. А. Шацкого. Ставропольское книжное издательство, 1975.
28. Наш край (документы, материалы, 1777-1917 гг.). К двухсотлетию г. Ставрополя. Ставропольское книжное издательство, 1977.
29. Наш край. Документы, материалы (1917-1977 гг.). Ставропольское книжное издательство, 1983.
30. Очерки истории Ставропольского края, Т. I. Ставрополь, 1986.
31. Край наш Ставрополье. Очерки истории. Ставрополь, 1999.
32. Энциклопедический словарь Ставропольского края. Ставрополь, 2006.
33. История городов и сел Ставрополья. Краткие очерки. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Издательство Ставропольского государственного университета, 2008.
34. Административно-территориальное устройство Ставрополья с конца XVIII века по 1920 год. Справочник / Комитет Ставропольского края по делам архивов; Государственный архив Ставропольского края. Ставрополь, 2008.

Савенко С.Н.

г. Пятигорск

*Пятигорский краеведческий музей, директор,
Заслуженный работник культуры РФ, кандидат
исторических наук*

Кавминводская проблематика на «Прозрителевских чтениях»

созданные в 2004 году в Ставропольском государственном краеведческом музее (сейчас Ставропольский государственный музей-заповедник) им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве музейно-краеведческие «Прозрителевские чтения», были не только продолжением тенденций организации и осуществления музейной научно-исследовательской работы в Ставропольском крае и Северокавказском регионе, но и особым явлением в истории самого музея, готовившегося в апреле 2005 года к своему 100-летию, и всей региональной музейной сети [1, с. 634-637].

Сейчас, когда «Прозрителевские чтения» проходят уже в десятый раз, можно отчетливее увидеть значимое место данного форума среди подобных краеведческих и мемориальных конференций региона: масштабность, географический охват участников и проблематики, научную продуктивность и результативность, другие параметры. Целью данной статьи является оценка конференции в аспекте рассмотрения на ней научных вопросов и проблематики по изучению региона Кавказские Минеральные Воды.

Примечательно, что, несмотря на то, что вопросы исследования истории и природы курортного региона не являлись первостепенными в творчестве самого Григория Николаевича Прозрителева (1849-1933), он проявлял интерес к этой проблематике, бывал в курортных селениях и городах, имел связи с местными краеведами, любителями древностей и культурного наследия, музейщиками. Принимал участие в организации и проведении тематических совещаний и съездов, касавшихся ситуации на Кавминводах. Среди немногих его опубликованных очерков выделяются дважды изданный при жизни кавказоведа публицистический краеведческий материал Кисловодске и окрестностях 1889 года и выдержки из записной книжки 1903 года о Железноводске, насыщенные емкими образными характеристиками посещенных курортов и их состояния, сведениями об общественной жизни (включая деятельность местных общественных организаций - Кавказского горного и Русского бальнеологического обществ), а также довольно содержательными с научной точки зрения описаниями природных объектов и особенностей, археологических и исторических памятников, местного фольклора и иного. [2, с. 296-298, 586-593].

Данные материалы и сегодня не лишены определенной научной ценности и заслуживают к себе большего внимания исследователей различных вопросов краеведения. На первых «Прозрителевских чтениях» мною была обозначена тема связи Г.Н. Прозрителева с кавминводскими краеведами в сфере исследования и охраны археологических объектов и иных памятников, в развитии музейного дела [3, с. 109-114]. Представляется, что данная тема по-прежнему актуальна и не исчерпана.

К участию в «Прозрителевских чтениях» постоянно приглашались музейные работники, ученые и краеведы, а также учащиеся и студенты, делавшие первые шаги в области краеведения под руководством своих наставников – преимущественно учителей и преподавателей истории и других гуманитарных дисциплин. Стоит отметить, что за всю предшествующую историю конференции «кавминводских» докладов и сообщений на ней было немного. При

этом следует учитывать, что к изучению этого региона были причастны и специалисты из Ставрополя, других городов и районов края. Учитывая сказанное следует подчеркнуть, что на конференции были рассмотрены многие важные вопросы по различным направлениям краеведения.

Сложилась следующая картина представительности «кавминводских» докладов в общем числе выступлений на «Прозрителевских чтениях» (подсчет велся по сборникам опубликованных материалов, т.к. заявленные в программы конференции, но не состоявшиеся очно, по принятым правилам не публикуются): I чтения (2004г.) – из 45 докладов 4 (Б.Л. Годзевич, А.В. Корчевная, С.Н. Савенко, С.Н. Савенко и И.А. Лачинов); II (2005г.) – из 62 – 8 (С.Н. Буравова, Б.Л. Годзевич, А.В. Дронов, А.Н. Коваленко, И.А. Лачинов, С.Н. Савенко, В.А. Хорунженко, К.Э. Штайн и Д.И. Петренко); III (2006г.) – из 27 – 1 (А.В. Дронов); IV (2007г.) – из 56 – 4 (Р.К. Гочияева, К. Кондрина, Н.А. Охонько, И. Потоцкая); V-е (2008г.) – из 50 – 3 (Т.В. Мозгова, Ю.А. Прокопенко, Е.И. Шевченко); VI (2009г.) – из 41 – 2 (С.Н. Савенко, А.К. Швырева и В.П. Субаева); VII (2012г.) – из 56 – 8 (Я.Б. Березин и К.Б. Колесниченко, Н.В. Ильичева, Н.В. Лапшова, Н.А. Охонько, Ю.А. Прокопенко, С.Н. Савенко, Д.Н. Сергеева, Т.И. Юрченко); VIII (2014г.) – из 60 – 4 (И.Н. Брехина, З.А. Коркмазова, С.Н. Савенко, А.К. Швырева и В.В. Титов); IX (2016г.) – из 57 – 4 (О.А. Запорожцева, Н.А. Охонько – 2 доклада, Е.Л. Соснина). Таким образом, не одна из конференций не прошла без кавминводской проблематики.

Самыми представительными (14,3%) в рассматриваемом отношении были VII «Прозрителевские чтения», проведенные после наиболее продолжительного трехлетнего перерыва между конференциями. Доклады по «кавминводской» тематике касались вопросов археологии, истории населенных пунктов края, Отечественной войны 1812 года, ранней советской истории, литературного краеведения, исследования музейных коллекций. Наименьший процент представительности (3,7%) обеспечен докладом археологической направленности о состоянии и перспективах изучения каменного века на Ставрополье, включая и Кавминводы (местонахождения у Кисловодска, Георгиевска, на горе Кинжал и некоторые другие), А.В. Дронова, который прозвучал на самых скромных по числу докладов (27) третьих чтениях [4, с. 24-25]. На наибольших по числу докладов (62) II «Прозрителевских чтениях» восемь «кавминводских» сообщений касались многих аспектов краеведения от геологии, минералогии, палеонтологии и археологии до музейных проектов, коллекций, научно-исследовательской

деятельности, истории музейных учреждений, персоналий краеведов (Л.П. Семенов) и мемуарной литературы. Стоит отметить, что в целой серии докладов, посвященных изучению и сохранению природных комплексов, вопросам истории Ставропольского края и другим общим темам, Кавказские Минеральные Воды затрагивались на более широком фоне рассматриваемых проблем.

Как уже отмечалось, обнародованные на «Прозрителевских чтениях» материалы были связаны с различными научными областями, дисциплинами и направлениями. Природоведческая проблематика включала исследования в сфере геологии, палеонтологии, физической географии, почвоведения, ботаники лесного покрова и некоторого другого. Здесь нужно отметить доклад известного ставропольского ученого, одного из лучших знатоков геологии и природных ландшафтов Предкавказья, ныне покойного Б.Л. Годзевича, по теме «Минералы, горные породы и окаменелости Ставропольского края», построенный преимущественно на материалах Пятигорья [5, с.73-75]. Данные в нем характеристики информативны, актуальны и ценны для дальнейшего развития исследований в этой области. Как знающий геолог и увлеченный исследователь Борис Леонидович был приглашен в экспедицию по выявлению нижнепалеолитических памятников в регионе Кавминвод, организованной ГУП «Наследие» МКСК совместно с ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург) в 2001 году, под руководством профессора В.П. Любина — ведущего и старейшего в России специалиста по палеолиту [6, с.755-756]. Б.Л. Годзевич поделился своим пониманием проблемы появления и расселения *Homo erectus* в Пятигорье на первых «Прозрителевских чтениях». Им были выдвинуты важные положения, обрисовывающие природно-геологические условия, в которых находились древние насельники Кавминвод, Подчеркивалось, что в плейстоцене, когда Кавказ находился в состоянии высокой сейсмико-тектонической и вулканической активности, именно «...район Пятигорья с его островными горами, богатыми лесами, охотничьими угодьями, с горячими минеральными источниками, мог быть островом относительного благополучия, в котором переживали трудные времена наши далекие предки» [7, с. 38].

Два важных доклада по изучению особей ископаемых животных, костные остатки которых отложились в собраниях краевых музеев, в рамках «Прозрителевских чтений» подготовила и опубликовала А.К. Швырева - кандидат биологических наук, один из ведущих палеонтологов Юга России, старейший сотрудник Ставропольского государственного музея-заповедника. Это научное описание черепа и костей скелета южного слона из фондов Пятигорского краеведческого

музея, осуществленное совместно с бывшим заведующим отделом природы данного учреждения В.П. Субаевой [8, с.136-139] и рогов большерогого оленя из Георгиевского карьера, переданных в музей-заповедник местным краеведом Г.Л. Дорофеевым и изученных совместно с В.В. Титовым, ученым секретарем Южного филиала РАН [9, с. 163-165].

Заслуживают внимание доклады сотрудников музея-заповедника: Т.В. Мозговой о физико-географической характеристике станицы Боргустанской [10, с. 151-153] и Н.Е. Шевченко об истории лесопользования пойменными лесами р. Кумы [11, с.158-159]. В докладах Т.В. Проконовой о сохранении и рациональном использовании почвенных ресурсов Предкавказья [12, с.153-156], профессора В.А. Шальнева и кандидата геолого-минералогических наук Е.А. Ляшенко по проблемам сохранения природного наследия Ставрополя [13, с.156-158] присутствуют кавминводские данные и примеры.

К историческому комплексу относились публикации в области археологии, этнографии, исторического и литературного краеведения, истории культуры, вопросы истории государства, местного управления и права. Вопросы археологии Кавминвод на «Прозрителевских чтениях», помимо указанных выше материала по эпохе камня А.В. Дронова и междисциплинарного доклада Б.Л. Годзевича, рассматривали: А.В. Дронов во второй работе по истории изучения эпохи камня на Ставрополье [14, с.52-54] и Ю.А. Прокопенко, Я.Б. Березин с К.Б. Колесниченко.

Доктор исторических наук Ю.А. Прокопенко (в настоящее время сотрудник Северо-Кавказского федерального университета) посвятил свое выступление на пятых чтениях анализу случайных (?) находок неизвестного происхождения – предметов звериного стиля скифского времени из окрестностей г. Ессентуки (район Боргустана – «святилище» - ?) – крыловидный нащечник (изображение уха животного), часть крупа животного с коротким хвостом и подогнутыми задними конечностями; из окрестностей г. Кисловодска – 2 S-видных двухдырчатых псаля и ажурная бронзовая бляшка в виде головы волка; из склепа «Каменная могила» у г. Железноводска – железные псаля с зооморфными элементами III- начала II в до н.э. Привлечение аналогий и общая оценка предметов позволили автору высказаться о выявленных ранее двух традициях в зверином стиле скифского времени на территории Предкавказья (собственно скифской и местной) и отметить оформленные и незавершенные образы [15, с.93-96]. В сообщении на седьмых чтениях Ю.А. Прокопенко исследовал особенности керамического комплекса

склеповых погребений IV-I вв. до н.э. в центральном Предкавказье, в основном на материалах памятников Ставропольской возвышенности и региона Кавминвод [16, с. 172-178].

Особый научный интерес представляет обобщенный анализ хозяйственных ям обширного участка поселения Энергетик II-IV вв. н.э., раскопанного в 2001 году на южной окраине городской черты Железноводска экспедицией ГУП МК СК «Наследие» под руководством Я.Б. Березина. Материал, проработанный в соавторстве К.Б. Колесниченко [17, с. 154-155], важен прежде всего потому, что ранее поселения подобного типа в регионе столь масштабно не исследовались.

К археологической тематике имели непосредственное отношения доклады С.Н. Савенко и И.А. Лачинова, касающиеся музейной практики и изучения музейных коллекций. Речь в них шла об истории и создании новой экспозиции 2004 года — лапидария из крупных каменных экспонатов III тыс. до н.э. — начала XX в. н.э. на территории Кисловодской крепости [18, с.114-121] и изучения собрания древних изваяний Пятигорского музея краеведения [19, с.145-150].

В круг вопросов исторического краеведения Кавминвод входили разнообразные по темам сообщения. В хронологическом последовательности они отражали: административную деятельность на Кавказе известного общественного деятеля А.Ф. Реброва [20, с.58-66], историю формирования кавказского ополчения [21, с.22-23] и персоналии кавминводских участников [22, с.76-79] Отечественной войны 1812 года, историю исследования Кавказских гор в XIX веке [23, с.73-77], организацию первых субботников в Пятигорске [24, с.132-133], вопросы истории знаменитого сувенирного предприятия «Кисловодский фарфор» [25, с. 197-201]. Интересный материал о биографии известного кавминводского краеведа Л.Н. Польского (1907-2003) подготовила его землячка по месту рождения И. Брехина — учащаяся Казьминской СОШ №16, под руководством учителя литературы Т.А. Кондаковой [26, с. 26-29].

Особый раздел представляют публикации по истории административного устройства, эволюции управления и правового регулирования в данной сфере. К нему относится сообщение Р.К. Гочияевой об особенностях административного управления Кавминвод в середине XIX века [27, с.36-39] и серия материалов Н.А. Охонько. Среди них интересная статья о понятиях «основание», «учреждение», «образование» на примере истории населенных пунктов Ставрополя, включая станицы Горячеводскую, Ессентукскую, Карантинную (Суворовскую), Лысогорскую, Марьинскую и

город Пятигорск, опубликованная в четвертых «Прозрительских чтениях». В ней были представлены аргументированные попытки разобраться в сложных примерах соотношения нормативно-правовых документов, учреждающих поселения, с их реальной историей и актами принятия дат основания. Пример города Пятигорска убеждает автора, что принятая ныне дата основания этого города – 1780 г., малообоснованна и правильнее отталкиваться от официального акта учреждения «нового» города в 1830 году [28, с.14-18]. Упор на детальный анализ правовых актов и рассуждения выглядят логичными, но недостаточно учитывают все нюансы темы (изначальная тесная связь Константиногорской крепости и станицы Горячеводской с курортом и др.), которая еще не закрыта.

Не менее интересным является доклад Н.А. Охонько на седьмых чтениях о новых данных по истории образования Азово-Моздокской линии. Основным позитивом и здесь являлась внимательная проработка правовых актов (мирные трактаты Карасубазарский – 1772 г. и Кучук-Кайнарджийский – 1774 г.) и малоизвестного источника – описания Азово-Моздокской линии российского академика И.А. Гюльденштедта, по итогам его южной экспедиции 1773 года. Важно то, что ученый, выполнявший среди прочего военно-стратегическую задачу по определению удобных мест для создания укреплений оборонительной линии, выделил и район «напротив Бештау», где, по его мнению, следовало разместить крупный военный корпус численностью в 5 тысяч человек [29, с. 66-69]. Вблизи этой местности в 1777 году была возведена Георгиевская крепость, а в течение 1780-1783 гг. – Константиногорское укрепление, замкнувшее цепь Азово-Моздокской линии как ее ключевое звено [30, с. 12].

Удалось Николаю Анатольевичу разобраться в смысловой подоплеке наименования крепостей Азово-Моздокской линии, в том числе и располагавшихся на Кавминводах [31, с.133-141] и, что особенно важно, проанализировать очень путанную и часто вольно трактуемую многими авторами публикаций правовую основу государственного признания курортного статуса региона Кавказские Минеральные Воды [32, с. 125-132].

В последней теме прозвучала критика и моей работы с С.В. Боглачевым об архитектуре старого Кисловодска. Данная критика в вольном изложении вопроса о правовом акте императора Александра I от 24 апреля 1803 года мною принимается, но с оговоркой. Сюжет об истории Кисловодского курорта писал мой соавтор книги С.В. Боглачев и мои предложения по его корректировке он не принял. Что же касается моей позиции, то она, в общем, совпадает с мнением Н.А. Охонько и не со времени публикации его доклада, а значительно

раньше. Еще в 2013 году в материале о месте Кавказских Минеральных Вод в истории России (к 210-летию региона) я упоминал не один акт, а «Высочайшие решения, принятые 24 апреля 1803 г.» [33, с.13]. Собственных публикаций с наименованиями «указа» или «рескрипта» 24.04.1803 г. у меня, кажется, не было никогда.

Кроме того, следует указать совместную работу Н.А. Охонько с его сыном Я.Н. Охонько – историком права, кандидатом юридических наук, об особенностях института губернаторства в Кавказской губернии и Кавказской области, также затрагивающую регион Кавказских Минеральных Вод [34, с. 22-26].

Региональная этнографическая проблематика была отражена только в публикации И. Потоцкой — учащейся лица №104 г. Минеральные Воды, посвященной характеристике жилищ конца XIX – начала XX века поселка Султановского на территории нынешних Минеральных Вод [35, с. 251-252].

Вопросы литературного краеведения раскрыты К.Э. Штайн и Д.И. Петренко на примере изучения пятигорских мемуаров С. Поволоцкого 1915-1921 гг. [36, с. 247-251] и Т.И. Юрченко (М.Ю. Лермонтова), рассмотревшей пятигорские воспоминания немецкого писателя периода Второй мировой войны Зигфрида фон Фегезака [37, с. 99-102].

Музейный блок представлен историей и характеристикой музеев, в частности, Ессентукского краеведческого – В.А. Хорунженко [38, с.238-240] и музеев г. Минеральные Воды – К. Кондрина [39, с.232-233], рассмотрением опыта научно-просветительской деятельности Кисловодского историко-краеведческого музея – И.А. Лачинов [40, с.166-173], изучением коллекций музея-заповедника М.Ю. Лермонтова в Пятигорске: книжных – С.Н. Буравова, А.Н. Коваленко [41, с. 56-59; 42, с.138-142] фотографических (фонд Г.И. Раева) – Д.Н. Сергеева [43, с. 79-82]. На девятых чтениях, в продолжение последнего направления, опытом применения новейших компьютерных методик в изучении художественных коллекций поделилась Е.Л. Соснина — сотрудница лермонтовского музея, авторитетный исследователь [44, с. 361-368].

Одной из причин того, что «кавминводская» проблематика не так часто озвучивается на «Прозрителевских чтениях» является уже немалый опыт проведения подобных конференций краеведческими и мемориальными музеями Пятигорска, Кисловодска и Ессентуков, помимо многих вузовских и определенного числа общественных научных совещаний в регионе. Но все это нисколько не умаляют значимости обсуждения вопросов изучения природы, истории и культуры Кавминвод на столь представительной и авторитетной

научно-музейной площадке, которой являются «Прозрителевские чтения».

Использованная литература и источники:

1. 1. Акопьян А.П., Савенко С.Н. Разработка перспективной концепции СГМЗ и организация музейно-краеведческих «Прозрителевских чтений» как опыт коллективной научной деятельности современного музея // Исторический музей – энциклопедия отечественно истории и культуры / ответ. ред. д.и.н. В.Л. Егоров. Труды Государственного Исторического музея. Вып.182. Забелинские научные чтения. ГИМ. 2008. М., 2010.
2. 2. Прозрителев Г.Н. Железноводск (из записной книжки 1903 года). В горах и ущельях близ Кисловодска // Опальные. Русские писатели открывают Кавказ. Т.3. Ставрополь, 2011.
3. 3. Савенко С.Н. Вопросы развития музейного дела и охраны культурного наследия в переписке Г.Н. Прозрителева с Д.М.Павловым и другими кавминводскими археологами-краеведами // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып. 1. Ставрополь, 2005.
4. 4. Дронов А.В. Каменный век Ставрополя: состояние и перспективы изучения // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып. 3 (научное издание) / под ред. С.Н. Савенко. Ставрополь, 2007.
5. 5. Годзевич Б.Л. Минералы, горные породы и окаменелости Ставропольского края // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып. 2 (научное издание) / под ред. С.Н. Савенко. Ставрополь, 2006.
6. 6. Любин В.П., Беляева Е.В. Первые находки среднего и нижнего палеолита на Ставрополье // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения. 1971-2006. М.-Ставрополь, 2008.
7. 7. Годзевич Б.Л. Homo erectus в Пятигорье // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып. 1. Ставрополь, 2005.
8. 8. Швырева А.К., Субаева В.П. Череп южного слона Archidiskodon meridionalis в коллекции Пятигорского краеведческого музея // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып. 6. Ставрополь, 2011.
9. 9. Швырева А.К., Титов В.В. Заметки о большерогом олене из Георгиевского песчаного карьера // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып. 8. Ставрополь, 2016.
10. 10. Мозгова Т.В. Физико-географическая характеристика ст. Боргустанской (по материалам историко-этнографической экспедиции 2006 г.) // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып.5. Ставрополь, 2011.
11. 11. Шевченко Н.Е. История лесопользования пойменных лесов реки Кумы // Там же.
12. 12. Проконова Т.В. К вопросу о сохранении и рациональном использовании почвенных ресурсов Предкавказья // Там же.
13. 13. Шальнев В.А., Ляшенко Е.А. Проблемы сохранения природного наследия

- Ставропольского края // Там же.
14. 14. Дронов А.В. Из истории изучения каменного века Ставрополя // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып.4 / под ред. С.Н. Савенко. - Ставрополь, 2007.
  15. 15. Прокопенко Ю.А. Новые находки скифского звериного стиля V-IV вв. до н.э. в районе Кавминвод // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып. 5. Ставрополь, 2011.
  16. 16. Прокопенко Ю.А. Особенности керамического комплекса склеповых захоронений конца IV-I вв.до н.э. Центрального Предкавказья // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып.7. Ставрополь, 2013.
  17. 17. Березин Я.Б., Колесниченко К.Б. Хозяйственные ямы поселения Энергетик // Там же.
  18. 18. Савенко С.Н., Лачинов И.А. Лапидарий Кисловодского музея // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып.1. Ставрополь, 2005.
  19. 19. Савенко С.Н. К вопросу о древних и средневековых изваяниях в коллекции Пятигорского краеведческого музея // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып.8. Ставрополь, 2016.
  20. 20. Запорожцева О.А. Административная деятельность А.Ф. Реброва под начальством генерала Ермолова на Кавказе // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып. 9. Ставрополь, 2018.
  21. 21. Ильичева Н.В. К истории Кавказского ополчения // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып.7. Ставрополь, 2013.
  22. 22. Савенко С.Н. Сведения о некоторых малоизвестных участниках Отечественной войны и зарубежных походов 1812-1814 гг. на Кавминводах // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып.7. Ставрополь, 2013.
  23. 23. Савенко С.Н. О юбилейных датах изучения гор Кавказа (к 180-летию Эльбрусской экспедиции Г.А. Емануеля) и 110-летию памяти А.В. Пастухова) // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып.6. Ставрополь, 2011.
  24. 24. Лапшова Н.В. Первые субботники в г. Пятигорске (по материалам фондов Ставропольского государственного музея-заповедника) // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып.7. Ставрополь, 2013.
  25. 25. Кормазова З.А. К истории предприятия «Кисловодский фарфор – «Феникс» (по материалам фондов Ставропольского государственного музея заповедника) // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып.8. Ставрополь, 2016.
  26. 26. Брехина И.Н. Л.Н. Полький – личность, краевед, учитель // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып.8. Ставрополь, 2016.
  27. 27. Гочияева Р.К. Изменения в административном управлении Кавминвод в

- середине XIX века // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып. 4. / под ред. С.Н. Савенко. Ставрополь, 2007.
28. 28. Охонько Н.А. Основание, учреждение или образование? (к проблеме определения времени происхождения некоторых населенных пунктов Ставрополья) // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып. 4. / под ред. С.Н. Савенко. Ставрополь, 2007.
29. 29. Охонько Н.А. Новые данные к истории образования Азово-Моздокской линии // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып.7. Ставрополь, 2013.
30. 30. Воинская слава Пятигорска. Очерки истории / под общ. ред. С.И. Линец. Пятигорск, 2015.
31. 31. Охонько Н.А. Смысловые основы в наименованиях крепостей Азово-Моздокской линии (к 240-летию основания) // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып. 9. Ставрополь, 2018.
32. 32. Охонько Н.А. Новый подход к вопросу об основании региона Кавказские Минеральные Воды // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып. 9. Ставрополь, 2018.
33. 33. Савенко С.Н. К вопросу о месте Кавказских Минеральных Вод в истории (к 210-летию КМВ) // Сборник материалов региональной научно-практической конференции «Вклад ученых курортологов и медиков Кавказа в сохранении и укреплении здоровья россиян». Пятигорск, 2013.
34. 34. Охонько Я.Н., Охонько Н.А. Особенности института губернаторства в Кавказской губернии и Кавказской области (первая половина XIX в.) // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып. 5. Ставрополь, 2011.
35. 35. Потоцкая И. Основные типы жилищ поселка Султановского (конец XIX-начало XX века) // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып.4. / под ред. С.Н. Савенко. Ставрополь, 2007.
36. 36. Штайн К.Э., Петренко Д.И. Семиотика повседневности курортного города Пятигорска в период 1915-1921 гг. (по данным текста мемуаров Сергея С. Поволоцкого «Что очи мои видели») // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып. 2 / под ред. С.Н. Савенко. Ставрополь, 2006.
37. 37. Юрченко Т.И. Пятигорские воспоминания в творчестве немецкого писателя Зигфрида фон Фегезака // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып.7. Ставрополь, 2013.
38. 38. Хорунженко В.А. Страницы истории создания Эссентукского краеведческого музея // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып. 2 / под ред. С.Н. Савенко. Ставрополь, 2006.
39. 39. Кондрина К. Путеводитель по музеям города Минеральные Воды (тезисы) // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып. 4 / под ред. С.Н. Савенко. Ставрополь, 2007.
40. 40. Лачинов И.А. Научно-просветительная деятельность музея (к 40-летию кисловодского историко-краеведческого музея «Крепость») // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып.2 / под ред. С.Н.

- Савенко. Ставрополь, 2006.
41. 41. Буравова С.Н. Л.П. Семенов и его книжная коллекция в Государственном музее-заповеднике М.Ю. Лермонтова в Пятигорске // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып. 2 / под ред. С.Н. Савенко. Ставрополь, 2006.
  42. 42. Коваленко А.Н. Книжные коллекции Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып.2 / под ред. С.Н. Савенко. Ставрополь, 2006.
  43. 43. Сергеева Д.Н. Работы Г.И. Раева в фондах Государственного музея – заповедника М.Ю. Лермонтова // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып.7. Ставрополь, 2013.
  44. 44. Соснина Е.Л. Роль новейших методик и технологий в вопросе изучения коллекций Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова в Пятигорске // Прозрителевские чтения: Материалы научно-практической конференции. Вып.9. Ставрополь, 2018.

Сачук С.С.,

*г. Ставрополь, Ставропольский
государственный музей-заповедник,
заведующая филиалом
«Музей-усадьба художника-академиста
В.И. Смирнова
с мемориалом К.Л. Хетагурова»*

Концепция музея-усадьбы художника-академиста В.И. Смирнова с мемориалом К.Л. Хетагурова

о мысли историка, искусствоведа, археолога, коллекционера, одного из основателей Государственного исторического музея Ивана Егоровича Забелина (1820-1908), «с народом нельзя иначе знакомиться, как только посредством мелочей его жизни». Понимая народ как совокупность множества социальных типов, он выдвинул тезис о том, что для скрепления нации, «для утверждения русского самосознания и для развития российского самопонятия» и создаётся музей, который решает эти задачи через показ многообразия деятельности и повседневной жизни человека.

В XX веке функцию сохранения исторически сложившихся видов деятельности, в том числе поддержание в границах охраняемых территорий традиционного образа жизни и природопользования, взяли на себя музеи аутентичного типа, среди которых – усадьбы. В Ставрополе единственным музеем данного типа является Музей-

усадьба художника-академиста В.И. Смирнова с мемориалом К.Л. Хетагурова. Он располагается в историческом центре города в старинном доме с прилегающим к нему приусадебным участком. Заложенная в 1851 году, усадьба была типичной для того времени. Жилой дом – изначально деревянный, на каменном фундаменте, под железной крышей, в три окна по главному фасаду. За домом – флигель, сарай, колодец, фруктовый сад с летней деревянной беседкой. Первым владельцем усадьбы был фотограф П.В. Волков. В 1889 году здесь поселился художник, преподаватель Ставропольской мужской классической гимназии В.И. Смирнов с семьёй. Василий Иванович и его супруга Анисия Фёдоровна вырастили восьмерых детей, всем дав хорошее образование. Истинный представитель русской провинциальной интеллигенции, Смирнов создал в своём небольшом скромном доме гостеприимную и творческую атмосферу. Здесь собирались педагоги, музыканты, литераторы, театральные и общественные деятели. Частым и желанным гостем был ученик и друг хозяина Коста Хетагуров – художник, поэт, публицист, драматург, создатель осетинской грамматики, основоположник национальной осетинской литературы.

Начало музеефикации усадьбы Смирнова было положено в 1970-е гг. [1]. Главное усадебное здание было взято под охрану государства как памятник истории и культуры (объект культурного наследия) Ставропольского края в 1981 году [2]. В тот период под наследием понимались *материальные* объекты, созданные людьми в процессе общественной эволюции [3]. С 1990-х годов в качестве приоритетной стали выделять *духовную* составляющую термина. С этого времени под историческим наследием понимается форма закрепления и передачи духовного опыта человечества, информационный потенциал, запечатлённый в явлениях и объектах [4, с.42; с.640], а при определении состава наследия в трактовке исторических артефактов и культурных ценностей непременно исследуется эмоционально-ценностный аспект.

Музеи-усадьбы как один из видов средового музея в наибольшей степени отвечают задаче сохранения *нематериального наследия*, поскольку изначально занимаются не только памятниками, постройками и даже не только ландшафтами, но и сохранением или воссозданием образа жизни и атмосферы. Музей-усадьба В.И. Смирнова с мемориалом К.Л. Хетагурова, обновлённый в 2014-2017 гг. в результате капитального ремонта основного здания, реконструкции старинных хозяйственных строений и регенерации ландшафта, – это проект, основанный на бытовом аспекте жизни типичной ставропольской усадьбы. Он раскрывает не только личностную и

творческую составляющую места, но, на примере семьи Смирновых, – культуру повседневности конца XIX – начала XX века. **Цель** данного проекта – показать музейными средствами через материальные объекты и нематериальное наследие значимость традиции как важнейшего канала передачи социального опыта, привлекательность обыкновенной жизни и смысл повседневного существования. Акцент ставится на чувства, человеческие отношения героев экспозиции, на ценности их семьи: такие, например, как совместный труд, гостеприимство, забота о детях, бережное отношение к старикам. Это позволит дать смысловые опоры нашим современникам – обычным людям, обычным семьям. Конкретные положительные примеры из жизни замечательных соотечественников пробуждают интерес к истории своего города, формируют личную и групповую идентичность через соотнесение с родными и памятными местами. Тем самым создаётся патриотическая основа воспитания будущих поколений. Исходя из этого, **потенциальная аудитория** Музея-усадьбы определяется максимально широко: это посетители всех социальных слоёв и возрастных категорий, семейные группы, туристы; все, интересующиеся локальной историей и культурой повседневности.

Сегодня объекты культурного и исторического наследия рассматривается двояко: это и память о прошлом, и база для развития территории [5, с. 39-45.]. Объекты наследия являются важным активом современных городов, который может влиять на их экономическое развитие через доходы от культурного и познавательного туризма, приносить прибыль от созданных на их базе туристических продуктов и брендов [6], что и определяет **практическую значимость** музеев-усадб.

Задача предлагаемой концепции – выявить современный культурный ресурс музея-усадьбы В.И. Смирнова, наметить пути реализации его потенциала.

Музеефикация усадьбы В.И. Смирнова

В судьбе усадьбы В.И. Смирнова решающую роль сыграл процесс увековечения имени Коста Хетагурова в Ставрополе. В 1970 году по инициативе городской писательской организации на фасаде дома была установлена мемориальная доска, свидетельствующая о том, что здесь жил «революционный демократ, основоположник осетинской литературы, поэт Коста Леванович Хетагуров». В 1971 году дом был выкуплен городскими властями у дочерей художника и иных собственников и передан под музей литературы народов

Северного Кавказа. В 1977 году музей открылся выставкой картин и рисунков В.И. Смирнова, и этим был отдан долг памяти художнику и педагогу. В постоянной экспозиции Литературного музея материалы о Смирнове не экспонировались, при том что Хетагурову был посвящён самостоятельный мемориальный раздел в цокольном этаже дома. В те годы в общественном сознании, краеведении, публицистике имя В.И. Смирнова упоминалось исключительно в связи с именем Коста Хетагурова. Вероятно, в силу идейных установок советского времени выходец из духовного сословия Смирнов вряд ли мог стать известным, если бы не его талантливый ученик, позиционировавшийся, в первую очередь, как «революционный демократ». Но верно обратное: разносторонние дарования Коста, сделавшие его заслуженно известным, вряд ли раскрылись бы столь полно, если бы не педагогический труд и большое личное, человеческое участие в судьбе Хетагурова его учителя В.И. Смирнова.

В последние годы усилия работников музея направлены на установление более справедливого приоритета в трактовке отношений «учитель – ученик» через поднятие авторитета учителя. Существенный вклад в популяризацию творческой личности Василия Ивановича Смирнова и возвращение в культурный оборот его творческого наследия внёс выставочный проект «Уроки рисования и чистописания Василия Смирнова», реализованный при поддержке Министерства культуры Российской Федерации в 2014 году. Как часть данного проекта ежегодно проводится открытый конкурс «Пиши красиво». С 2015 года возобновлены научные исследования малоизученных этапов жизни и творчества В.И. Смирнова. В результате поездки в 2016 году на его родину в с. Губачёво и г. Углич, через сотрудничество с Угличским родословно-краеведческим обществом собраны данные, позволившие осмыслить историко-культурный контекст, формировавший личность художника в детские и юношеские годы. В 2015-2016 гг., благодаря взаимодействию с Государственным Русским музеем (Санкт-Петербург) и Вологодской областной картинной галереей, получены сведения о художественных произведениях В.И. Смирнова, созданных в петербургский период. Получены материалы о судьбах детей художника и его более дальних потомков. Реконструирован по воспоминаниям временных жильцов быт и облик дома Смирновых в советские годы.

С 2014 года в соответствии со специально разработанной концепцией [7] ведётся регенерация усадьбы Смирновых. В саду создана и функционирует ландшафтная экспозиция. В расположенном на границе двора и сада старинном флигеле воссоздан на историко-документальной основе интерьер с предметами домашнего обихода

Смирновых, картинами художника. Здесь проходят интерактивные занятия с небольшими группами школьников и студентов, ведутся съёмки культурно-познавательных телепрограмм, собираются гости и друзья музея.

Как показала реакция посетителей, подлинные предметы в экспозиции и «живой» мир усадьбы, широко цитируемые в экскурсионном тексте мемуары детей художника создают атмосферу, достоверно передающую домашнюю обстановку семьи Смирновых. Таким образом, к моменту построения постоянной экспозиции была опробована модель работы музея-усадьбы в новой парадигме и получен ценный положительный опыт.

Замысел и структура музея

Дочь художника Н.В. Смирнова в своих воспоминаниях написала: «Наш дом, наш сад были для меня весь мир!» [8]. Этот мир был главной ценностью и смыслом жизни семьи. «Каждый смысл должен иметь свой праздник возрождения», – сказал русский философ XX века, культуролог, теоретик культуры и искусства, исследователь языка М.М. Бахтин. Исходя из этого образно выраженная Ниной Васильевной идея «усадьба – весь мир» положена в основу концепции обновлённого музея-усадьбы. Для возрождения и трансляции этой идеи музей, являясь по своей природе вторичной моделирующей системой [9, с.10.], должен функционировать как единое пространство, включающее следующие взаимодополняющие объекты:

– Дом. Это главное усадебное здание с постоянной музейной экспозицией, меняющимися выставками и зоной для интерактивных занятий.

– Двор. Это общее пространство для встречи незнакомых людей, тех, которых видишь впервые. Его вымощенная часть расширена, и это оправдано: чем больше общественное пространство, тем оно активнее. Двор – удобная площадка для игр, праздников, мероприятий с большим числом участников. Наблюдая за тем, что делают люди, где они стоят, сидят, мы поняли, что во дворе нужны стулья и столики, а летом – зонтики. Посетители должны понять, что о них заботятся.

– Сад. Это убежище, место покоя, закрытое со всех сторон высокими стенами. Здесь создана ландшафтная экспозиция. Восстановлены разрушенные участки каменной ограды и колодец, реконструирован стоявший, как свидетельствует Н.В. Смирнова, «лицом к дому» сарай с голубятней. Колодец, сарай с садовым

инвентарём – важные реалии хозяйственной жизни, придающие экспозиции конкретность и психологическую достоверность. В саду бережно сохраняются старовозрастные, посаженные в бытность Смирновых плодовые деревья, более чем столетнего возраста кизил; рядом с ними посажены на замену молодые саженцы. Культивируются цветы и травы леса и поля (ландшафтный комплекс «Мир отца»), устроены клумбы с садовыми цветами («Мир мамы»), обновлены и плодоносят ягодные кустарники («Мир детей»), высажены растения предгорий и гор Северного Кавказа («Мир Коста»). По прямому назначению – для отдыха и чаепитий – используется летняя деревянная беседка.

– Исторический ландшафт городского центра. Это внешний элемент системы. Исторический центр Ставрополя, в целом сохраняет черты второй половины XIX – начала XX века и станет местом проведения экскурсий на темы, связанные с В.И. Смирновым, К.Л. Хетагуровым, с архитектурой и историей соседствующий городских усадеб.

Ещё одна важная идея проектируемого музея – это идея человеческого дома как точки опоры. Музей по своей сущности противостоит разрушению того, что не должно быть забыто. Музей-усадебка имманентно сохраняет неподвижность быта. Опорой служат первоосновы быта: еда, оседлость, соседство. Содержание этих понятий символически передают музейные предметы и объекты: печь, обеденный стол, колодец. Предметы-знаки становятся опорными точками, смысловыми доминантами. В процессе музейной коммуникации, при восприятии заложенных в экспозицию смыслов возникает ощущение укоренённости, влекущее человека к родному дому, родным краям, на Родину.

Содержание и тематико-экспозиционная структура музейной экспозиции

В 2014-2017 гг. в доме В.И. Смирнова выполнены масштабные ремонтно-реставрационные работы. В 2018 году создана постоянная экспозиция – ключевой элемент вышеописанной системы. Здесь культурное наследие Смирновых актуализировано через мемориальные комплексы, посвящённые художнику и его семье, К.Л. Хетагурову, а также через выставки, основанные на обращении к смежным темам (изобразительное искусство, локальная история в различных её аспектах, культура повседневности и другие).

Экспозиция построена на базе подлинников: мемориальной мебели, предметов быта, семейных фотографий и документов, книг,

нотных сборников, рисунков детей; лакуны восполнены типовыми предметами конца XIX - начала XX века. Наиболее ценные предметы – 126 живописных и графических произведений В.И. Смирнова, его палитра, этюдник, альбом для рисования; творческие работы К.Л. Хетагурова – этюд «Терек» и два анималистических рисунка на ткани. Основной принцип подачи материалов – мемориально-художественный. Хронологические рамки экспозиции установлены соответственно времени жизни В.И. Смирнова: 1841 – 1922 гг.

В определении круга тем мы руководствовались непосредственно логикой жизни: судьба В.И. Смирнова, его личностные качества, профессиональные занятия, также занятия его жены и детей, друзей, знакомых, культурно-бытовой уклад города Ставрополя соответствующего периода.

Тема 1. Детство и юность В. Смирнова (1841 - 1860 гг.)

1.1. Родина – село Губачёво Угличского уезда Ярославской губернии.

1.2. Учёба в Угличском духовном училище и Ярославской духовной семинарии.

Тема 2. Петербургский период в жизни В.И. Смирнова (1860 - 1873 гг.)

2.1. Учёба в Императорской академии художеств в Санкт-Петербурге.

2.2. Художественные произведения петербургского периода.

Тема 3. Ставропольский период жизни В.И. Смирнова (1873 – 1922 гг.)

3.1. В.И. Смирнов – преподаватель Ставропольской мужской классической гимназии. Его коллеги и друзья.

3.2. Семья В.И. Смирнова: духовные ценности, бытовой уклад, досуг, традиции.

3.3. Занятия и увлечения детей.

Тема 4. Творческое и педагогическое наследие В.И. Смирнова.

4.1. Художественные произведения – картины, рисунки, эскизы, наброски.

4.2. В.И. Смирнов - педагог.

4.3. Роль В.И. Смирнова в культурной жизни Ставрополя конца XIX – начала XX в.

Тема 5. Коста Леванович Хетагуров – выдающийся ученик художника-академиста В.И. Смирнова.

5.1. Пребывание Коста Хетагурова в Ставрополе.

5.2. Коста Хетагуров – друг и гость семьи Смирновых.

5.3. Художественное и поэтическое наследие Коста Хетагурова.

Самостоятельную зону в доме представляют выставочный зал и смежная с ним комната для музейных занятий и совещаний. Зона выделена конструктивно (уровень пола здесь выше, чем в мемориальной части) и визуально – цветом стен. Площадь зала – 47,3 кв. м – позволяет показать большое количество предметов, крупногабаритные предметы, выделить внутри выставки разделы. Данное помещение удобно для проведения общественных и научно-практических мероприятий. «Учебная» комната, как показывает практика, давно стала насущной необходимостью для полноценного функционирования музея. Оснащённая мультимедийными средствами, она позволит проводить интерактивные занятия с посетителями, заседания клубов и кружков, деловые встречи.

Архитектурно-художественное решение экспозиции Дома художника

Пространственное решение постоянной экспозиции увязано с архитектурными особенностями дома – основного усадебного здания. Построенный в 1851 году и изначально деревянный, в конце XIX или самом начале XX века он был частично перестроен. По проекту 1894 года [10] с восточной стороны к главному входу была сделана пристройка с воротным столбом из местного камня известняка-ракушечника. Пристройка имела вход, позволявший попасть с улицы в комнаты цокольного этажа. Очевидно, тогда же южный (главный) фасад был обложен красным кирпичом. В дальнейшем кирпичный фасад и каменная пристройка неоднократно белились и красились; вход в пристройку с улицы был преобразован в окно, а затем и замурован. В 2016 году в ходе наружных ремонтных работ при демонтаже старой штукатурки следы этих переделок были выявлены и зафиксированы. Раскрытую от поздних наслоений оригинальную каменную кладку, покрыв водоотталкивающим составом, решили оставить без отделки. Сохранение внешнего вида старинного камня крайне важно, поскольку в Ставрополе именно камень выступает символом города. Также важно было создать выразительный фасад дома, ведь именно фасад запоминается; он придаёт характер улице, городскому центру. По тем же причинам на главном фасаде сохранены окна с деревянными рамами и ставнями, отсылающие к концу XIX – началу XX века.

В интерьере дома реконструированы фрагменты жилых комнат и впервые создана максимально полная галерея художественных произведений В.И. Смирнова. Основные способы показа – реконструкции интерьеров, открытая развеска картин.

Для экспонирования мелких предметов предусмотрены напольные угловые витрины, сочетающиеся по стилю с подлинной мебелью Смирновых.

Залы № 1 и № 2, расположенные в южной (реставрированной по фасаду) части дома, представляют собой мемориальную часть экспозиции. Стены здесь окрашены в светло-голубой цвет, имитирующий традиционную побелку с синькой. Именно такая их отделка зафиксирована на семейных фотографиях начала XX века.

В зале № 1 в напольной витрине представлены материалы, отражающие детство и юношество В.И. Смирнова, молодые годы в Санкт-Петербурге. Ставропольский период жизни художника показан через домашнюю обстановку. Вдоль южной стены зала реконструирован уголок гостиной с роялем конца XIX века, мягкой мебелью, шкафом-горкой с предметами декоративно-прикладного искусства. На потолке над роялем смонтирована керосиновая лампа со стеклянным абажуром, на стенах размещены женские портреты кисти Смирнова. Северо-восточная часть зала отведена под реконструкцию главной семейной комнаты – столовой. Здесь расставлены буфет, обеденный стол и стулья, столик-геридон с самоваром, на стене – семейные фотографии. Экспозиционной доминантой стала голландская печь из подлинных изразцов, сложенная на месте утраченной в 1970-е гг.

В зале № 2 на подиуме у окна создан уголок жены художника с большим зеркалом и швейной машиной. Здесь показано шитьё (им занимались Анисия Фёдоровна и дочь Нина), вязание крючком, вышивание по канве. Специальный комплекс посвящён занятиям и увлечениям детей. На подиуме у западной стены зала помещён диван, над ним – фотография детей, сидящих на том же диване, фотопортреты мамы, старших детей; слева – ученический стол, справа – платяной шкаф. Напольная витрина заполнена игрушками и детскими книжками, рисунками Александра, Лизы и Василия.

Зал № 3 отведён для раскрытия темы «Творческое и педагогическое наследие В.И. Смирнова». В витринах помещены личные вещи Смирнова, письменные принадлежности, книги и журналы («Отечественные записки» и «Русская школа»), фото учебных заведений, в которых преподавал Василий Иванович, фотографии с учениками, работы учеников. На западной и восточной стенах зала – графические работы В.И. Смирнова. На подиуме у северной стены – «ожившая фотография»: увеличенный фотопортрет художника и предметы (стул, столик с книгой, лежащая на полу трость), воспроизводящие обстановку фотографического заведения, где сделан снимок. На мольберте – портрет И.С. Тургенева,

главная работа Смирнова зрелого периода. Через пустую раму на стене показаны нереализованные замыслы художника, проданные и реквизированные картины.

Мемориал К.Л. Хетагурова, размещённый, как уже говорилось выше, в цокольном этаже дома, создавался в 1970-е гг. со слов живых свидетелей – дочерей В.И. Смирнова. Демонтированный на время ремонта, он восстановлен и дополнен с акцентированием, на основе биографических данных, художественного аспекта творчества Хетагурова и артистических наклонностей личности.

Сохранение нематериального наследия

Перспективное направление работы музея-усадьбы – поиск путей сохранения нематериального наследия и возможностей работы с ним. Сохраняемыми объектами нематериального наследия в данном проекте являются, в первую очередь, традиционные семейные ценности и традиционный образ жизни с присущими ему хозяйственными и досуговыми практиками.

Обширный материал для реконструкции жизненного уклада семьи Смирновых дают воспоминания детей художника Гали Васильевны, Александра Васильевича и в наибольшей степени Нины Васильевны [11]. В них описаны дом и сад, еда, обычаи, привычки, особенности воспитания детей и т.п. На основе этих свидетельств утраченная традиция может быть восстановлена в музее через создание живой модели процесса. В этом случае он будет обладать качеством не подлинности, но достоверности. Так, с опорой на сведения о том, что Анисия Фёдоровна выращивала розы, «мелкие, но душистые в варенье», в саду высажен именно такой сорт, и в летние дни в музее-усадьбе можно устроить варку варенья из розовых лепестков. Другой пример – возрождённый обычай угощения грушами, которого до последних дней жизни в усадьбе придерживалась Нина Васильевна. Как и при прежней хозяйке, вновь «законными» обитателями двора и сада стали кошки.

Любимое занятие всех детей Смирновых – рисование – легко воспроизводится современными юными посетителями. Им может быть предложено как копирование художественных работ, представленных в экспозиции, так и рисование с натуры в саду.

Частью нематериального наследия являются звук и звуковой ландшафт. Его сохранение и ревитализация особенно важны в работе современного средового музея. В доме Смирновых уместной и необходимой будет фортепианная музыка, в саду – пение птиц, кормление которых ведётся сотрудниками музея уже несколько лет.

Расширить сферу нематериального возможно через создание своеобразных выставок-воспоминаний с участием горожан (музей – хранитель вещей, а связанные с ними истории чаще всего остаются в памяти бывших владельцев и уходят вместе с ними). Привлечь горожан, создавать и поддерживать социальные связи можно при помощи субботников, экологических праздников, придавая им специфические черты. Например, выращивать «как раньше», вспомнить, какие инструменты при этом использовали.

В программу деятельности музея-усадьбы включаются проведение фестивалей и съёмка фильмов, требующих исторической натуры.

А главное – сотрудники музея неизменно поддерживают гостеприимную атмосферу. Такую, какая всегда была в этом доме.

Использованная литература и источники

1. Решение исполкома Ставропольского городского Совета депутатов трудящихся от 09.07.1971 № 40.
2. Решение Ставропольского крайисполкома от 01.10.1981 № 701.
3. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия: <http://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf>.
4. Кулешова М.Е. Понятийно-терминологическая система «природное культурное наследие»: содержание и основные понятия // Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов: сборник научных трудов. М., 1994. Петрова И.А., Кибасова Г.П., Назаров А.А. Культурно-историческое наследие: современные трактовки понятия // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания»: http://grani.vspu.ru/files/publics/202_st.pdf; Хоруженко К.М. Культурология: Энциклопедический словарь. Ростов-на Дону, 1997.
5. омонюк Е.Н., Кладов В.Ю. Историческое наследие как фактор развития территории // Справочник руководителя учреждения культуры. № 7, июль 2014 г.
6. Национальный доклад «Развитие городов. Лучшие практики и современные тенденции»: <http://rusdb.ru/doklad>.
7. Сачук С.С. Концепция регенерации исторического объекта «Усадьба художника В.И. Смирнова». Научный архив СГМЗ. Ставрополь, 2014.
8. Воспоминания Нины Васильевны Смирновой. Рукопись. СГМЗ ЛМС,Ф. № 2, Ед.хр. 7(2).
9. Плохотнюк В.С. Семиотические проблемы исторического знания и музейной коммуникации. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук. Ростов-на-Дону, 2000.
10. СГМЗ ЛМС О.ф. 2341.

11. Письмо Г.В. Смирновой-Иванченко Юрию Ивановичу Хотееву от 20 апреля 1958 года. СГМЗ ЛМС, Ф. № 2, Ед. хр. 12, инвентарный № 2319. Смирнова-Иванченко Г.В. Именины. Самиздат, 1952 г. СГМЗ ЛМС, Ф. № 2, Ед. хр. 12, инвентарный № 2900. Смирнов А.В. Воспоминания о К.Л. Хетагурове и его друзьях и знакомых в г. Ставрополе Кавказском. Рукопись. 1953 г. – СГМЗ ЛМС О.ф. 215. Воспоминания Нины Васильевны Смирновой от 2 ноября 1976 года. Рукопись. СГМЗ ЛМС, Нв.ф. 793.

Состин Д.И.,

г. Ставрополь,

Институт дружбы народов Кавказа,

доцент кафедры теории и истории

государства и права,

кандидат исторических наук

**Обзор периодической печати
губернского Ставрополя
за 1917 год, по материалам из фондов
государственного архива
Ставропольского края**

обширном массиве документов, отложившихся в государственном архиве Ставропольского края, которые относятся к 1917 году, важное место занимает периодическая печать. Ее значение в исследовательских практиках позволяет автору не только репрезентативно исследовать объект изучения, это естественно Февральская и Октябрьская революции, но и особенности общественного сознания, его проявлений в как в центре, так и в провинции, в частности на Ставрополье.

Известно, что Февральская революция 1917 года, устранившая самодержавие, ознаменовалась небывалой активностью самых различных слоев российского общества. В стране стремительными темпами шло формирование многопартийности. По имеющимся данным, в марте-октябре в стране действовало не менее 100 различных политических партий и общественных движений, объединявших более миллиона человек. После Февральской революции в России начали выходить десятки газет самой различной направленности. Только в Петрограде в первые дни революции издавалось свыше семидесяти газет различных направлений, в том числе коммерческих и де-

шевых народных. Задачей большинства из них была популяризация новой власти и ее носителя - Временного правительства, а также его отдельных членов, представляющих разные политические силы.

Пресса стала основным инструментом пропаганды и агитации в деле утверждения нового общественного строя, а заодно и распространения разнопартийных идей, не всегда известных российскому обывателю. По инициативе трудовика А.Ф. Керенского при министерстве юстиции было создано бюро печати, сообщавшее политические новости и информирующее о важнейших мероприятиях, проводимых Временным правительством. Социал-демократы, воспользовавшись общей демократизацией общественной жизни и располагая прочным влиянием среди определенных слоёв населения, уже в марте 1917 года возобновили издание газеты «Правда», а также некоторых других изданий. Например, в Москве большевиками издавалась газета «Социал-демократ». Всего большевики издавали шестнадцать газет общим тиражом 300 тысяч экземпляров [1, с.100-105]. Центральными печатными органами меньшевиков в этот период были «Рабочая газета» и газета «Вперед». В течение марта-апреля меньшевики стали издавать свои газеты в Киеве, Тифлисе, Баку, Ростове и других городах страны. С марта-апреля выходили эсеровские газеты: «Земля и воля» (г. Москва) и «Воля народа» (г. Киев). Из эсеровских изданий особо выделялась ежедневная политическая и литературная газета «Дело народа», где активно выступали В. Чернов и другие лидеры партии социалистов-революционеров. Издательскую активность после Февральской революции проявляли либералы. Кадеты выпускали свой журнал «Вестник партии народной свободы», газеты «День», «Речь», «Биржевые ведомости». Эти издания заявляли о своей приверженности Временному правительству. Периодическая печать Ставрополя в рассматриваемое время была представлена такими известными и авторитетными газетами, как «Ставропольские губернские ведомости», выходившей с 1850 по 1917 гг., «Северокавказский Край» и «Северокавказское слово». Подшивки этих изданий хранятся в Государственном архиве Ставропольского Края и содержат достаточно подробную информацию о повседневной и общественно-политической жизни Ставрополя и уездов на протяжении 1917 года. Начиная от Февральской революции с ее небывалой социальной активностью населения и вплоть до того момента, когда Советская власть с большим трудом утвердилась в губернии при помощи внешних сил и большевистски настроенных солдатских масс.

Практически все газеты в той или иной мере находились под влиянием партий, выражавших главным образом демократические

настроения российского общества. Следует отметить, что незадолго до Февральской революции и даже в первые ее дни их содержание ещё не имело ярко выраженной партийности, хотя их тональность свидетельствовала о все более углубляющемся социально-экономическом кризисе в стране, вызванном мировой войной. В частности, газета «Северокавказский край» в декабрьских номерах за 1916 год с тревогой писала об издержках продразверстки, которую проводило царское правительство с целью более эффективного снабжения армии, продовольственным развале и алчности хлебных «торгашей» в ряде уездов, ценах, которые, как пишет репортер, «совершенно не по карману обывателям» [2]. Газетные строки довольно живо отражали столичную политическую жизнь перед революцией. Газета «Северокавказский край» освещая заседания IV Государственной Думы и выступления деятелей так называемого «прогрессивного блока», буквально цитировала наиболее яркие выступления депутатов, таких, например, как А. И. Коновалов, который заявлял: «...в стране нет власти, нет вождей, которые бы страну вдохновляли...» [3]. Отдельно в периодике анализировалось материальное положение ставропольцев — мещан, крестьян, уездных учителей, чьи заработки, как позволяет судить одна из заметок, не позволяли им содержать себя и свои семьи.

Социальная заостренность и объективная подача материала заставляет достаточно высоко оценивать информационное значение ставропольской периодической печати. Среди газет, содержащих основную информацию о событиях февраля-октября 1917 года оставались по-прежнему «Северокавказское слово» и «Северокавказский край». Последняя к осени стала печатным органом губернского комитета партии социалистов-революционеров. Публикации этого периода свидетельствуют, что самым сложным вопросом, волнующим население всей России, и Ставрополя в частности, был вопрос о власти. При этом из печатных сообщений видно, что никаких серьезных происшествий в Ставропольской губернии за период с февраля по октябрь не было. Крестьянские съезды и заседания различных Советов, первомайские демонстрации и другие события не выходили за рамки дозволенного. Население губернии поддерживало умеренных социалистов, которые в это время имели большинство в Советах и крестьянских союзах. Это видно из опубликованных резолюций крестьянских губернских съездов, проходивших в Ставрополе с апреля по декабрь. Как отмечалось в одном из номеров газеты «Северокавказское слово», крестьяне вступали в партию эсеров целыми депутатскими группами. Эсеровским по духу и по партийности был Ставропольский крестьянский союз, сформированный в апреле 1917 года.

Эсеровское руководство Советов в целом поддерживало политику Временного правительства по коренным социально-экономическим вопросам, в том числе аграрному, готовилось к назначенным на ноябрь 1917 года в губернии выборам. Все эти события нашли отражение в печати. [4].

6 ноября 1917 года общее собрание служащих губернского земства обсудило положение, создавшееся в стране после II съезда Советов в Петрограде, который передал всю полноту власти Советам, и принял постановление: «Решительно осудить попытку большевиков вооруженным восстанием, сопровождавшимся насилием, убийствами и бессмысленным вандализмом навязать свою волю незначительного меньшинства всему народу, накануне выборов в Учредительное собрание. Решительно протестовать против свержения всенародно признанного Временного правительства. Протестовать против подавления свободы слова, превосходящего в своих проявлениях худшие приемы самодержавия».

В условиях нарастания общегосударственного экономического и политического кризиса, население Ставрополя желало установления твердой власти и управления. Об участии ставропольцев в подготовке к Учредительному собранию писали местные газеты, помещая на своих страницах в отдельных случаях крестьянские наказания различных сельских сходов [5]. Во многих уездах губернии создавались сельские Советы как органы народного представительства. Как отмечалось в одном из газетных номеров: «Крестьяне проявляли к Советам живейший интерес, интересовались программами политических партий...». На демократической волне в Ставропольской губернии в ноябре 1917 года прошли выборы в Учредительное собрание, что отразилось в губернской прессе. В результате по всем уездам, включая город Ставрополь, большинство голосов получили эсеры (88,8 %) [6].

Между тем судьба демократии на Ставрополье была предрешена. Большевики, значительно укрепив к декабрю свои позиции в губернском центре и опираясь на солдат местного гарнизона, взяли курс на захват власти подконтрольными им Советами. Большевики не имели численного превосходства в общественных и партийных организациях губернии, однако в организационном отношении отличались сплоченностью, дисциплиной и оперативной реакцией в быстро меняющейся политической обстановке. После бурных обсуждений вопроса о власти в Ставропольской губернии на IV Губернском крестьянском Съезде, проходившем 29 декабря 1917 года в Ставрополе с участием большевистски настроенных солдат, была принята, по сути, большевистская резолюция: «Всю власть в губер-

нии передать как в центре, так и на местах Советам крестьянских, рабочих и солдатских депутатов впредь до открытия Учредительного собрания с защитой этого права с оружием в руках».

Далее большевики влились в работу «Народного собрания», которое проходило одновременно с губернским крестьянским съездом под влиянием так называемой «объединенной демократии» меньшевиков и эсеров. Большевики оттеснили «объединенную демократию» от руководства собранием. В результате и здесь было принято постановление, гласившее: «Организовать в губернии власть Советов рабочих и крестьянских депутатов». Издававшаяся ставропольским Советом солдатских депутатов газета «Заря свободы» с декабря 1917 года стала партийным органом большевиков.

Подводя итоги можно сказать, что пресса в период Российской революции была не просто отражением фундаментальных перемен, происходивших в стране, но и эффективным инструментом создания новой модели государственного устройства, формирования гражданского мнения. Периодическая печать Ставрополя зафиксировала интересную информацию, изучение которой помогает увидеть некоторые особенности общественно-политической, культурной жизни губернии в этот период. Благодаря этому источнику мы можем приблизиться к прошлому, определить место и роль различных слоев ставропольского общества в революционных событиях, увидеть деятельность политических партий, видных представителей местной интеллигенции, понять драматизм и остроту общественной жизни того времени.

Использованная литература и источники:

1. Политическая история России в партиях и лицах / сост. В. В. Шелохаев. М., 1993.
2. Северокавказский край. 1916. 22 декабря.
3. Северокавказский край. 1916. 16 декабря.
4. Северокавказский край. 1917. 26 февраля.
5. Северокавказское слово. 1917. 28 апреля.

Стрелова А.В.,

*с. Донское, Историко-краеведческий музей
Труновского муниципального района
Ставропольского края, директор*

**Федор Николаевич Долженко —
краевед, архитектор, художник
и музейщик**

Федор Николаевич Долженко (1930-2016) успел сделать за свою жизнь столько, что с лихвой хватило бы на несколько человеческих жизней. Необыкновенно талантливый, трудолюбивый и разносторонний человек, он был самозабвенно предан родным местам и восхищался нашей неброской степной природой. Прекрасный рассказчик, тонко чувствующий собеседника, умел дружить и любил жизнь во всех ее проявлениях. Наследие, которое он оставил землякам, поистине бесценно.

Ф.Н. Долженко родился в с. Донское 15 июля 1930 года. Родители Федора Николаевича - Прасковья Ивановна и Николай Алексеевич - были крестьянами. С детства они привили сыну трудолюбие и упорство в достижении цели. Слова отца о том, что любая наука признает только крепких и сильных духом людей, Федор Николаевич пронес через всю жизнь. С детства Федор был очень активным. Писал лучшие в школе сочинения, рисовал географические и политические карты мира, выпускал классные и общешкольные стенгазеты, участвовал в художественной самодеятельности (играл на мандолине, балалайке, гитаре, гармонии). Успевал помогать родителям по хозяйству, вместе с мамой стегал одеяла и наносил на них рисунки. У отца учился сапожному ремеслу: тачать сапоги, шить выворотные чувяки. В сороковых годах прошлого столетия обувь была очень дорогой, а купить ее крестьянской семье было не за что [1, с. 3]. Федор очень любил разглядывать морозные узоры на оконном стекле и старался изобразить их в своих первых рисунках. Мальчик был несказанно рад, если родителям удавалось достать где-нибудь листок чистой бумаги. Федор делил этот лист на несколько частей, чтобы на каждой сделать зарисовки: сковородки, утюги, чайники, все, что попадалось на глаза. Мать с отцом удивлялись таланту сына и всячески старались поддерживать его увлечение рисованием [2, с. 3].

После окончания школы Федор Долженко поступил в Художественно-педагогическое училище г. Краснодара, однако вскоре был вынужден оставить обучение из-за тяжелого материального

положения семьи. Но страсть к живописи не позволила ему бросить рисование. Уже в 1948 году несколько его рисунков взяли на сельскую выставку. Позже, поступив в Ставропольский нефтяной техникум на отделение промышленного и гражданского строительства, Федор Николаевич изучал архитектуру, занимался оформительской работой, участвовал в краевых выставках произведений самодеятельных художников. Работая строителем в разных уголках края, в свободную минуту он брал в руки палитру и кисти, делал наброски, зарисовки окружавшей его природы.

В 1971 году Федор Николаевич был назначен главным архитектором Труновского района. На этой должности он трудился почти 30 лет. За долгие годы под его руководством были разработаны проекты застройки отдельных микрорайонов сел в районе, площадей, зеленых зон отдыха, индивидуальные проекты жилых домов. Возглавляемый им архитектурный отдел несколько раз занимал лидирующие позиции в крае. Совмещая эту работу с постом председателя районного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Федор Николаевич провел большую работу по увековечиванию памяти воинов, павших в годы Великой Отечественной войны. Скульптурная стела памяти воинов, погибших в годы оккупации и при освобождении района от фашистов, установленная в парке Донского в 1975 году, была создана по проекту скульптора М.И. Щукина и архитектора Ф.Н. Долженко. А бюст Герою Советского Союза А.В. Невдахину архитектор Долженко создавал вместе со скульптором Н.Ф. Санжаровым [3, с. 2-3]. Федор Николаевич регулярно выезжал с комиссией в населенные пункты и проверял состояние памятников и погребений. И если какому-то из них был необходим ремонт, он обязательно добивался, чтобы захоронение привели в порядок.

Выйдя на пенсию, Ф.Н. Долженко не ушел на заслуженный отдых, а стал активно развивать музей с. Донского, созданный в качестве общественного еще в 1977 году. Усилиями Федора Николаевича музей в 1990 году стал Донским филиалом Ставропольского краеведческого музея им. Г.К. Праве. Как истинный патриот родного края, хорошо знакомый с живущими здесь людьми, заведующий Донским музеем решил по крупицам воссоздать историю села: были собраны предметы быта, которые сохранились еще со времен первопоселенцев, записаны наиболее интересные обычаи и традиции сельчан, их рассказы о прошлой жизни. Итогом шестнадцатилетней деятельности Федора Николаевича и руководимого им коллектива музея стала музеефикация почти 5 000 предметов, принятых на хранение в музей с 1990 по 2006 гг. [4, с. 280].

Из множества статей и очерков, написанных краеведом Ф. Долженко в районную газету «Нива», родилось несколько брошюр: «Сын трудового народа», «Мозаика народной поэзии села Донского», буклеты к 50-й и 55-й годовщинам Победы советского народа в Великой Отечественной войне. А брошюра Ф. Долженко «Летопись села Донского» навсегда останется первым краеведческим источником о прошлом села, который на протяжении 30 лет читают все, кто неравнодушен к истории своей малой родины.

И еще одним памятным экспонатом в музее мы обязаны Федору Долженко – это макет крепости «Донская». В далекие 1980-е гг. Федор Николаевич побывал в Центральном государственном архиве древних актов (сегодня РГАДА). Ему посчастливилось найти уникальный документ – генплан крепости Донская на 1801 год. На основании этого плана был создан макет крепости, который десятки лет открывает музейную экспозицию по истории казачества.

В период работы в музее Федор Николаевич много времени проводил на пленэре. Его этюды не оставляли равнодушными посетителей музея и многочисленных выставок самодеятельного художника. Сам Федор Долженко говорил о себе так: «Я художник-любитель, а хочется создавать свои картины такими, чтобы люди поняли и поверили в мой творческий замысел, чтобы у зрителя душа была взволнована также как и моя. Чтобы мои эмоции передавались всем, кто видит мои картины» [5, с.12]. Из каждой поездки – Нальчик, Пятигорск, Кисловодск, Архыз, Горячий ключ, Ленинград – Федор Николаевич привозил множество этюдов.

Как у настоящего мастера, у него появились первые ученики: Анатолий Евдокимов и Владимир Казаков. На протяжении ряда лет, почти каждые выходные, неразлучная тройца отправлялась на пленэр искать сюжеты для вдохновения. В. Казаков говорит об этом так: «Мы объездили и излазали весь Труновский район, в любое время года, в любую погоду можно найти замечательные сюжеты. Ставим мольберты, садимся рядышком и начинаем писать этюды. Смотрим на одно и то же, а у каждого получается по-разному. Действительно, каждый художник видит по-своему. Пока пишем, общаемся, это прекрасное времяпровождение. Оно дает заряд положительной энергии, дает силу жизни. Неудивительно, что нашему учителю Федору Николаевичу далеко за 80, а он не потерял интереса к жизни» [6, с. 4].

Дружба длиною в 50 лет связывала Федора Николаевича Долженко с другим земляком и художником – Николаем Петровичем Масловым. Ученик 5 класса школы из с. Труновского Коля Маслов увидел на районной выставке 1947 года рисунки Феди Долженко и

захотел познакомиться с семнадцатилетним художником. Маслов пришел в село Донское и встретился с Долженко. Вот с тех пор и дружили мастера кисти [7, с. 2]. Н.П. Маслов выйдя на пенсию поселился в г. Изобильный. Вскоре не только художники, но и музеи двух районов стали сотрудничать, открывать совместные выставки, проводить встречи и поездки. Кстати, наши музеи и по сей день работают в тесном сотрудничестве. Последняя большая персональная выставка Федора Долженко «Влюбленный в жизнь» была именно в музее истории Изобильненского района в 2014 году, для которой музей Труновского района предоставил более 40 работ художника [8, с. 1].

За свою жизнь художник Долженко создал более 900 работ. Многие полотна были подарены родным и близким, друзьям, музеям, учебным заведениям, учреждениям и организациям. Более ста картин Федор Николаевич передал в дар музею села Донского. Еще в фондах музея сотни рисунков и набросков Долженко, личные блокноты, письма, открытки, некоторые документы, десятки грамот и дипломов, личные вещи – всего более 300 единиц хранения [9].

Редкий выставочный проект музея сегодня обходится без привлечения картин или рисунков Ф. Долженко, потому что в его наследии присутствуют работы самых разных жанров: от трепетно любимых им пейзажей малой Родины до портретов земляков, исторических жанровых полотен и бесхитростных натюрмортов. Один из ведущих искусствоведов края Б.А. Бендик, первый директор Ставропольского музея изобразительных искусств, так оценивал творчество нашего талантливого земляка: «Работам Федора Николаевича присуще своеобразное индивидуальное качество — все они, как правило, небольшие по размерам, написаны очень тщательно, с тонкой проработкой деталей, в сдержанных неярких тонах, при полном отсутствии резких светотеневых и цветовых контрастов» [10, с. 27].

Среди большого количества выставок, на которых были представлены работы Ф.Н. Долженко, особенно памятной для него была Всероссийская выставка художников и мастеров декоративно-прикладного искусства «Салют Победы» в Москве в 2005 году. В региональном этапе выставки участвовало 3400 произведений из 54 регионов страны, а на Всероссийскую выставку были отобраны лишь 194 работы, среди них картина Федора Долженко «Портрет фронтовика Звягинцева Ф.А., потерявшего зрение на войне» [11, с. 2]. Федор Николаевич был лично знаком с ветераном Федором Звягинцевым, они подолгу беседовали, пока художник рисовал портрет слепого ветерана с натуры. История жизни этого отважного

человека, которого не сломила потеря зрения, была записана Федором Долженко и бережно хранится в музее.

Всю свою жизнь Ф.Н. Долженко принимал самое активное участие в решении проблем села, неоднократно избирался депутатом Донского сельсовета. Он глубоко вникал во все проблемы, не мог равнодушно пройти мимо беспорядка или несправедливости. Руководители местных органов власти прислушивались к советам Долженко и уважали этого сдержанного, но настойчивого человека. В 1990 году, за выдающиеся заслуги перед селом и его жителями, Федор Николаевич Долженко стал Почетным гражданином села Донское [12, с. 65].

Уже два года, как Федора Николаевича нет с нами. Но его замыслы продолжают воплощать в жизнь сотрудники музея и неравнодушные жители села. Ф. Долженко очень хотел, чтобы рядом с музеем появился верстовой столб, по образцу тех, что многие десятилетия указывали путникам дорогу на старинном Черкасском тракте, проходившем мимо села Донское. Будучи архитектором, он даже успел сделать чертеж такого столба и изготовил его фанерный макет. В 2017 году к 240-летию основания нашего села настоящий верстовой столб в натуральную величину был установлен недалеко от здания музея. По сохранившимся в музее чертежам, столб построил житель с. Донское, предприниматель Александр Сергеевич Подлинов. Выходит, что еще одна мечта Федора Николаевича исполнилась: теперь в селе есть памятный знак - верстовой столб, указывающий расстояния в верстах от Донского до Санкт-Петербурга и Тифлиса [13, с. 2].

Вот такой удивительный человек жил в нашем районе. Умевший сочетать в себе способности архитектора, талант художника, кропотливость музейщика и дар поэта. В одном из своих стихотворений он как-то написал: «Словно светильник простой человек...». Думаю, что эти строки можно смело отнести к самому Ф.Н. Долженко, человеку большой и щедрой души, свершившему так много добра во имя людей.

Использованная литература и источники:

1. Долженко Ф.Н. Мой путь в искусство. Шпаковское, 1991.
2. Там же.
3. Салов И.П., Долженко Ф.Н., Столяров А.П. Мемориалы и воинские захоронения на территории Труновского района. Донское, 2006.
4. На краю Ставропольских высот. История Труновского района. Ставрополь, 2013.
5. Долженко Ф.Н. Мой путь в искусство. Шпаковское, 1991.
6. Иващенко С.А. Когда пишу – улыбаюсь. // Открытая газета, №18, 2014.

7. Смирнова И.В. Жизнь в искусстве. //Изобильненский муниципальный вестник, №5, 2013.
8. <http://donskoe-museum.ru/index.php/ru/spetsialistam/peredvizhnye-vystavki.html>.
9. ИКМ ТР СК. Ф.11. Оп.1. Ед.хр. 314.
10. Бендик Б.А. Художники Ставрополья. Ленинград,1982.
11. Салют Победы. Каталог всероссийской выставки художников и мастеров декоративно-прикладного искусства. Москва, 2005.
12. На краю Ставропольских высот. История Труновского района. Ставрополь, 2013.
13. <http://donskoe-museum.ru/index.php/ru/posetitelym/sobytiya/74-открытие-памятного-зна-ка-верстовой-столб.html>

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И

СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И

ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Бурков С.Б.,

г. Владикавказ,

ГБУ «Институт истории и археологии РСО-Алания», старший научный сотрудник;

Брилева О.А.,

г. Ставрополь, Ставропольский

государственный музей-заповедник,

Государственный музей искусства народов

Востока, научный сотрудник отдела

археологии, кандидат исторических наук

Археологические коллекции в частных и ведомственных музеях Чечни и Ингушетии

последнее время в России наблюдается рост производства археологических исследований, результатом которых становится заметное увеличение количества коллекций находок.

Согласно действующему законодательству предметы археологии являются государственной собственностью и подлежат передаче на хранение в музеи, обладающие статусом государственного учреждения. В то же время для совершения данной процедуры требуется соблюдение определенных условий. Так, для того чтобы находки приобрели статус государственного имущества, оно должны быть признаны предметом, обладающим определенной историко-культурной и научной ценностью. Это событие наступает в случае, если они были найдены в ходе специализированных научно-исследовательских изысканий (археологических раскопок), ведущихся исследователем на основе выданного Министерством культуры России разрешения – открытого листа. Согласно требованию законодательства раскопщик в течение трех лет обязан сдать коллекцию в государственную часть Архивного фонда Российской Федерации. Документ о её передаче в соответствующий музей является необходимым требованием для получения археологом в дальнейшем следующего разрешения на раскопки.

Описанная выше процедура применима в том случае, если были соблюдены все прописанные в действующем законодательстве нормы. Однако в некоторых случаях обнаружение артефактов, которые могут быть в дальнейшем признаны находками, обладающими статусом археологического предмета, происходит иначе. Так далеко не всегда работы, связанные с изменением (перемещением) верхних почвенных слоев и выемкой грунта, происходят в ходе или после процедуры, имеющей целью установление на землях, отводимых под хозяйственное освоение, предварительных археологических исследований. Особенно это характерно для республик Северного Кавказа, где лишь незначительная часть планируемых или производящихся земляных работ происходит с соблюдением соответствующих норм федерального закона и законов субъектов Российской Федерации в области сохранения историко-культурного наследия.

Так, в ходе строительных работ в зоне возведения г. Магаса в Ингушетии лишь незначительная часть территорий, отведенных под его возведение, была обследована на предмет наличия на них памятников археологии [1, с.8]. После завершения деятельности археологической группы — инспекции по охране памятников при Министерстве культуры Республики Ингушетия (1997 г.) только некоторые из вновь обнаруженных памятников были изучены археологически, а добытые материалы поступили на хранение в фонды Ингушского государственного музея краеведения [2, с.59-61; 3, с.79-92].

В настоящее время КГУ «Археологический центр им. Е.И. Крупнова» не имеет полномочий, связанных с мониторингом памятников археологии, эти функции осуществляет Управление культурного наследия Правительства Республики Ингушетия. Согласно официально опубликованным данным, сейчас в Ингушетии в её предгорно-плоскостной зоне известно более 120 памятников археологии [4]. Тем не менее из включенных в Единый государственный реестр объектов культурного наследия нет ни одного памятника археологии. В перечне вновь выявленных объектов культурного наследия их также нет [5; 6; 7].

Из включенных в Государственную программу «Культурное наследие» трех могильников (Яндырские, Экажевские и Нестеровские курганы) в 2016 году был раскопан лишь курган № 6 могильника «Экажевские курганы». При этом из 315 тыс. руб., затраченных на его изучение, 250 тыс. были выделены предпринимателем Г. Халухаевым, остальные — личные средства сотрудников археологического центра Ингушетии. Техника для раскопок предоставлена А. Гелаевым, генеральным директором ООО «Транссервис» [8]. Для раскопок курганов в зоне возведения микрорайона у г. Карабулак средства были выделены Министерством культуры Российской Федерации. В результате из девяти насыпей, попадавших в границы застройки, были изучены две. Работы по согласованию границ землеотвода заказчиком строительства не производились.

В границах Магаса, несмотря на наличие археологически засвидетельствованных многочисленных памятников, интенсивное строительство происходит без необходимых процедур по согласованию границ землеотводов, что постоянно приводит к их разрушению. Так, выявленные в 1994-1995 году инспекцией по охране памятников археологии при Министерстве культуры Республики Ингушетия поселения «Магас-I» и «Магас-II» при планировочных работах в ходе возведения набережной оказались уничтоженными [9]. В 2017 году был опубликован административный регламент о порядке согласования проектной документации на вновь возводимые объекты [10]. Однако в условиях Ингушетии этот документ вряд ли будет задействован с предусмотренным законодательством режимом. Так, лишь в единственном документе — плане-графике обследования объектов археологического наследия на 2016 год — присутствует упоминание о пяти археологических объектах (двух городищах, одном оборонительном рве, одном катакомбном и одном курганном могильниках) расположенных у с. Али-Юрт [11]. В то же время земельные участки под строительство выделяются республиканскими муниципалитетами и не проходят надлежащих

согласований, что постоянно приводит к разрушению и уничтожению значительного числа памятников археологии, особенно тех, которые обнаруживаются в ходе земельных работ. Большинство находок из них продолжает пополнять коллекции местного населения, либо попадают в незаконный оборот теневого рынка антиквариата. Лишь некоторые из них оказываются доступны для археологических исследований.

Так, часть предметов передается в археологический центр, которые затем поступают в фонды Ингушского государственного музея краеведения, являющийся единственным республиканским государственным хранилищем древностей. В дальнейшем они проходят необходимую обработку и становятся доступными для исследователей. Однако помимо ИГМК, археологические коллекции входят в состав и других музейных собраний. Одна из них присутствует в составе прочих предметов, составляющих заметную часть в формирующемся ведомственном музее уже упомянутой выше частной организации - ООО «Транссервис». Другая коллекция древностей имеется среди экспонатов, размещенных в специально оборудованных для их хранения помещениях фирмы «Мальсагов-продукт» в пос. Майском РСО-Алания (Гендиректор – А.И. Мальсагов). В с. Урус-Мартан (Чеченская Республика) с 2000 года функционирует и активно, на безвозмездной основе, принимает туристов частный музей «Донди-Юрт», созданный за счет собственных средств А. Сатуевым [12, с. 51], где среди экспонатов имеются и предметы археологии. Ранее один из авторов этого труда уже обращался к проблематике, связанной с ведомственными археологическими музеями [13, с. 206-210]. В данном материале представлены действия, предпринятые одним из авторов для обработки коллекций археологии в указанных выше частных собраниях, находящихся в стадии формирования фондов и организационного оформления. Часть из предметов, хранящихся в них, была подвергнута предварительной публикации [14, с. 140-146.], однако их отнесение к числу археологических древностей без специальной искусствоведческой экспертизы пока проблематично.

Вначале определим статус изучаемых нами музейных собраний. Первые два из них пока не имеют четко определенной формы и статуса и более всего подходят (с определенными оговорками) под определение «ведомственные музеи». Музейно-выставочный комплекс «Донди-Юрт», на наш взгляд, более всего соответствует определению «частный музей». Это подтверждается и его регистрационными документами, в которых он назван «автономной некоммерческой организацией – историко-этнографическим музеем», зарегистрированным Росреестром 26.06.2016 г. Основной

вид деятельности – «деятельность музеев», дополнительные – «издание книг, брошюр, рекламных буклетов и аналогичных изданий, включая издание словарей и энциклопедий, в том числе для слепых, в печатном виде» и «деятельность по охране исторических мест и зданий, памятников культуры» [15].

Собрания древностей, находящиеся в ведении ООО «Транссервис» и фирмы «Мальсагов-продукт» на данной стадии могут рассматриваться скорее как музейные собрания (коллекции, либо имеющие признаки музейных коллекций) обладающие предпосылками для создания ведомственных музеев при частных фирмах. Среди их материалов присутствуют учредительные документы, информационные буклеты об основах деятельности, сведения об участии в различных сферах общественной жизни, истории создания и развития предприятий.

Что касается собственно археологических коллекций, то они обладают рядом особенностей. Так, большинство керамических предметов в специально отведенной под фонды отдельной комнаты в ООО «Транссервис» принадлежит образцам позднесарматского и раннеаланского времени. Сосуды (кувшины, миски, плошки) происходят из разрушенных в ходе земляных работ, курганных погребений. Эта особенность связана с тем, что подрядчики данной фирмы в ходе возведения зданий или прокладки дорог ведут, в том числе и земляные работы. Имеются и два сосуда эпохи развитой бронзы, а также крупные формы типа «хумов» с поливой, относящиеся уже к XVIII-XIX вв. Металлический инвентарь представлен украшениями (серьги, браслеты, перстни) и предметами вооружения (наконечники копий, топоры, мечи) эпохи раннего Средневековья – VI-IX вв., а также цельными поясными наборами. Среди небольшой коллекции орнаментированных зеркал выделяются четыре, по внешним признакам напоминающие литые китайские образцы. Интересен очень редкий миниатюрный предмет из желтого металла, имеющий аналогии с раннесредневековыми образцами блях типа «Исти-Су» в форме находок из с. Дай в горной Чечне. Среди многочисленных наборов бус и подвесок выделяется одна, выполненная из створки морской ракушки, перламутрового цвета. Имеется в коллекции и железное тесло, применявшееся при сооружении катакомб. Нумизматическая коллекция, в основном, состоит из медных пятикопеечных и серебряных рублевых монет, а также бумажных ассигнаций начала XVIII-начала XX вв. Достаточно представительна коллекция вооружения, как холодного, так и огнестрельного, в которой выделяются экземпляры середины – третьей четверти XVIII века. Ряд предметов носят явные следы т.н. «новодела» (железные

гравированный топор, шлем, кольчуга, медный щит), однако для их более предметного определения требуется проведение специальной искусствоведческой экспертизы. В коллекции присутствуют и предметы горского быта: кувшины, медные тазы, маслобойка, ступа с пестиком, прялка.

Для демонстрации предметов археологии в режиме «открытого хранения» предназначена одна большая застекленная витрина, которая удачно освещается. Однако экспонируемые находки лежат, не разобранные по эпохам и археологическим культурам, и на очень ограниченном пространстве. Крупные предметы выставлены вдоль стен, коллекция вооружения размещена на широком подиуме в центральной части комнаты и стенах. Все предметы археологии прошли стадию предварительной обработки, на них составлены инвентарные карточки, произведена фотофиксация, установлен круг возможных аналогий, подобрана соответствующая научная литература. Для представления коллекции посетителям написан текст обзорной лекции с обращением особого внимания на ряд наиболее интересных экземпляров. Иллюстративный материал, предназначенный для осмотра, сконцентрирован в отдельном альбоме, в котором находятся и копии инвентарных карточек. На каждом экспонируемом предмете наклеены бирки, их нумерация совпадает с нумерацией карточек, на которых представлено фото предмета, его краткое научное описание, размеры, перечень аналогий и полные ссылки на научную литературу, с указанием точных аналогий: регион, памятник, номер рисунка в публикации. Весь обработанный материал собран в едином компьютерном файле.

Коллекция археологии в фирме «Мальсагов-продукт» размещена в двух различных специально построенных для этого помещениях, в стены, крышу и пол которых дополнительно вмонтирована решетка из арматуры. Три комнаты (одна – фондовая, две – выставочные) на общем входе оснащены системой сигнализации, в каждой комнате – датчики пожаротушения. Для ряда наиболее зрелищных предметов предназначены специальные подиумы, тумбы-подставки и закрытые витрины. В помещениях проведено электричество. Экспонируемые находки расположены свободно, однако их осмотру несколько препятствует отсутствие хорошего освещения, т.к. в помещениях нет окон, что связано с вопросами безопасности.

Основная коллекция предметов археологии состоит из предметов эпохи раннего средневековья – конца V - начала XII вв. н.э. и происходит, в основном, из одного катакомбного могильника. В её составе – многочисленные украшения и предметы культа.

Очень представительна коллекция зеркал, в т.ч. одно редкое, квадратной формы, разбитое в древности на две части, происходит из средневекового Китая, как и ещё ряд зеркал округлой формы. Многочисленны керамические сосуды, в основном кувшины и кружки, много предметов вооружения: клинков сабель, палашей, кинжалов, наконечников стрел, есть редкие образцы наконечников копий и дротиков, фрагменты кольчуг. Большинство находок в комнате – хранилище располагаются на полу, что не обеспечивает их надлежащего сохранения. Многие из них не очищены от грунта, в котором были найдены. Среди предметов украшений: бубенчики, колокольчики, подвески, браслеты, серьги из бронзы и серебра, наборы разнообразных, в том числе так называемых «глазчатых» бус из стекловидной пасты, стекла, камня, глины, тисненные накладки из фольги желтого цвета. К числу наиболее интересных и зрелищных предметов относится бронзовый конусовидный, с нащечниками и острым верхом шлем т.н. «ассирийского» типа, украшенный орнаментом в виде завитков, исполненный в технике т.н. «пунсонного» накола. Миниатюрная фигурка копытного животного с двумя головами, смотрящими в разные стороны. Вотивное изображение броши в виде т.н. «солнечной колесницы», выполненное из округлой в сечении медной проволоки с дышлом – заколкой. Наиболее древние предметы — это три сосуда из разрушенного каменоящичного захоронения у с. Эзми, датирующиеся последними веками III тыс. до н.э. Описанию и научной обработке пока подвергнута лишь небольшая часть из предметов украшений и культа, на которые составлены карточки учета, подобраны аналогии в научной литературе. Описанные предметы зарисованы и пронумерованы. Помимо археологии, в коллекцию входят предметы культуры и быта конца XIX- первой половины XX вв.: наборы фарфора, ламп, утюгов, разнообразных кувшинов. Есть несколько хорошо сохранившихся экземпляров мебели. Однако большинство предметов, и прежде всего археологии, пока не подвергнуты системной обработке и учету.

В историко-этнографическом музее «Донди-Юрт» многочисленные предметы археологии составляют наиболее разнообразную коллекцию, которая в основном хранится отдельно от остальных предметов этнографического, этнокультурного облика. В отдельной комнате без освещения предметы расположены бессистемно, в основном в ящиках и коробках, на некоторых из них имеются наклеенные ярлыки, что показывает попытку какой-то систематизации. Однако общей описи предметов нет, инвентарная книга не ведется, предметы не очищены от грунта. Среди прочих выделяется набор сосудов, характерный для погребальных памятников

Чечни горной зоны середины – третьей четверти II тыс. до н.э., в том числе и так называемой «каякентско-хорочоевской» культуры [12, с.45]. Вероятно, они происходят из одного могильника, так как у всех кувшинов, кружек и плошек идентичны способ изготовления, цвет поверхности, особенности архитектуры корпуса [12, с.30]. Из предметов вооружения этой эпохи в коллекции представлены каменные топорики так называемого «кабардино-пятигорского» типа – с огранкой, вторая группа по В.И. Марковину. Навершие булавы из осадочных пород – гладкие, овальной формы, с четырьмя выступами по бокам. Наиболее интересны предметы VI-V вв. до н.э. – бронзовые фрагментированные и целые бляхи типа «Исти-Су» (6 экземпляров), литые булавки больших размеров [12, с.38-39], браслеты, височные подвески, кольца, шейные гривны и перстни из бронзовой проволоки, т.н. «накосники». Несколько крупных орнаментированных зеркал обычны для раннесредневековых древностей региона. К этому же периоду относятся наконечники стрел и копий различных типов, железные топорики-секиры, набор инструментария для изготовления катакомб [12, с.39]. Разновременные бусы из различных пород камня, стекловидной пасты, глины помещены в одну из плошек. Из прочих предметов следует отметить сосуды сарматского-раннеаланского времени, а также очень разнообразную посуду и бытовой инвентарь XIV-XVI вв. и так называемого «нового времени» [12, с.40-42,45]. На все вышеназванные предметы отсутствует даже первичная документация, коллекция археологии не разобрана и не атрибутирована.

Подводя итоги, следует обратить внимание на ряд общих черт, присущих всем трем собраниям древностей. Это беспаспортные находки, в основном из неизвестных памятников, собранные бессистемно и зачастую не зарегистрированные надлежащим образом. В местах их нахождения учет, по сути, не ведется, они не чистятся и не сохраняются надлежащим образом, что приводит к повреждению предметов. Археологические коллекции являются предметами повышенного внимания многочисленных посетителей, которые могут брать предметы в руки, что для музейных коллекций недопустимо. Ни в одной из указанных организаций нет специальных сотрудников, которые бы работали с коллекциями, а приглашение специалистов со стороны не носит системного характера. Незнание руководством частных предприятий требований, предъявляемых к хранению и экспонированию предметов старины объективно не способствует целенаправленности процессов по их легитимизации и включению в состав Государственной части Музейного фонда. Тем не менее, на наш взгляд, сотрудничество с государственными музеями

может помочь ввести эти коллекции в перечень национального достояния России.

Использованная литература и источники:

1. Бурков С.Б. Некоторые итоги исследования археологических памятников в зоне строительства г.Магас. // ВУЗовское образование в современных условиях. Тезисы докладов научно-практической конференции ИнГУ. Магас, 2002. С.60-64. Бурков С.Б. Новый памятник эпохи бронзы из зоны строительства г.Магас. // Вестник археологического центра, Вып. 2. Минеральные Воды, 2002.
2. Бурков С.Б., Хамхоева М.Б. История создания и механизмы формирования археолого-этнографических фондов и коллекций Ингушского государственного музея краеведения (1897-2005г.г.) // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып. 2. Ставрополь, 2006,
3. Бурков С.Б. Коллекция археологических и этнографических предметов в фондах ИГМК: история обретения и современное состояние // Сборник научных трудов ИнГУ, вып. 5. Магас, 2007.
4. 4. Постановление Правительства РИ № 146 от 30.09.2015 г. «Об утверждении Государственной Программы Республики Ингушетия «Культурное наследие», вводная часть.
5. <http://pravitelstvori.ru/appeal2/list.php?ID=1414>.
6. Распоряжение Правительсва РИ № 386-р от 22.05.2015 г.
7. Приказ Управления культурного наследия РИ № 75 от 03.11.2017 г.
8. <http://gazetaingush.ru/intervyu/chuvstvo-radosti-ispytannoe-arheologom-pri-raskopkah-i-nahozhdenii-predmetov-stariny>; <https://etokavkaz.ru/nauchnyipodkhod/strana-velikanov>
9. <https://galgamed.livejournal.com/92700.html>
10. Постановление Правительства РИ № 28 от 06.03.2017 г. «Об утверждении Административного Регламента предоставления Управлением культурного наследия Правительства Республики Ингушетия государственной услуги по согласованию проектной документации (раздела проектной документации) в части проведения работ по сохранению объектов археологического наследия, включенных в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов археологического наследия, объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия».
11. Распоряжение Правительства РИ от 29.07.2016 г. № 551-р, «Приложение».
12. Журнал «Донди-Юрт – оазис Чеченской культуры. Грозный, 2008 г.
13. Бурков С.Б. Археологические музеи Северного Кавказа: история создания, теория и практика // Прозрителевские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Ставрополь, 2018.
14. Бурков С.Б., Мальсагов А.И. Новые находки китайских бронз из Ингушетии // Международная научно-практическая конференция «Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе» (28-29 сентября 2015 г.). Ставрополь, 2016.
15. <https://госреестр.пф/GosReestr/Show/8960565>

Кравцова С.Л.

*г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
заведующий отделом археологии*

Ещё один кинжал в археологической коллекции «случайные находки»

июле 2018 года в музей-заповедник поступил железный кинжал. Привезла его главный хранитель фондов Александровского историко-краеведческого музея, к которой артефакт попал как случайная находка от случайного находчика Киселёва Дмитрия Геннадьевича.

Д.Г. Киселёв проживает в селе Александровское Александровского района Ставропольского края. С его слов, предмет найден случайно во время выезда на отдых к озеру неподалёку от села Сергиевское Александровского района. При осмотре окрестностей Д.Г. Киселёв оказался возле оврага и увидел в его стенке, в месте осыпавшегося грунта, предмет, привлекавший внимание находчика. Д.Г. Киселёв извлёк его из грунта, рассмотрел и понял, что имеет дело с частично разрушенным образцом древнего холодного оружия. Поэтому, возвратившись домой, он отправился в Александровский историко-краеведческий музей, чтобы сдать артефакт. Главный хранитель музея провела консультацию для Д.Г. Киселёва и предложила ему передать найденный предмет археологии на хранение в Ставропольский государственный музей-заповедник. Таким образом, собрание мечей и кинжалов скифского времени в археологической коллекции «Случайные находки» музея-заповедника пополнилось ещё одним экземпляром.

Археологическая коллекция «Случайные находки», насчитывает тринадцать железных обоюдоострых кинжалов и мечей¹³ скифского времени. Все тринадцать внесены в книги поступления и в инвентарную книгу № 19 АЖ, т. 1 музея-заповедника. Двенадцать экземпляров опубликованы в статьях Т.М. Минаевой, В.Б. Виноградова, С.В. Махортых, Ю.А. Прокопенко, С.Л. Кравцовой [6, 7, 8, 9, 14].

Пять кинжалов нашли в 1914 году во время земляных работ на юго-восточной окраине города Ставрополя. На этой территории велись подготовительные мероприятия к строительству восточного

¹³ Е.И. Савченко предлагает считать: «оружие с клинком до 30 см – кинжал, а все остальные, более длинные клинки, – мечи» [11].

участка железнодорожной линии Армавир–Туапсе. В обговоренных «Общих условиях», § 16, обязательных для подрядчиков «по сооружению железнодорожных линий Общества Армавир-Туапсинской дороги», указывалось, что в случслучае нахождения археологических предметов и «принятие мер к их сохранению» [2, с. 25 (7)]¹⁴². Особенно важно отметить § 16-й условий договора, поскольку на территории проведения строительной кампании находились «подкурганные захоронения V в. до н.э.», именуемые Мамайскими курганами [8]. Действительно, во время работ были найдены археологические предметы, в том числе мечи и кинжалы, которые попали на хранение в собрания городского музея учебно-наглядных

14

²Выражаю благодарность В.В. Ольховскому, сотруднику отдела истории Ставропольского музея-заповедника за предоставление архивных материалов [3].

пособий имени М.В. Пправе. Передал их в музей Елисей Романовичем Ходарин, сотрудник выше названного музея, который, видимо, проводил археологические наблюдения на месте строительства, а, возможно, «раскопку» курганов, судя по количеству и разнообразию поступивших от него предметов в фонды музея. Среди переданных предметов:

– кинжал [о.ф. 3423; АЖ 248] с брусковидным навершием (I отдел) и бабочковидным перекрестием (2 тип). Длина изделия составляет 34,7 см, длина клинка 23,8 см, ширина клинка под перекрестием 3,3 см; длина рукояти 7,0 см, ширина рукояти под навершием 2,1 см, ширина рукояти в средней части 1,7 см, ширина рукояти у перекрестия 2,2 см; высота навершия 1,4 см, длина/ширина навершия 3,5 см; высота перекрестия 2,5 см, длина/ширина перекрестия 5,2 см. Середина VI – первая половина V в. до н.э., (фото 1; а);

– кинжал [о.ф. 3549; АЖ 249] с брусковидным навершием (I отдел) и бабочковидным перекрестием (2 тип). Длина кинжала составляет 35,2 см; длина клинка 25,1 см, ширина клинка под перекрестием 3,4 см; длина рукояти 6,1 см; ширина рукояти в средней части 2,0 см; высота навершия 1,5 см; длина/ширина навершия 3,0 см; высота перекрестия 2,5 см; длина/ширина перекрестия 4,5 см. Середина VI – первая половина V в. до н.э., (фото 1; б);

– кинжал [о.ф. 3551; АЖ 250] с брусковидным навершием (I отдел), бабочковидным перекрестием (2 тип) и продольным ребром жёсткости по центру клинка; боевой конец клинка утрачен. Длина изделия составляет 33,6 см; длина клинка 23,0 см, ширина клинка под перекрестием 3,4 см; длина рукояти 6,8 см, ширина рукояти 2,2 см; высота навершия 1,2 см, длина/ширина навершия 3,9 см; высота перекрестия 2,6 см, длина/ширина перекрестия 5,5 см. Середина VI – первая половина V в. до н.э., (фото 1; в);

– меч [о.ф. 3585; АЖ 251] с брусковидным навершием (I отдел) и бабочковидным перекрестием (2 тип). Общая длина образца 43,7 см; длина клинка 31,6 см, ширина клинка под перекрестием 4,0 см; длина рукояти 8,0 см, ширина рукояти 2,3 см; высота навершия 2,0 см, длина/ширина навершия 3, 6 см; высота перекрестия 2,1 см, длина/ширина перекрестия 5,0 см. V – IV вв. до н.э., (фото 1; г);

– меч [о.ф. 3204; АЖ 252] с антенным навершием (II отдел), сердцевидным перекрестием (2 тип) и ярко выраженным ребром жёсткости по клинку. Общая длина предмета составляет 51,6 см; длина клинка 38,1 см, ширина клинка в центральной части 4,6 см, ширина клинка под перекрестием 4,8 см; длина рукояти 7,6 см, ширина рукояти в центральной части 2,4 см; высота навершия 2,9-

3,0 см, длина/ширина навершия 5,5 см; высота перекрестия 3,0 см, длина/ширина перекрестия 5,6 см. V – IV вв. до н.э., (фото 1; д).

Ещё три меча из дореволюционных поступлений в собрания губернского музея Северного Кавказа Г. Н. Прозрителева:

– меч [о.ф. 2812; АЖ 253] с брусковидным навершием (I отдел) и почковидным перекрестием (1 тип) в трёх массивных фрагментах, закреплённых на картонном планшете. Фрагменты найдены близ села Отказное. Первый фрагмент – рукоять с навершием, перекрестием и фрагментом клинка – длина 15,6 см: высота рукояти 7,5 см, высота навершия 2,0 см, длина/ширина навершия 5,4 см; высота перекрестия 3,1 см, длина/ширина перекрестия 6,1 см; ширина клинка под перекрестием 4,8 см; второй фрагмент клинка – длина 11,2 см; ширина 4,3 см; третий фрагмент – боевой конец клинка – длина 2,6 см; ширина 0,9 см. Завершение VII – первая половина VI вв. до н.э., (фото 1; е);

– меч [о.ф. 3203; АЖ 254] с брусковидным навершием (I отдел) и бабочковидным перекрестием (2 тип). Случайная находка в г. Ставрополе на Мутнянской улице в районе реки Мутнянка. Длина изделия 49,7 см; длина клинка 39,1 см; ширина клинка в средней части 3,5 см; длина рукояти 6,8 см, ширина рукояти 2,0 см; высота навершия 1,4 см, длина/ширина навершия 4,1 см; высота перекрестия 2,4 см, длина/ширина перекрестия 4,4 см. V – IV вв. до н.э., (фото 1; ж);

– меч [о.ф. 13954; АЖ 255] с антенным зооморфным навершием (II отдел) и бабочковидным перекрестием (2 тип), найден в городе Лермонтов. Длина изделия составляет 58,7 см; длина клинка 45,2 см, длина рукояти 7,4 см, ширина рукояти 2,2 см; высота навершия 3,4 см, длина/ширина навершия 6,5 см; высота перекрестия 2,7 см, длина/ширина перекрестия 6,0 см. Утрачен боевой конец клинка. V – IV вв. до н.э., (фото 1; з).

Один образец из поступлений второй половины XX века в собрания Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.К. Праве:

– кинжал [о.ф. 20525; АЖ 256] с брусковидным навершием (I отдел) и почковидным перекрестием (1 тип). Утрачен боевой конец клинка. Случайная находка в августе 1980 года, во время земляных работах в городе Ставрополе в районе ликероводочного завода. Предмет передан в краевой музей рабочими РСУ И.Ф. Поповым и Е.К. Муренковым. Сохранившаяся длина изделия составляет 28,0 см, длина клинка 15,0 см; ширина клинка под перекрестием 3,1 см; длина рукояти 7,8 см, ширина рукояти в средней части 2,3 см; высота навершия 1,9 см, длина/ширина навершия 3,6 см; высота перекрестия

3,3 см, длина/ширина перекрестия 4,6 см. Вторая половина VI в. до н.э.; (фото 1; и).

Четыре экземпляра археологического холодного оружия, поступившие в фонды Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе с 2011 по 2018 годы:

– кинжал [о.ф. 38443/33; АЖ 245] с антенным зооморфным навершием (II отдел, II подотдел), почковидным перекрестием (1 тип) и продольным ребром жёсткости вдоль клинка. находка Е.Н. Домрачева и О.И. Пантелиди на северо-западной окраине города Ставрополя, в близи поймы левого берега реки Бучинская Гремучка, в урочище Русская лесная поляна в 2011 г. Утрачены фрагменты поверхности по рукояти и клинку и вторая часть перекрестия в результате коррозии. Общая длина изделия составляет 37,0 см; длина клинка 24,7 см, ширина клинка под перекрестием 2,9 см; длина рукояти 7,9 см, ширина рукояти в средней части 2,3 см; высота навершия 2,1 см, длина/ширина навершия 3,8 см; высота перекрестия 2,3-2,4 см, длина/ширина сохранившегося фрагмента перекрестия 2,4 см. VI – начало IV в. до н.э., (фото 1; к);

– кинжал [о.ф. 41003; АЖ 257] с брусковидным навершием (I отдел), почковидным перекрестием (1 тип) и продольным выделенным ребром жёсткости. Случайная находка Е.Н. Домрачева и О.И. Пантелиди в 2014 году в северо-западных окрестностях Ставрополя, во время сбора грибов на поверхности оползневого склона правого берега реки Медведки в районе полигона. Общая длина кинжала составляет 26,4 см; длина клинка 14,6 см, ширина клинка у перекрестия 2,9 см; длина рукояти 8,9 см, ширина рукояти 2,4-2,7 см; высота навершия 0,8 см, длина/ширина навершия 4,1 см; высота перекрестия 2,1 см, длина/ширина перекрестия 3,9 см. Завершение VII – первая половина VI вв. до н.э., (фото 1; л);

– кинжал [о.ф. 41004; АЖ 258] с антенным зооморфным навершием (II отдел, II подотдел), бабочковидным перекрестием (2 тип), с рукоятью прямоугольной формы и клинком вытянуто-треугольной формы. Случайная находка Е.Н. Домрачева и О.И. Пантелиди в 2016 году на северо-западной окраине города Ставрополя, на левом берегу реки Бучинская Гремучка, в урочище Русская лесная поляна. Полная длина изделия составляет 41,1 см; длина клинка 25,8 см, ширина клинка у перекрестия 2,9 см; длина рукояти 10,4 см, ширина рукояти 1,8-2,2 см; высота навершия 2,5 см, длина/ширина навершия 4,7 см; высота перекрестия 2,4 см, длина/ширина перекрестия 4,7 см. VI – начало IV в. до н.э., (фото 1; м);

– кинжал [о.ф. 40881; АЖ 259] (фото 1; н), поступивший в музей-заповедник в июле 2018 года публикуется впервые как

предварительный вариант. Общая длина изделия составляет 30,8 см; сохранившаяся длина клинка 17,4 см, ширина клинка под перекрестием 3,6 см; длина рукояти 7,6 см, ширина рукояти у основания навершия 3,0 см, ширина рукояти в центральной части 2,8-2,9 см, ширина рукояти у основания перекрестия 2,7 см; высота навершия 2,9 см, длина/ширина навершия 5,0 см; высота перекрестия 3,0 см, длина/ширина перекрестия 4,7 см.

Рукоять меча увенчана антенным зооморфным навершием (II отдел, II подотдел), концы которого выполнены в виде протом хищных птиц, обращённых друг к другу. По внешнему и внутреннему краям навершия оформлены рельефные неширокие бортики.

Форма рукояти оружия удлинённо-подтрапециевидная, плоская; более широкая под навершием и сужающаяся к перекрестию. По периметру рукояти с обеих сторон проходят продольные рельефные бортики. Внутреннее пространство за бортиками разделено на три декоративных поля поперечными рельефными бортиками с диагональными насечками по ним. Поле каждой части рукояти заполнено рельефными изображениями с обеих сторон изделия. В декоративные поля помещены изображения голов хищных птиц, развёрнутых к перекрестию клювами. На одной из сторон декор читается хорошо, на другой – рассмотреть изобразительный ряд сложно, поскольку, из-за коррозии частично утрачены поверхностные пластины металла с рельефом на них. Скорее всего, он идентичен декору оборотной стороны. Возможно, рукоять была покрыта золотой фольгой.

Почковидное перекрестие (1 тип) оформлено в скифском «зверином стиле» – рельефно изображенными птичьими головами [13].

Клинок обоюдоострый с утраченным боевым концом. Вдоль клинка проходит ребро жёсткости, из-за чего в поперечном сечении клинок имеет форму вытянутого ромба.

Полных аналогий данному оружию на сегодняшний день не найдено, но есть образцы изделий из круга «общескифских» древностей, украшенных в особой, свойственной скифам манере декора, словно закодированных текстов, через изображения тщательно отобранных животных из окружающей фауны. Такие изображения с предметов вооружения, конской упряжи, украшений собрал и систематизировал А.Р. Канторович в диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук «Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция». Среди выявленных А.Р. Канторовичем характерных иконографических зооморфных изображений

коволёвско-бассовского и туровско-уляпского морфологических типов «звериного стиля» найдены подобные тем, что декорируют кинжал [о.ф. 40881] из села Александровского Ставропольского края [13].

Таким образом, отсутствие в археологических собраниях страны кинжалов и мечей с навершиями, рукоятями и перекрестиями, выполненными в традициях, и в определённой стилистике восточноевропейского «звериного стиля», переводит александровский образец наступательного оружия в плоскость уникальных археологических памятников и аттрактивных музейных предметов, хронологически относящихся к V – началу IV в. до н.э.

Классификация форм и зооморфных декоров мечей и кинжалов коллекции проведена по типологическим разработкам К.Ф. Смирнова, А.И. Мелюковой, В.И. Козенковой, А.Р. Канторовича, что позволило определиться с хронологией всех представленных образцов – от скифской архаики (VII-VI вв. до н.э.) до скифской классики (V-IV вв. до н.э.) [4, 5, 10, 13].

Предметы вооружения эволюционировали и значительно менялись в результате экономического и социального развития общества в скифское время. В период «скифской классики» экономический взлёт и социальное развитие особенно ярко отразились в предметах материальной культуры.

Подборка мечей и кинжалов в коллекции «Случайные находки» из собрания Ставропольского музея-заповедника помогает составить представление о том, какой вид наступательного оружия ближнего боя выбирали воины скифского времени на территории Ставропольской возвышенности, как в функциональном, так и в эстетическом аспектах.

Использованная литература и источники:

1. Книга учёта музейных предметов Орджоникидзевского краевого музея краеведения. 1926-1927. Т. 1. Ставрополь.
2. Инвентарная книга № 19 «Археологические памятники эпохи раннего железа». Шифр АЖ. Т. 1. Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. 2009-2019. Ставрополь.
3. АОАА Ф. 51, Оп. 2. Д 59. с. 25 (7)
4. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА, № 101. М., 1961.
5. Мелюкова А.И., Вооружение скифов // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Д 1-4. М., 1964. с.47, 53-55.
6. Минаева Т.М., Археологические материалы скифского времени в Ставропольском краевом музее // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 8. Ставрополь, 1956. Рис. 4, 1.

7. Минаева Т.М. Железный меч из коллекции Ставропольского музея // СА, № 1. 1958.
8. Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII – IV вв. до н.э.). Грозный, 1972. Рис. 2, 1.
9. Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991. с. 57, рис. 22, 3.
10. Козенкова В.И. Оружие воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. М., 1995. с. 61.
11. Гудалин В.В. Памятники скифской культуры в районе города Ставрополя и его окрестностей // Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып. 1. Ставрополь, 2005. с. 48.
12. Зедльмайр Г. Искусство и истина: Теория и метод истории искусства. СПб., 2000.
13. Канторович А.Р. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук на правах рукописи. М., 2015. с. 1337, № 13; 1584, №№ 1-15; 1599.
14. Прокопено Ю.А., Кравцова С.Л. Мечи и кинжалы скифского времени из собрания Ставропольского государственного музея-заповедника // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Сборник научных статей. Вып. 9. Ставрополь, 2017. с.22-33.

Крыгина М.О.,

г. Ставрополь,

Ставропольский государственный музей-
заповедник,

младший научный сотрудник отдела археологии

**Терракотовая подвеска –
случайная находка
из археологической коллекции музея**

а основании акта № 30 от 28.02.1991 г. археологическую коллекцию музея-заповедника пополнила подвеска, изготовленная из глины светло-коричневого цвета, представляющая собой статуарное изображение женской головы. Находка была обнаружена в ходе работы археологической экспедиции Ставропольского педагогического института на плато Каменное у хут. Раздольного Кочубеевского района в 1990 году, в результате раскопок склепа в кургане. Руководил экспедицией А.Б. Белинский.

Подвеску можно отнести к греческой терракотовой коропластике античного времени, расцвет которого приходится на

конец IV в. до н. э. Прежде чем приступить к описанию находки, необходимо определиться с этимологией слов «коропластика» и «терракота». В популярной художественной энциклопедии дано следующее определение: коропластика (от греч. *kyre* – девушка, женская статуэтка, кукла и *plastike* – ваение) – изготовление женских фигурок из обожжённой глины, воска, гипса и пр. [1, с. 362]. С итальянского терракота переводится как обожжённая земля (*terra cotta*) – это фигурки и декоративные элементы архитектуры из обожжённой глины в Греции, Этрурии и Риме. Этими изделиями славились Танагра, Коринф, Афины, в эпоху эллинизма – малоазиатский г. Мирина; известны они и в городах Причерноморья [2, с. 206]. Исходя из этого, а также предполагаемой датировки, приходящейся на раннеэллинистическое время (конец IV в. до н. э.), можно предположить, что местом производства является один из развитых малоазиатских городов.

Подвеска представляет собой рельефное статуарное изображение женской головы, размеры которой составляют 36,9×12,7×7,4 мм. Именно на проектировании головы сделан акцент. Лицо – классическое, в форме вытянутого овала, черты старательно выделены: надбровные дуги, плавно переходящие в линию носа, большие миндалевидные глаза, небольшой рот, пухлые губы, застывшие в архаической улыбке, округлые щёки и выпуклый, не пропорционально малый по высоте, подбородок. Шея непропорциональна голове и профилирована тремя параллельными горизонтальными полосами. Обращают внимание тщательно проработанные детали прически, а именно две косы с четко очерченными прядями, обрамляющие лицо. Головной убор в виде антефикса (фото. 1). По краю стрельчатый венец имеет невысокий рельефный бортик, который внизу разомкнут. Оба конца валика образуют волюты. Внутри венца просматривается рельефная пальметка. В верхней части находятся два продольных параллельных сквозных отверстия для подвешивания (фото. 2), это обстоятельство позволяет говорить о том, что помимо культового предназначения (по мнению А.В. Пьянкова, могла изображать богиню, связанную с культом мёртвых, например, Деметру или Кору-Персефону.) [3, с. 248-250], подвеска имела декоративное значение и служила украшением для нательного ношения, благодаря своему художественному уровню и качеству изготовления.

Опираясь на существующую классификацию, которая в полной мере обобщена и систематизирована в монографии Ю.А. Прокопенко, обратимся к типологии изделий весьма многочисленной по составу. Среди огромного разнообразия артефактов: привесок

для головного убора, привесок и пронизей для ожерелья, привесок-амулетов и т.д., выделяемых исследователями, количество типов достигает отметки 49. Описанная выше подвеска из обожжённой глины принадлежит к ХLI типу и 1-му варианту подвесок, которые являлись центральным украшением одноярусного набора деталей ожерелья [4, с. 326]. Аналогии данного украшения обнаружены среди предметов археологической коллекции Чегемского могильника и собрания Е. Зичи из ущелий Чегема и Баксана [5, с. 649].

Использованная литература и источники:

1. Полевой В.М. Популярная художественная энциклопедия. Т. 1. М., 1986.
2. Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях. Минск, 1997.
3. Прокопенко Ю.А. Элементы античных культов в погребальной обрядности населения – носителей культуры склеповых захоронений Центрального Предкавказья в III – II вв. до н. э.// XXX «Крупновские чтения» Кавказ в системе культурных связей. В древности и средневековье. г. Карачаевск, 2018.
4. Прокопенко Ю. А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н. э. Ч. 2. Ставрополь, 2014.
5. Прокопенко Ю. А. Там же.

Проконова Т.В.,

*г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-
заповедник, старший научный сотрудник
отдела природы*

**Значение прикладных исследований
Б.П.Уварова в Ставропольской
губернии начала XX века для развития
представлений о популяционной
динамике саранчовых
(orthoptera, acrididae)**

(к 130-летию со дня рождения ученого)

а рубеже XX-XXI столетий для отечественных исследователей становится характерной чертой раскрыть и показать обществу наиболее значимые открытия, которые российские ученые совершили за рубежом. В этой связи значительный интерес для отечественной биологии представляет жизнь и научная деятельность крупнейшего российского энтомолога, «отца акридологии», как его называли коллеги, - Б.П. Уварова. Сведения о его жизни, трудовом, научном пути разнообразны и зачастую противоречивы.

По официальным документам Борис Петрович Уваров родился 3 ноября 1888 года в Уральске, в семье мелкого банковского служащего [1, с.124-132]. В 1906-1910 гг. Борис Уваров – студент естественного отделения Санкт-Петербургского университета, по окончании которого он успешно защищает дипломную работу «Прямкрылые Уральской области». Изучение саранчовых и периодического роста их численности становится смыслом профессиональной жизни ученого.

Однако самоотверженная работа Б.П. Уварова в полевых условиях по изучению популяционной динамики саранчовых не нашла поддержки со стороны новой власти установившейся в России, что привело к конфликту и последующей эмиграции ученого в Лондон, где ему было предложено место главного специалиста в Бюро энтомологии [2, с. 149-254]. Он окончил свой жизненный путь 18 марта 1970 года в Лондоне, удостоившись звания члена Королевского энтомологического общества в Лондоне и рыцарства Великобритании (как кавалер ордена Св. Михаила и Георгия). Понятно, что правительство Её Величества могло отметить столь

выдающимися почестями лишь человека с несомненными заслугами перед государством и мировой наукой.

К такому относится, прежде всего, обоснование теории фаз саранчовых, согласно которой одиночные особи перелетной саранчи при определенных условиях способны формировать огромные стаи (кулиги) этого же вида и переходить в стадную фазу существования. До открытия Б.П. Уваровым особей одиночной и стадной фаз, отличающихся между собой анатомо-морфологическими особенностями, физиологией и поведением, принимали за два близких, но разных вида. Важность этого открытия объясняется возможностью применения мер борьбы с основными вредителями сельского хозяйства. Понятно, что обоснованию теории предшествовали многочисленные полевые наблюдения, которые начали проводиться исследователем с юношеских лет на родине – в Уральске, а продолжились после окончания С.-Петербургского университета в Ставропольской губернии в 1911 году, куда Б.П. Уваров был направлен с целью решения «саранчового вопроса». Здесь уместно отметить, что период исследований ученого в Ставропольской губернии с 1911 по 1915 гг. – не столь длительный в хронологическом плане, но весьма плодотворный в научном, оказался решающим для создания знаменитой теории фаз.

Борьба с саранчовыми на Ставрополье началась задолго до приезда Б.П. Уварова. В 1901 году для проведения наблюдений за основными вредителями сельского хозяйства в Ставрополе была организована опытная станция, для которой выделен земельный участок за Круглым лесом, позднее названный Западным опытным полем. В 1904 году был распахан дополнительный участок земли, получивший название Восточного опытного поля [3]. Постановлением городской думы от 19.12.1908 года эти опытные участки преобразовали в Ставропольскую сельскохозяйственную опытную станцию, основной целью исследования которой были климат, почва, изучение динамики размножения и развития саранчовых в связи с указанными факторами среды [4]. По замечанию Б.П. Уварова, в подобном мероприятии «достижение успеха возможно только при наличии во всех подверженных нашествиям саранчи районах постоянных энтомологических организаций, которые имели бы возможность детального обследования местностей для выяснения хода размножения саранчи. При этом, однако, во главе подобной организации должны стоять люди с достаточным специальным опытом» [5, с. 269].

На основе предшествующего опыта сельскохозяйственной станции, по инициативе Б.П. Уварова и при содействии губернатора

Б.М. Янушевича, в 1912 году в России впервые создана станция защиты растений - «Ставропольское энтомологическое бюро по борьбе с вредителями сельского хозяйства» [6, с. 88]. Возглавил работу бюро, конечно, Борис Петрович, молодой учёный, который, однако, уже приобрел достаточный опыт в решении подобных вопросов. Уваров предполагал, что наблюдения целесообразнее проводить не в пределах загородных открытых степных участков Ставрополя, а на более увлажненных станциях с густым растительным покровом, создающим затенение почвы. Идеальным местом для таких наблюдений исследователь посчитал нижнее течение рек Калауса и Кумы, где в начале XX века отмечалось нашествие и расселение злейшего врага сельского хозяйства – перелетной или азиатской саранчи (*Locusta migratoria*). Уместно отметить, что во время полевых исследований Б.П. Уваровым была собрана коллекция саранчовых, которая по настоящее время хранится в фондах Ставропольского государственного музея-заповедника и насчитывает 930 единиц хранения.

Наблюдая за саранчой в нижнем течении рек Кумы и Калауса, Уваров заметил, что в одних случаях из кубышек саранчи *Locusta migratoria* развиваются более крупные особи, а в других – более мелкие. Дальнейшие наблюдения показали, что кроме того, эти две группы саранчи явно отличались между собой пропорциями строения отдельных частей тела. У одних особей пропорция бедро/надкрылье, т.е. отношение длины бедра к длине надкрылья характеризовалось заметно более высоким численным индексом, выражающим эту пропорцию [7]. Но самое явное отличие заключалось в особенностях поведения особей этих двух групп саранчи. Более крупные особи с высоким численным индексом стремились сконцентрироваться на небольшой площади и передвигаться стаями – кулигами.

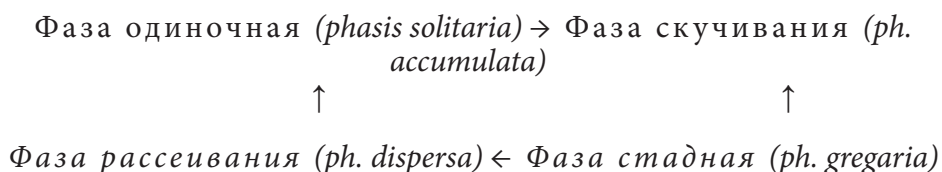
В ходе детальных измерений конкретных особей саранчовых, взятых из двух разных групп, а также дальнейших полевых наблюдений за их поведением Б.П. Уваров предположил, что особи этих групп относятся к одному и тому же виду - *Locusta migratoria*. Их анатомо-морфологические различия и различия в поведении объясняются принадлежностью к двум разным фазам (формам) существования: одиночной (*phasis solitaria*) и стадной (*ph. gregaria*). Термин «фаза» также впервые был применен Б.П. Уваровым в 1911 году в отношении перелетной саранчи. Стадные саранчовые, к каковым и принадлежит саранча перелетная *Locusta migratoria*, относятся к полиморфным видам. При определенных условиях они способны образовывать ряд фаз (форм), различающихся между собой как по морфологическим, так и по биологическим признакам. Особенно заметны эти различия

между особями крайних фаз, одна из которых относится к стадной фазе существования, а другая – к одиночной. Поэтому до открытия Б.П. Уварова особей стадной фазы перелетной саранчи систематики относили к виду *Locusta migratoria*, а особей одиночной фазы этого же вида – к виду *Locusta danica* [8, с. 29-30].

В ходе полевых наблюдений за динамикой численности перелетной саранчи в Ставропольской губернии Б.П. Уваров внес ясность в этот вопрос. Наблюдения привели исследователя к мысли о том, при каких именно условиях возможен переход от одиночной фазы существования саранчи к стадной. К таковым Б.П. Уваров относит прежде всего климатические показатели, воздействующие на смежные факторы: почву и растительность, непосредственно влияющие на рост и развитие саранчи. В жаркие засушливые годы, повторяющиеся с определенной динамикой, наблюдается выгорание растительности, которая в относительном изобилии сохраняется лишь вблизи водоемов, в увлажненных понижениях рельефа. Это постепенно приводит к концентрации одиночной саранчи на относительно ограниченной площади. Сконцентрировавшиеся особи саранчи входят в соприкосновение друг с другом и ощущают соседей с помощью органов чувств: зрения, осязания, обоняния. Постоянное воздействие особей друг на друга приводит к тому, что скученность становится для них привычным состоянием, в результате чего возникает условный рефлекс стадности, и особи не рассеиваются, а живут скученно и передвигаются плотными кулигами. Стадный образ жизни изменяет физиологические свойства особей саранчи. Для них становится характерной повышенная возбудимость нервной системы, а следовательно – более энергичные движения. Усиленная работа при движении отдельных органов, в основном бедер конечностей, создает условия для изменения пропорций отдельных частей тела.

Как отмечал Борис Петрович, явление стадности у саранчовых имеет приспособительное значение, т.к. обеспечивает более высокую температуру тела, ослабляет теплоотдачу и повышает уровень обмена веществ [9]. Таким образом, взаимодействие с другими особями у стадной фазы становится необходимым условием существования в стае, а потеря этого взаимодействия приводит к образованию одиночной фазы. Формированию одиночной фазы предшествует сокращение численности саранчи на единицу площади. Как следствие этого, отдельные особи саранчи все реже и реже встречаются между собой, в результате чего условный рефлекс стадности теряется. Они начинают жить поодиночке в относительной удаленности друг от друга, приобретая признаки одиночной фазы.

Уваровым также показано, что кроме крайних фаз (одиночной и стадной) существует ряд переходных (*ph. transiens*), причем в том случае, если процесс трансформации идет в направлении от одиночной к стадной фазе, то такая фаза обозначена как фаза сгущивания (*ph. accumulata*), при обратном процессе – фазой рассеивания (*ph. dispersa*).

Понимание механизмов трансформации фаз оказалось крайне важным для решения вопроса о мерах борьбы с саранчовыми. Если на стадии фазы сгущивания принять определенные меры, то возможно избежать следующей фазы – стадной, предотвращая тем самым формирование кулиг, движущихся в определенном направлении и опустошающих огромные площади зеленой растительности.

В дореволюционной России чаще других применялся метод опрыскивания, при котором не исключалась возможность поражения культурных сельскохозяйственных растений. По наблюдениям Б.П. Уварова данный метод неэффективен вследствие сложного подбора составляющих инсектицида, вызывающих гибель саранчовых, но не повреждающих культурные растения, а следовательно, «методу опрыскивания не остается больше места, и он должен совершенно сойти со сцены» [10, с. 183]. Наиболее эффективными методами борьбы исследователь считал химические, с применением приманок. В качестве последних Б.П. Уваров предлагал применять конгломерат из основного вещества (скошенных кормовых трав), привлекающего вещества (патоки) и яда (мышьяка). В ходе применения приманок и наблюдений за численностью саранчовых ученому также удалось установить наиболее эффективное соотношение составляющих приманки [11, с.12-13.].

Практическое использование различных способов борьбы с саранчовыми получило широкое применение в 1920-е гг., когда полчища пустынной саранчи (*Dociostaurus maroccanus*) наводнили территории Средней Азии и Африки. Руководя в этот период времени энтомологическим центром в Лондоне и имея солиднейший опыт борьбы с саранчовыми, Б.П. Уваров возглавил группу ученых, направленных в места бедствия для уничтожения вредителей. В 1930-е гг. в связи с обострением проблемы Б.П. Уваров создал

Международный центр по изучению саранчовых, целью которого являлась интеграция накопленного опыта и знаний ученых разных стран в разрешении вопроса динамики популяций саранчовых и поиска наиболее оптимальных методов борьбы с ними.

Будучи эмигрантом, Б.П. Уваров не прекращал деловых связей с соотечественниками, вел активную переписку с русскими энтомологами: профессорами Н.Н. Плавильщиковым, Ф.Н. Правдиным, член-корреспондентом АН СССР Г.Я. Бей-Биенко. Имея возможность провести идентификацию различных видов саранчовых, находящихся в разных фазах существования из коллекции Британского музея естественной истории, сопоставив эти данные с имеющимся полевым опытом, а также с опытом отечественных энтомологов, Б.П. Уваров убедился в достоверности своей гипотезы, зародившейся во время работы на Ставрополье. В дальнейшем она была сформулирована ученым как «теория фаз» и получила мировое признание.

Использованная литература и источники:

1. Куприянов А.В., Федотова А.А. «Если бы английские энтомологи собирали так же, как наши...»: первое письмо из Лондона Б.П. Уварова А.П. Семенову-Тянь-Шанскому //Историко-биологические исследования. 2015. Т.7. №4.
2. Шмаглит Р.Г. Русское зарубежье в XX веке. М., 2007.
3. ГАСК Ф.111, Оп.1, Д. 4, л.7.
4. ГАСК Ф. 111, Оп. 1, Д. 72, л. 50.
5. Уваров Б.П. Саранча и кобылки // Библиотека хлопкового дела. Кн.8. 1927.
6. Кузнецова О.В. История защиты растений в Ставропольском крае. 1912-1927 гг. Ставрополь, 1997.
7. СГМЗ Ф. 9, Ед. хр. 89. Сводная таблица измерений саранчи обеих форм, взятой из Ставрополя, Константиновки и Низовий Калауса (по наблюдениям Б.П. Уварова в 1911-1913 гг.)
8. Уваров Б.П. Наблюдения над превращением *L. migratoria L.* в форму *L. Danica* // Об изучении саранчовых России, 1911.
9. Uvarov V.P. A revision of the genus *Locusta L* with a new theory as to the periodicity and migrations of locusts. Bull 12. P. 135-163.
10. Уваров Б. П. Саранча и кобылки //Библиотека хлопкового дела. Кн.8. 1927.
11. Уваров Б.П. О результатах применения естественных и искусственных приманок // Южно-русская сельскохозяйственная газета, № 45. 1913.

Прокопенко Ю.А.,

г. Ставрополь,

Северо-Кавказский федеральный университет,

профессор кафедры социологии и этнологии,

доктор исторических наук

**Две находки анонимных оболов
чекана Боспора типа «голова
Диониса - горит»
на территории и в окрестностях
Ставрополя**

1962 году в Ставрополе, на территории кирпичного завода, при строительных работах была обнаружена крупная медная анонимная монета чекана Боспора (80-70 гг. до н.э.) типа «голова Диониса - горит». Находка была показана известному археологу Т.М. Минаевой. Ею монета была зарисована, в том числе лицевая и оборотная стороны, а также отдельно монограмма в увеличенном виде. Дальнейшая судьба монеты неизвестна.

По прорисовкам Т.М. Минаевой, хранящимся в архиве Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве [13], была сделана реконструкция изображений на монете [10, с. 16, рис. 1]:

аверс – голова Диониса в венке;

реверс – горит (с факелом); слева от горита – монограмма (сочетание М вписанное в А, накрытое Р); медь; обол.

Вес монеты не известен.

Аналогичная монета типа «голова Диониса в венке - горит» случайно найдена в апреле 2011 года в урочище «Русская лесная дача» - в районе «Заячьи поляны» (северо-западные окрестности Ставрополя, между городом и ст. Новомарьевской):

2. монета, однотипная с № 1;

аверс – голова Диониса в венке;

реверс – горит, на горите - факел, монограмма почти не видна; медь; обол.

Вес монеты – 13 гр. [11, с. 44].

В настоящее время монета хранится в нумизматической коллекции Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве ¹.

П.О. Бурачков считал такие монеты тессерами, которые чеканились в Фанагории. По его мнению, монограммы на оборотных

сторонах монет – это имена архонтов [4]. Согласно точке зрения А.Н. Зографа, данный тип монет относится к чекану наместников Боспора, целью его чеканки являлось покрытие военных расходов – оплаты воинов. По мнению исследователя, чеканка производилась в Фанагории или Горгиппии [7, с. 187]. Хотя уже в начале XX века В.В. Латышев определенно высказался против того, чтобы считать эти монеты с монограммами чеканом наместника Махара [8, с. 96].

В.А. Анохин придерживается иной точки зрения. Исследователь выделяет монеты в четвертую хронологическую группу – времени правления наместника Махара – и связывает их чеканку с подавлением восстания боспорцев в конце 80-х гг. до н.э. Факт наличия монограмм, по его мнению, свидетельствует о том, что чеканка производилась в Пантикапее в соответствии с обычной практикой финансирования за счет каких-то лиц, возможно, откупщиков [2, с. 76].

Согласно точке зрения Н.А. Фроловой, монограммы на оболах являются именами царских монетных чиновников, отвечавших за выпуск монеты на Боспоре. Поэтому, по мысли автора, всю чеканку анонимных оболов типа «голова Диониса - горит» следует считать царской [14, с. 55].

В настоящее время выпуск этих оболов датируется в довольно широких пределах: 100-75 гг. до н.э. [15, с. 179]. Как уже было отмечено, В.А. Анохин относит их чеканку к 80-65 гг. до н.э. - времени правления на Боспоре Махара [2, с. 109].

А.В. Гаврилов, в целом придерживаясь точки зрения В.А. Анохина, четко не фиксирует начало и завершение такой чеканки. Согласно его логике изложения, вытекают два варианта, либо производство оболов прекратилось во время наместничества Махара, в контексте прекращения всей автономной чеканки в городах Северного Причерноморья (это было следствием ограничения полисных свобод и усиления царской власти), либо завершение чеканки монет связано с событиями второй половины 60-х гг. до н.э. – изменой и бегством Махара с азиатской стороны Боспора на европейскую (Керченский полуостров) в 65 г. до н.э. и разгромом Митридатом VI поддерживающих Махара гарнизонов [5, с. 149-151].

Результаты нумизматических исследований последних лет подчеркивают связь ряда боспорских монетных типов с оплатой союзных сначала Митридату, а затем Фарнаку воинских гарнизонов. В их числе следует отметить и анонимные медные оболочки начала I в. до н.э. типа «голова Диониса в венке – горит». Исследователями отмечено обстоятельство обнаружения крупных скоплений таких монет именно на территории военных поселков.

В 2003 году жители села Насыпное Феодосийской

административной зоны обнаружили поселение, на территории которого нашли античные монеты (в том числе около 300 анонимных оболов). Было обследовано само селище и его окрестности, определены его границы, собран подъемный материал. Памятнику было присвоено условное название «Куру Баш (лагерь)».

По мнению А.В. Гаврилова, укрепление Куру Баш и селище «Куру Баш (лагерь)» являлись опорой власти царя в противовес городской общине Феодосии. Основным предназначением военного гарнизона было, в первую очередь, противостоять стремлению феодосийцев к автономии и самоуправлению, которые, по-видимому, не прекращали попыток к освобождению, а также выполнять охранные функции по отношению к хоре полиса. При этом Феодосия, как ненадежный по отношению к новой власти полис, была постоянно под военным контролем, а её хора и царские земли были защищены от вторжений кочевников и тавро-скифов.

В первой половине I в. до н.э. на Боспоре выпуск оболов типа «голова Диониса - горит» был массовым, поэтому потребность денежного рынка в самом крупном номинале меди была удовлетворена. В связи с этим Боспор не испытывал большой потребности в привозных амисских оболах «Персей - Пегас» [6, с. 64].

После окончания Второй войны с Римом, наместником на Боспор и в Колхиду был послан сын Митридата VI — Махар. Вовремя его правления в «Куру Баше (лагере)» продолжали жить военные поселенцы, получавшие плату за службу. Видимо, это продолжалось вплоть до разгрома лагеря Митридатом. Поэтому обнаружение на селище такого количества так называемых анонимных оболов типа «голова Диониса - горит» (около 300 экземпляров), показывает, что здесь находилась казна гарнизона (неиспользованная гарнизонная касса).

По мысли А.В. Гаврилова, так можно объяснить факт обнаружения большого количества указанных анонимных оболов на территории памятника. Однако жизнь на селище не прекратилась совсем. Куру Баш (лагерь) продолжал существовать, но уже, по-видимому, как незначительный пункт [5, с. 148-150, рис. 5, 42-62].

Предполагается такой вариант развития дальнейших событий. В 48 году до н. э. Фарнак II (сын Митридата VI), отправляясь в поход на римлян в Малую Азию, оставил наместником на Боспоре своего доверенного этнарха Асандра, который позже узурпировал власть. В 47 году до н. э. Фарнак был разбит Цезарем и вернулся на Боспор с небольшим пешим войском, состоящим из скифов и сарматов.

Восстановив свою власть на территории европейского Боспора, в самом конце 47 - начале 46 гг. до н. э. он погиб в сражении

с войсками Асандра. А.В. Гаврилов дату гибели селища «Куру Баш» предположительно отнес к 47 г. до н.э. Это могло произойти после возвращения Фарнака из Понта после поражения при Зеле, когда ему пришлось силой брать Феодосию и Пантикапей [5, с. 148-150, рис. 6, 81]. Тогда и могло быть разгромлено селище «Куру Баш (лагерь)», где находился верный Асандру гарнизон.

Нужно отметить, что почти аналогичные по составу клады оболов типа «голова Диониса - горит» (66 и 1140 монет) были найдены на поселении военно-хозяйственного типа «Полянка» в Крымском Приазовье [1, с. 38-59; 14, с. 53-76; 15, с. 186-187]. Оно было построено при Митридате VI, а расцвет пришелся на время правления Фарнака II и архонта Асандра.

По мнению А.А. Масленникова, найденные клады являлись невыплаченным жалованьем обитавшим здесь военным поселенцам [9, с. 128].

В связи с этим, следует предположить, что две находки оболов типа «голова Диониса - горит» в окрестностях Ставрополя связаны с участием какой-то группы населения Ставропольской возвышенности в отмеченных выше событиях.

Скорее всего, местные сарматы (сираки?) принимали участие в походах Фарнака II, в том числе уничтожали гарнизоны Асандра в европейской части Боспора. Так было разгромлено селище «Куру Баш (лагерь)», где находился верный Асандру гарнизон. После военной операции, в качестве добычи — часть военной казны, хранившейся в военных лагерях, такие оболочки были вывезены в Центральное Предкавказье, скорее всего, после смерти Фарнака II.

Использованная литература и источники:

1. Абрамзон М.Г. Фролова Н.А., Куликов А.В., Смекалова Т.Н., Иванина О.А. Клады античных монет. Т. I. Киев, 2006.
2. Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
3. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
4. Бурачков П.О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям. Ч. I. Одесса, 1884.
5. Гаврилов А.В. Нумизматический материал селища Куру Баш (лагерь) и некоторые вопросы истории Феодосии конца II-I вв. до н.э. // *Stratum plus*. № 6, 2010.
6. Голенко К.В. Состав денежного обращения Херсонеса I в. до н.э. // ВДИ. 1964, № 4.
7. Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. М.-Л., 1951.
8. Латышев В.В. Понтика. Сборник научных и критических статей по истории,

- археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережье Черного моря. СПб., 1909.
9. Масленников А.А. Эллинская хора на краю ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998.
  10. Прокопенко Ю.А. О находке анонимного обола чекана Боспора (80-70 гг. до н.э. в Ставрополе) // Восьмая всероссийская нумизматическая конференция: тезисы докладов и сообщений. М., 2000.
  11. Прокопенко Ю.А. О связях населения Центрального Предкавказья с городами Боспора в I в. до н.э. (по нумизматическим материалам) // Первые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар, 2012.
  12. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство: государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996.
  13. СГМЗ. Ф. 79. Ед. хр. 43.
  14. Фролова Н.А. Клад боспорских монет I в. до н.э., найденный на античном поселении «Полянка» (1984-1985 гг.) // ПИФК. Вып. 6. Симферополь, 1998.
  15. Фролова Н.А., Масленников А.А. Монеты из клада боспорских монет начала — середины I в. до н. э. из поселения «Полянка» как исторический источник // Международная конференция по применению методов естественных наук в археологии. Материалы международной конференции. Т. II. СПб., 1994.

Швырёва А.К.,

*Ставропольский государственный музей-заповедник,
старший научный сотрудник отдела природы,
кандидат биологических наук,
Герой труда Ставрополя*

Ставрополь – город слонов

географический адрес Ставрополя 45⁰ северной широты 42⁰ восточной долготы. Эта точка на поверхности Земного шара расположена на 45 параллели. Эта условная географическая линия опоясывает центр Северного полушария. А это значит, что наш родной город равноудален и от Северного полюса, и от Экватора. Как известно, слоны в этих широтах ныне не водятся. Места их обитания находятся значительно южнее – в Индии и в Африке. Но как свидетельствуют палеонтологические находки, в доисторическое время слоны были распространены и в наших краях. В коллекции Ставропольского музея-заповедника они представлены останками динотериев, мастодонтов, южных слонов, мамонтов. Формирование

фауны слонобразных уходит вглубь истории становления Кавказского перешейка. На территории Ставропольского края зарегистрировано более сотни местонахождений слонов из 8 родов и 12 видов. Часть находок сделана в Ставрополе и его окрестностях (Рис.1).

1880-1890-е гг. отмечены на Ставрополье уникальными палеонтологическими находками. Среди них особый интерес представляет почти полный скелет мамонта *Mammuthus primigenius*, который был обнаружен в 1898-1899 гг. в окрестностях с. Татарка. Г.Н. Прозрителев сам производил раскопки, а затем в течение пяти лет реставрировал и монтировал части этого скелета. В документах фонда Г.Н. Прозрителева читаем: «Эта работа - огромная заслуга Прозрителева. По ней удалось установить размеры кавказского мамонта, превышающего размеры сибирского (А.Ш. - имеется в виду не видовая принадлежность, а места нахождения) в 1,5 раза сравнительно со скелетом Адамса в Геологическом музее в Петрограде. Бивни кавказского мамонта достигают 6 вершков (26,64 см.) в поперечнике и 6,5 аршин (462,23см.) в длину.»[7]. Работа Г.Н. Прозрителева по сохранению этого скелета заслужила одобрение

Карта находок ископаемых животных в Ставрополе и его окрестностях

известного палеонтолога М.В. Павловой.

Вторая находка останков мамонта была сделана, по свидетельству В.Г. Гниловского, на юго-западной окраине Ставрополя в бывшем карьере кирпичного завода.

Что привело шерстистого мамонта *Mammuthus primigenius* – обитателя ледникового периода на Северный Кавказ?

Существенные изменения в палеогеографии Восточно-Европейской равнины принесло самое максимальное Днепровское оледенение (300-250 тыс. лет назад). Мощным было и оледенение Кавказских гор. Однако языки материковых льдов не достигали нашей территории. И так уж распорядилась всесильная матушка-природа, что и с Кавказских гор южные горно-долинные ледники сползали не далее г. Карачаевска. [5,6] На Северном Кавказе образуется благоприятная в климатическом отношении межледниковая (перигляциальная) область, ландшафты которой представляли собой холодные степи, напоминающие высокогорные степи и тундры с островками древесной растительности. Сюда Днепровским ледником были отеснены животные, сформировавшиеся на Европейском севере. Возникает своеобразная группировка животных, так называемая смешанная фауна, в которую входили и мамонты [4].

Возникновение этого типа фауны связано не только со снижением температурных условий и изменением растительного покрова, но и с появлением новых видов-мигрантов, в том числе и мамонтов. Поскольку прогрессирующее ухудшение климата, прежде всего, сокращает жизненные ресурсы фаунистической ассоциации, существующей на ледниковой территории, происходит сложная перегруппировка фауны, процесс которой одновременно захватывает и аллохтонные и автохтонные элементы фауны. Они стремятся адаптироваться к складывающимся здесь новым условиям среды. Очевидно, мамонты не были постоянными обитателями межледниковой зоны. Их пребывание здесь носило, скорее всего, миграционный характер, потому что они были приспособлены к более суровым условиям жизни. Вероятно, этим объясняется редкость находок останков мамонтов в наших краях.

Самая первая находка в России южного слона *Archidiskodon meridionalis* Nesti сделана в окрестностях г. Ставрополя в 1887 году. [3] Представлена она верхним коренным зубом старого животного. Экспонат хранится в Зоологическом институте РАН в Санкт-Петербурге. Ныне в Ставрополе хранятся два практически полных скелета этого слона. И хотя они найдены не в Ставрополе: один - в окрестностях г. Георгиевска, а второй - на окраине пос. Равнинный Новоалександровского района, постоянную прописку они получили

Ставропольский музей-заповедник имени Г.Н.Прозрителева и Г.К. Пправе – единственным на планете Земля музей, где хранятся и экспонируются два полных скелета южного слона *Archidiskodon meridionalis* Nesti

в Ставрополе. Ставропольский музей-заповедник имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе стал единственным на планете Земля музеем, где хранятся и экспонируются два полных скелета южного слона *Archidiskodon meridionalis* Nesti (фото.1). Обитали южные слоны на Ставрополье около 2 млн. лет назад в условиях открытых ландшафтов типа саванн с теплым климатом и чередованием сухих и влажных сезонов. Растительность была представлена жесткими травами, одиночно растущими деревьями, местами встречалось светлое редколесье. Питались слоны ветками и листьями кустарников и деревьев и, возможно, травами. Это были очень крупные слоны – высота их доходила до 4,5 метров.

В конце 1930-х гг. прошлого столетия на юго-западной окраине Ставрополя началась усиленная добыча песков, представляющих собой аллювий плиоценовой реки. Серия выработок вскрыла уникальную кладовую древней жизни, получившую название Косякинский карьер [1]. Ныне она расположена в черте г. Ставрополя. Здесь мы погружаемся в эпоху, отделенную 3-4,5 млн. лет. Это было время распространения в южных и умеренных широтах (на север до 50° с.ш.) Евразии и Северной Америки, так называемой гиппарионовой фауны. Возникновение этой фауны было связано с развитием в раннем неогене травянистых лесостепей и степей. По мнению Н.К. Верещагина [2], представители гиппарионовой фауны появляются на Кавказском полуострове в Сармате. Это проникновение шло с юга по широкому закавказскому перешейку. Гиппарионовый комплекс животных устремляется на вновь воздвигнутую сушу в обход поднявшихся горных массивов по побережьям, частью непосредственно через плоскогорья и хребты центрального участка полуострова.

Гиппарионовая фауна была весьма разнообразна. Но особое место занимают в ней слонообразные животные. Самый крупный из представителей хоботных — динотерий *Deinotherium cf. giganteum*. Высота его достигала 4,5 м. Бивни его располагались на нижней челюсти и были загнуты вниз. Динотерий был вегетарианцем и питался сочной, мягкой растительностью, поэтому предпочитал берега рек и заболоченные участки.

Мастодонт ананкус овернский *Anankus arvernensis* имел высоту около 3 – 3,5 м., вес его доходил до 5 тонн. Тело животного было удлинённое и приземистое из-за коротких мощных ног. Ананкус выделяется своими сильно удлинёнными почти прямыми бивнями, которые могли достигать длины до 4 метров. Поскольку анакусы обитали в лесах, вероятно, такие бивни служили орудием выкорчевывания деревьев с корнем для получения мягкого листового корма. Но в основном кормились они сочными травами окружающих тропических степей.

Мастодонт Борсона *Mastodon borsoni* – самый крупный представитель мастодонтов в Европе, его рост в плечах составлял 4,25-4,5 метра. Отличался он массивным и крепким телосложением. Весил до 5 тонн. Самые длинные бивни в истории животного мира на планете расположены на верхней челюсти. Длина почти прямых бивней экземпляра, найденного в Греции, составляла 5 метров. Эти мастодонты обитали в лесах или в околородных рощах. Бивни служили орудием для извлечения мягкой растительности из водоема. Кроме того это было грозное оружие, поскольку местообитание этих

древних слонов совпадало с ареалом древних саблезубых хищников.

Изучение фауны ископаемых слоновобразных животных в Ставрополе и его окрестностях, начатое в конце XIX века, продолжается. Ныне здесь найдено 5 из 12 видов слонов, описанных с территории Ставропольского края: 2 вида мастодонтов *Anankus arvernensis* и *Mastodon borsoni*, динотерий *Deinotherium cf. giganteum*, южный слон *Archidiskodon meridionalis* и мамонт *Mammuthus primigenius*. Это дает право назвать Ставрополь городом слонов.

Пока все они живут в стенах Ставропольского музея-заповедника. А если их выпустить на улицы, площади, в скверы и парки нашего города? Это, несомненно, привлечет внимание к Ставрополю и будет весьма полезно для развития кластера культурно-познавательного туризма на Ставрополье.

Использованная литература и источники:

1. Алексеева Л.И., Швырева А.К. Косякинский карьер – кладовая верхнеплиоценовой териофауны //Континентальный верхний плиоцен Черноморско-Каспийской области (сборник статей). Москва, 1986.
2. Верещагин Н.К. Млекопитающие Кавказа. История формирования фауны. М.-Л., изд. АН СССР, 1959.
3. Гарутт В.Е. Южный слон *Archidiskodon meridionalis* (Nesti) из плиоцена северного побережья Азовского моря // Тр. ком. по изуч. четверт. периода. Т. 10. Вып. 2. 1954.
4. Громов В.И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. (Млекопитающие, палеолит) // Труды Ин-та геол. наук АН СССР. Вып. 64. № 17. 1948.
5. Сафронов И.Н. О древнем оледенении Северо-Западного Кавказа. Сб. трудов СГПИ. Ставрополь, 1960.
6. Шальнев В.А., Ковалева Т. Г., Настатуха Д.С. Древние оледенения и трансформация высотной поясности среднегорных и высокогорных ландшафтов Западного Кавказа (на примере долины Гондарай) // Науки о Земле. «Наука. Инновации. Технологии», № 1, 2016.
7. СГМЗ О.ф. 27533/1

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ХРАНЕНИЯ,

ИЗУЧЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ МУЗЕЙНЫХ

КОЛЛЕКЦИЙ

Барабанова Е.Г.,

г. Ставрополь, Ставропольский

государственный

музей-заповедник, главный научный

сотрудник отдела фондов

**Турецкое знамя – трофей первой
мировой войны
(история одного исследования)**

Изучение музейных предметов и коллекций — одно из направлений научной работы музея.

Иногда приходится по крупицам восстанавливать подлинную историю раритетов, особенно тех, которые поступили много лет назад. Однако отсутствие достоверной информации приводит порой к домыслам и искажению фактов. Такая история произошла с одним из хранящихся в фондах музея исторических знамен, которое было интерпретировано одним из журналистов как «знамя Шамиля», а до этого как Турецкое знамя периода Русско-Турецкой войны 1877-1878 годов. Что же на самом деле представляет собой это знамя, и какова его история?

Алое двухстороннее полотнище размером 118x127 см., окаймленное золотистой бахромой из металлизированных нитей; по обеим сторонам полотнища в центральной части – вышивки золотыми металлизированными нитями. Сложная композиция вышивки на первой стороне определяется как герб Османской империи 1882-1918 годов. В центре - на круглом щите под султанской короной размещена личная тугра (печать) с именем правящего

Фото 1

Фото 2

султана Мехмеда V (1909-1918). Щит обрамляют группы знамен: справа – османской династии, слева — исламские. Затем следует оружейная группа: секиры, пики, копьа, клинковое оружие, пушки. Ниже справа ваза с цветами — символ великодушия государства и весы – символ правосудия. Слева – боевые труба и барабан. Под ними два фолианта: по исламскому праву и кодекс светских законов (по другой версии это Коран и Сунна). Внизу под гирляндой изображены пять высших орденов Османской империи: орден Милосердия (Сефкэт), орден Османского Дома (Османие), орден Полумесяца (Меджидие), орден Славы (Ифтикар) и орден Почета (Имтияз). На второй стороне – шитый золотом арабографичный текст священной мусульманской шахады «Нет Бога, кроме Аллаха и Мухаммед - Пророк Его», разделенная декоративным картушем с растительными элементами, в центре которого звезда и полумесяц. Древяк к знамени деревянный в верхней части небольшая балясина, на которую надето навершие из металла в виде полумесяца (фото.1, 2).

Датирующим признаком знамени стал тип тугры примыкающим небольшим графическим изображением — именем султана Мехмеда V, правящего в 1909-1918 годах (фото. 3). Красный цвет знамени, цвет династии Османов свидетельствует о государственном значении знамени. Таким образом, знамя определяется как государственное, военное, принадлежавшее одной из частей Османской армии,

принимавших участие в Первой мировой войне 1914-1918 гг.

Захват боевого знамени противника — высочайшее проявление воинского мужества. Для подразделения, пленившего знамя — это его слава в военной истории Отечества, а для воина, лично захватившего почетный трофей — основание для представления к высокой награде.

История знаменных трофеев переносит нас в далекие годы Первой мировой войны. Осенью 1914 года на Кавказе русские войска сошлись в битве со своим старинным противником — армией Османской империи. Так образовался Кавказский фронт.

Для России ситуация на Кавказском фронте сложилась намного удачнее, чем на Западном направлении. Уже в декабре 1914 года в боях под Сарыкамышем турецкая армия потерпела сокрушительное поражение и отступила, потеряв 90 тысяч человек. Новые успехи в Закавказье были достигнуты в 1915-1916 году. Войска Кавказской армии отбросили противника на 250-300 км. вглубь его территории, захватив города Эрзерум, Трапезунд и Эрзинджан. Одной из самых блестящих операций было овладение крепостью Эрзерум. Кавказская армия под командованием генерала от инфантерии Н.Н. Юденича наголову разбила 3-ю Турецкую армию, которой командовал генерал Махмуд Камиль-паша.

3 февраля 1916 года в Эрзеруме нашими войсками было захвачено 12 турецких знамен: девять знамен принадлежали пехотным полкам и три знамени — полкам иррегулярной курдской конницы; причем последние Ставка за трофеи не посчитала, объявив только о девяти захваченных знаменах. Эти знамена, склонившись перед победителями, участвовали в параде русских войск в Эрзеруме с участием Верховного главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича (фото. 4).

После парада знамена были отправлены в Петроград и 29 февраля 1916 года представлены Николаю II в Царском Селе. Кадры старинной военной фотохроники донесли до нас несколько сюжетов, на которых зафиксирована торжественная демонстрация трофейных турецких знамен, захваченных в боях за крепость Эрзерум. На одном из снимков российские солдаты и казаки — Георгиевские кавалеры — демонстрируют два развернутых знамени. Очевидно, что знамя, хранящееся в нашем музее почти полностью идентично тем турецким трофеям, которые мы видим на снимках. Таким образом, наше знамя можно идентифицировать как знамя одного из регулярных полков турецкой армии нового образца.

Но факт передачи знамен, захваченных в Эрзеруме в Царское Село, заставляет нас искать трофеи других победных боев Российской

Фото 3

Фото 4

армии на Кавказском фронте.

Информация относительно захваченных Российской армией знамен противника в период Первой мировой войны накапливалась в собрании Трофейной комиссии. Комиссия, образованная 5 мая 1911 года при Военно-походной канцелярии Его Императорского Величества должна была собирать все сведения о боевых трофеях: знаменах, оружии, знаках отличия, а также о подвигах русских солдат за всё время существования Русской армии. С началом Первой

мировой войны Трофейная комиссия значительно расширила свою деятельность. Для выявления и описания подвигов русских солдат и офицеров члены комиссии регулярно выезжали на фронты. Однако в реалиях войны не вся информация доходила вовремя, была противоречива, не говоря уже о поступлении самих трофеев. Из имеющихся материалов Комиссии известно, что за всю Первую мировую войну Русская армия пленила 33 знамени воинских частей противника. В 1914 году – 9 знамен, в 1915 году - 5 знамен и в 1916 году – 19 знамен воинских частей. Из их числа на Кавказском фронте было захвачено 21 знамя турецких полков и батальонов. Какое из них наше и вошло ли оно в материалы Трофейной Комиссии?

Обращаемся к моменту поступления нашего знамени в музей. Знамя зарегистрировано в Книге поступлений № 3 Ставропольского краеведческого музея в 1960 году (о.ф. 13563) как турецкое трофейное периода Первой мировой войны 1914-1917 годов. В Акте поступлений №52 от 13.07.1960г. значится, что оно принято «от гр. Селютиной Нины Игнатьевны, производившей реставрацию турецкого знамени». Селютина была сотрудницей музея. Других данных нет. Стоит отметить, что в 1989 году уже очень ветхое знамя реставрировалось И.Д. Осмаловской, сотрудником НИРЦ г. Москвы.

Обращение к старым учетным книгам музея принесло результат. В «Инвентарной книге №1 Научно-выставочного отдела Ставропольского музея им. М.В. Праве», под № 1995 значится «Турецкое знамя из малинового атласа с золотым шитьем», строкой выше, под № 1994 записана «подставка от турецкого пулемета» - военный трофей, который был передан в музей «от 16-го Кавказского Стрелкового полка», поступления датируются февралем 1918 года [1, с. 74].

Сведения о 16-м Кавказском стрелковом полке очень скудны, так как его история начиналась лишь с марта 1915 года, когда в третью очередь мобилизации была сформирована 4 Кавказская стрелковая бригада, а с мая 1915 года – 4-я Кавказская стрелковая дивизия (ПГлКвА201). В ее состав входили: 13-й, 14-й, 15-й и 16-й Кавказские стрелковые полки. Бригада сформирована в Кавказском военном округе. «4-я Кавказская стрелковая дивизия генерала Воробьева, сразу же заняла достойное место в кавказской фаланге Н. Юденича. Ее делами были Азап-Кейский прорыв, овладение Каргабазаром на Эрзерумском штурме и ликвидация Огнотского прорыва Изета-паши. В 4-й Кавказской стрелковой дивизии подобрался превосходный закаленный солдатский состав от 25 до 30 лет» [2].

Итак, мы знаем, что представители 16-го Кавказского стрелкового полка 4-й Кавказской стрелковой дивизии передали

в музей трофейное турецкое знамя нового образца, захваченное в боях не ранее второй половины 1915 года, а вероятнее всего в 1916 году. Обзор событий пленения знамен дает в своем исследовании А. А. Олейников «Захвачены в бою. Трофеи Русской армии в Первой мировой войне», основываясь на материалах Трофейной Комиссии и других источниках. Анализируя информацию о турецких трофейных знаменах, захваченных на Кавказском фронте, мы видим, что большая их часть была отправлена в Петроград в Ставку Верховного главнокомандующего. Есть сведения о поступлении отдельных трофеев в Тифлис, в Батум, в Михайловскую крепость. В других случаях речь идет о знаменах другого типа: иногда они зеленого цвета, старого образца и т.д. Из всего массива информации можно выбрать лишь один эпизод, совпадающий с данными о нашем трофее. «19 июня у Байбурта ординарцем одного из полков 4-й Кавказской стрелковой дивизии Николаем Брунеком было захвачено еще одно турецкое знамя» [3, с. 84.] – других данных нет. Сопоставив все факты с большей долей вероятности можно утверждать, что речь идет о нашем знамени. Поскольку знамя, в силу каких-то обстоятельств не было отправлено в Ставку, оно оставалось в расположении 16-го Кавказского стрелкового полка, представители которого и передали его в Ставропольский музей им. М.В. Певне в феврале 1918 года.

Теперь необходимо ответить на вопрос: принимал ли 16-й Кавказский стрелковый полк участие в боях за Байбурт? В целом ряде исследований и мемуаров, отражающих историю войны на Кавказском фронте, описаны эти события. Бои за Байбурт вошли в историю победоносной Эрзиджанской операции. В мае 1916 года 3-я Турецкая армия под командованием Энвер-паши перешла в наступление, чтобы вернуть порт Трапезунд. 2 июня 1916 года командующий Кавказским фронтом генерал от инфантерии Н.Н. Юденич предпринял контрнаступление, с целью отсечь рвущийся к морю турецкий корпус. Начались жесткие встречные бои, 15 июля 1916 года был взят турецкий город Байбурт, крупный транспортный узел, где пересекались дороги, идущие с Анатолийского побережья, с дорогами, спускавшимися с высокогорий Эрзерума и Эрзинджана. Главный удар был нанесен полками 2-го Туркестанского корпуса, усиленный полками 4-й Кавказской стрелковой дивизии в районе излучины реки Чороха. В ходе Эрзиджанской операции 18 мая–20 июля русские войска захватили 17 тыс. пленных и 8 орудий, во многих ротах турок осталось по 20–25 человек. 3-я Турецкая армия потеряла способность к дальнейшим активным действиям и не смогла объединить свои усилия с действиями перебрасываемой 2-й Турецкой армии. «Турки начали отходить, а туркестанцы и сибиряки,

смешавшись с частями кавказских стрелков Воробьева, преследовали их до наступления темноты; к исходу 20 числа 800 турок, ради спасения своей жизни, сдались в плен, было взято, одно орудие, три пулемета и много огнестрельных припасов» [4, с. 94.].

Напомню, что 4-я Кавказская стрелковая дивизия и стрелки Воробьева – это и есть бойцы четырех стрелковых полков, в том числе 16-го Кавказского стрелкового полка. Итак, трофейное знамя одного из регулярных полков Турецкой армии было захвачено Николаем Брунеком – ординарцем одного из Кавказских стрелковых полков, думаю, что именно 16-го стрелкового, так как оставалось до конца войны в руках бойцов этой части и через два года, в феврале 1918 года было сдано в Ставропольский музей. Почему оно не было передано в Трофейную комиссию? Почему информация о его пленении скудна и неоднозначна? На эти вопросы мы уже вероятно не получим ответов. Можно предположить, что Революция, начавшаяся в России, сыграла в этом свою роль. Можно также предположить, что человек в руках которого находилось знамя хранил его в надежде доказать свой подвиг и получить свою Георгиевскую награду.

Использованная литература и источники:

1. СГМЗ - ОКМК, том 1.
2. Керсновский А.А., История русской армии. М., 1992, т. 4, с. 91. <http://yandex.ru/modernlib/net.book>.
3. Олейников А.В. Захвачены в бою. Трофеи русской армии в Первой мировой войне. М., 2015.
4. Аллен У., Муратов П. Битвы за Кавказ. История войн на Турецко-Кавказском фронте. 1828-1921. М., 2016 .
5. Герб Османской империи / <http://fb.ru/article/40314>
6. Министерство культуры СССР. Дирекция Государственных музеев Московского Кремля. НИРЦ, Паспорт реставрации памятника истории и культуры. 1989 г.
7. Масловский Е.В., Великая война на Кавказском фронте. 1914-1917 гг. М., 2015.

Волошенко Л. В.,

г. Ставрополь,

Ставропольский краевой музей

изобразительных искусств,

искусствовед, старший научный сотрудник

Старые имена - новые факты

(результаты исследования коллекции искусства северной европы в СКМИИ)

удожественное собрание старых мастеров, сформировавшееся в Ставрополе в одном из старейших и крупнейших теперь краеведческих музеев России, в 1962 году перешло во вновь образованный художественный музей, ныне – Ставропольский краевой музей изобразительных искусств. Долгое время многие музейные предметы, отнесённые к зарубежному искусству, в том числе поступившие в СКМИИ из Государственного Эрмитажа и других источников, оставались неизученными, без точного определения школы, датировки, представлялись в неточной транскрипции имён. Постепенно были установлены не только эти данные, но история создания и бытования большинства предметов. Установлены сведения об авторах. Определено художественное значение и место в истории искусства. Данное сообщение связано с изучением предметов, представляющих искусство Северной Европы (Нидерландов, Фландрии, Голландии), Дании, Великобритании с учётом недавно установленных фактов. Приводятся лишь некоторые из них.

Резцовая гравюра с автопортрета 1618 года П.-П. Рубенса (1577-1640), выдающегося фламандского живописца XVII века, приобретённая родом Медичи в свою богатейшую художественную коллекцию, выполнена гравёром из Нюрнберга Георгом Мартином Прислером (1700-1754) в 1733 году. Переводя язык живописи Рубенса на язык графики, показывая основные особенности изображения, он сделал это максимально точно с целью продемонстрировать главные качества оригинала.

Прислер в своё время был самым известным мастером портретной гравюры. Быть может, поэтому его работа вошла в итальянское издание 1748 года, приуроченное к открытию публичного музея: Галереи Уффици с обширным собранием автопортретов выдающихся художников, начиная с эпохи Возрождения. Редкий экземпляр уникального издания хранится в СКМИИ.

В музейных собраниях нашей страны немало работ Рубенса.

Ставропольское собрание представляет его опосредованно, через гравюры, воспроизводящие живописные произведения.

Религиозные композиции Рубенс создавал в стиле барокко с характерной для него приподнятостью, патетикой, бурным движением. «Мадонна со святыми» из галереи Касселя решена им в светском духе, с жанровым мотивом. Гравюра с картины музейного собрания в технике резца с использованием травления, офорта выполнена Уильямом Унгером (1837-1932), известным художником, учёным, педагогом, профессором графики в Венской академии. Основой художественной деятельности Унгера было воспроизведение, репродуцирование графическим способом картин старых мастеров и современных художников. В этой области он достиг совершенства.

Редкая в историческом плане и уникальная гравюра, выполненная Эрнстом Карлом Готлибом (1760-1834), профессором Королевской академии искусств в Дюссельдорфе, воспроизводит картину Рубенса «Младенцы Иисус и Иоанн», которая находится в одном из французских замков Луары – Шенонсо. Замок является частной собственностью, но открыт для посещения. Полотно Рубенса размещается в Зале Франциска I, рядом с парадным портретом короля. Композиция решена Рубенсом в том же жанровом ключе: пышущие здоровьем младенцы играют с овечкой – символом доброты и нежности Сына Божия. Мир Священной истории у Рубенса тесно связан с миром реальности.

В поздний период творчества Рубенс нередко писал пейзажи и сцены крестьянской жизни. Об одной из пейзажных композиций даёт представление гравюра Пьера-Этьена Муатт (1722-1780), французского художника-гравёра, известного своими обращениями к старым мастерам. Средствами гравюры он постарался выразить живописный темперамент Рубенса, который воплотил характерную для фламандской школы основу восприятия мира, – ощущение стихийной силы природы и тесно связанной с ней народной жизни.

Портретный жанр в живописи Фландрии отмечен яркой национальной самобытностью, образы трактовались с жизнеутверждающих позиций, с особым вниманием к неповторимой индивидуальности облика людей. Показателен в этом отношении «Женский портрет» кисти неизвестного художника XVII века, который, находясь в своё время в Эрмитаже, получил высокую оценку Александра Бенуа (1870-1960), художника и историка искусства, заведовавшего какое-то время отделом живописи Эрмитажа.

Мастерство фламандского портретиста красноречиво. Выразительно переданы черты лица, отражают строгое осознание

*Рембрандт Харменс ван Рейн (1606-1669)
Автопортрет. 1648
офорт, изображение 15,5x12,5 ЗГ- 46*

своего сословного положения так, что обстоятельный рассказ об изображённой личности, о месте, которое она занимает в обществе, соединяются с психологической убедительностью. С высокой степенью достоверности передано художником пластическое богатство разнообразных фактур тканей, кружев, атласных лент и украшений.

Видное место в истории европейского искусства занимает творчество фламандского живописца XVII века Якоба Йорданса (1593-1678), которое развивалось под влиянием Рубенса.

Но в широком диапазоне художественных проблем,

*Книп Йозеф Август (1777-1847) Ночлег у озера. 1831
дерево, масло; 62x85,5 ЗЖ – 9*

выдвинутых творчеством Рубенса, далеко не всё отвечало стремлениям Йорданса. Следуя собственным эстетическим идеалам, он нашёл свои оригинальные художественные приёмы. Писал картины с крупными фигурами, подчёркнутыми сильной светотеневой пластикой. Темы и образы своих произведений Йорданс черпал не только в реалиях бюргерского и фермерского быта, но также в античной мифологии, создавал религиозные композиции. В последних нет ничего буднично-прозаического. С одной из таких работ Якоба Йорданса «Святой Маврикий с ангелом» знакомит гравюра резцом П.-Ф. Басана по рисунку Ч.-Ф. Хутина, передающая необычайно красочную темпераментную живопись [примечания 1,2].

В распоряжении гравёра была только переkreщивающаяся линия, вырезанная на металлической доске, но пользуется он ею с такой лёгкостью, что не ощущается трудоёмкость его работы. Вот тиске на бумаге след резца очерчивает объёмы, разделяет прозрачную тень и ровное освещение поверхности подобно мазку Йорданса.

В процессе изучения коллекции открылся ряд важных и интересных сведений о музейных предметах, представляющих искусство Голландии. В СКМИИ старые голландцы немногочисленны

*Буицен Генрих (1803-1892) Пейзаж с замком. 1870
холст, масло; 87x122,5 ЗЖ – 3*

и весьма разнообразны. Они отражают неповторимые особенности голландской национальной школы, в том числе начальный, важный, этап в её формировании, а также достижения, которые в равной мере принадлежат двум видам искусства: живописи и графике.

Гравюра резцом и пунктиром британца Уильяма Френча (1815-1898) «Освобождение Петра» (Ангел выводит апостола Петра из темницы) воспроизводит картину Геррит ван Хонтхорста (1592-1656), который ранее, посетив Рим, испытал влияние Караваджо, увлёкся созданием искусственно освещённых сцен, имел большой успех и получил прозвище «Gherag из ночей». Мастерское использование Хонтхорстом светотени в духе Караваджо передаёт гравюра с картины Берлинского музея (1616-1618). Написанная художником религиозная сцена изображает Петра, пробуждающегося от прикосновения ангела, явившегося в сияющем свете. Живописные особенности этого полотна тонко воспроизведены в гравюре. Один из оттисков, который хранится в Ставропольском собрании, ранее принадлежал Донскому археологическому институту [примечание 3].

Автор гравюры, британец Уильям Френч, демонстрирует

совершенное владение техникой гравировки, умение передавать не только характер композиции, но и живописные особенности, колористическую тональность. В своё время он перевёл на язык графики большое количество картин современников.

Среди многочисленных учеников и последователей Хонтхорста имя великого Рембрандта Харменса ван Рейн (1606-1669), представителя Лейденской школы. Он создал около 300 гравюр в технике офорта, пришедшего на смену господствовавшим до начала XVII века ксилографии и резцовой гравюре. Разработал специальную технологию офорта, сделав его большим самостоятельным искусством.

Прекрасные образцы работы Рембрандта в этой области: «Автопортрет» (1648), «Нищий на костыле», «Портрет каллиграфа Коппенюля» переданы музею на постоянное хранение в 1964 году Государственным Эрмитажем.

Характерные особенности пейзажного офорта Рембрандта просматриваются в музейном оттиске с изображением старой голландской деревни, с типичными для того времени фахверковыми домиками с острыми фронтонами. Этот оттиск поступил в фонды музея позднее.

Голландскую живопись XVII-XIX веков в собрании СКММИИ представляют произведения портретного, пейзажного и анималистического жанра, отражающие характерные черты времени, а также индивидуальные особенности творчества художников. Среди них, как выяснилось, есть интересные мастера, малоизвестные сейчас зрителю. Например, брат и сестра Книп, представители целого клана художников, берущего начало в XVIII веке.

Три живописных композиции с изображением животных долгое время по документам передачи 1962 года приписывались одному автору – Генриетте Книп (без дат жизни) [примечание 4]. На самом деле её кисти принадлежит только одно полотно «Коровы на лугу» (1841), два других произведения, выполненные в 1831 году на деревянной основе, - работы её брата Йозефа Книп (1777-1847). [примечание 5]. Трагическая подробность жизни и творчества Йозефа Книп, который ослеп в 1832 году, создаёт особо пронзительную атмосферу восприятия его произведений, написанных в 1831 году. Особенно это относится к картине «Ночлег у озера», своеобразному живописному ноктюрну.

В ставропольское собрание входят четыре произведения второй половины XIX века, поступившие из Государственного Эрмитажа, три из них выполнены выпускниками Копенгагенской Академии художеств, наиболее прогрессивной для своего времени. Датская

школа мало известна у нас в стране. Количество имён датских художников в музейных собраниях сравнительно невелико. Тем более важно отметить хранящиеся теперь в СКММИИ.

Величавый морской пейзаж с видом на столицу Османской империи Стамбул (Константинополь) «Вид города Константинополя» написан в 1862 году Антоном Мельби (1818-1875), которого критики расценивали как одного из лучших маринистов, в том числе за пределами родины, и не имеющего себе равных в передаче морских волн. Даты жизни и сведения о художнике стали известны в ходе исследования.

Два видовых пейзажа с архитектурными мотивами, датированных 1870 годом, выпускника Копенгагенской Академии художеств Генриха Бунцена (1803-1892) академически традиционны, но не лишены свежести восприятия. Даты жизни и другие сведения о художнике тоже установлены впоследствии [примечание 6]. Изображены, как выяснилось, резиденции Датской королевской семьи.

На одном «Дворец в парке» запечатлён со стороны парка Фреденсборг (с датского буквально - «замок мира»), который и сейчас является весенней и осенней резиденцией датских монархов, наиболее используемой [примечание 7]. Архитектурное сооружение, в подробностях переданное художником, доминирует в пейзаже. Сохранившаяся бумажная наклейка на подрамнике свидетельствует о первоначальном местонахождении этого произведения – Шарлоттенлунд [примечание 8]. На другом полотне «Пейзаж с замком» Бунцен запечатлел летнюю резиденцию датского короля (до 1906 г.) – дворец Бернсторф и его живописные окрестности (так называемый Олений парк, Фазаний сад) [примечание 9].

Здесь принцесса Дагмара слушала сказки из уст самого Г.-Х. Андерсена. Бывала она и после того, как стала членом российской императорской семьи. Александр III во время летнего отдыха с азартом предавался здесь охотничьим забавам, особенно охоте на оленей.

Картина с изображением греческого пастуха на фоне Парфенона на Акрополе написана широко известной в Европе Элизабет Иерихау (1818-1881) в результате поездки в Грецию в 1869 году. Картина участвовала во всемирной выставке в Вене (1873), а в 1874 и 1879 годах выставлялась в Берлинской Академии художеств.

Перечисленные произведения датчан – бывшая собственность Александра III - находились в Аничковом дворце Петербурга. Император и его жена, императрица Мария Фёдоровна, были собирателями и покровителями искусства.

Во время посещения Копенгагенской фарфоровой фабрики в 1867 году наследником Александром Александровичем были приобретены образцы производства. Единственный образец копенгагенского производства в коллекции музея относится к началу XX века, выполнен в «датском стиле», ставшим синонимом стиля модерн в фарфоре. Это декоративная ваза с подглазурной росписью в виде листьев и плодов. Упрощённое изображение растительного орнамента сочетается с линейным, который восходит к древнему кельтскому стилю.

В процессе изучения коллекции декоративно-прикладного искусства определена художественная ценность и значение целого ряда предметов, имеющих отношение к знаменитому английскому керамисту Джозая Уеджвуду (1730-1795) и сотрудничавшему с ним скульптору и рисовальщику Джону Флакмену (1755-1826), которые создавали свой «чистый» классицистический стиль, копируя и соединяя вместе греческие, римские, этрусские, «помпеянские» образцы. Предметы из фаянса, яшмовой массы и фарфора Веджвудского производства музейного собрания дают яркую иллюстрацию изготавливаемых здесь предметов в XVIII-XIX веках.

На искусство Великобритании влияло её особенное географическое и историческое положение, отгороженность от европейской художественной традиции. Но в начале XIX века именно Великобритания стала проводником романтических идей в общеевропейском масштабе. Англию называю родиной романтизма.

Об одном из ярко одарённых живописцев-романтиков Томасе Лоуренсе (1769-1830), его подходе к портрету, даёт представление гравюра с оригинала (впоследствии вошедшего в собрание Эрмитажа), сделанная в 1823 году Сэмюелем Рейнольдсом (1773-1835). Это портрет графа Михаила Семёновича Воронцова, написанный в 1821 году во время пребывания в Лондоне.

Виртуозная живопись в гладкой манере, построенная на сопоставлении суровых чёрных и серых тонов, создающих мужественный и строгий цветовой аккорд, который поднимает силу образа, воспроизведена гравёром в технике акватинта, позволяющей дать живописное пятно и мягкие тоновые переходы.

История английского искусства знаменита своими гравёрами. В собрании музея представляет интерес гравюра на стали английского художника-иллюстратора и издателя Альберта Генри Пейна (1812-1902) «Ангелы-хранители» по рисунку Юлиуса Гюбнера. Соединение свойств отвлечённости и повествовательности, характерных для гравюры в целом, наблюдается в данном произведении. Выбор основы для гравирования – сталь, в отличие от более распространённой

мягкой меди при печати на оттиске даёт очень сдержанный, холодный в тоне эффект.

Искусство Северной Европы, представленное в собрании музея, является частью общей панорамы европейской художественной культуры XVII-XIX веков, многообразной и в социальном, и в стилистическом, и в региональном отношениях. Начиная с XVII столетия, искусство Северной Европы дало мировой культуре выдающихся зодчих, скульпторов, графиков, живописцев и мастеров прикладного творчества. Музейные предметы демонстрируют достижения некоторых из них. Показывают, как утверждались новые способы художественного видения.

В процессе изучения коллекции, представляющей искусство Северной Европы, выявлено её художественное и историческое значение, определено важное место в зарубежном собрании СКММИ.

Примечания:

1. Пьер-Франсуа Басан (1723-1797), французский гравёр и издатель. Своё собрание гравюр в шести томах опубликовал между 1761 и 1779 гг. Оно включало гравюры с картин французских, голландских и фламандских художников XVII века. Занимаясь распространением гравюр, Басан охватил широкую географию от Рима и Лондона, Стокгольма и Варшавы до Санкт-Петербурга.

2. Чарльз-Франсуа Хутин (1715-1776), французский скульптор, гравёр, художник, удостоенный звания академика (1747). В 1764 г. Хутин возглавил Королевскую академию искусств. Уделял много внимания репродуцированию картин, рисунки затем переводились гравёрами.

3. Ростовский-на-Дону (впоследствии Донской) археологический институт был учреждён в 1918 году как частное учебное заведение группой профессоров Донского университета. Основные задачи института учредители видели в научной разработке археологии, истории искусств и археографии со всеми сопроводительными дисциплинами, а также в подготовке специалистов для музеев, библиотек, театров и архивов. В институте была сформирована библиотека, музей, открыт кабинет научно-вспомогательных средств, фотолаборатория, реставрационная мастерская. Закрыт в июле 1922 года. Имущество передано Донскому университету.

4. Генриетта Гертруда Книп (1783-1842) родилась в Тилбурге, умерла в Харлеме. Первые художественные навыки получила у своего отца Николаса Фредерика Книп. С 1803 года жила в Париже, где проходила дальнейшее обучение у Герарда ван Спендока. В 1806 году возвратилась на родину. Известно немного её работ, и те, в большинстве своём в настоящее время находятся в частных

коллекциях. Из музеев – Музей Тейлера в Харлеме и Рейкемузеум в Амстердаме – являются обладателями её работ. В каждом по два цветочных натюрморта Генриетты Книп.

5. Йозеф-Август Книп (1777-1847) родился в Тилбурге, умер в Брананте. Учился у отца Н.-Ф. Книп. В 1801 уехал во Францию. Писал пейзажи. Несколько лет провёл в Италии, став обладателем приза Рима (1808). Здесь им написано более пятисот работ с видами римских памятников и пейзажей в неоклассическом стиле. В 1823-1827 годах он вновь живёт в Париже. Затем возвращается на родину. С 1832 года, потеряв зрение, перестаёт писать. Произведения Йозефа Книп находятся в музеях Нидерландов. В Лондонской Национальной галерее хранится картина «Зелёные горы» (1810).

6. Бунцен Генрих (29.09.1803г., Киль – 12.01.1892г., Ордруп). Основы изобразительного искусства освоил в немецком г. Киле. Изучал пейзажные офорты Антониса Ватерлоо (1610-1690), современника Рембрандта, чей пейзажный офорт представлен сейчас в коллекции СКМИИ (поступил в 1964 г. из ГЭ). В 1821 переехал в Копенгаген, где поступил в Академию художеств и неоднократно поощрялся как пейзажист. С 1850 – академик пейзажной живописи. Творчество Бунцена было признано рано. В 1831 году у ученика Академии приобрели пейзаж с ночным освещением в королевскую коллекцию для украшения летней резиденции в Шарлоттенлунде (находится ок. 10 км к северу от столицы). В окрестностях Шарлоттенлунда впоследствии у художника было своё небольшое поместье. В 1863 году Бунцен получил звание профессора, а в 1877 рыцаря ордена Даннеброга.

7. Фреденсборг – дворец на восточном берегу озера Эсрум. Расположен в 30 км. от Копенгагена. Архитектор Иохан Корнелиус Кригер. Строительство продолжалось с 1720 по 1726 год. Король Фредерик IV лично принимал участие в планировании здания и дворцового парка и тщательно следил за строительством. Один из залов дворца называется «русским», так как здесь собраны предметы прикладного искусства и живопись, связанные с Россией, в частности, портрет Николая II. В связи с годовщиной 500-летия первого российско-датского договора о дружбе художник Д.Д. Жилинский в 1993 году написал парадные портреты Маргрете II и её супруга. Эти картины украшают теперь один из залов Фреденсборга.

8. Шарлоттенлунд, дворец – бывшая королевская летняя резиденция. Назван в честь первой владелицы — датской принцессы Шарлотты-Амалии. В начале 1880 года был расширен по проекту Фердинанда Мелдала для семьи наследного принца Фредерика.

9. Бернсторф – родовой замок принцессы Дагмары, где часто

собирались со всей Европы её коронованные родственники. Мария-София-Фредерика Дагмар, дочь датского короля Кристиана IX, позднее российская императрица Мария Фёдоровна (1847-1928).

Бабенко В.Д.,

г. Ставрополь

*Ставропольский государственный музей
-заповедник, младший научный
сотрудник отдела этнографии*

К истории телевидения на Ставрополье (телевизионная аппаратура в фондах музея- заповедника)

елевещание на Ставрополье появилось еще в довоенные годы. Первая трансляция состоялась 9 октября 1935 года. Это было «механическое» телевидение, где в приемниках вместо привычного стеклянного кинескопа использовали «диск Нипкова», который вращался с помощью электромотора и выводил изображение размером со спичечный коробок. Качество картинки оставляло желать лучшего. Несмотря на такие недостатки, это было принципиально новое явление не только для жителей края и СССР, но и мира. Телевещание было не в каждой стране. И картинка, и звук транслировались через радиосигнал.

Ставропольцы могли быть зрителями подобного «чуда» до 1939 года, когда «механическое» телевидение было заменено на электронное, где в телевизорах был установлен стеклянный кинескоп [19, с.379]. Стоит отметить, что качественный скачок отбросил множество отдаленных от Москвы регионов из-за серьезного недостатка нового вещания: сигнал не получалось передавать на дальние расстояния, и телевидение ограничилось несколькими сотнями километров вокруг Москвы и Ленинграда. Довоенный период телевидения характерен тем, что оно не было доступным широким массам из-за дороговизны и сложности оборудования. К тому же смотреть трансляции со слабым сигналом на крошечном экране дорогого и ненадежного телеприемника было удовольствием сомнительным. Поэтому довоенное телевидение в СССР, и в частности на Ставрополье, носило опытный, «любительский» характер, телеприемников было ничтожно мало и по этой причине

данный этап в музейном собрании не отражен.

Регулярное телевидение на Ставрополье началось 19 сентября 1959 г., когда был введен в строй Пятигорский телецентр. К тому моменту телевидение СССР стремительно развивалось: расширялся охват телеаудитории, появлялись новые передачи в сетке вещания. Несмотря на то, что к концу 1950-х гг. вещали всего два телеканала, которые можно было увидеть лишь в крупных городах, активно велись эксперименты по разработке цветного телевидения и изображения высокой четкости. В годы «оттепели» телевидение вышло за рамки научных лабораторий, «развлечения» для радиолюбителей и узкого круга владельцев дорогих телеприемников. Телевизор стал неотъемлемой частью домашнего быта.

Именно в годы хрущевской оттепели в коллекции нашего музея появился первенец телевизионной коллекции - «Знамя-58». По воспоминаниям бывшей сотрудницы музея Людмилы Александровны Ивановой, это был первый в Ставрополе телевизор, и «народ валом валил» посмотреть на новейшее техническое достижение [14, с. 71]. В музейных актах говорится о том, что «Знамя-58» - телевизор I класса (самого высокого). Он был приобретен в Ленинграде, в магазине № 95 Ленкультторга, за 2600 рублей (средняя зарплата рабочего того времени составляла от 600 до 770 руб.). Покупка была сделана музеем через заместителя директора Вениамина Вениаминовича Госданкера 15 июня 1959 года, за два месяца до начала регулярного телевидения в крае. Телевизор экспонировался в зале «Культура и быт трудящихся края» [2]. Аппарат использовался как действующий экспонат, поэтому его состояние близко к идеальному. Это один из самых удачных советских телевизоров, отличавшийся хорошим дизайном и качественным приемом телесигнала.

Первым массовым телеприемником в СССР стал «КВН-49». В собрании Ставропольского государственного музея-заповедника находится модель «КВН-49-4», выпускавшаяся с 1953 по 1958 годы. Данный приёмник использовался в Крайкоме партии и был списан как устаревший; в фонды музея он был передан в 1981 году. Сейчас он экспонируется в зале этнографии [3]. «КВН-49» для многих советских людей стал первым в жизни телевизором и на просмотр передач и фильмов собирались большой компанией. Телеприемник обладал рядом недостатков, которые упоминались в инструкции [15, с.10]. Он имел небольшой экран, часто подвергался поломкам, но был знаковым аппаратом для истории советского телевидения.

Начало телевизионной эры для ставропольцев совпало с постановлением Совета министров СССР от 18 августа 1961 года «Об отмене регистрации в предприятиях связи радиоприемников

и телевизоров и взимания абонентской платы за пользование ими». Несмотря на отмену такого архаичного налога, было решено повысить розничные цены на радиоприемники на 15%, и на телевизоры на 20%. Это не остановило прогресс и в середине 1960-х гг. в продаже появились лампово-полупроводниковые, а позднее - транзисторные телевизоры. В отличие от ламповых, они были более быстродействующими, компактными и энергосберегающими.

Телевидение вызвало огромный интерес у советских граждан, поэтому возник стабильный спрос на телеприемники. В Ставропольском крае к маю 1962 года их было около 20 тыс. штук [1, с. 493]. Телевизоры можно было приобрести в магазинах электротоваров, либо сразу купив массовую дешевую модель (к которым можно отнести «КВН-49» и «Старт»), либо отстояв очередь за более продвинутой моделью. В городах СССР стали возникать телеателье (или бюро гарантийного обслуживания), организованные Министерством связи, а позднее республиканскими министерствами бытового обслуживания населения, куда можно было отнести телевизор на гарантийный ремонт. Адреса пунктов печатали в инструкции до конца 1960-х гг. Одно из таких ателье находилось в Пятигорске на ул. 40 лет Октября, 93.

Начиная с 1970-х гг. сеть гарантийных мастерских активно расширялась, и пункты появились во всех средних и крупных городах страны. Многие советские люди имели представление об электротехнике и могли самостоятельно устранять неисправности, пользуясь инструкцией, которая всегда шла в комплекте с техническим товаром.

Инструкция к телевизору представляет отдельный интерес. В ней находилась вся необходимая информация не только для потребителя, но и для специалистов по ремонту. В большинстве инструкций по эксплуатации прилагались схемы строения аппарата. Советская радиотехника не могла похвастаться высокой надежностью, но ее легко можно было отремонтировать. Можно предположить, что экономике тех лет было выгодно выпустить товар для длительного пользования ради того, чтобы не перегружать производство большим количеством продукции. Примечательна инструкция к телевизору «Темп-3» [6,], где очень информативно и наглядно объясняли принцип работы, перечисляли причины возможных неполадок и адреса телеателье. [17, с. 4].

Значительная часть телевизоров собрана в двух музейных коллекциях. Первая появилась 31 октября 1996 года [8]. Она состоит из технических средств советской эпохи, бытовавших в головном музее. Среди 29 единиц хранения в ней числится портативный

телевизор «Юность Р-603». Вторая была сформирована 6 сентября 2001 года. В ней числятся 16 образцов аппаратуры, переданной музею безвозмездно в рамках выставки «Старая техника» [11]. Оформил коллекцию старший научный сотрудник отдела истории Владимир Васильевич Незнанов. Телевизоры этой коллекции олицетворяют развитие советской науки и промышленности в целом, и ставропольского телевидения в частности.

В фондах музея-заповедника хранятся в основном ламповые телеприемники 1950-1960 гг. [6] и лампово-транзисторные телевизоры черно-белого изображения эпохи «развитого социализма» 1960-1980 гг. выпуска [4]. Среди них есть один из самых массовых аппаратов в истории советской телевизионного производства - «Рассвет-307» [10]. Он был значительно дешевле цветных аналогов и надежнее многих других приемников. Необычной конструкцией обладал «Горизонт-104». Аудиосистема была выполнена в виде подставки под телевизор и описана как отдельный экспонат [13].

Цветное вещание в СССР началось 1 октября 1967 года и в тот же день в продаже появились цветные телеприемники. Музей хранит три модели цветных советских телевизоров: два экземпляра «Рубин-714» (1982 г.) и «Электрон-710» (1980-е гг.) [9]. «Рубин-714» оказался «долгожителем» конвейера; его производили с 1976 по 1985 годы.

С развитием транзисторной электроники техника становилась все более компактной. С конца 1960-х гг. в продаже появились переносные телевизоры. Один из таких числится в фондах – «Электроника 409-Д», выпускавшийся на Хмельницком заводе «Катион» с 1980-х гг. В книге «Товароведение непродовольственных товаров» 1989 года говорится, что с помощью переносных телевизоров успешно решают проблему второго телеприемника [18, с.417].

С изменением реалий в 1990-х гг. переносные телеприемники часто стали использоваться в качестве мониторов для камер наружного слежения. На Северном Кавказе также было предприятие, где производили телевизоры. Это завод СКЭП в г. Нальчике. В 1990-е гг. завод производил портативные телевизоры «СКЭП-Нальчик». В фондах музея хранится такой телевизор, его сдал на хранение директор музея-заповедника Николай Анатольевич Охонько, который получил эту технику за разработку герба края [12].

Как правило, компоненты для советской бытовой техники производили на разных заводах во всех концах страны. Одно из ставропольских предприятий изготавливало составляющие для телевизионной техники, а именно Ставропольский завод химреактивов, где занимались получением особого вещества –

люминофора, которым покрывали внутреннюю сторону кинескопа. Электронный луч, попадая на ячейку с люминофором, заставляет ее светиться, тем самым формируя изображение на экране.

Большинство образцов советской радиотехники не обладало встроенной защитой от скачков напряжения. Промышленность выпускала специальные приборы – стабилизаторы. Использовать телевизор без стабилизатора не рекомендовалось.

На ставропольском заводе «Электроавтоматика» производили модель СПИ-400, один из образцов хранится в фондах музея. Стабилизатор был передан горкомом КПСС в 1985 году, где его демонстрировали как одно из достижений местной промышленности. В музейном собрании числятся еще три подобных прибора: СН-200 «Жигули» Тольяттинского ПО «Трансформатор», УСН-200 «Таврия» Запорожского трансформаторного завода и СНБ-200 завода «СевКавЭлектроприбор» (г. Нальчик) [5].

С появлением на рынке импортных телевизоров отечественные производители предельно сократили производство к началу 2000-х гг. Советские телеприемники доживали свой век благодаря хорошей пригодности к ремонту и большому количеству «донорских» аппаратов, откуда можно было извлечь запчасти. В наши дни найти советский телевизор в рабочем состоянии становится все более трудной задачей по причине содержания цветных и драгоценных металлов в их компонентах, хотя их сбор приносит совсем небольшую прибыль. Например, в модели «Рекорд 350Д» содержалось 0,08 г. золота, 2,5 г. серебра и 280 г. меди [16, с. 2]. Это крайне малое количество, к тому же подобная добыча драгметаллов по российскому законодательству считается незаконной.

Телевидение проделало большой путь от экспериментальных лабораторных систем до спутниковых передатчиков, транслирующих телесигнал на огромную территорию страны. Телевизоры в Советском Союзе постепенно превратились из «игрушек» для специалистов в необходимый атрибут быта для большинства населения страны. Историю телевещания можно проследить по экспонатам Ставропольского государственного музея-заповедника. Эти вещественные исторические источники хорошо отражают историю развития телевидения в СССР. В собрании музея-заповедника хранятся аппараты, которые стали знаковыми не только в научно-технической истории нашей страны, но и в культуре советской повседневности.

Использованная литература и источники:

1. Письмо директора краевой студии телевидения А.Г. Шелукова секретарю крайкома КПСС Ф.Д. Кулакову о содействии в материально-техническом обеспечении студии // Голоса из провинции. Жители Ставрополя в 1941-1964 годах: сборник документов / Сост. В. Белоконов, Т. Колпикова, Г. Никитенко. Ставрополь, 2011. С. 493-494.
2. СГМЗ. Оф. 13440.
3. СГМЗ. Оф. 21614.
4. СГМЗ. Оф. 24132, 31303/2, 31303/8, 31303/9, 31303/10, 31303/12, 34290.
5. СГМЗ. Оф. 24151, 34291, 37149, 37150.
6. СГМЗ. Оф. 25541/1, 26362, 29032, 31303/3, 31303/4, 31303/5, 31303/6, 31303/11.
7. СГМЗ. Оф. 29032.
8. СГМЗ. Оф. 29367/1-29.
9. СГМЗ. Оф. 30352, 28845.
10. СГМЗ. Оф. 31303/1.
11. СГМЗ. Оф. 31303/1-16.
12. СГМЗ. Оф. 31303/13.
13. СГМЗ. Оф. 37107/1-2.
14. Селунская И. Ставропольский государственный краеведческий музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе. Роман о музее. Пятигорск, 2005. С. 71.
15. Телевизионный приемник «КВН-49-4». Краткое описание и инструкция. М., 1956. С. 10.
16. Телевизор «Рекорд 350». Инструкция по эксплуатации. Александровский радиозавод. Александровск, 1989. С. 2.
17. Телевизор «Темп-3». Описание и инструкция по эксплуатации. М., 1956. С.4.
18. Товароведение непродовольственных товаров. М., 1989. С. 417.
19. Телевидение на Ставрополье // Энциклопедический словарь Ставропольского края. Ставрополь, 2006. С. 379.

Бородина С.Н.,

*г. Ставрополь, Ставропольский
государственный музей-заповедник, старший
научный сотрудник отдела истории*

**Феномен популярности «цыганского»
начала XX в. (по материалам коллекции
грампластинок ставропольского купца
А.Т. Иванова из фондов СГМЗ)**

В этом 1968 года в фонды Ставропольского краеведческого музея поступила интересная коллекция грампластинок дореволюционного периода, принадлежавших известному ставропольскому купцу

и промышленнику Алексею Тимофеевичу Иванову. В разгар Гражданской войны в России семья Ивановых, бросив все, бежала сначала в Болгарию, а затем обосновалась в Германии [1, с. 122]. Личные вещи, предметы быта купцов Ивановых сохранил доцент Ставропольского педагогического института Александр Сергеевич Гончаров. После его смерти вещи были приобретены музеем.

Купцы Ивановы внесли свой особый вклад в развитие Ставрополя. В семье было четверо сыновей. Алексей Тимофеевич был вторым сыном. В городе Ставрополе он купил усадьбное место на Театральной улице вместе со зданием первого на Северном Кавказе русского театра, которое он отреставрировал. Это стало своего рода вторым рождением театра, где с 1880-х гг. выступали выдающиеся артисты, в том числе В. Комиссаржевская, Л. Собинов, М. Писарев, Г. Федотова, Ф. Шаляпин. Театр Алексея Иванова стал и первым предвестником рождающегося кинематографа в России. [1, с.121]

Увлечение музыкой нашло отражение в собранной им коллекции грамзаписей. В фондах Ставропольского государственного музея-заповедника сохранилась 21 грампластинка периода конца XIX – начала XX века из личного архива А.Т. Иванова, где самая поздняя грамзапись датируется 1905 годом.

С началом XX века распространению популярной музыки в России способствовало появление граммофонных пластинок от фирмы «Граммфонъ». История этой компании неразрывно связана с американским изобретателем Эмилем Берлинером. В патенте, выданном правительством США 8 ноября 1887 года, Эмиль Берлинер предложил новый метод для записи и воспроизведения звуков. В 1893 году Берлинер основал в Вашингтоне «Граммфонную Компанию». Первые грампластинки были выпущены в ноябре 1894 года под торговой маркой «Берлинер Граммфон» [2]. Практически все грампластинки из коллекции Иванова выпущены под маркой «Берлинер Граммфон».

Граммпластинка с ее многотысячными тиражами сыграла решающую роль в популяризации выдающихся оперных и эстрадных исполнителей [3, с. 18].

В коллекции Иванова выделяются десять грампластинок с известными цыганскими романсами. В 1880-1890-е гг., когда цыгане стали петь в купеческих ресторанах, произошел заметный перелом в музыкальной стилистике цыганского пения. Вкусы подгулявшего купечества очень скоро наложили весьма своеобразный отпечаток, как на песенный репертуар, так и на манеру исполнения цыганских певцов [4, с. 8].

Для начала XX века было характерно стремление артистов приспособить свои эстрадные выступления под «цыганский стиль», перенять вокальные и актерские приемы настоящих цыган и даже подделаться под их внешний облик.

Но при всем том традиционный жанр «цыганского» романса продолжал жить и развиваться в массовом обиходе российского общества. На эстраде выдвигались новые талантливые мастера, захватившие русскую аудиторию своим самобытным пением, как бы стилизованным «под цыганское»: публика с интересом приняла их искусство, несмотря на репертуарную ущербность и безвкусицу вырождавшейся «цыганщины» [5, с. 8-9].

Первые годы нового столетия, особенно период между двумя войнами, 1904-1914 гг., ознаменовались повсеместным и бурным увлечением русской эстрадной песней. Появились новые исполнители, чьи имена прозвучали на всю Россию.

Популярность Варвары Паниной достигла исключительных масштабов. Современники считали Панину последней представительницей подлинно цыганского песенного искусства, так увлекавшего русских людей еще с конца XIX века. Пением знаменитой цыганки увлекались художники и писатели, офицеры и студенты, представители придворных кругов [6].

«Божественная Варя Панина» - записал в своем дневнике 1913 года Александр Блок. О «последней из могикан» цыганского пения с уважением писал А.И. Куприн: «... Слыхал – увы! - лишь в граммофоне, - Варю Панину. Заочно понимаю, какая громадная сила и красота таились в этом глубоком, почти мужском голосе». Также среди искренних почитателей певческого таланта Варвары Васильевны Паниной был Лев Николаевич Толстой, смолоду увлекавшийся романтической стихийностью старомосковского цыганского пения [7 с. 9].

В коллекции купца Иванова пять грампластинок с записями Варвары Паниной.

Среди них грампластинка с известным цыганским романсом «Нищая» [8]. Это романс середины XIX века композитора Александра Алябьева на стихи Пьера Беранже в переводе на русский язык Дмитрия Ленского. Нет точных сведений о том, когда романс «Нищая» впервые прозвучал со сцены. Романс входил в репертуар выдающихся певцов. Известно, что впервые этот романс был записан на пластинку баритоном М.А. Максом в январе 1902 года, но большую популярность получила запись 1905 года в исполнении Вари Паниной [9].

Так же в купеческую коллекцию вошли романсы «Не говори

холодного прости» [10], «Я б умереть желал» [11], «Оставь его» [12], «Вчера я видел Вас во сне» [13].

Романс «Оставь его» является одним из самых популярных в 1903 году. Написан был примерно в 1890 году, музыка Федора Шишкина, слова Николая Небаронова. Впервые записан на грампластинку Варей Паниной под аккомпанемент гитары в 1903 году [14, с. 40].

Еще одна интересная композиция – романс «Ай, да пускай свет осуждает» [15], слова и музыка Сергея Ильича Зилоти. Впервые он был записан на грампластинку Анастасией Вяльцевой. Автор романса, родной брат выдающегося пианиста Александра Зилоти и двоюродный брат Сергея Рахманинова, погиб в начале Первой мировой войны [16].

Кажется, ни о ком из эстрадных корифеев начала XX века не высказывались столь противоречивые, даже взаимоисключающие мнения, как об Анастасии Вяльцевой. Одни называли ее «яркой жрицей пошлости», ставили ее «вне области искусства», другие преклонялись перед ее талантом [17, с. 48].

В противоположность Варе Паниной, донесшей до современности давние традиции русско-цыганского пения, Вяльцева создала новейший жанр салонного романса, в котором был достигнут модернизированный сплав старого и нового: традиции эстрадной «цыганщины» сочетались с рафинированной чувственностью современной оперетты, с фривольностью и развлекательным шиком ресторанной шансонетки. Если Варя Панина хранила романтические традиции, то Вяльцеву можно было считать порождением новой буржуазной эпохи. Она олицетворяла собой эталон женского обаяния и женской красоты этой эпохи [18, с. 50].

Популярность Вяльцевой в начале XX века была огромна. Ее называли «Чайкой русской эстрады» и «русской Золушкой», превратившейся из простой горничной в одну из самых известных женщин России. Концерты Вяльцевой всегда вызывали шумный успех, а граммофонные пластинки с ее записями выходили огромными тиражами [19].

Известный романс Николая Зубова «Под чарующей лаской твоей» [20] на стихи А. Маттизена также вошел в коллекцию Иванова. Посвятил его Зубов Анастасии Вяльцевой, которую впервые услышал на концерте в Петербурге в 1899 году. С первого взгляда он был совершенно очарован ею. Впервые на грампластинку романс был записан Анастасией Вяльцевой в сопровождении фортепиано в 1901 году.

Николай Владимирович Зубов – один из популярнейших

композиторов конца XIX - начала XX веков, сочинения которого были утрачены в советское время, за исключением нескольких романсов. Его жизнь и творчество были проникнуты глубоким чувством к Анастасии Вяльцевой — несравненной звезде эстрады «Серебряного века» [21].

Вирус эстрадной «цыганомании», вспыхнувшей подобно эпидемии, в первые годы XX столетия, оказался чрезвычайно живучим. Еще один представитель цыганского романса Николай Георгиевич Северский. Он сыграл заметную роль в развитии процесса «цыганизации» русской оперетты (смыкание оперетты с эстрадой, появление цыганской тематики в сюжетах). Его имя входит в моду с середины 1890-х гг. Он выступал на сцене вместе с Анастасией Вяльцевой [22].

Романс «Тихо, так тихо» [23] был написан в 1901 году поэтессой и композитором Марией Ивановной Перроте. Впервые был записан на граммпластинку баритоном Николаем Северским под аккомпанемент фортепиано в 1902 году [24].

Капиталистический подход в организации работы на эстраде проявился в массовом производстве граммофонов и граммпластинок. За короткий срок – с 1900 по 1907 годы – в России было продано около полумиллиона граммофонов [25, с. 16].

Многое из того, что пелось на русской эстраде в начале XX века, безвозвратно кануло в прошлое. Часть репертуара была увезена за границу эмигрантами. Песенный репертуар дореволюционной России был стихийно сметен мощной волной новых песен – революционных, динамичных. Но необычайно долговечной оказалась традиция «цыганского» романса, вновь воскресшая в годы НЭПа и впоследствии не раз возникавшая на отечественной эстраде и в быту в качестве живучего пережитка.

Сохранившаяся коллекция граммпластинок с «цыганскими» романсами в фондах Ставропольского государственного музея-заповедника вызывает интерес и в наше время. В увлеченности этим жанром, в его лучших дореволюционных традициях, есть некая прочная художественная преемственность, отвечающая определенным духовным запросам русской жизни, русского национального характера. А музыкальные предпочтения, бытовавшие в купеческой среде, дают возможность дополнить образ русского купца начала XX века.

Использованные источники и литература

1. Г. Беликов. Ставрополь – врата Кавказа. Ставрополь, 1997 г.
www.stihi.ru/2014/06/03/6979
2. И. Нестьев. Звезды русской эстрады. Москва, 1974 г.

3. Там же.
4. Там же.
5. www.stihi.ru/2014/06/02/6956
6. И. Нестьев. Указ. соч.
7. СГМЗ. О.ф. 15346/57
8. www.stihi.ru/2014/06/02/6956
9. СГМЗ. О.ф. 15346/58
10. Там же. О.ф. 15346/62
11. Там же. О.ф. 15346/64
12. Там же. О.ф. 15346/69
13. И. Нестьев. Указ. соч.
14. СГМЗ. О.ф. 15346/67
15. www.stihi.ru/2014/06/02/6956
16. И. Нестьев. Указ. соч.
17. Там же.
18. www.stihi.ru/2014/06/02/6956
19. СГМЗ. О.ф. 15346/68
20. pogudin-oleg.ru/forum/6-1365-1
21. <http://7lafa.com/pagebiomusicians.php?id=40033>
22. СГМЗ. О.ф. 15346/70
23. www.stihi.ru/2014/06/02/6956
24. И. Нестьев. Указ. соч. Стр. 16

Гальфингер Н. А.,

г. Ставрополь,

Ставропольский государственный музей-заповедник, главный хранитель фондов

Ятаганы

**в фондах Ставропольского
государственного
музея-заповедника**

а всю историю Ставропольского государственного музея-заповедника в книгах поступлений было зарегистрировано пять османских ятаганов.

Следы единственного ятагана из коллекции оружия, собранной Г.Н. Прозрителевым и представленной в экспозиции военного отдела Ставропольского музея Северного Кавказа [1, с. 23], потеряны. Утрачен ятаган с костяной рукоятью и золотой насечкой на клинке,

поступивший в 1936 году в составе собрания Северо-Кавказского краевого музея горских народов им. большевика Муссы Кундухова (г. Ростов-на-Дону) [2, л. 26]. Ныне в музее-заповеднике хранится три ятагана, и каждый из них – интересный коллекционный образец.

1. Ятаган с ножнами в серебряном футляре поступил в музей в 1936 году из Северо-Кавказского краевого музея горских народов [3; рис. 1]. Украшение его ножен свидетельствует о высоком мастерстве ювелиров Османской империи. По центру, где ножны удерживаются рукой при извлечении ятагана, деревянная основа оплетена тонким черным кожаным шнуром, выше и ниже – покрыта серебром. Устье украшает имитация обвития тесьмой или галуном, выполненная в технике скани и ложной филигрании. Остальная поверхность сплошь покрыта тонкой чеканкой. Рисунок включает три типа сюжетов. Изображения боевых трофеев (стволов пушек, боевых топоров, горячей гранаты, знамен и бунчуков, частью с наверхшиями в виде полумесяцев) чередуются с элементами архитектуры (купол мечети с башней минарета, иногда под сенью кипарисов) и растительными композициями из гранатовых веток с колокольчатыми цветами и ваз, наполненных спелыми плодами граната. Каждый из перечисленных элементов рисунка является светским или религиозным символом: воинской доблести и победы (трофеи); ислама (полумесяц); трансцендентальности Аллаха, божественной, совершенной красоты (купол мечети) и величия (минарет); преодоления смерти и возрождения (кипарис); богатства в жизни земной и улады для праведников в цветущем саду мусульманского рая (гранат) [4, с. 428; 5, с. 382; 6, с. 383]. Хотя в рисунке доминируют ориентальные и исламские мотивы, он имеет мало общего с восточными орнаментами и выполнен в стиле рококо, господствовавшего в Европе в 1730-1780-х гг. Все сюжеты заключены в виньетки из характерных для этого стиля рокайлей; вазами для гранат служат плоские створки раковин, похожие на гребешки волн. Духу рококо соответствует и декоративная эффектность рисунка, искусственность в сочетании его элементов, например, вазы-волны и лопнувших от зрелости плодов граната; причудливых завитков и геометричных архитектурных форм [7, с. 27-28]. Выраженная эклектика «восточного» содержания и «западного» стиливого исполнения в украшении оружия появилась в Османской империи в середине XVIII века, когда приглашенные султаном европейские мастера по европейской же моде украшали построенные ими сооружения [8, с. 57]. В собрании Государственного исторического музея (далее – ГИМ) есть балканская сабля и ятаганы с аналогично украшенными ножнами [8, с. 56, 124; 141, 151; 9]. Судя по их оформлению, утраченный конец ножен рассматриваемого ятагана

*Ятаган Оф. 27825/1-2.
«Уши» рукояти, клеймо
на клинке, фрагмент серебряного
футляра ножен.*

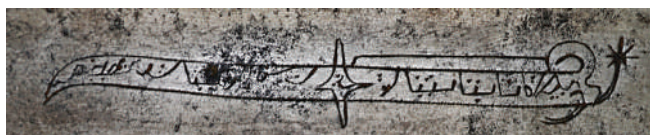
был отлит в виде головки дельфина.

Украшение рукояти уступает богатой отделке ножен, хотя и здесь оклад оформлен серебром, орнаментированным чеканкой. Изящные «уши» роговых щечек похожи на крылья мотылька – тип 4 по Аствацатурян [8, с. 139]. Они довольно тонкие и хрупкие, поэтому ятаган был изготовлен, скорее, как статусный элемент костюма, хотя мог использоваться и как оружие. Клинок длиной 53 см. – плоский, легкий, маневренный, с близким к рукояти центром тяжести. Такие характерные для ятаганов детали, как фигурные накладки на пяте клинка, утрачены. После реставрационной чистки клинка не осталось даже их следов.

Слева на клинок в технике серебряной насечки нанесены клеймо и миниатюрная веточка с бутоном розы. Клеймо по характерному рисунку и технологии выполнения (инкрустация стали серебряной проволокой по канавке с зазубренными краями) аналогично клеймам группы ятаганов из коллекции ГИМа, датированных 1787-1824 гг., территорией изготовления которых считается Западная и Центральная Анатолия [8, с. 147-149]. Это читаемый справа арабский текст «Работа [имя] владелец [имя]», где последняя буква слова «сахиб» (написанного отдельными буквами – صاحب) – т.е «владелец», удваиваясь, увеличиваясь и закругляясь кверху, образует медальон, а затем переходит в линию над строкой. Внутри медальона вписано имя владельца. Медальон окружают лепестки, превращая его в стилизованный подсолнух, линия над текстом украшена орнаментом

Полоса ятагана Оф. 37989
и изображения на ней

из бутонов и кружков и заканчивается декоративной стрелой. Характерная для этого типа клейм дата изготовления не выявлена.

Судя по аналогам, это дорогое художественно оформленное оружие с именем владельца на клинке изготовлено по заказу в центральных или западных областях Малой Азии и относится к типичным ятаганам периода их массового распространения с конца XVIII века до 1826 года, когда янычарский корпус был упразднен.

2. Второй ятаган – это полоса, т.е. клинок с хвостовиком, без рукоятки и ножен [10; рис. 2].

На хвостовике три отверстия под заклепки рукоятки. На пяте плоского клинка следы от накладок, имевших волнистый край. Справа на клинке выгравирован картуш в виде клинкового оружия с крестовидной гардой, которая делит его на почти равные по длине прямой клинок с резко отогнутым острием и рукоять с кожаной обмоткой, «ушами» в виде головки берцовой кости и темляком со звездчатой кисточкой. Изображенный в качестве картуша предмет является стилизацией, сочетающей черты разных видов оружия – ножа ятаганного типа и сабли. В коллекции ГИМа есть несколько ятаганов с подобными рисунками на клинках, Аствацатурян относит их к группе «ятаганы с изображением ножа» [8, с. 165]. Возможно, такие картуши были своеобразным товарным знаком, характерным для определенной местности или мастерской. В картуш, на клинке изображенного оружия, вписан арабский текст «Хозяин и владелец [имя]».

Слева на клинке выгравировано характерное для этой группы ятаганов квадратное клеймо в зубчатой рамке с именем мастера, а ниже – изображение в виде трезубца с кружками на концах зубцов и с цифрами «4» и «2» между зубцами. Это изображение позволяет отнести ятаган к разряду малочисленных и редких образцов. Похожие

Трофейные знамена 5-й и 61-й янычарских орт XVIII – начала XIX вв.

эмблемы (но без нижней перекладины трезубца, более похожие на три вертикальные булавы, далее – «трезубцы») имеются на двух трофейных знаменах XVIII – начала XIX вв. 5-й и 61-й янычарских орт, хранящихся в Государственном мемориальном музее А.В. Суворова [11, с. 57; рис. 3].

Орта – это основное подразделение янычарского корпуса (оджака). 196 орт различались своим происхождением, местом в иерархии оджака, наименованием, численностью, возложенными на них обязанностями, имели собственное знамя, систему символов и дислоцировались каждая в своей достаточно изолированной от внешнего мира казарме (ода). Эмблема орты помещались на её знамени, вывешивались над воротами ода, украшала военный шатер в походе, татуировались на руках и ногах янычар [11, с. 132; 12, с.28]. Существовала и практика нанесения эмблемы на личное оружие. На устье ножен турецкого кинжала из собрания Государственного музея-заповедника «Царское село» процарапана эмблема 31-й орта в виде якоря [11, с. 108].

Эмблемы на знаменах орт 1680 года в зарисовках итальянского ученого Л.Ф. Марсиллы и на трофейных знаменах, попавших в Россию во время русско-турецких войн 1768-1812 гг., не всегда совпадают, так как относятся к разным периодам существования янычарского корпуса [11, с. 133-155; 12, с. 21]. Марсиллы приводит эмблемы подразделений с номером 42 (а их было два: 42-я орта джемаата¹⁵ и

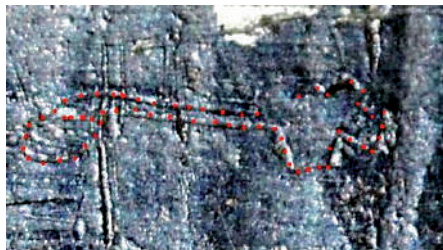
15 Джемаат и бёлок – две из трех частей янычарского корпуса

42-я орта бёлюка), но это не «трезубцы». В свою очередь, «трезубцы» на знаменах 5-й и 61-й орты из российских музеев отсутствуют в эмблематике янычарского корпуса по Марсильи. Рассматриваемый ятаган мог оказаться в России не ранее трофейных знамен. Исходя из аналогичных изображений на знаменах 5-й и 61-й орты оджака, можно с высокой долей вероятности утверждать, что ятаган изготовлен для одного из воинов 42-й орты джемаата, и оружейник по просьбе заказчика нанес на клинок эмблему этого подразделения янычарского корпуса.

В середине XVIII века янычарский корпус был многочисленным, в нем насчитывалось 113 400 человек [12, с. 11], и до нашего времени сохранилось большое количество ятаганов и другого османского оружия. Однако эмблема орты на них – большая редкость. В исследованных источниках данный феномен не рассматривается вообще, но причин этому может быть несколько. Во-первых, ятаганы и кинжалы были оружием личным, обязательных клейм принадлежности к войсковому формированию не имели, и знак орты мог быть нанесен на оружие только по желанию владельца. Во-вторых, существовала практика продвижения янычар по службе путем перевода через 2-8 лет или после восшествия на престол нового правителя в другую, более высокую в иерархии корпуса, орту [11, с. 51; 12, с. 31]. Нанесение на оружие эмблемы места текущей службы и планы карьерного роста, возможно, противоречили друг другу. Но даже если практика подобной маркировки и была широко распространена, то такое оружие в первую очередь разделило судьбы своих владельцев: когда в 1826 году янычарский корпус был упразднен, многие янычары, поднявшие мятеж, были убиты и казнены, а материальные свидетельства их существования уничтожены настолько тщательно, что турки во второй половине XIX века открывали историю янычар для себя заново [11, с. 29]. Немногие предметы с символикой оджака сохранились в основном за пределами Османской империи.

Именно поэтому внешне непримечательная полоса ятагана имеет большую историческую ценность. Эмблема орты позволяет уверенно датировать ятаган периодом до 1826 года. А вот установить источник его поступления в музей не представляется возможным. За годы хранения предмет утратил первичную маркировку и был поставлен на государственный учет как незарегистрированный только в 2011 году. Может быть, это упомянутый выше образец из военного отдела Ставропольского Музея Северного Кавказа, о котором Г. Н. Прозрителев написал так: «Турецкий ятаган, сабля

Ятаган Оф.11783. Рукоять, клеймо на клинке, имитация клейма на накладке

изогнутая острием внутрь, с арабск. надписью»?

3. В июне 1926 году Иван Петрович Ермолаев¹⁶ передал в дар Ставропольскому центральному народному музею им. М.В. Пявие «старую турецкую шашку» [13: рис. 4]. Это ятаган, действительно «старый», сплошь порытый плотными окислами, с клинком, разорванным по центру вследствие сильного рубящего удара. Изготовлен он был без художественных изысков, как полевое оружие. Ножны не сохранились. Клинок имеет Т-образный профиль за счет широкого обуха и максимальную для ятаганов длину 75 см. Таким ятаганом можно нанести рубяще-режущий удар противнику, не вступая в непосредственный контакт с ним. Для эффективного управления столь длинным клинком центр тяжести ятагана смещен к боевому концу путем заметного расширения клинка в нижней трети. Рукоять образована мощным хвостовиком и имеет Т-образную форму: роговые щечки с прочными маленькими «ушами» в виде округлых крыльев расходятся от оси клинка под прямым углом – тип 19 по Аствацатурян [6, с. 139]. Мелкие «уши» не дают достаточного упора для кисти при протягивании клинка на себя во время режущего удара. Скольжение руки по рогу в условиях боя предотвращает

съемная кожаная накладка на черен. Она фиксируется шнуровкой; концы кожаного шнура обвиты и закреплены под «ушами». В «парадном» варианте лоскут кожи мог сниматься, и тогда становилось видным скромное украшение рукояти – тоненький серебряный оклад с примитивным кустарно выполненным орнаментом из зигзагов и ромбов.

На клинке слева штампом выбито клеймо в виде круглой гранаты с арабографичным именем мастера. Традиционные накладки на пяте клинка грубо вырезаны из листового олова или мягкого сплава. Их форма, а также процарапанные на них рисунки и надписи крайне примитивны, безыскусны и подражательны. На правой накладке надписи в две строки с допущениями можно прочесть как даты. Верхняя – 127[2?, 8?] г. Хиджры или 1855/1856?, 1861/1862? гг. по григорианскому календарю; нижняя – 1318 или 1328 гг. Хиджры, что соответствует 1900/1901 или 1910/1911 гг. Надписи сделаны не одной рукой, так как имеют разное написание цифр. На левой накладке различима имитация клейма, типичного для ятаганов из Западной и Центральной Анатолии и описанного выше для первого ятагана.

На черене под «ушами» сохранился фрагмент тканевой (шерстяной?) замасленной окрашенной тесьмы с двумя продольными цветными полосами, которые сейчас воспринимаются как почти черная с фиолетовым тоном и бурая с отдельными фрагментами зеленоватой нити. Из частной коллекции известен ятаган такого же типа, рукоять которого обмотана красно-зеленой тесьмой в цветах государственного флага и исламских организаций Османской империи.

После 1826 года из-за введения в турецкой армии европейских образцов оружия производство местных форм резко пошло на спад. Низкое качество и подражательный характер оформления ятагана, клеймение клинка штампом – признаки позднего производства [8, с. 136, 155]. Ятаганы продолжали использоваться, например, в иррегулярных войсках башибузуками. Сохранились фотографии, сделанные в Константинополе около 1870 года, на которых запечатлены зейбеки-башибузуки, вооруженные ятаганами с аналогичными рукоятями [14; 15]. Зейбеки – преимущественно сельское население Юго-Западной Анатолии [16]. Таким образом, по наличию имитации характерного клейма и аналогам на фотографиях местных жителей, производство рассматриваемого ятагана, как и первого образца, можно отнести к территории Западной и Центральной Анатолии.

В книге учета музейных предметов за 1926-1928 гг. [17, л. 76] приводятся сведения, что это – «шашка, взятая у турок при

занятии Карской крепости 1842 г.». Во время русско-турецких войн Карс¹⁷ четырежды штурмовали русские войска: в 1807, 1828, 1855, 1877 гг., три последних раза овладевая крепостью. Таким образом, дата, указанная при регистрации оружия в музее, не соответствует ни историческим фактам, ни периоду изготовления или бытования оружия, предположительно обозначенному на накладке пята клинка, – со второй половины 1855 по 1911 гг. В соответствии с этим временным промежутком, если данный ятаган и был свидетелем боев за Карс, то в 1877 году (во второй половине 1855 года крепость уже была осаждена). Хотя в 1876 году башибузуков частично организовали в регулярные отряды, а остальных распустили, они вновь появились на полях сражений с началом русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. [18, с. 426-427]. Известный российский военачальник А.А. Брусиллов, участник штурма Карса, в своих воспоминаниях пишет о шайках башибузуков, нападавших на русские обозы и раненых близ этой крепости [19, с. 22].

Верхняя дата, которой, по-видимому, помечен ятаган, а именно 1901 или 1911 гг., позволяет предположить, что он попал в Россию в период Первой мировой войны с Кавказского фронта во время сражений на территории Османской империи, но не в качестве боевого трофея, а, скорее всего, как военный сувенир, уже сильно состарившийся на родине.

В аспекте отечественной истории данный ятаган можно интерпретировать как оружие, применявшееся башибузуками-зейбеками, которые в составе асакири-муавине (вспомогательные войска, ополчение) участвовали в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. как на Кавказско-Малоазиатском театре военных действий, так и на Балканах [20, с. 74; 21, с. 358].

Остается добавить, что в музейной коллекции предметов, содержащих драгметаллы, хранится еще один, к сожалению утративший свою историю, предмет – серебряный футляр рукояти ятагана [22, рис. 5]. Это изделие из довольно толстого листового серебра само по себе является произведением декоративно-прикладного искусства в великолепном стилевом исполнении. Рукоять с «ушами» в виде крыльев крупной бабочки близка к типу 1 по Аствацатурян [8, с. 139]. Футляр сплошь покрыт глубокой двухслойной гравировкой со стилизованными вьющимися побегами жимолости с супротивно сидящими листочками, мутовками изящных трубчатых цветков и плодами-ягодками на листочке. Оклад украшен

17 Карс – средневековый армянский и византийский город, позднее – город Османской империи, с 1878 по 1917 гг. – центр Карской области Российской империи

крупной филигранью, ряд шариков и прямоугольных пластин имитируют вставки из самоцветов и кораллов, характерные для ятаганов XIX века из мастерских Стамбула и Балкан [8, с. 161].

Подводя итоги, необходимо отметить, что маленькая музейная коллекция ятаганов позволяет раскрыть сразу несколько увлекательных страниц истории этого оружия.

Автор выражает благодарность участникам интернет-форумов оружейного портала Gansa.ru, Ethnographic Arms @ Armour электронного ресурса vikingsword.com и других за информацию и возможность ознакомиться с ятаганами из частных собраний.

Использованная литература и источники:

1. Ставропольский Губернский Музей «Северного Кавказа». Отдел военных (Каталог) // Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссии. Вып. 7. Под ред. Прозрителева Г.Н. – Ставрополь: Типография Губернского Правления, 1915.
2. СГМЗ. Книга учета музейных предметов Орджоникидзевского краевого музея краеведения. Том 5. 1936-1938 гг.
3. СГМЗ. Оф. 27825/1-2.
4. Коран / перевод и комментарии И.Ю. Крачковского. - М.: Издательство восточной литературы, 1963.
5. Яковлев Е.Г. Эстетика: Учебное пособие. - М.: Гардарки, 2000.
6. Полная энциклопедия символов / Сост. В.М. Рошаль. - М.: Изд-во «Эксмо»; СПб.: Сова, 2003.
7. Рококо // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб.: типография Акц. Общ. «Издательское дело – бывшее Брокгауз-Ефрон», 1899. -Т. XXVII.
8. Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие. СПб.: ООО «ТПГ «Атлант»», 2002.
9. ГИМ. КП 68257. - ОР 3184/1-2.
10. СГМЗ. Оф. 11783.
11. Введенский Г.Э. Янычары. СПб.: ООО «ТПГ «Атлант»», 2003.
12. Николле Д. Янычары / Д. Николле; Пер. с англ. А.В. Красулиной; Худож. К. Хок. – М.: ООО « Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2004.
13. СГМЗ. Оф. 37989.
14. Зейбеклер или зейбеци [Электронный ресурс] : фотография // Изгубената България: 2009-2018. - URL: <http://www.lostbulgaria.com/?s=Зейбеклер&cat=237>.
15. Zeybek // Türkçe-rusça sözlük [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академикe: 2017. - URL: https://turkish_russian.academic.ru/38736/zeybek.
16. СГМЗ. Книга учета музейных предметов Орджоникидзевского краевого музея краеведения. Том 1. 1926-1928 гг.
17. Тучков В. Закат Османской империи. Башибузуки XIXвека – это ИГИЛ сегодня [Электронный ресурс] / Свободная пресса : электрон. период. изд. - 2015. - 10

дек. - URL: <http://svpressa.ru/war21/article/137936/>.

18. Башибузуки // Военная энциклопедия. - СПб.: т-во И. В. Сытина, 1911–1915. - Т. 27.
19. Брусилов, Алексей Алексеевич. Мои воспоминания / А. А. Брусилов. - Посмерт. изд. - М.-Л. : Гос. изд-во. Отдел воен. Лит., 1929.
20. Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Выпуск 74. Действия войск Южного фронта с 1 по 19 января 1878 г. (Наступление к Адрианополю и Константинополю). - СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1911.
21. Материалы для описания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. В 9 т. Том II. - СПб.: Экономическая типо-литография, 1904.
22. СГМЗ. О.ф. 20933. – ИД 3. – СС 78

Еремеева Н. Н.,

*г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-
заповедник, заместитель директора
по культурно-образовательной
деятельности*

Фронтальные письма первой мировой войны

*(из фондов Ставропольского
государственного музея-заповедника
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе)*

ноябре 2018 года исполнилось 100 лет окончания Первой мировой войны – одного из трагических и глобальных событий российской и европейской истории начала XX века. Для России эта война стала важнейшим историческим переломом, сменой вех, концом империи и началом нового этапа истории. Однако на протяжении многих лет эта война в нашей стране оставалась неизвестной и безымянной: события Первой мировой широко не освещали в публикациях, памятные даты, связанные с войной не праздновали, её героев не чествовали.

В нашем музее хранятся документы Первой мировой войны, основная часть которых сосредоточена в документальном фонде № 48 - «I-я Империалистическая война и участие в ней ставропольцев», сформированном в 1990-х гг. Фонд насчитывает

53 единицы хранения и включает в себя документы (приказы, рапорты, листовки, воспоминания и дневники участников военных событий), фотографии, карты, рисунки, литературные произведения современников, пропагандистские и сатирические открытки, марки, литографии, журналы «Нива», «Искра», «Заря», газетные вырезки, на страницах которых публиковались репортажи с мест боевых действий. Личные мемориальные фонды участников войны немногочисленны. Самым значимым из них является фонд № 78 «Римма Михайловна Иванова – сестра милосердия 83-го Самурского и 105-го Оренбургского пехотных полков, героически погибшая 09.09.1915 г.».

Особую ценность и интерес представляет коллекция писем 1914-1917 гг. с фронтов мировой войны, которую можно расценивать как яркое документальное свидетельство эпохи. Письма – особый вид исторического источника, который показывает войну «изнутри», глазами непосредственных участников боевых действий. Учитывая, что эпистолярные источники, как правило, мало изучены, анализ фронтовых писем весьма актуален, ведь они являются составной частью и отражением истории войны.

Коллекция включает 20 писем, отправленных солдатами своим родственникам в период с 1914 по 1917 гг. Три письма отражают переписку братьев Дульцевых: Евфимия, Родиона и Бориса, сражающихся в действующей армии. Два письма отправил своим родным урядник Гаврила Есютин из села Петровского, служивший в запасной сотне 2-го Дагестанского конного полка.

Источник поступлений многих писем неизвестен. В документах музея указано, что они «из старых поступлений», зарегистрированы в 1990-х гг. Часть писем была собрана основателем музея Г.Н. Прозрителевым, современником тех событий. Они хранятся в его личном документальном фонде № 2. Остальные, скорее всего, были собраны сотрудниками отдела дореволюционной истории музея в 1960-1970-е гг. в ходе плановой работы по комплектованию фондов.

16 писем написаны на обычной бумаге, 4 на специальных почтовых карточках из плотной бумаги с типографским текстом. Написаны они на одинарных или двойных листах бумаги простым черным и фиолетовым карандашами, черными, синими или фиолетовыми чернилами. Значительные потёртости бумаги, а иной раз и отсутствие фрагментов писем не дают возможности разобрать часть текстов. Многие письма написаны неразборчивым почерком, поэтому часть текста трудночитаема. Авторы некоторых писем указали свои имя и отчество, иногда фамилию, звание, воинскую часть, а также фамилии своих сослуживцев-соавторов. В коллекции

писем есть послания, написанные каллиграфическим почерком и грамотно. В других письмах допускаются орфографические и стилистические ошибки, предложения построены неправильно, отсутствуют знаки препинания. По этим признакам можно сделать предположение об уровне грамотности автора письма.

Большая часть писем является обычной перепиской военнослужащих с родными. Практически каждое письмо с фронта начиналось такими словами: «Во первых строках своего письма соопчаю Вам, что я жив и здоров» или «Здравствуйте, дорогое мое семейство, я покамест нахожусь жив и здоров» [1]. Далее передавались приветы и низкие поклоны всей близкой и дальней родне, которая перечислялась поименно. Порою письмо, написанное на двух листах, содержит только эту информацию. Письма передают характерный для того времени стиль изложения: вежливое и уважительное обращение к адресату, почитание родителей, обращение с выражением слов благодарности или просьбы. Например, многие письма к родителям начинались так: «Посылаю Вам свое всенижайшее почтение и с любовью низко кланяюсь», обращение к родителям обязательно на Вы, по имени и отчеству; к супруге «Нижайшее чистосердечное послание дорогой, премного любимой», «Целую всех нещетно раз» и т.д. [2]. От каждой строчки веет теплотой, вниманием, заботой о родных и близких.

Из Ставропольской губернии на фронты Первой мировой войны за три года было мобилизовано около 155 тысяч человек. Первая всеобщая мобилизация военнообязанных прошла в июле 1914 года. Многие солдаты были выходцами из крестьянской среды, зачастую дальше своего села никогда не выезжали. Мобилизация пришлась на период уборки урожая. В письмах родственникам чувствуется озабоченность солдат состоянием своих хозяйств: «Напишите, как хлебушек убрали», «Как урожай?» (из писем урядника Гаврилы Есютина, братьев Козловых) [3].

Самое раннее письмо датируется декабрем 1914 года. Оно написано Фалалеем Михайловичем Тебякиным своим родным в Пуцино. Он сообщает им: «Доехал благополучно в г. Владикавказ. Видел Государя... Был он у нас в городе, выдали нам мундиры, шинели, фуражки и шаровары. Шаровары такие как у Самурского полка» [4]. Также в письме он сообщает о товарищах-односельчанах, попавших с ним в одну роту. Точная дата написания письма не указана, но из его содержания можно сделать вывод о том, что отправлено оно было после 4 декабря, так как Николай II посещал Владикавказ 4 декабря 1914 года.

В октябре 1914 года в войну на стороне Тройственного союза

вступила Турция, в результате чего открылся Закавказский фронт. Посещение Кавказа государем состоялось как раз накануне турецкого наступления. Поездка императора на фронт подняла боевой дух воинов. В начале декабря 1914 года произошло сражение при Сарыкамыше, в результате которого наступление турецких корпусов и дивизий было остановлено благодаря железной воле, мужеству и героизму русских солдат и офицеров.

Первые месяцы войны характеризовались общим эмоциональным подъемом всего населения России. Примером возвышенных патриотических настроений служит письмо солдата Михаила Егоровича (фамилия неизвестна) своим родственникам: «Дела у нас идут успешно, по Германии мы бьем! Так что они не управляют доставлять войска против нас. Его войско напивается пьяными... и лезут на нас как свиньи. А мы в это время бьем из орудий и пулеметов и думаем, что мы скоро с ними разделаемся. И у него в обозе уже не солдаты, а женщины и теперь он собирает большие силы и кидается как круженный, все ищет, где легче ему прорваться... и развернуться ему пьяному не даем, так что его бронированная сталь и железный кулак скоро покорится нашей матушке России» (год, место написания неизвестны) [5].

В годы Первой мировой войны для корреспонденций из действующей армии применялись почтовые карточки с изображениями сцен из воинской жизни рекламно-пропагандистского характера («Военный заем»). На типографских открытках писали патриотические тексты с воззваниями, призывами: «Все для войны, все для победы. Это клич всей Русской Земли»; «Наша армия непобедима»; «Каждый из нас должен принять участие в защите Родины». Открытки сопровождались надписями «Издание дозволено цензурой» [6].

Многочисленные письма солдат были проникнуты надеждой на скорейшее окончание войны. Так, в письме Евфимия Дульцева от 13 декабря 1915 года своему брату Родиону, также находящемуся в действующей армии, читаем: «Говорят, что скоро будет мир...» [7].

В письмах солдат наряду с патриотическими чувствами звучали обращения к Богу. Русские люди в основной своей массе были глубоко верующими. В условиях страданий и разлуки с семьей вера в Бога укрепляла дух, помогала пережить военные тяготы. Религиозность для дореволюционной России была традиционна. При чтении писем с фронта это ощущается постоянно: «От Господа Бога желаю Вам всего хорошего», «От Господа Бога доброго здравия на многие лета», «Да хранит нас всех Бог» [8]. Из письма, написанного на почтовой карточке «Из действующей Армии» Ивакиным

Андреем Федоровичем своим родственникам в село Чернолесское, Александровского уезда Ставропольской губернии: «Остаюсь пока жив и здоров! Слава Богу, тому я дивлюсь сердечно» [9]. Многие подобные послания сопровождались указанием на временность этого состояния и на вероятность иного исхода.

Из фронтовых писем по крупицам можно воссоздать картину обустройства солдатского быта, снабжения, питания, отдыха; узнать погодные условия, настроение и даже любовные переживания. К примеру, письмо от 2 октября 1917 года на почтовой открытке «Чаепитие на привале пехоты» в Казенную палату губернского города Ставрополя Анастасии Матвеевне Долговой: «Здравствуйте, многоуважаемая Анастасия Матвеевна. Посылаю я Вам самые наилучшие пожелания в Вашей жизни. Кроме этого сообщаю я Вам, что нахожусь в другой части и, если только у Вас есть желание ответить мне, то адрес можно узнать у Стаси. Мне сообщили, что Вы не желаете вести со мной никаких писем. И если я только и писала, так говорите одному субъекту, то это я по одному делу, а по какому Вы мне не сообщили. Остаюсь горячо любящий Вас И.Е. Карлов». Это единственное письмо в фондах музея подобного содержания. Данная открытка интересна еще и тем, что на ней четко читается гербовый штамп воинского подразделения «Инженерная рота 2-й Сибирской стрелковой дивизии» и штамп на самом изображении открытки «Полевая почтовая контора № 88» [10].

Практически все воинские части имели свои именные служебные печати для корреспонденции. Это были печати разных уровней: штабов фронтов, армий, дивизий, полков, рот и других соединений и подразделений, а также личные печати командиров, адъютантов и других воинских чинов. Оттиски печатей имели различные размеры, оформление, цвет. В основном же полевые почтовые учреждения разных типов применяли календарные штемпеля образца 1903 года в форме двойной окружности и датой в одну строку. Гербовые и канцелярские печати ставились лиловыми, реже синими и красными чернилами.

В начале мировой войны, согласно «Распоряжению Главного Управления почт и телеграфов» от 10 августа 1914 года, в России были введены изменения в почтово-телеграфные правила. Новый порядок предусматривал бесплатную пересылку в действующую армию простых писем и почтовых карточек, адресованных на имя чинов армии и учреждений, а также на имя раненых и больных воинов, находящихся в лазаретах и госпиталях, если корреспонденция имела печать этих учреждений. Данный порядок бесплатной переписки военнслужащих просуществовал до начала

1917 года. Все ухудшавшееся внутреннее положение в стране привело к тому, что бесплатная переписка была частично отменена. Согласно высочайшему повелению от 2 января 1917 года было установлено, «с 1 февраля частные письма, адресованные на имя всех чинов действующей армии, будут пересылаться за плату 5 коп., почтовые карточки – за 2 коп. Все письма до 30 гр. и почтовые карточки, идущие из действующей армии в Империю, будут, как и ныне, пересылаться бесплатно» [11].

На почтовой открытке «Военный заем», изданной в 1916 году, отправленной в апреле 1917 года на имя Натальи Каталкиной сыном Савелием Павловичем, стоит несколько штампов: лиловый круглый с надписью «Кореновская», «Доплатить» и красным цветом «За неявку получателя и истечением срока хранения начальник конторы П...» [12].

Из эпизодических упоминаний в письмах и высказываний о боевых действиях, можно сформировать представление о психологическом состоянии русских воинов, их нуждах и бедах. Из содержания писем понятно, что мало кого устраивало питание. Примером является письмо солдата 2-го взвода 7-й роты 219-го пехотного запасного полка Игната Павловича Шевченко своим родным в Ставрополь: «Служба моя пока, Слава Богу, хорошая, но одним плохо, что хлеба нам не хватает». Пишет, что назначили на позицию, но потом приказ отменили [13]. Это его последнее письмо с места дислокации в Елизаветполе. Известно, что до службы в армии Игнат Павлович жил в Ставрополе. Он погиб в 1917 году. Шевченко – выходец из крестьян, представитель известной ставропольской династии Хомяковых, дядя военного летчика В.И. Хомякова, участвовавшего в борьбе с фашизмом в Испании в 1937-1939 гг.

Во многих письмах обозначена и другая острая нужда армии – обмундирование. Солдатам приходилось в письмах к родственникам просить прислать им необходимую одежду. 8 сентября 1915 года в письме родным урядник Гаврила Есютин перечисляет: «Пришлите мне сапоги, чулки или онучи и пару или две пары перчаток теплых и полушубок. А то у нас это время холодно, так я переделаю полушубок и покрою. У меня есть две черкески суконные серые» [14]. Хотя в более раннем письме, от 1 июня 1915 года, он сообщал, что прибыв в г. Темир-хан-Шуру, их прикомандировали ко 2-му Дагестанскому полку и «справили нас очень хорошо, по две черкески, такие как у казаков, по одному бешмету, вроде поддевок, желтые шапки, сапоги, шашку, кинжал, бурку, седло и лошадь. По окончании войны это, командир говорит, перейдет в собственность. Теперь приехали во Владикавказ за лошадьми, и часть набираем во Владикавказе, а остальных поедем

в Армавир. Вторая сотня только стала формироваться, если поедем на войну, то не раньше месяца через два, а может, обучим и отведем их на позицию, и опять будем набирать. Кабы Бог дал месяца через два и кончилась война и тогда хорошо было бы, выехали к Шуре и приехали у Петровское». Письмо содержит положительное мнение автора о своем командире: «Командир у нас хороший русский человек» [15].

В условиях боевых действий трудно было достать бумагу для писем. Родион Дульцев писал брату Евфимию 21 декабря 1915 года: «Если будете мне писать, то пришлите мне и бумагу, чтобы было мне написать вам ответ. У нас очень дорого». Из-за нехватки бумаги или ее отсутствия ответное письмо брату он написал на его же письме с обратной стороны простым карандашом [16].

17 ноября 1915 года в письме из Карса Александр Бруснев просил своих родителей выслать денег, сколько возможно, сообщая: «а то у меня денег осталось 7 р. и очень плохо, они мне потребуются, а здесь взять негде» [17]. Получение писем и посылок из дома от родных было настоящим праздником для воинов. Неизвестный солдат в письме от 16 января 1916 года своему брату Егору Марковичу с обидой пишет: «Почему не прислал письмо, все мои товарищи получают, а я нет, и не знаю, что вы там, живы или нет, или вы уже забыли про меня». И тут же сообщает о возможной переброске на позицию: «На днях ждем откомандировку, может придется идти на позиции. Слух такой, что обязательно уходить, только куда не знаем». Иногда встречается информация о погоде в момент написания письма: «Зима теплая, снега еще не видали за всю зиму, ходим в одних рубашках» [18] или «зима очень холодная, 30 градусов, морозы очень большие, снегу тонко» [19] (из письма от 7 января 1916 года Бориса Дульцева брату Евфимию).

Значимым источником для возбуждения бодрости духа воинов были праздники, которые позволяли солдатам и офицерам отвлечься от ужасов войны, а полученные подарки давали возможность почувствовать связь с домом и заботу родных. В письме Бориса Дульцева от 7 января 1916 года брату в действующую армию читаем: «Почему не пишешь мне писем, ты же грамотный, а не пишешь. Пропиши, как вы разговлялись; мы разговлялись, по 2 фунта хлеба белого получили. Как твоя служба?» [20].

В письме от 20 января 1916 года солдат Федот Егорович сообщает своим родителям: «Посылку от Вас получил: сала, денег 60 копеек, две пары носков, две пары перчаток, платочек, кистеты. Спасибо усем за гостинцы». За неграмотного Федота письмо написал его товарищ из села Высоцкого Благодарненского уезда Василий

Захарович Свистухинов [21].

В письмах было запрещено писать о расположении войск, не допускались антивоенные и антиправительственные настроения. Да и сами солдаты старались не писать о своем тяжелом положении, чтобы лишний раз не расстраивать родных. В те времена все письма с фронта проходили через военную цензуру, и большинство писем писали карандашом, чтобы в случае чего цензор мог стереть какие-то слова.

В письме родителям от 4 июля 1915 года Иван Павлович и Андрей Павлович Козловы, служившие в одном полку, писали: «Обижаетесь, что мы вам не сообщаем новости, ну вы сами подумайте, что мы вам будем сообщать, ежели нам не позволено все описывать. Бой идет усиленный, убивают друг друга, сидим день и ночь в окопах» [22].

Информация об участии в боях, содержится в письме Дмитрия Никаноровича Лучкина брату и сестре (23 января 1915 года): «Был я 28 дней у бою», затем он перечисляет пофамильно раненых и убитых товарищей. Можно предположить, что это его земляки. Письмо дополнено рисунками автора: карты части России, памятника Александру II в Петрограде, храмов [23].

В фондах музея хранится письмо солдата Михаила Петровича Черкасова своим родителям от 8 февраля 1916 года, озаглавленное автором «Письмо на Родину». Для любого солдата Родина – это прежде всего место, где он родился, где находится его дом, семья. Автор сообщает, что он сейчас в турецком городе Эрзеруме, «но турка отогнали далеко за Эрзерум, его забрали много в плен и много побили» (на письме штамп гербовый «ком. связи 153 пехотный Бакинский полк») [24].

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что фронтовые письма, наполненные разнообразной информацией, являются важным информационным источником для изучения истории Первой мировой войны, ведь многие факты и детали, которые в них отражены, подчас неизвестны как широкой публике, так и исследователям. И чем дальше отодвигаются в прошлое события, описанные в этих фронтовых письмах, тем очевиднее историческая ценность этого источника.

Использованные источники и литература

1. СГМЗ. Оф. 28279/4, 17, 20 (автор сохранил орфографию и стиль подлинных писем); Валяев Я.В. Фронтовая жизнь солдат российской императорской армии в годы Первой Мировой войны // Научные ведомости. Вып. 16. 2010.
2. СГМЗ. Оф. 28279/2-4, 17-22; Смурова А. В. Крестьянин – солдат накануне и в

годы Первой мировой войны: по материалам переписки крестьян Костромской губернии. Кострома, 1998.

3. СГМЗ. Оф. 28279/1, 28279/17; Письма о войне 1914 года // Издание ставропольской Ученой архивной комиссии. Ставрополь, 1914. Вып. IV, V.
4. СГМЗ. Оф. 28279/3.
5. Там же. Оф. 28279/24.
6. Там же. Оф. 28279/51-53; 28279/202-210.
7. Там же. Оф. 28279/2.
8. Там же. Оф. 28279/21, 28279/4.
9. Там же. Оф. 28279/9.
10. Там же. Оф. 28279/51.
11. Почтовые печати Первой Мировой войны // <http://post-marka.ru/stati/rochtovyue-pechati-pervoy-mirovoy-voyny.php>
12. СГМЗ. Оф. 28279/51.
13. Там же. Оф. 27859/1.
14. Там же. Оф. 28279/19.
15. Там же. Оф. 27398/1106.
16. Там же. Оф. 28279/2.
17. Там же. Оф. 28279/20.
18. Там же. Оф. 28279/4.
19. Там же. Оф. 28279/22.
20. Там же. Оф. 28279/22.
21. Там же. Оф. 28279/23.
22. Там же. Оф. 28279/17.
23. Там же. Оф. 27398/1104.
24. Там же. Оф. 27398/1104.

Ивашута К. В.,

г. Ставрополь,

*Картинная галерея пейзажей П.М. Гречишкина,
младший научный сотрудник*

Творческие одиссеи Павла Моисеевича Гречишкина как основа формирования уникальной коллекции живописи на Ставрополье

1986 году Павел Моисеевич Гречишкин (16.01.1923–03.07.2009) обратился к властям Ставрополя с предложением подарить жителям города коллекцию своих полотен. На основании решения №910 от 30. 12. 1986 г. Ставропольского городского Совета народных депутатов было принято в дар 167 живописных полотен. Для размещения коллекции

предоставили в арендное пользование здание мечети, построенной Г. Кусковым в 1913-1915 годах, которое является памятником архитектуры и градостроительства федерального значения.

Возглавить филиал краеведческого музея «Картинная галерея пейзажей художника П.М. Гречишкина» было суждено Таисии Дмитриевне Авдеевой - искусствоведа, выпускнице Санкт-Петербургского Государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина [19, с.652]. С первых дней открытия галереи и до сего дня она вместе с сотрудниками продолжает служение искусству [18]. Уже более 30 лет сохранение коллекции, образовательная, исследовательская, выставочная деятельности взаимно дополняют друг друга. Но главной миссией является сохранение коллекции. По словам художника Дэвида Хокни, сохранение – это всегда результат того, что кто-то решил о нем (*произведении искусства*) позаботиться. Это вопрос любви [10].

В рамках данной статьи будут рассмотрены некоторые аспекты формирования и сохранения творческого наследия Заслуженного художника России Павла Моисеевича Гречишкина через призму его путешествий.

В 2002 году, отметив свой 80-летний юбилей, Павел Моисеевич Гречишкин передал в картинную галерею еще 68 своих лучших полотен [4]. В сентябре 2003 года галерея закрылась на ремонт и реставрацию на пять долгих лет. В 2007 году Гречишкин передал в фонды галереи 123 работы, из которых 117 – бесценный пленэрный материал, этюды, созданные «здесь и сейчас» [3].

19 февраля 2008 года картинная галерея снова гостеприимно распахнула свои двери для посетителей. В честь этого долгожданного и знаменательного события П.М. Гречишкин передал музею еще 100 своих работ, среди которых была и ранняя графика. За два дня до своего 86-летия (14.01.2009) он также передал коллекцию личных документов 1939-2009 гг. Это был последний дар художника при жизни, так как 3 июля 2009 года он умер. После его смерти фонд галереи был пополнен еще 27 полотнами – наследник П.М. Гречишкина исполнил его волю [5]. Сейчас фонды картинной галереи насчитывают 486 живописных полотен и 50 графических работ.

Коллекция живописи включает в себя пейзажи Ставрополя, Северного Кавказа, Центральной России, Русского Севера, озера Байкал, Италии, Индии, Мексики, Греции, Египта, Японии, Турции, Непала. За каждым полотном стоит своя история. Представление о том, как сделана картина, не объясняет магии творчества. Ничто ее не объясняет. Для того, что бы обладать этой магией, нужно уметь

писать незримое: воздух и внутреннее состояние природы, человека. Есть только один способ удержать мгновение любви к живой природе: написать полотно, этюд, картину.

Павел Моисеевич Гречишкин никогда не создавал свои полотна в тишине. По словам Таисии Дмитриевны, художник всегда говорил о том, что звуковой фон помогает появиться картине на свет. Природа никогда не безмолвствует: шепчется живая листва, потрескивают майские костры, выводит стаккато ливень... А в мастерской художника никогда не умолкало старенькое радио, для Гречишкина живопись неотделима от музыки, присутствует целый спектр ощущений, звуков и запахов. К примеру, Павел Моисеевич в течение многих лет делал заметки в обычной тетрадке, бережно хранимой рядом со своими красками и кисточками – в тетрадь он записывал, когда и где именно раздается первый гром. И таких тетрадей накопилось 15 штук.

Многие полотна хранят на обороте записи, оставленные рукой художника. Они представляют большую ценность для историков и искусствоведов, так как проливают свет на обстоятельства и событийный круг, влияющий на создание произведения искусства. Например, благодаря этим сведениям, мы знаем, что раму к картине «Вечер. Стожки» 1971 года изготовил Моисей Федосеевич Гречишкин, отец художника. Рама была сделана еще в 1948 году и впоследствии привезена Павлу Моисеевичу в Ставрополь. В то время он еще проживал по ул. Крупской [12].

Движение картин и их интересная одиссея доступны исследователю благодаря заметкам на оборотах этюдов. Так, пейзаж «Родные места» 1979 года экспонировался во Франции, в городе Безье, музее Фабрега в 1987 году на персональной выставке пейзажей Павла Моисеевича [13]. Французская пресса писала об открытии картинной галереи в Ставрополе, о его широком жесте: «Это большая честь для Безье и музей изобразительных искусств рад его принять и выставить его полотна» [2].

Среди личных вещей художника сохранен перевод письма художницы Марилори Прюнэ, гости выставки:

«Франция, г. Безье. 30 октября 1988 года. Господину хранителю музея Фабрега. Для господина Гречишкина.

Вчера во второй половине дня я открыла для себя музей Фабрега города Безье, так же как художника, Мастера, и его произведения. Хрупкость, почти нереальная, в своей парадоксальной красоте, когда приходишь в восторг от этой реальности живописи этих картин. Этот Мастер, господин Гречишкин, заслуженный художник РСФСР из Ставрополя затронул мою душу. Я его видела около его

произведений, когда он комментировал, я видела его выражение лица перед каждой из них. Господин Гречишкин не говорил по-французски, его сопровождал переводчик. То, что я почувствовала, глядя на этого Мастера и его искусство - это волнение моей души, чувства почти необъяснимые. Я видела его глаза, отражающие бесконечность. Слышала его слова, такие искренние и наполненные добротой ко всему, что он видит: это любовь к природе и к жизни».

На обороте этюда «Степное лето» 1983 года черным фломастером написано: «писал этюд с Сашей Колосовским, его жена Оля варила борщи, пели жаворонки, пахло обедом. г. Недреманная – 2 июля 1983 года» [14]. Еще интересные сведения о буднях живописца на пленэре можно почерпнуть из описания на обороте этюда 1958 года «Тебердинское ущелье с горы Малая Хатипара»: «Гора Малая Хатипара, южнее Большая Хатипара. Поднимался в течение 5 часов по крутому лесу со скалами на высоту 2400 м. с тяжелым рюкзаком, питание, одежда, холсты, краски. Жили в избушке на горе до 12 августа. Часто сидели в облаках с Костей Сениным из пос. Теберды. Рядом стояла железная печь с высокой трубой на ножках. Ночью медведи принимали печь за чудовище и били лапой по трубе, труба летела вниз с грохотом по камням» [11].

3 ноября 2018 года исполняется ровно 40 лет со дня первой поездки Гречишкина в Индию. Это единственная страна, которую он посетил три раза. Из всего зарубежного цикла работ художника львиная доля полотен принадлежит именно этой стране. Художнику так понравились этничность и многообразие этой страны, что он возвращался туда еще два раза: зимой 1980-го и в марте 1984-го гг. Он посетил Дели, Бомбей (сердце индийского кинематографа), знаменитый розовый город Джайпур, Аурангабад, Амбер, Мадрас, Махабалипурами. Так же он посетил остров Элефанта, храмы Эллары и Аджанты.

Павел Моисеевич говорил о Индии, как о стране где земля похожа на шоколадный паркет из мозаики. Цитата из дневника: «8 ноября. Утро в аэропорту Дели вылет (зачеркнуто слово) в Бомбей на огромном самолете 270 мест. Над Индией земля впечатление шоколадного паркета, из мозаики (далее написано предложение, которое зачеркнуто). Бомбей огромный начиненный всем город».[7]

Своеобразной «ложкой дегтя в бочке меда» для художника было осознание того, что простой человек в Индии не может выйти из predeterminedности собственной судьбы из-за кастовости общества[9] – будь так на Родине, он никогда бы не стал художником. Официально, кастовое деление общества в Индии было отменено в 1975 году, но по факту, оно сохранялось многие годы, и действует до

сих пор в некоторых уголках страны. В коллекции П.М. Гречишкина есть полотно «Улица в Джайпуре» 1980 года [6], на первом плане которого, предположительно, изображен велорикша – потомок касты шудров, одной из самых низших и отвергаемых в индийском обществе. Но, несмотря на все это, в Индии есть нечто уникальное, чего не встретить больше нигде в мире. Миллионы путников прибывают в Индию только ради Тадж-Махала.

Цитата из дневника: «Экскурсия по Агре к великому Тадж-Махалу, чудо навечно, белый, теплый мрамор, идеально-цельно с росписью, великолепная гармония пропорций, цветные сари, вода зеркальная, густая зелень, пестрый мир (далее зачеркнутые слова) из людей, очарование необыкновенное и неопишное, это нужно только видеть».[7]

Путешествия П.М. Гречишкина были приурочены к выставке «Советские художники об Индии», которая проходила в августе и сентябре 1981 года в Центральном Доме художника в Москве. В 1982 году в Москве в Доме Дружбы была открыта расширенная экспозиция пейзажей Индии. Две работы, представленные на выставке, были преподнесены в дар: полотно «В Агре» посольству Индии в Москве, «Вечерний Джайпур» премьер-министру Индии Индире Ганди, сделавшей ответный жест художнику. В самой Индии также экспонировались полотна художника в рамках фестиваля «Советские художники об Индии» в городах Дели, Бхунешвар, Калькутта.

В 1988 году директор художественной галереи Станислава Доспевского (г. Пазарджик, Болгария) Цв. Радулов писал Гречишкину о том, что его произведения представляет ценность для их галереи. Исходя из этого он просил выслать фотографии, каталоги, афиши и плакаты связанные с творческой биографией художника [16]. Еще 14 работ Павла Моисеевича экспонировалось на выставке «Природа Ставрополя» в рамках осенней международной ярмарки в Бухаресте (Румыния) [17].

В каждой картинной галерее хранятся полотна, которые несут в себе тайну, загадку. Постепенно, картины начинают обретать легенду. В собрании галереи есть несколько таких полотен. Одно из них - «Домбайская фантазия» 1990 года [15]. На пейзаже запечатлен горный пик Зуб Суфруджу и долина реки Аманауз. Считается, что если посмотреть вглубь заснеженных елей и загадать заветное желание, оно обязательно сбудется. Один из последних визитов именно ради этого пейзажа состоялся 6 июля 2018 года. К коллективу галереи обратились дети с просьбой показать знаменитое полотно, о котором слышали в школе [1].

Но для искусствоведов это полотно представляет иную

ценность. Считается, что первым русским национальным зимним пейзажем является картина Никифора Крылова «Русская зима» 1827 года. Вплоть до этого периода ни один художник не мог создать именно зимний пейзаж, так как ориентирами для академистов всегда служила солнечная Италия, в которую отправлялись после выпуска на стажировку. Карл Брюллов говорил о том, что невозможно писать зиму - «выйдет пролитое молоко» [8]. Крылов не был академистом, и он не знал о том, что зиму писать нельзя... Через 163 года другой живописец, Павел Моисеевич Гречишкин, создаст самый знаменитый в Ставрополе зимний пейзаж. Интуитивно, не зная тех далеких академических баталий. Учение в академии было его большой, несбывшейся мечтой, но как раз именно это освободило его от условностей и шаблонного мышления.

Сложно переоценить роль творческого наследия Павла Моисеевича Гречишкина в культурной жизни города и края. Картины П.М. Гречишкина хранятся в 40 странах мира, ими обладали представители мирового и советского политического Олимпа, но только лишь в картинной галерее пейзажей художника, расположенной по адресу ул. Морозова №12 города Ставрополя можно получить полное представление о его творчестве. Уникальная коллекция хранит в себе память мест, многие из которых уже полностью изменились. Природа не властна над временем. Над ним властна лишь кисть художника.

Использованная литература и источники:

1. <https://www.instagram.com/p/Bk4zkIaBGNs/?taken-by=grechishkingallery> (дата обращения 04. 05. 2018).
2. La sensibilife de Paul Grefchickine // MIDI-LIBRE, №25, 31.10. 1988.
3. Акт №116 ФЗК СГМЗ от 15 ноября 2007 года..
4. Акт №130 ФЗК СГМЗ от 26 сентября 2002 года.
5. Акт №71 ФЗК СГМЗ от 28 октября 2009 года.
6. Гречишкин П. М. «Улица в Джайпуре». Собрание картинной галереи пейзажей художника П. М. Гречишкина. О.ф. 25844 ИЖ 323. 1980 г.
7. Гречишкин П.М. Путевые дневники по Индии.1978 г., 1980 г., 1984 г.
8. Ельшевская Г. Русский пейзаж в 6 вопросах. <https://arzamas.academy/mag/557-landscape> (дата обращения 04. 05. 2018).
9. Зыков А. Кастовая система Индии. https://postnauka.ru/author/zykov_a
10. Кабанова О. Дэвид Хокни написал свою историю искусства.//The Art Newspaper Russia. №60. <http://www.theartnewspaper.ru/posts/5375/>
11. СГМЗ. О.ф 21175 ИЖ 465.
12. СГМЗ. О.ф 36568 ИЖ 376.
13. СГМЗ. О.ф 36570 ИЖ 378.

14. СГМЗ. О.ф 36572 ИЖ 380.
15. СГМЗ. О.ф 37255 ИЖ 476.
16. СГМЗ. Ф. 227. Ед. хр. 15.
17. Список произведений живописи заслуженного художника РСФСР Павла Моисеевича Гречишкина (Ставропольская краевая организация Союза художников РСФСР). Ф. 227. Ед. хр. 15.
18. Цветаев В. И. «Записка о музее изящных искусств». М. 1898.
19. Юбилейный справочник выпускников Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина Российской Академии Художеств 1915-2005 годов /Авт. Сост. С.А. Алексеева. Санкт-Петербург, «Первоцвет». 2007.

Кочнева Н. Р.

*г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-
заповедник, научный сотрудник
отдела природы*

Камни с надписями и изображениями в минералогической коллекции Ставропольского государственного музея-заповедника

1911 году Ставропольской Ученой архивной комиссией для Музея Северного Кавказа было куплено «обширное собрание предметов по палеонтологии, археологии, этнографии и коллекция минералов у статского советника Сергея Матвеевича Долинского» [1, с. 321]. В настоящее время в минералогической коллекции музея числится 194 предмета из коллекции Долинского [2]. Наряду с природными кристаллами различных минералов - горного хрусталя, дымчатого кварца, берилла, турмалина и прочих - в коллекции имеется значительное количество отполированных пластинок различных минералов небольшого размера, толщиной 2-4 мм. Форма их различна - округлые, овальные, прямоугольные, иногда граненые по всей поверхности, или по боковому краю. Большая часть их сделаны из яшмы разных сортов, есть пластинки из малахита, сердолика, агата, халцедона. На полированной поверхности пластинок хорошо проявляется рисунок камня. В основном, все это - заготовки для различных изделий, часто ювелирных: вставок в кольца, кулоны, броши. Более крупные пластинки покупались коллекционерами -

любителями минералов, как коллекционный материал.

Среди этих предметов обращают на себя внимание три пластинки с надписями – это печати, очень популярные в России в XIX веке.

Одна из них (оф. 8443), размером 3,5x2,75 см, овальной формы, сделана из розовой яшмы. По центру матрицы расположен вензель «ПХ», по овалу надпись «Петра Хризанфава Сапелникова». Над вензелем изображение птицы, вероятнее всего, лебедя, расправившего крылья.

Вторая (оф. 8461), овальная пластинка из серого халцедона размером 3x2,5 см., край которой окислами железа окрашен в бурый цвет. Во весь овал изображение опять же лебедя, расправившего крылья над водой на фоне восхода или заката солнца. Но это уже скорее царевна-лебедь с короной на голове. Почти по центру овальная площадка с вензелем «АГ».

Лебедь с глубокой древности в разных культурах служил символом чистоты, мудрости, твердости и верности в любви, целомудрия, благородства, мужества, совершенства, музыки и поэзии. Кроме того, лебедь является носителем как мужского, так и женского начал. Неудивительно, что люди, решившие обзавестись печатью, так часто заказывали на ней изображение этой птицы. Солнце, садящееся в море – символ возрождения и означает, что человек при всех превратностях судьбы поднимется и преуспеет в почестях и славе.

Третья печать (оф. 8466), овальная пластинка 2,5x2 см с отбитыми краями из розоватого сердолика с сетчатой гравировкой, по центру которой в ромбе инициалы «ФР» и, возможно, «А».

Все эти печати относятся к личным, не служебным печатям. Местом их приобретения, или же происхождения камня обозначено обширное пространство – Сибирь. И это вполне объяснимо: Сергей Михайлович Долинский долгое время жил в Красноярске, там и приобрёл многие минералы для своей коллекции.

Здесь следует сделать отступление и объяснить происхождение камней коллекции С.М. Долинского. Ссылка на Сибирь встречается еще для нескольких предметов, иногда местом добычи камня значится Урал, или, дословно, «с гор Урала», есть более конкретные записи – Екатеринбург, Орск, для нескольких минералов указан Кавказ, и одна округлая шлифованная пластинка сердолика-моховика значится родом из Персии. В тринадцати случаях уточнено: приобретено С.М. Долинским на Ирбитской ярмарке в Иркутске и Красноярске [3].

А вот тут уж начинается некоторая путаница, требующая разъяснения. Ирбитская ярмарка потому и Ирбитская, поскольку

проходила не в каком-то ином городе, а именно в Ирбите, расположенном на Урале, к северо-востоку от Екатеринбурга. В XIX веке Ирбитская ярмарка была очень значим событием в жизни российского купечества. Официально утверждена она была еще в 1643 году, проходила в феврале, длилась около месяца и по обороту товаров занимала второе место в России, после Нижегородской. Основными товарами, которыми торговали на этой ярмарке, были пушнина, которую добывали в Сибири, из Китая везли чай, шелк, ткани, из Средней Азии – мерлушку, Урал поставлял железо и изделия из него, центральная Россия – мануфактуру, предметы из серебра и золота. Торговали на ярмарке и предметами кустарных промыслов, в том числе изделиями из поделочных камней.

После отмены крепостного права в 1861 году большинство квалифицированных рабочих Екатеринбургской Императорской гранильной фабрики, на которой обрабатывали уральские камни, ушли в частное производство, организовав собственные камнерезные мастерские. Иногда своими изделиями они торговали сами, но чаще сдавали их закупщикам магазинов «Каменных вещей», которые контролировали в то время этот рынок, и продавали их на ярмарке. Значимость и обороты Ирбитской ярмарки стали падать в 1890-х гг. после строительства Сибирской железной дороги. Но еще в 1910 году на Ирбитскую ярмарку было привезено камнерезных изделий на 50000 рублей, продано их было на ярмарке на половину этой суммы [4, с. 36]. Что же это были за изделия? Коллекционеры покупали природные кристаллы, штуфы (необработанные куски камня), обрезанные и полированные образцы; обыватели – бусы, перстни, серьги, запонки, шкатулки, насыпные картины, рукоятки для зонтиков; люди более состоятельные и деловые – письменные приборы, канделябры и именные печати. Покупали не только в розницу, но и партиями, с тем, чтобы продавать в своих лавках по всем городам Сибири и в европейской части России. Вот и С.М. Долинский, покупая образцы для своей коллекции в своем родном Красноярске и в Иркутске, куда, вероятно, они попали с Ирбитской ярмарки, отметил их, как купленные на Ирбитской ярмарке. Возможно, что большая часть предметов, где не стоит такая отметка, были приобретены подобным образом. Это относится и к печатям.

Первые печати из камня в России появились в конце XVIII века и поначалу их использовали только в казенных учреждениях. Но вскоре их стали заказывать для себя и обыватели, люди разных сословий: купцы, духовенство, дворяне, мещане. Изготовлением печатей занимались только уральские камнерезы, чему причиной было и большое разнообразие камней на Урале, и мастерство камнерезов.

Резали печати из яшмы, родонита, малахита и всех разновидностей кварца. Форма печатей менялась. Поначалу они изготавливались в виде цилиндра, позже стали делать плоские таблетки с отверстиями, в которые вставлялись металлические дужки [5, с. 75-78]. В нашем случае все три печати, хранящиеся в музее, - плоские пластины, толщиной около 3 мм. Одна сторона гладкая, на другой стороне вырезана печать (матрица). Чтобы использовать подобные каменные пластины в качестве печатей, их надо было вставить в ручку из любого материала: дерева, слоновой кости, камня.

Кроме этих трех печатей из коллекции С.М.Долинского, в минералогической коллекции музея долгое время хранилась печать (оф. 8307), подаренная в августе 1920 года в музей Г.К.Праве Зинаидой Павловной Израильской, классной надзирательницей Александровской женской гимназии [6]. Изготовлена она была в Екатеринбурге. Ручка и сама печать были вырезаны из цельного куска горного хрусталя – самого распространенного материала для изготовления печатей в XIX веке. Подобные печати были наиболее красивы. Формы ручек были различны: их делали в виде фигурок животных, разнообразных бытовых предметов и даже бюстов известных личностей. Размер этой печати 6х3 см. По воспоминаниям Анны Константиновны Швыревой, старшего научного сотрудника отдела природы, на печати был вырезан вензель в виде буквы «Е». В 1965 году печать из музея была украдена вместе с некоторыми другими экспонатами минералогической коллекции. В акте списания экспонатов об этом говорится так: «...были похищены вследствие недосмотра смотрителей» [7]. По словам Анны Константиновны, этот случай приходится на начало ее работы в музее. В 1960-е гг. самые красивые предметы из минералогической коллекции экспонировались в зале природы в отдельной витрине, которая стояла недалеко от входа в зал природы. Однажды одна из стеклянных полок витрины обрушилась. После разборки витрины недосчитались некоторых экспонатов, в том числе исчезла и печать. По поводу кражи обратились в милицию, следствие велось вяло, похититель так и не был найден.

В коллекции С.М.Долинского есть еще один предмет из камня с вырезанной на нем надписью – это круглый, выточенный в форме линзы сердолик, с глазковым рисунком в тонах от дымчатого до оранжевого, диаметром 2,5 см и толщиной по центру до 5 мм (оф. 8468). Камень красив и, может быть, поэтому, никто не замечал текста, тонко нанесенного на одной из сторон. Во всяком случае в книге поступлений основного фонда отсутствует всякое упоминание о надписи. В книге поступлений местом его происхождения значится

Сибирь. И это маловероятно. Надпись – фраза на арабском языке, которая в переводе звучит так: «Бог в Али, Мухаммеде, Та-ха, Хасане и Хусейне» вырезалась на камне мастером-шиитом, который делал амулеты для своих единоверцев.

Шииты (в переводе с арабского – последователи, приверженцы) – направление ислама, объединяющие различные общины, признавшие Али ибн Абу Талиба и его потомков единственно законными наследниками, духовными преемниками пророка Мухаммеда. Как и все мусульмане, шииты верят в посланническую миссию пророка Мухаммеда. Отличительной чертой шиитов является убеждение в том, что руководство мусульманской общиной должно принадлежать имамам – назначенным Аллахом, избранным лицам из числа потомков пророка, к которым они относят Али ибн Абу Талиба и его потомков от младшей дочери Мухаммеда от его первой жены Хадижи Фатимы, а не выборным лицам – халифам.

Али ибн Абу Талиб – двоюродный брат, зять и сподвижник пророка Мухаммеда, четвертый праведный халиф, которого шииты почитают как первого из двенадцати особо почитаемых имамов и как святого, особыми узами близости связанного с Мухаммедом, как праведника, воина и вождя. Хасан и Хусейн – сыновья Али ибн Абу Талиба и Фатимы, внуки пророка Мухаммеда. Хасан был пятым халифом и вторым имамом шиитов. Хусейн, его младший брат, третий имам шиитов, погиб во время сражения с войсками омейядского халифа Язида [8].

Та-ха – одно из полутора сотен имен пророка Мухаммеда, которые тем или иным образом относятся к его духовному совершенству, физическим качествам и благому нраву. Данное имя упомянуто в Коране и хадисах (преданиях о словах и действиях пророка) [9].

Поскольку надпись вырезалась шиитским мастером, можно предположить, что сердолик Долинским был найден, или куплен, что вероятнее, в Азербайджане, в котором большая часть жителей являются шиитами. С.М. Долинский жил там в начале 1900-х гг., во время службы в Бакинском окружном суде [1, С. 320]. Возможна и другая география происхождения этого амулета, поскольку кроме Азербайджана, шиитами является значительная часть населения Ирана, Бахрейна, Ирака.

В минералогической коллекции С.М. Долинского еще много «белых пятен»: значительное количество предметов не имеет точной географической привязки. Детальное изучение самих минералов и изделий из них, ознакомление с материалами Музея Северного Кавказа, позволит уточнить место отбора минерала или место его

приобретения.

Автор выражает признательность профессору кафедры современной истории Гуманитарного института СКФУ доктору исторических наук Т.Н. Плохотнюк и студентам института, которые помогли перевести арабский текст на русский язык.

Использованная литература и источники:

1. Лапшова Н.В. Сергей Матвеевич Долинский – член Ставропольской губернской ученой архивной комиссии // Прозрителевские чтения: Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. Вып. 9. Ставрополь. 2018.
2. СГМЗ. Книга поступлений основного фонда. Т. 2.
3. Дмитриев А.В. Ирбитская ярмарка. // <http://www.magazines.russ.ru>>Урал >2004/5dm20.html. Журнальный зал: Урал, 2004, №5.
4. Денисов В.И. Ярмарки. Санкт-Петербург, 1911.
5. Филатов В. Каменные печати // Наука и жизнь. 2017, № 3.
6. Город креста. Александровская женская гимназия. Кадровый состав 1913 г. // <http://www.GorodKresta.ru> > index.php/articles/citi...gimnazia...
7. СГМЗ. Акт списания экспонатов от 10.02.1968 г. 10-22. Ед.хр. 10.
8. <http://www.ru.wikipedia.org>>шииты.
9. 150 имен пророка Мухаммада (мир ему). / [https:// www.islam-today.ru](https://www.islam-today.ru).

Лапшова Н. В.,

г. Ставрополь,

Ставропольский государственный музей-заповедник, старший научный сотрудник отдела фондов

**Глиняные курительные трубки
в коллекции керамики
Ставропольского государственного
музея-заповедника**

коллекции керамики Ставропольского музея-заповедника хранятся 11 глиняных курительных трубок. Три из них представлены в этнографической экспозиции. Часть трубок из старых поступлений, неизвестно кем были найдены и переданы в музей. Все трубки являются «турецкими», т.е. по восточного типа.

Почему за керамическими трубками определенной формы закрепилось название «турецкие»? Курительные трубки «восточного типа» являлись массовым типом курительных трубок

в XVII-XIX вв. Существует предположение, что османы придумали новую технологию производства курительных трубок, совместив в ней традиции европейских и западноафриканских мастеров-трубочников [1, с. 228-229]. От европейских ремесленников была заимствована техника штамповки глиняной трубки в двухсторонних формах (калыбе), а от африканских – трехчастное строение всего курительного комплекта. Курительный набор состоял из небольшой глиняной трубки (головки), длинного узкого деревянного (либо костяного) полого внутри ствола (чубука) и мундштука, в свою очередь тоже часть имеющего многоступенчатую структуру. Турки заменили длинный глиняный мундштук европейской трубки на деревянный, или костяной ствол (чубук), который вставлялся во втулку трубки. В качестве мундштука или чубука запорожские и донские казаки, перенявшие у османов привычку курить табак, как правило, использовали простой и доступный природный материал - камыш. Трубка с коротким чубуком получила название «носогрейка».

Правильнее было бы назвать эти трубки не «турецкими», а «османскими». Мастерские по производству глиняных курительных трубок были по всей Османской империи: в Малой Азии, в Крыму, на Балканах. Мастера, которые делали трубки, часто не были этническими турками, но все они жили в одном государстве, и поэтому трубки условно стали называть «турецкими» [2, с. 228-229]. В настоящее время определить центры производства трубок очень проблематично по причине того, что ассортимент этих изделий был огромен, а количество керамических центров, где их изготавливали, исчислялось сотнями. Кроме того, известно, что мастера-кустари в погоне за заработком приспособлялись делать реплики популярных трубочных фасонов, в результате их теперь трудно отличить от подлинных трубок. Проблематично определять центры производства по формовочным массам, поскольку глина проходила довольно тщательную обработку. Также могли использовать не местную, а привозную глину.

В рамках данной статьи даётся краткое описание имеющихся в музее трубок. Стратиграфических данных для точной датировки трубок нет и поэтому, где и когда были сделаны трубки, сказать невозможно. Для описания «турецких» трубок были взяты сравнительные данные из статьи И.В. Волкова «Частная коллекция «турецких» глиняных трубок из Москвы» и из Каталога коллекции курительных трубок Азовского музея-заповедника, составленного по итогам раскопок Османской крепости Азак.

В книге музейных предметов Орджоникидзевого краевого музея краеведения к 1 октября 1926 года под номером X-333/2039

значится три глиняных трубки из Керчи. В книге основанного фонда Ставропольского музея-заповедника эти трубки записаны под номером 1690 и числятся как две. В процессе изучения была выявлена третья трубка. И так как эти трубки попали в музей в начале XX века, то датировать их можно XIX-XX в.

1. Трубка курительная «турецкая» сероглиняная (оф.1690). Верхняя часть чашечки утрачена. Чашечка - эллипсоидная, украшена оттисками концевго штампа в виде треугольников, заполненных ромбической сеткой. Дно чашечки - плоское, круглое. Киль - низкий, прямоугольный, с орнаментом того же штампа. Втулка - короткая, узкая, с узким валиком на конце. Размеры трубки: 2,5x5,0 см; высота чашечки - 1,5 см, длина втулки с килем - 4 см, диаметр втулки - 1 см, диаметр валика - 2 см.

2. Трубка курительная «турецкая» розовоглиняная, лощенная (оф.1690). Верхняя часть чашечки - цилиндрическая восьмигранная, украшена оттисками штампа в виде треугольных пальметт. Чашечка - эллипсоидная, орнаментирована широкими вертикальными каннелюрами с плоскими вершинами (имитация лепестков хризантемы). Киль - треугольный высокий, выделен оттисками зубчатого колеса. Втулка - короткая, широкая, конусовидная с валиком на конце. Валик украшен оттисками зубчатого колеса. Часть втулки утрачена. Размеры трубки: 2,5x5 см; высота чашечки 2,5 см, длина втулки с килем - 4,5см, диаметр втулки - 1,5 см, диаметр валика - 2,5 см.

3. Трубка курительная «турецкая» красноглиняная, лощенная (оф.1690). Верхняя часть чашечки - венчик цилиндрический без орнамента. Часть венчика утрачена. Чашечка - полусферическая, украшена пояском из цветочных розеток. Киль - треугольный, низкий. Втулка - короткая, конусовидная с орнаментированным валиком. Размеры трубки: 3,1x4,5 см; высота чашечки 3 см, длина втулки с килем - 4,3 см, диаметр втулки - 1,5 см, диаметр валика 2,2 см.

4. Трубка курительная «турецкая» розовоглиняная, лощенная (нв.ф. 6984). Данные о поступлении трубки в музей нет. Из старых поступлений. Половина чашечки утрачена. Нижняя часть чашечки декорирована ярусом из двух полупальметок и одиночным оттиском пальметки в верхней части чашечки. Оттиски разделены двойной полосой. Чашечка - эллипсоидная, орнаментирована широкими вертикальными каннелюрами с плоскими вершинами (имитация лепестков хризантемы). Киль - треугольный высокий, выделен оттисками зубчатого колеса. Втулка - короткая, конусовидная с валиком на конце. Валик украшен оттисками зубчатого колеса.

Размеры трубки: 2,8x5 см; высота чашечки 2,5 см, длина втулки с килем – 4,5 см, диаметр втулки -1,3 см, диаметр валика -2,3 см.

5. Трубка курительная «турецкая» бежевоглиняная (оф. 2130). Эта курительная трубка интересна тем, что на венчике выколота дата «1812» – год войны с Наполеоном, или год изготовления. В акте приема предметов на постоянное хранение от 13 августа 1953 года сделана запись: «Трубка казацкая старинная. Дар». Сведений, где она была найдена, нет. Верхняя часть чашечки (венчик) цилиндрическая. Часть венчика утрачена. Чашечка – полусферическая, украшена оттисками зубчатого колеса. Киль отсутствует, намечен врезными линиями. Втулка сравнительно длинная, конусовидная, валик с оттисками зубчатого колеса. Размеры трубки: 3,5x5,5 см; высота чашечки 3,5 см, длина втулки – 2,5 см, диаметр втулки – 1 см, диаметр валика – 2 см. (Предположительно Османская империя XIX в.)

6. Трубка курительная «турецкая» красноглиняная с вишневым ангобом (оф. 27918). Она была найдена летом 1991 года в отвале земли, привезенной для благоустройства Ставропольского пединститута. К сожалению, откуда завозили грунт неизвестно. Верхняя часть чашечки утрачена. Чашечка полусферическая. Киль - высокий, треугольный, отмечен оттисками зубчатого колеса. Втулка сравнительно длинная, конусовидная. Валик усечено-конический. На втулке клеймо с арабской надписью. Размеры трубки: 2,2x5,5 см; высота чашечки 2 см, длина втулки – 3,5 см, диаметр втулки – 1,6 см, диаметр валика - 2,8 см. (Предположительно Османская империя XIX в.)

Из множества производимых в Османской империи форм курительных трубок, наибольшее распространение получили трубки фасона «тахта-чубук». Четыре трубки из коллекции музея относятся к этому фасону.

7. Трубка курительная «турецкая» розовоглиняная с красным ангобом и лощением фасона «тахта-чубук» (оф.12651) поступила в музей в 1950 году. Кто передал не установлено. Верхняя часть чашечки (венчик) цилиндрическая. Венчик - восьмигранный, высокий - 2,5 см, декорирован ярусом из 5 оттисков рельефного штампа треугольных пальметт, половина утрачена. Чашка - полусферическая, украшена оттисками штампа в виде раковин-каури и треугольных пальметт. Оттиски штампов на венчике и чашечке разделены двойными вертикальными полосами. Киль - треугольный, низкий. Втулка - короткая, широкая, конусовидная с узким валиком и оттисками высокого зубчатого колеса. На втулке клеймо, с арабской надписью. Размеры трубки: 5x6,5 см; высота чашечки - 4,7 см, длина втулки с килем – 5,5 см, диаметр втулки – 1,6 см, диаметр валика - 3,2 см. Со

слов Волкова: «у оригинальных турецких трубок венчик заметно выше». Возможно это оригинальная турецкая трубка XVIII-XIX вв.

Венчик чашечки у следующих трех трубок фасона «тахта-чубук» цилиндрический, восьмигранный, декорирован ярусом из двух полупальметт и одиночным оттиском пальметты, которые разделены двойными вертикальными полосами. Чашечки украшены оттисками штампа в виде раковин-карри и треугольных пальметт. Отдельные оттиски «каури» и ярусы пальметт разделяются двойными вертикальными полосами на 8 секторов, что создает определенный орнамент.

8. Трубка курительная «турецкая» розовоглиняная с лощением фасона «тахта-чубук» (оф.15438). Трубку передал в музей в 1969 году житель города Ставрополя Белан (инициалы не известны). С его слов трубка была найдена на глубине двух метров. Чашечка полусферическая. Киль - треугольный, высокий, отмечен оттиском зубчатого колеса. Втулка - средней длины, широкая. На втулке трубки клеймо в виде двух оттисков растительного орнамента. Часть втулки отбита и чашечка имеет сколы. Размеры трубки: 4х6,5 см; высота чашечки - 3,8 см, длина втулки с килем - 5,5 см. (Предположительно Османская империя XIX в.)

9. Трубка курительная «турецкая» розовоглиняная с лощением фасона «тахта-чубук» (оф. 27919). Чашечка полусферическая. Киль - треугольный, низкий, отмечен оттиском зубчатого колеса. Втулка - короткая, широкая. На валике сколы. На втулке клеймо с арабской надписью. Размеры трубки: 3,5х6 см; высота чашечки 3,2 см, длина втулки с килем - 5,5 см. (Предположительно Османская империя XIX в.)

10. Трубка курительная «турецкая» сероглиняная с красным ангобом фасона «тахта-чубук» (оф. 40849) была передана в музей Павлом Николаевичем Коваленко в мае 2018 года. Его отец жил в Ставрополе по ул. Кирова, №45, строение 10. В 1981 году он перекапывал огород и нашел эту трубку. Улица Кирова находится на территории бывшей Ставропольской станицы, основанной первопоселенцами-казаками.

Чашечка полусферическая. Киль - треугольный, высокий, отмечен оттиском зубчатого колеса. Втулка - средней длины, широкая. Часть валика утрачена. На втулке оттиск штампа-листа, который иногда расценивают как клеймо. В штампе-листе нечеткая арабская надпись. Такое клеймо могли использовать мастера Константинополя или Софии. Размеры трубки: 3,3х6,3 см; высота чашечки - 3 см., длина втулки с килем - 5,5 см, диаметр втулки - 1,8 см, диаметр валика - 3 см. (Предположительно Османская империя XIX в.)

11. Трубка курительная «турецкая» коричневоглиняная с красным ангобом (о.ф.30613). Простой «гиреевский» фасон без килья и валика (по Волкову) или «фасон малый». Чашечка, киль и валик отмечены оттисками мелкого зубчатого колеса. Венчик и половина чашечки утрачены. Трубка была найдена краеведом Германом Алексеевичем Беликовым на территории Татарского городища в окрестностях Ставрополя. Такие трубки, во втулки которых вставлялись одноразовые мундштуки из стеблей камыша, были широко распространены в XIX-XX вв.

Использованная литература и источники:

1. Волков И.В. «Частная коллекция «турецких» глиняных трубок из Москвы»// Материальная культура Востока. М., 1999.
2. Гусач И.Р. «Курительные трубки из раскопок Османской крепости Азак»// Азов, 2016.

Лысанская О.Л.,

г. Ставрополь,

Ставропольский государственный музей-

заповедник,

научный сотрудник отдела фондов

**К истории Ставропольской фабрики
народно-художественных
промыслов «Восход»**

егкую промышленность называют «индустрией красоты». Она занимает одно из важных мест в производстве товаров массового потребления. Кроме того, играет значительную роль в экономике государства.

Одним из крупнейших краевых предприятий лёгкой промышленности, производивших предметы быта: ковры, скатерти, салфетки и накидки с вышивкой, игрушки, одежду и многое другое, была Ставропольская фабрика народно-художественных промыслов «Восход», располагавшаяся в Ставрополе, по улице Октябрьской,

184. Эти предметы составляют крупные постоянно пополняющиеся коллекции музея-заповедника: «Костюм», «Вымпелы. Знамена. Флаги», «Ткани. Ковры. Гобелены», «Игрушки».

Фабрика «Восход» прошла долгий путь развития от небольших артелей, разбросанных по городу и ютившихся в маленьких плохо приспособленных помещениях, к четырехкорпусному комплексу, с самостоятельной инфраструктурой. Этапы большого пути предприятия: артель «Коллективный труд», с 1944 года артель «Текстилькомбинат», с 1963 года текстильно-галантерейный комбинат, с 1969 до начала 2000-х гг. фабрика народно-художественных промыслов «Восход» [1]. Установление точных дат организации артелей и их реорганизации в настоящее время не представляется возможным.

Артель «Текстилькомбинат» объединяла три цеха: Трикотажный (Нижний рынок), Ковровый (ул. Победа) и Пошивочный (за СШ № 12). В 1963 году из артели им. Кирова выделилась бригада вышивальщиц и объединилась с пошивочным цехом текстильно-галантерейного комбината, организовав строчевышевальный цех. В это же время начинается создание в Октябрьском районе Ставрополя общей промышленной базы. Строительство и объединение цехов в одно производство возглавил Илья Ильич Чалый - директор будущей фабрики народно-художественных промыслов «Восход». На фабрике сформировалось четыре основных корпуса-цеха: трикотажный, ковровый, строчевышевальный, игрушечный и художественная лаборатория.

Трикотажный цех. С 1965 года трикотажным цехом руководила Галина Александровна Трунова. Начинала она швеей в артели им. Кирова. Как ответственный молодой специалист была рекомендована в Московский техникум. Прошла обучение по специальности «Отделка трикотажа и тканей» и получила квалификацию «химик-отделочник». За качественную работу и высокие показатели переводилась в отдел качества, но вернулась обратно, в трикотажный цех. Неоднократно выводила цех в передовики, опережая выполнение пятилетних планов перед государством, за что была бессменно занесена на фабричную «Доску Почета». Галина Александровна, имея большой опыт выполнения ответственных поручений и высокие показатели качества и новаторства, была учителем для молодых специалистов не только в своем цехе, но и вела общефабричные занятия по качеству выпускаемого товара и нововведениям. В 1980-х гг. в цеху работали до 300 мастеров и 10 наладчиков.

Ковровый корпус. К концу 1967 года комбинат дал обязательство произвести 90 кв. м. ковров с личным клеймом или

клеймом качества, то есть мастерицы ставили на этикетке свою фамилию, указывая на авторскую работу и личную ответственность, а не общефабричный штамп [2]. С 1979 года корпус включал в себя 4 ковровых цеха с ручными станками. Ковровый цех был передовым производством на протяжении всей истории работы фабрики «Восход». Эскизы рисунков готовились Московским художественным институтом или научно-исследовательским институтом при МГУ, а пряжа поставлялась Минераловодской прядильно-ткацкой фабрикой. 18 апреля 1980 года постановлением бюро Ставропольского городского комитета КПСС и исполкома городского Совета народных депутатов, цеху ковроткачества в знак признания отличной работы было вручено Красное знамя. В 1974 году бригада ковроткачей под руководством Евгении Бородиной была включена в «Летопись комсомольской славы» ЦК ВЛКСМ, а по решению Октябрьского райкома КПСС в 1976 году этому коллективу было присвоено звание «Бригады отличного качества».

В 1980 году была освоена ремизная техника для изготовления новой продукции - ковровых и буклированных комплектов для диванов и кресел, которые получили право на новый знак в швейной промышленности «Н» - означающий «Новинка» и улучшенное качество. В цехе работали более 30 ткачей, имевших право на личное авторское клеймо на коврах и паласах, а так же клеймо «Н». Всего выпускалось пять видов изделий с Государственным знаком качества СССР.

В канун 1 мая 1981 года указом Президиума Верховного Совета СССР за трудовые успехи в десятой пятилетке ковроткачиха Нина Александровна Константинова была награждена орденом Октябрьской революции. В 1971 году по эскизам, привезенным московскими художниками и разработанными на основе европейских экспериментальных образцов, Ниной Александровной было создано три ковра «Белые цветы», «Золотые розы», «Гладиолусы». Это был совершенно новый в отечественном ковроткачестве цветочный рисунок, где букеты цветов располагались не симметрично и в строгих пропорциях, а представляли собой, так называемое «цветочное поле». Ковер «Белые цветы» занял первое место на международной выставке и ВДНХ. Н.А. Константинова внесла ряд рационализаторских предложений, реализация которых позволила повысить ежемесячный доход предприятия [3].

В документальной коллекции музея-заповедника хранится фотография передачи в 1979 году председателем Ставропольского крайисполкома И.Т. Тарановым дагестанской делегации сувенирного коврика с изображением Олимпийского мишки. Эту продукцию

ковровый цех фабрики «Восход» выпустил по государственному заказу к XXII летней Олимпиаде, которая проходила в Москве в 1980 году [4].

Паласы. С 1974 года на фабрике появился цех паласоткачества [5]. В декабре 1973 года из Краснодарского суконно-комвольного комбината были получены 3 станка «Текстим», на которых ткали сукно. Из-за отсутствия опытных мастеров на комбинате их установили в малоприспособленном гараже и настроили под паласоткачество, более дешёвую и востребованную населением продукцию. Это был эксперимент, поэтому станки отдали для изучения трём молодым ученицам: Жене Боришпольской, Ларисе Куликовой и Алле Денисенко под руководством начальника цеха ковроткачества Л.К. Орапко. К концу 1974 года станки были освоены, а в 1979 году перенесены в новое помещение и объединены в одно производство с ручными ковровыми станками. Это было первое машинное производство в ковровом цехе. С налаживанием машинного производства ежемесячная прибыль от выпускаемой продукции паласов составила 10-12 тыс. рублей. В том же 1974 году за выполнение повышенных показателей бригаде паласоткачих было присвоено звание «Коллектива коммунистического труда». Большинство рисунков для первых паласов брались из журналов мод 1970-х гг.

В целях улучшения качества работы в самом цехе практиковалось проведение конкурсов на изготовление лучшего паласа, после чего готовая продукция получала право на массовый выпуск и первоочерёдную отpravку в розничную торговлю.

Строчевышевальный цех состоял из трёх бригад: строчки, швей и вышивальщиц. Здесь производились: одежда, столовые комплекты, постельное бельё, вымпелы, флаги, знамена. В коллекциях музея «Сувениры», «Ткани, ковры, гобелены», «Костюм» хранятся образцы этой продукции: шерстяное декоративное панно «200 лет Ставрополю», (1976 г.), льняные рушники «60 лет СССР», «Ставрополь», «Ставрополь 200» (1978-1982 гг.), а также иные вещи в разное время переданные в музей. (фото. 1)

В этом цехе долгие годы работала Любовь Николаевна Головина, бригадир-закройщица с 1951 года, одна из старейших мастериц фабрики «Восход». Она была одной из немногих в цеху, чья работа отмечалась Государственным знаком качества, а также единственная отвечала за фигурный крой, многослойный крой от 120-150 слоев (постельное бельё) и крой из дорогих материалов (таких как батист) [6]. За многолетний добросовестный труд и регулярное перевыполнение плана производства в 1983 году она была награждена

Фото 1

орденом Трудового Красного Знамени.

Вымпелы и знамена изготавливались по госзаказу профкомов и исполкомов края и города, а также школ и учреждений. На одной из фотографий запечатлено, как Л.Н. Головина со своей бригадой получает переходящий вымпел и памятные призы за перевыполнение плана и девиз «Пятилетку к 110-ой годовщине В.И. Ленина» [7]. В коллекции «Вымпелы. Знамена и флаги» хранятся подобные вымпелы: сшитые из бархата и вышитые желтыми нитями, имитирующими золотые. (фото. 2)

Клавдия Алексеевна Аксенова 40 лет работала мастером ручной и машинной вышивки. Неоднократно ей присваивалось звание «Мастер золотые руки», вручались ценные подарки и благодарности. В 1958 году она была направлена на повышение квалификации в Москву, где прошла специальное обучение вышивки портрета В.И. Ленина для знамен с гербом СССР и для знамен ВЛКСМ, а также вышивку антуража, вышивку герба СССР, значка ВЛКСМ и вышивку портрета в значке ВЛКСМ для вымпела.

Цех Мягконабивной игрушки открылся в 1970 году, и в короткие сроки стал передовым, в связи с популярностью производимого товара.

Художественная лаборатория. В ней создавались эскизы

новых моделей, рисунки вышивок на постельное белье и одежду, ковровые узоры, разрабатывалась техника отделочной строчки, сувенирная продукция и макеты игрушек с подбором тканей и набивки. В этой лаборатории всю свою жизнь проработала художник-модельер Валентина Никифоровна Тугусова – кавалер ордена Знак Почета. Её трудовой путь начался в 1944 году в артели Текстилькомбинат. В 1957, 1960 гг. она была награждена Почетными грамотами Совета промысловой кооперации РСФСР за разработку новых моделей блузок и платьев с вышивкой, экспонировавшихся на Всероссийском смотре-выставке изделий народных художественных промыслов, дипломом III степени Министерством местной промышленности РСФСР за участие во Всероссийской выставке-смотре изделий народных художественных промыслов в 1977-1978 гг. В коллекции «Вымпелы. Знамена. Флаги» музея-заповедника хранятся предметы, выполненные по авторским эскизам Валентины Никифоровны. Одним из самых востребованных к экспонированию предметов является комплект: вымпел и игрушка-солдатик в форме драгунского полка, выполненные к 200-летию Ставрополя и ставшие юбилейными сувенирами. (фото. 3)

В 1978 году фабрика народно-художественных промыслов «Восход» приняла эстафету в налаживании промышленных отношений с городами-побратимами и участвовала в конкурсе наряду с другими швейными предприятиями, в изготовлении и производстве сувенирной и юбилейной продукции. Эскиз вымпела, посвященного 40-летию социалистической революции в Болгарии, выполненный Валентиной Никифоровной, стал победителем конкурса.

В 1985 году на фабрике открылась новая лаборатория по трикотажным и строчевышитым изделиям, входящая в семерку отраслевых лабораторий базовых предприятий. По решению Управления художественных промыслов и производства сувениров, совместно с НИИХП и Специальным конструкторско-художественным бюро Управления художественных промыслов и производства сувениров Крайисполкома (СХКБ), был заключен договор о творческом содружестве, направленный на развитие краевых предприятий народно-художественных промыслов на 12 пятилетку.

На фабрике «Восход» начали осваивать новые технологии, что позволило разработать образцы изделий высокого художественно-технологического профиля, отвечающие современным требованиям - жакеты, кофты, джемпера модных фасонов. Творческой группой базовой отраслевой лаборатории по строчевышитым изделиям была разработана коллекция изделий из 40 наименований одежды –

Фото 2

Фото 3

молодежные комплекты, блузы, сарафаны, платья, халаты, сорочки. Найдены удачные сочетания белой ткани с ситцами, облегченными полосатыми льняными тканями и другими материалами. Готовая продукция сдавалась в культторг откуда распределялась по магазинам края и России. Новые модели поступали в отдел «Новинка» ЦУМ, игрушки в «Детский мир» г. Ставрополя.

Ставропольская фабрика «Восход», как любое производящее предприятие, имела свой фирменный знак, который ставился на этикетках. С 1970 по 1978 гг. это был ромб, на четырёх сторонах которого написано название фабрики «Восход», внутри ромба восходящее солнце, напоминающее лежащую букву «В» с пятью лучами. С 1978 по 1989 гг. продукция выпускалась с этикеткой красного цвета, а буква «В» в виде восходящего солнца с пятью лучами располагалась в правом нижнем углу, вокруг него рассвет из желто-красных полос, а под ним символическая вершина горы. С 1989 года это три диагональные полоски, отдаленно напоминающие российский флаг, в центре на белой полосе надпись «Восход», а солнце перемещается в левый угол, это все та же буква «В». С 1990 года эмблема фабрики «Восход» меняется полностью: три черно-белые полосы, закругленные с одного края и вытянутые с другого, третья

полоса короче и над ней круг. В настоящее время, согласно открытым данным, собственность фабрики над этим знаком аннулирована.

Немало времени руководством фабрики уделялось досугу работников. Был свой ансамбль песни и танца «Восход», который не только выступал перед своими коллегами, но и принимал активное участие в краевых смотрах и конкурсах. Традиционным был конкурс тортов на Международный женский день 8 марта и на День легкой промышленности, который отмечается ежегодно в последнее воскресенье июня. Эти праздники отмечались масштабно: помимо капустников, организованных самими работниками, фабричной самодеятельности, приглашались артисты краевой филармонии и театра, представители самодеятельных коллективов города. Каждый цех накрывал щедрый стол, и самое интересное то, что всё это сервировалось на салфетках, рушниках, покрывалах и скатертях, изготовленных на фабрике и являющихся новинкой, т.е. это еще был конкурс новоделов. В фабричной самодеятельности принимали участие не только работники фабрики, но и их дети. Для них были организованы свои кружки: пения, танцев, рисования. Конкурс детского рисунка на каждый праздник был его неотъемлемой частью.

С фабрикой «Восход» сотрудничал Ставропольский учебно-производственный комбинат, подготавливая на своей базе ткачих и швей, проводя курсы подготовки и переподготовки. Чтобы получить право на личное клеймо, повысить разряд, необходимо было иметь образование по профессии или пройти курсы повышения квалификации.

В 1990-е гг. стала появляться информация о затруднительном положении фабрики: повышении цен на ткани и их низкое качество, низкий потребительский спрос, вынужденный подъем цен на товары собственного производства и невыполнение планов и обязательств, как со стороны фабрики перед государством, так и перед фабрикой поставщиками и закупщиками, о первых попытках приватизации фабрики и передаче ее в руки работников [8].

В 1990-2000-е гг. фабрика пережила сокращение рабочих мест и производственных цехов. Предпринимались попытки ограничиться выпуском более дешевого и доступного, но пользующегося спросом товара: постельного белья, халатов и ночных сорочек, а также спецодежды: рабочей формы, медицинских халатов. Но это не спасло положения предприятия и с 2000 года цеха фабрики были распроданы или сданы в аренду различным организациям.

Последний рекламный сайт фабрики предлагающий спецодежду на сегодняшний день не работает, телефоны отключены. Производство остановлено и связаться с администрацией не представляется

ВОЗМОЖНЫМ.

Использованная литература и источники:

1. Газета «Молодой ленинец», 16.05.1967 г.
2. Газета «Кавказская здравница», 12.02.1980 г.
3. Газета «Ставропольская правда», 1.07.1981 г.
4. СГМЗ. Ф. 600, Ед. хр. 87, о.ф. 40307/2
5. Газета «Молодой Ленинец», 15.11.1974 г.
6. «Ставропольская правда», 24.04.1983 г.
7. СГМЗ. Ф. 600, Ед.хр. 88
8. Газета «Вечерний Ставрополь», 21.01.1991г.

Макодзеба А. П.,

г. Ставрополь,

Ставропольский государственный музей-заповедник,

заведующий отделом экспозиционно-выставочной работы,

заслуженный работник культуры Российской Федерации

**Реликвии дворянского рода Пущиных
в собрании Ставропольского
государственного музея-заповедника**

1968 году из небольшой заметки «Потомки декабриста» в пятигорской газете «Кавказская здравница» [1] широкая общественность впервые узнала о том, что в городе Ставрополе живут представители знаменитого русского рода Пущиных. Ставропольский краевед Владимир Парфененко сообщил о потомках декабриста Ивана Ивановича Пущина, живших в тот период в краевом центре, двух сестрах – Александре Александровне и Марии Александровне Пущиных. Особый акцент в публикации был сделан на личности их знаменитого предка, оставившего яркий след в отечественной истории – И.И. Пущина (1798-1859), одного из самых известных участников декабрьского восстания 1825 года.

В юности Пущин, представитель старинного русского дворянства, получил прекрасное образование в Царскосельском лицее, где

его товарищем по учебе был великий поэт Александр Пушкин, посвятивший Ивану Пущину своё знаменитое стихотворение «Мой первый друг, мой друг бесценный!» [2, с. 329]. После событий, происшедших на Сенатской площади в Санкт-Петербурге, коллежский асессор И. Пущин был арестован, обвинен Верховным уголовным судом в «участии на царевубийство», лишен чинов и дворянства, осужден на каторжные работы и сослан на поселение в Сибирь [3, с. 306]. Лишь после восхождения на престол Александра II и принятия манифеста 1856 года Пущину было возвращено дворянство и разрешено выехать из Сибири [4, с. 853].

Младший брат Ивана, командир Лейб-гвардии Конно-пионерного эскадрона Михаил Иванович Пущин (1800-1869), обвиненный по делу декабристов, также был лишен дворянства, разжалован в солдаты и сослан в Сибирь. В 1827 году его перевели на Кавказ, где он героически участвовал в составе русской армии в военных действиях против Турции и Персии, был ранен, награжден и вновь выслужил офицерское звание и дворянство. В 1865 году, в конце своей жизни, генерал-майор М.И. Пущин был назначен комендантом Бобруйской крепости [5, с. 333-335].

В целом дворянский род Пуциных известен в истории Отечества благодаря активному участию многих его представителей в общественной, военной и политической жизни российского государства. Первые Пуцины жили в Рязани. Около 1500 года часть из них получила свои поместья в Новгородской земле. В разных поколениях многочисленной семьи Пуциных были воеводы, сенаторы, адмиралы и генералы [6, с. 305]. К 1917 году сведения о роде Пуциных были внесены в родословные книги двенадцати губерний Российской империи, среди которых Московская, Санкт-Петербургская, Псковская, Курская и другие. В этом перечне Ставропольская губерния не числилась.

По невыясненным причинам (возможно, в связи с репрессивной политикой советского государства) в 1930-е гг. из центральной России в город Ставрополь вынуждена была переехать вдова бывшего помещика Холмского уезда Псковской губернии Александра Николаевича Пуцина (1841-1923). Ирина Александровна Пуцина (1875-1963) приехала с двумя взрослыми детьми – Прасковьей Александровной (в замужестве Афанасенко, 1897 г.р.) и Марией Александровной (1907 г.р.). Их пребывание с 1937 года в городе Ворошиловске (так назывался тогда Ставрополь) подтверждается в частной переписке И.А. Пуциной с сыном Александром Александровичем (1902 г.р.), оставшимся в Ленинграде и умершим там во время блокады в 1942 году [7]. Ирина Александровна с дочерьми в годы войны

находились в Ставрополе, здесь они пережили период оккупации и остались в краевом центре до конца своих дней.

В город Ставрополь Пузины привезли с собой несколько ценных предметов, сохранных ими, несмотря на все тяготы и сложные жизненные обстоятельства. В числе семейных реликвий была икона «Спас Нерукотворный», написанная в конце XVII века (на деревянной доске, в серебряном окладе). Она передавалась в семье Пузиных из поколения в поколение, от отца к старшему сыну. Уникальной являлась и серебряная табакерка с изображением на ней батальной сцены из Русско-турецкой войны 1828-1829 гг. и болгарской крепости Варна. Табакерка была изготовлена в 1829 году в Москве по заказу поручика Николая Алексеевича Пузина, участника той войны на Балканах. Среди привезенных предметов были художественные вышивки, выполненные представительницами дворянского рода Пузиных в XIX веке, предметы посуды. В советское время в Ставрополе женщины сумели сохранить у себя подлинник родословной своей семьи – изображение ветвистого «генеалогического древа», с указанием имен всех мужчин древнего рода Пузиных и дат их жизни с XVII до XIX вв., а также фотографии, награды и похвальные грамоты некоторых членов их знаменитой семьи.

Судьба этих предметов по воле их владельцев сложилась по-разному. Прасковья Александровна и Мария Александровна понимали, что все, что относится к Пузину, принадлежит истории, выходит за семейные рамки. «Родословное древо» и фотоальбом в 1967 году были безвозмездно переданы сестрами Пузиными на хранение в Ставропольский краевой государственный архив [8]. После газетной заметки 1968 года и публикации в журнале «Вопросы истории» к ставропольским Пузиным проявили повышенный интерес пушкиноведы, коллекционеры, а также исследователи, занимавшиеся изучением жизни и деятельности декабристов, среди них была и знаменитый академик М.В. Нечкина, сообщившая о заметке «Потомки декабриста» в Государственный музей А.С. Пушкина. Сотрудники этого музея прислали письмо П.А. и М.А. Пузиным с просьбой передать что-либо из семейных ценностей на экспонирование. Из Ставрополя в московский музей сестрами была передана чашка XIX века, принадлежавшая семье Пузиных, о чем свидетельствует благодарственное письмо, присланное в их адрес в октябре 1968 года из Государственного музея А.С. Пушкина, подписанное первым директором этого музея А.З. Крейном [9].

В 1972 году, спустя некоторое время после смерти своей матери, Мария и Прасковья Пузины приняли решение передать сохранные ими реликвии в дар Ставропольскому краеведческому музею

[10]. Тогда в зале дореволюционной истории был открыт экспозиционный комплекс, рассказывающий о декабристе И.И. Пущине, который украсили две полихромные вышивки ручной работы (размером 58x50 см и 68x60 см), помещенные в застекленные рамки [11]. Сюжеты вышивок носят светский характер и отражают по своей стилистической направленности модные предпочтения русского дворянства середины XIX века. На одной из вышивок запечатлена сцена из жизни французских аристократов XVII века: в богатом интерьере изображен кавалер, держащий в руке небольшую книгу и, очевидно, читающий стихи двум молодым дамам, одна из которых сидит с ним на диване, а другая стоит в задумчивости рядом. На другой работе мы видим на фоне морского пейзажа с пальмами, на балконе, сидящих на мягких подушках двух влюбленных, мужчину с музыкальным инструментом (предположительно, дутар) в руках и женщину, одетых в яркую восточную одежду. Это изящные работы, выполненные в технике «полукрест» хлопчатобумажными и шерстяными нитями и бисером на хлопчатобумажной ткани (по канве). Вышивки были созданы, по словам М.А. и П.А. Пушиных, в 1840-х гг. сестрой их отца – Варварой Николаевной Пушиной (родилась в 1825 году) под руководством матери Прасковьи Ивановны Пушиной (в девичестве – Ганская, умерла в 1867 году). Руками Варвары Николаевны была оформлена и рамка для портрета, украшенная по всему периметру тисненой золоченой бумагой и растительным орнаментом, вышитым мелким прозрачным и синим бисером. В советское время в ставропольской квартире Пушиных в эту настольную рамку была вставлена черно-белая фотокопия акварельного портрета декабриста Ивана Пушина, нарисованного в 1837 году Н.А. Бестужевым.

Летом 1977 года в Ставропольском краеведческом музее на учет основного фонда были поставлены самые ценные реликвии семьи Пушиных: икона XVII века «Спас Нерукотворный» и серебряная табакерка времен Русско-турецкой войны 1828-1929 годов. О том, как дорога для Пушиных была икона, Мария Александровна рассказывала корреспонденту газеты «Ставропольская правда», вспоминая военный период своей жизни в Ставрополе: «Мы с матерью, чтобы не умереть с голоду, начали менять вещи на продукты. У нас была фамильная икона – Спас Нерукотворный. В дорогом окладе кованого серебра. Ни мы с матерью, ни отец религиозными не были. «Что вы её бережете? Отдайте её за продукты. Жизнь дороже», – говорили нам знакомые. Но мы не могли её отдать. Мать, сама больная и голодная, говорила мне: «Маша, икону эту никому не отдавай из корысти. Сохрани её в целостности в ризе серебряной, это память семейная. И если отдавать когда будешь, то передай родственникам или в музей». И

мы её сохранили, хотя и доходило тогда до того, что хоть ложись и умирай» [12]. Поступившие из семьи Пушиных в фонды Ставропольского краеведческого музея эти два предмета особой значимости – икону и табакерку – было решено передать на постоянное хранение в Государственный исторический музей (г. Москва), что и было сделано на основании разрешения Министерства культуры РСФСР осенью 1977 года [13].

В фотодокументальном фонде Ставропольского государственного музея-заповедника хранятся коллекции фотографий (1896-1964) и документов (1935-1977) из архива семьи Пушиных [14]. В их числе подлинный портрет главы данной семьи А.Н. Пушина 1896 года, общая семейная фотография, сделанная в 1917 году в городе Холм, фотоснимки советского периода из жизни инженера А.А. Пушина. Документы представлены в основном письмами Александра Александровича Пушина матери и сестрам в г. Ворошиловск и его служебными документами.

В Ставрополе Ирина Александровна и её дочери долгое время, более 20 лет, жили в доме № 14 на улице Калинина в небольшой сырой и полутемной комнате. Тяжелые жизненные условия привели женщин к тяжелым заболеваниям легких и сердца: Мария и Прасковья были больны туберкулезом (у старшей сестры, Прасковьи была открытая форма). Мария Александровна Пушина всю жизнь работала в краевом центре экономистом и вела активную общественную работу. Большую роль в судьбе пожилых женщин сыграл ставропольский краевед Владимир Григорьевич Остапенко, работавший сначала в крайгосархиве, а затем – в музее. После его многократных настойчивых письменных обращений к властям города сестрам М.А. и П.А. Пушиным в феврале 1969 года была выделена отдельная благоустроенная квартира в новом доме по улице Ленина (д. 114, кв. 14). В течение последующих лет Владимир Григорьевич поддерживал дружеские связи с Марией Александровной и Прасковьей Александровной Пушиными. Продолжая оказывать им помощь, добивался установки телефона в квартиру. Неудивительно, что именно через В.Г. Остапенко передавался в дар Ставропольскому краеведческому музею комплекс вещевых и письменных предметов семьи Пушиных, потомки которых жили в Ставрополе в XX веке.

В настоящее время в фондах Ставропольского государственного музея-заповедника хранятся три предмета ручной работы (две вышивки и рамка) и около полусотни фотографий и документов, отражающих историю одной из ветвей большого дворянского рода Пушиных.

Использованная литература и источники

1. Парфененко В. Потомки декабриста. // Кавказская здравница. 1968, № 57 от 22 марта.
2. Русский биографический словарь. Т. 2. С.-Петербург, 1910.
3. «Декабристы». Биографический справочник. М., 1988.
4. Энциклопедический словарь т. XXV. Издатели Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. С.-Петербург, 1898.
5. Русский биографический словарь. Т. 2. С.-Петербург, 1910.
6. Родословный сборник русских дворянских фамилий. С.-Петербург, 1887. т. II.
7. СГМЗ, ф.10.
8. ГАСК, ф. 1305. оп. 1, д. 205.
9. СГМЗ, ф.10.
10. Там же, акт № 65 от 10.06.1972.
11. Там же, о.ф. 16829/1,2.
12. Свеженец И. Предрешено судьбою – помнить... // Ставропольская правда. 1977, № 101 от 30 апреля.
13. СГМЗ, разрешение Минкультуры РСФСР № 25571-01-24 от 24.11.1977.
14. Там же, ф. 10.

Чесняк М. Г.,

г. Ставрополь,

Ставропольский государственный музей-заповедник, заведующий отделом культурно-образовательной деятельности и приёма посетителей,

кандидат педагогических наук

**Пишущие машинки в истории
инклюзии, техники и дизайна**

*(на примере коллекции Ставропольского
государственного музея-заповедника)*

фондах Ставропольского государственного музея-заповедника есть небольшая коллекция пишущих машинок, выпускавшихся промышленным способом в XIX – XX вв.

В общекультурном плане пишущие машинки интересны тем, что открыли прогрессивную технологию письма: последовательное прописывание букв рукой было заменено на последовательное их печатание с использованием механизмов. За механизмами закрепилось название «writing machine» (англ.), «пишущая машинка» [1, 5].

Для понимания причин появления новой технологии письма, необходимо обратиться к историческим фактам. Пишущие машинки создавались для слепых людей в 1714 году в Англии (Генри Милл), в 1808 году в Италии (Пеллегрини Турри), в 1843 и 1849 гг. во Франции (Шарль Турбер), в 1856 году в США (Е. А. Бич) и в Дании. Такие устройства создавались и для глухонемых людей [8].

Начиная с 1868 года пишущие машинки начали выпускаться массовым промышленным способом (США, «Ремингтон № 1») [5, 8]. Спрос на них формировался новыми потребностями общества в условиях промышленной революции. Требовалась высокая скорость письма и копирования текстов. Поиски эффективной конструкции пишущих машинок продолжались по 1920-е годы включительно (см. таблицу) [2, 3, 4, 6].

Как видим, в истории машинописи можно выделить два начальных этапа: по видам потребностей людей и по способам производства пишущих машинок:

1714-1868 гг. – для включения («inclusion») слепых и глухонемых людей в систему вербального общения механические пишущие машинки различных конструкций изготавливались кустарным способом;

1868-1920-е гг. – для увеличения скорости письма и копирования текстов на производстве (канцелярии, издательства и пр.) механические пишущие машинки различных конструкций и модификаций производились серийно на крупных предприятиях.

В коллекции Ставропольского государственного музея-заповедника 30 пишущих машинок промышленного производства, 11 из них относятся к 1868-1920-м гг. Эта часть коллекции отражает этап поиска инженерами и дизайнерами механической конструкции с высокой скоростью машинописи и малым физическим усилием человека при этом. Для того, чтобы проследить как шло развитие технической мысли и дизайна пишущих машинок необходимо провести их классификацию.

В использованной литературе и источниках не удалось найти единой классификации, поэтому нами в качестве основы выделим наиболее общие признаки пишущих машинок:

конструкция (механическая, электромеханическая, электрическая, электронная);

литероноситель (монолитный, рычажный, пишущие головки/шарики, «ромашка»);

клавиатура (индексная, клавишная);

назначение (канцелярская, портативная, стенографическая, бухгалтерская, для письма формул, для незрячих людей и др.).

Для каждого вида можно выделить классы. Например, механические рычажные пишущие машинки можно классифицировать по таким основаниям, как:

расположение литероносителей: корзиночное, сегментное;

траектория удара литероносителя: нижнего, верхнего и переднего боя;

параметры клавиатуры клавишной: объём (полная – 84 клавиши, полуклавиатурная – 42-46 клавиш; 1/3 клавишная – 28 клавиш); композиционная структура (трёхрядная, четырёхрядная; раскладки QWERTY, ЙЦУКЕН и др.); язык (латиница, кириллица и др.); сила удара; регистры (один, два, три; нижний, верхний и дополнительный); форма (прямая, овальная и др.); форма и материал клавиш и др.;

другое.

В рамках данной статьи рассматриваются конструкции печатных устройств механических пишущих машинок 1868-1920 гг. с различными литероносителями.

Рассмотрим механизм печатания, использовавшийся в пишущей машинке «Adler № 7» («Адлер № 7», патент 1912 г.). Нажатие клавиши приводит в движение рычажную передачу, сообщающую поступательное движение штанге-литероносителю [3, 4]. Пишущие машинки со штанговыми литероносителями в музейной коллекции не обнаружены.

Класс пишущих машинок с монолитными литероносителями в музейной коллекции представлен двумя портативными моделями: «Mignon» («Миньон») (о.ф. 21725) и «Hammond №12» («Гаммонд №12») (о.ф. 21724). Модели конструктивно отличаются [6].

В пишущих машинках «Hammond №12» на плоской станине находятся: каретка с устройствами для подачи, освобождения, поддержания бумаги и др.; вращающееся кольцо с литероносителем и стопорными стержнями; трёхрядная клавиатура (32 клавиши).

Нажатие клавиши приводит в движение кольцо, на котором установлено полукольцо-литероноситель, совершающее возвратно-вращательное («челночное») движение. На модели в музейной коллекции кожух на кольце с литероносителем отсутствует. Поэтому при внешнем осмотре видим, что вращающееся кольцо поддерживается рядом подпружиненных стопорных стержней [7]. При нажатии клавиши кольцо начинает вращение, один из стержней приподнимается и стопорит движение кольца (пружина на стержне сжимается). В результате литеры, соответствующая нажатой клавише, останавливается напротив точки печатания. После отпуска клавиши с пружины на стержне снимается напряжение и стержень опускается,

кольцо рычажная передача возвращает конструкцию в исходное положение.

Оттиск литеры на бумаге получается благодаря давлению плоского молоточка, расположенного позади каретки.

Итак, при нажатии клавиши пишущей машинки «Hammond №12» одновременно происходит следующее: 1) вращение кольца с литероносителем; 2) подъём стопорного стержня; 3) установка напротив точки печатания литеры соответствующей нажатой клавише; 4) плоский молоточек, расположенный позади каретки, совершает удар по оборотной стороне листа; 5) оттиск на бумаге. При отпуске клавиши система приходит в исходное положение.

В пишущей машинке модели «Mignon» («Миньон», патент 1903 г.) на плоской станине находятся: устройства для подачи, освобождения, поддержания бумаги; знаковая панель; рычажный печатающий механизм, заключённый в корпус [6].

Перемещение рычажного печатающего механизма осуществляется влево и вправо по направляющей с помощью двух клавиш. Рычажный механизм соединяет цилиндр-литероноситель со стержнем, перемещаемым вручную по знаковой панели. Конструкция рычажного печатающего механизма скрыта корпусом, поэтому детально рассмотреть её не удалось.

Для получения оттиска необходимо установить стержень на определённом символе знаковой панели. При этом происходит вращение цилиндра-литероносителя до соответствующего символа. Оттиск осуществляется нажатием на рычажный печатающий механизм.

Остальные девять пишущих машинок («Continental» оф. 37211), «Ундервуд» (оф. 21723; оф. 29812), «Imperial» (о.ф. 26829), «Remington» (оф. 37187) и др.) имеют рычажные конструкции печатающих механизмов [6].

В ранних моделях пишущих машинок рычажного типа литероносители располагались вертикально по кругу («Ремингтон», производство 1873-1907 гг.). Такая конструкция называется «корзинчатой». Удар литероносителя приходился снизу (так называемый «нижний бой») [7]. Напечатанную строку можно было увидеть только после подъёма каретки. В музейной коллекции пишущих машинок этого типа не представлено. О форме корзинчатой конструкции можно составить представление по модели «Imperial» (о.ф. 26829), хотя эта машинка «верхнего боя» [7]. Клавиатура расположена тремя полукругами (32 клавиши).

Остальные восемь механических пишущих машинок музейной коллекции 1873-1920-х гг. относятся к классу сегментных рычажных

с четырёхрядной эргономичной клавиатурой (ЙЦУКЕН) [6].

Горизонтальный сегмент, на который опираются литероносители, предложил Г. Вагнер. При нажатии любой клавиши литероноситель совершает движение по дуге, оставляет отпечаток в точке печатания (единой для всех литероносителей). Удар литероносителей приходится по видимой при печатании части вала - «передний бой» [7]. При отпуске клавиши рычажная система возвращается в исходное положение.

В рамках статьи рассмотрены принципиальные схемы только конструкций печатающих механизмов пишущих машинок, изобретённых в 1868-1920 гг. В целом конструкция механических пишущих машинок довольно сложна. Так, например, рычажный механизм печатающего устройства был взаимосвязан с системой устройств: движение красящей ленты вверх – вниз и с катушки на катушку; продвижение вала с бумагой после каждого отпечатка. Отдельного рассмотрения заслуживают такие устройства, как: регистр, бумагодержатели, выключатель клавиатуры, табулятор и иные детали.

В соответствии с задачами исследования удалось установить: первые пишущие машинки были созданы кустарными способами для незрячих и глухонемых людей для включения их в систему вербального общения (инклюзия);

серийно промышленным способом пишущие машинки производились для увеличения скорости письма и возможности копирования;

в 1868-1920-е гг. были разработаны принципиально отличающиеся конструкции механических пишущих машинок (с монолитным, штанговым и рычажным литероносителями). Наиболее эффективной (низкое трение в рычажной системе, работа рычажной системы литероносителей без защемлений) оказалась сегментно-рычажная система с «передним боем». Была разработана эргономичная композиционная схема клавиатуры.

По результатам проведенного исследования можно классифицировать коллекцию пишущих машинок 1868-1920-х гг. в Ставропольском государственном музее-заповеднике (см. таблицу) [6]:

механические пишущие машинки с монолитными литероносителями: с цилиндрическим литероносителем: «Mignon» (оф. 21725); с литероносителем челночного типа: «Hammond №12» (оф. 21724);

механические пишущие машинки рычажного типа:
корзинчатые «верхнего боя»: «Imperial» (оф. 26829);

сегментные «переднего боя»: «Underwood» (оф. 21723, оф. 29812); «Nauvann Ideal» (оф. 25531); «Ideal Polyglott» (оф. 28160); «Mercedes Prima» (оф. 28916); «Remington» (оф. 37187); «Triumph» (оф. 37188); «Continental» (оф. 37211).

Таким образом, пишущие машинки – это технические устройства, с помощью которых была создана прогрессивная технология письма. Потребность в новой технологии была связана с физическими особенностями слепых и глухонемых людей и ограничением их возможностей в общении. На протяжении XVIII – первой половины XIX вв. пишущие машинки производились кустарным способом.

В условиях промышленной революции возникла потребность в использовании пишущих машин в производственных целях и возможность их серийного производства. Со второй половины XIX века и до 1920-х гг. промышленностью выпускались различные модели пишущих машинок. Инженеры и дизайнеры стремились к созданию эффективного механизма печати. Таковым оказался горизонтальный сегментный рычажный механизм, приводимый в действие эргономичной четырёхрядной клавиатурой. Коллекция Ставропольского государственного музея-заповедника иллюстрирует историю развития пишущих машинок во второй половине XIX – начале XX века на примере монолитных и рычажных конструкций печатных устройств.

Механические пишущие машинки (1868 – 1920-х гг.)
в коллекции Ставропольского государственного музея-заповедника

№	Наименование	Дата изобретения, автор	Инвентарный номер	Литероносители	Клавиатура
Механические пишущие машинки с монолитными литероносителями					
1	«Hammond -№12»	1884 Инженер Джеймс Хэммонд	Оф. 21724	Полу-кольцо	Трёх-рядная

№	Наименование	Дата изобретения, автор	Инвентарный номер	Литероносители	Клавиатура
2	«Mignon»	1903 Инженер Фридрих фон Хефнер- Альтенек	Оф. 21725	Цилиндр	Знаковая панель
Механические пишущие машинки рычажного типа					
3	«Imperial»	1908 Инженер Идальго Мойя	Оф. 26829	Корзинчатая рычажная система «верхнего боя»	Трёхрядная
4	«Remington»	1873 Механик Кристофер Шоулз	Оф. 37187	Сегментная рычажная система «переднего боя»	Полуклави- атурная стандартная/ универ- сальная
5	«Under- wood»	1895 Франц Вагнер	Оф. 21723	- // -	- // -
Механические пишущие машинки рычажного типа					
6	«Under- wood»	1895 Франц Вагнер	Оф. 29812	Сегментная рычажная система «переднего боя»	Полуклави- атурная стандартная/ универ- сальная
7	«Ideal Poly- glott»	1902 Дизайнеры Эдвин Барни и Фрэнк Таннер	Оф. 28160	- // -	- // -

№	Наименование	Дата изобретения, автор	Инвентарный номер	Литероносители	Клавиатура
8	«Nauvann Ideal»	1902 Дизайнеры Эдвин Барни и Фрэнк Таннер	Оф. 25531	- // -	- // -
9	«Continental»	1903	Оф. 37211	- // -	- // -
10	«Mercedes Prima»	1907 Конструктор Франц Шулер, инженер Карл Шлюнс	Оф. 28916	- // -	- // -

Использованная литература и источники:

1. Большой энциклопедический словарь. - М.: АСТ, Астрель, Encyclopaedia Britannica, Lingua, 2009.
2. Выставка // «Музей истории велосипедного дела в России» Андрея Митяева – <http://www.old-velo.ru/vyst.shtml>
3. Марш железных клавиш: пишущие машинки// «Популярная механика» - №12, Декабрь 2008.
4. Машинки от «А» до «Z» //Авторский ресурс Александра Трофимова – http://mytypewriter.ru/typewriters_from_a_to_z/
5. Политехнический словарь. Издание 3. М., Советская энциклопедия, 1989.
6. СГМЗ, ОФ 21725, ОФ 21724, ОФ 26829, ОФ 21723, ОФ 29812, ОФ 25531, ОФ 28160, ОФ 28916, ОФ 37187, ОФ 37188, ОФ 37211.
7. Шольц Х. Пишущая машина : практическое руководство для изучения конструкций пишущих машин и письма на пишущих машинах по «слепому десятипальцевому методу» : с 44 рис. и 2 диаграм. /Х. Шольц; пер. с нем. инж. М. В. Зив; под ред. и доп. ст. инстр. машинописи Г. М. Энненберг. – Ленинград ; Москва : Книга, (192?). – 160 с. : ил. // Вологодская областная универсальная научная библиотека/ Официальный сайт - <https://www.booksite.ru/>
8. Энциклопедический словарь. Том XXIII /Издатели Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. – С-Петербург, Типо-Литография И.А.Ефрона, 1898. – С.753.

Шипилова Д. Н.,

г. Ставрополь,

*Ставропольский государственный музей-заповедник, младший научный сотрудник
отдела фондов*

Антикварная мороженица

из коллекции

Ставропольского государственного музея-заповедника

фондах Ставропольского государственного музея-заповедника хранится уникальный антикварный предмет: мороженица «Husqvarna» [1]. Она состоит из внешнего и внутреннего корпусов. Последний называется «жестянкой». Внешний корпус представляет собой открытое деревянное ведро слабо выраженной конической формы высотой 24 см. и диаметром по верхнему краю 19 см. Оно заполнялось смесью льда и поваренной соли для охлаждения мороженого, содержащегося внутри металлической жестянки с крышкой. Чтобы мороженое густело, его периодически помешивали с помощью рукоятки. При этом одновременно приходили в движение вокруг вертикальной оси как жестянка, так и мешалка внутри нее. Рекомендовалось колоть лед как можно мельче и использовать крупную соль. Слои составных частей охлаждающей смеси нужно было чередовать в особой последовательности: три чашки наколотого льда, затем чашка соли и так до полного заполнения ведёрка [2].

Мороженицу с аналогичным механизмом запатентовал в 1853 году англичанин Уильям Фуллер. Существовали мороженицы и других конструкций, но во всех моделях для охлаждения мороженого использовались смеси льда и различных солей. Так, в аппарате для изготовления мороженого англичанина Т. Мастерса, запатентованного в 1844 году и имеющего вид оловянного кувшина с вращающимся трехлепестковым шпателем, использовались не только поваренная соль, но и соли аммония, селитра и хлорид кальция.

Известно много рецептов различных охлаждающих смесей. При их выборе большое значение имеет доступность компонентов. Так, смесь трех частей снега или измельченного льда и одной части поваренной соли, которую рекомендует производитель антикварной мороженицы, позволяет достичь температуры -21°C . Процесс идет настолько интенсивно, что в «Наставлении для приготовления мороженого» хозяикам рекомендуют достаточно часто и интенсивно

перемешивать содержимое [2].

Материалы, из которых состоит мороженица, - это дерево и метал. В связи с чем в том же «Наставлении для приготовления мороженого» содержится предупреждение о необходимости содержания мороженицы в чистоте, иначе короб моментально покроется плесенью и впитает все неприятные запахи [2].

В XIX веке спрос на холодные десерты был высок, что заставляло конструкторов-новаторов и крупные фирмы интенсивно работать в этой области. Среди них была и шведская фирма «Husqvarna», основанная в 1689 году. В XVII веке она специализировалась на производстве мушкетов. Впоследствии кампания переориентировалась на потребительский рынок и в конце XIX века выпускала швейную технику и кухонное оборудование. Именно тогда была изготовлена мороженица, хранящаяся в фондах музея. На сегодняшний день кампания занимает видное место на потребительском рынке, правда специализируется не на кухонном оборудовании, а на производстве садовой и строительной техники, электроинструментов, швейных машин, мотоциклов. Продукцию «Husqvarna» можно найти и в российских магазинах [5].

Поступила мороженица в 1989 году от жителя города Ставрополя А.М. Сургучева. По его словам, мороженица, а также другие предметы быта начала XX века, подаренные им музею, остались от старых владельцев в купленном им доме №14а по улице Дзержинского. Неизвестно, являются ли эти старинные вещи собственностью предыдущего владельца дома, железнодорожника Казьменко, проживавшего здесь с 1930-х гг., или же бытовали по этому адресу с начала XX века. В музее мороженица была отреставрирована, изготовлен муляж «Наставлений». Однако паспорта реставрации не сохранилось.

Бытование морожениц было распространено, но не все они проходили проверку временем. На российском рынке мороженицы фирмы «Husqvarna» закрепились надолго, позволяя изготавливать не только мороженое, но и вкуснейшие холодные десерты. Такие как любили в дворянских усадьбах России [4, С. 26-27].

Хозяйка при помощи мороженицы могла приготовить глясе, пломбир, щербет, пунш, тутти-фрутти, что и указано в «Наставлении для приготовления мороженого» [2].

Сегодня технологии создания мороженого сильно изменились. Мороженицы в основном сменились конвейерным производством, натуральные сливки и фрукты – эмульгаторами, красителями и подсластителями. На одной фабрике по производству мороженого в день создается порядка 25000 стаканчиков, рожков

или брикетов, в зависимости от специализации производства. Мороженицы современного типа иногда ещё можно встретить на кухне домохозяйки, но они совсем не похожи на музейные экспонаты [3, С.14.].

Домашние электрические мороженицы XXI века кардинально отличаются от изделий мануфактур и первых фабрик позапрошлого столетия. Последние на сегодняшний день являются редкими, антикварными предметами, имеющими историко-культурную ценность. Они хранят память о научно-техническом прогрессе прежних столетий.

Использованные источники и литература

1. СГМЗ. О.Ф. 26643.
2. Красинская А. Палочку оближешь // Культура. 2012. № 20.
3. Красинская А. Палочку оближешь // Культура. 2012. № 20.
4. Лаврентьева Е.В. Безделюшки: Предметы домашнего обихода в фотографиях и воспоминаниях конца XIX – начала XX века. – М., 2011.
5. История Husqvarna // HUSQVARNA CONSTRUCTION - [Электронный ресурс] URL: <https://www.husqvarnacp.com/ru/about-us/husqvarna-history>.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКАК -	Акты, собранные Кавказской археографической комиссией
АС -	Автоматизированная система
БД -	База данных
ГАРФ -	Государственный архив Российской Федерации
ГАСК -	Государственный архив Ставропольского края
ГАРО -	Государственный архив Ростовской области
ГАНИСК -	Государственный архив новейшей истории Ставропольского края
ГБУК СК -	Государственное бюджетное учреждение культуры Ставропольского края
ГИВЦ -	Государственный информационно-вычислительный центр
ГИМ -	Государственный исторический музей
ГУП -	Государственное унитарное предприятие
ИА РАН -	Институт археологии Российской академии наук
КГО -	Кавказское Горное общество на Кавказских Минеральных Водах
КМВ -	Кавказские Минеральные Воды
НИИ -	Научно-исследовательский институт
ОФ -	Основной фонд
ПСЗ РИ -	Полное собрание законов Российской империи
РАН -	Российская академия наук
РГВИА -	Российский военно-исторический архив
РПЦ -	Русская православная церковь
САИ -	Свод археологических источников
СКУНБ -	Ставропольская краевая универсальная научная библиотека им. М.Ю. Лермонтова
СГМЗ -	Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве
СГУ -	Ставропольский государственный университет
СКММИИ -	Ставропольский краевой музей изобразительных искусств
СКФУ -	Северо-Кавказский федеральный университет
СОГУ -	Северо-Осетинский государственный университет

Выпуск 10 (научное издание)

**ДЕСЯТЫЕ
ПРОЗРИТЕЛЕВСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

Формат 60x84 1/16. Бумага мелованная.

Гарнитура Minion Pro

Усл. печ. л. – 17,6.

Тираж 150 экз. Заказ № 0401 от 01.03.2019 г.

Отпечатано в типографии ООО «Бюро новостей»
г. Ставрополь, ул. Лермонтова, 191 б